

**РАЗВИТИЕ
ПАРАДИГМАЛЬНЫХ
ИДЕЙ
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
РЕГИОНАЛЬНОЙ
ЭКОНОМИКЕ**

УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Евгений Георгиевич Анимица

**Доктор географических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
профессор кафедры региональной,
муниципальной экономики и управления,
главный советник при ректорате
Уральского государственного экономического университета**

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Вольное экономическое общество России
Уральский государственный экономический университет

РАЗВИТИЕ ПАРАДИГМАЛЬНЫХ ИДЕЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Рекомендовано
Редакционно-издательским советом
Уральского государственного экономического университета

Под научной редакцией
доктора экономических наук, профессора *Я. П. Силина*,
доктора экономических наук, доцента *В. Е. Ковалева*

Екатеринбург
2022

УДК 332.1(075.4)
ББК 65.04
P17

Рецензенты:

А. Н. Сёмин, доктор экономических наук, профессор, академик Российской академии наук, заслуженный деятель науки РФ, зав. кафедрой стратегического и производственного менеджмента Уральского государственного горного университета;

И. Д. Тургель, доктор экономических наук, профессор, директор Школы экономики и менеджмента Института экономики и управления, зав. кафедрой теории, методологии и правового обеспечения государственного и муниципального управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

P17 **Развитие парадигмальных идей в отечественной региональной экономике** : монография / под научной редакцией Я. П. Силина, В. Е. Ковалева ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Вольное экономическое общество России, Уральский государственный экономический университет. — Екатеринбург : УрГЭУ, 2022. — 346 с.

ISBN 978-5-9656-0327-5

Издание приурочено к 85-летию со дня рождения и 60-летию научно-педагогической деятельности доктора географических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Евгения Георгиевича Анимицы. В работе над книгой приняли участие многочисленные ученики и коллеги Е. Г. Анимицы.

Коллективная монография охватывает широкий круг теоретико-методологических вопросов и прикладных проблем: первая глава посвящена развитию теоретических и концептуальных основ отечественной региональной экономики; во второй главе рассмотрены концептуальные подходы к изучению региона как объекта прикладных исследований; в третьей главе в контексте предметного поля региональной экономики раскрываются понятийно-смысловые представления о геоурбанистике и экономике города.

Для научных работников, аспирантов и магистрантов, а также для специалистов, занимающихся проблемами региональной и муниципальной экономики, регионального развития и управления.

УДК 332.1(075.4)
ББК 65.04

ISBN 978-5-9656-0327-5

© Коллектив авторов, 2022
© Уральский государственный
экономический университет, 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

Авторский коллектив	5
Введение.....	11
Глава 1. Формирование и развитие отечественной региональной экономики: концептуально-теоретические аспекты исследования	13
1.1. Эволюционные изменения в отечественной региональной экономике.....	13
1.2. Формирование концептуального каркаса современной экономической теории (из опыта науки и высшей школы РФ)	24
1.3. Обновление методологии пространственных исследований: философия космической реальности — от социо- к культуроцентричности экономики.....	35
1.4. Предметное поле региональной экономики и финансов: расширяем, развиваем, обогащаем	47
1.5. Общественная география и региональная экономика: функции «перекрестного опыления».....	54
1.6. Актуальные вопросы развития Пермской научной экономической школы в контексте региональных экономических исследований	67
1.7. Территориальное наукоемкое производство: содержание и пути усиления.....	74
1.8. Региональная регуляторная политика: эволюция идеологии.....	88
1.9. Преобразующие инвестиции в контексте эволюции теорий пространственной экономики	95
1.10. Экономическое благополучие муниципального образования: теоретические основания.....	106
1.11. Наукометрический анализ научных публикаций по региональной экономике в российских периодических изданиях	120

Глава 2. Концептуальные подходы к региону как объекту прикладных исследований	142
2.1. Регион в координатах концепции «регион-социум» и духовно-нравственных императивов	142
2.2. Ключевые аспекты исследования санаторно-курортной деятельности в контексте положений региональной науки.....	153
2.3. Формирование стратегии устойчивого развития Уральского макрорегиона на основе инновационного подхода	169
2.4. Теоретико-методологические и методические особенности стратегического планирования социально-экономического развития разнотипных муниципальных образований	183
2.5. Генезис и эволюция исследований приграничных территорий в региональной (пространственной) экономике	198
2.6. Имущественный комплекс субъектов разного территориального уровня в системе обеспечения их экономической безопасности....	204
2.7. Профессиональное образование в системе обеспечения экономической безопасности региона	219
Глава 3. Развитие концептуальных представлений о геурбанистике и экономике города в предметном поле региональной экономики	236
3.1. Урбанизационные тренды в современном мире	236
3.2. Формирование, функционирование и перспективы развития городских агломераций в Пермском крае.....	247
3.3. Понятие экономики города в рамках концептуальных установок региональной экономики.....	260
3.4. Некоторые итоги трансформации жилищного хозяйства города Екатеринбурга за период российских реформ на рубеже XX и XXI веков.....	272
Библиографический список.....	281
Поздравления, поступившие в адрес юбиляра профессора Е. Г. Анимицы.....	319
Участники круглого стола «Эволюция региональной экономики в России», приуроченного к 85-летию со дня рождения и 60-летию научно-педагогической деятельности профессора Е. Г. Анимицы (Екатеринбург, 29 сентября 2022 г.).....	341

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

АНИМИЦА ЕВГЕНИЙ ГЕОРГИЕВИЧ — доктор географических наук, профессор, профессор кафедры региональной, муниципальной экономики и управления, главный советник при ректорате Уральского государственного экономического университета, заслуженный деятель науки РФ (п. 1.1).

АНТОНЮК ВАЛЕНТИНА СЕРГЕЕВНА — доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой экономической теории, региональной экономики, государственного и муниципального управления Южно-Уральского государственного университета (Национального исследовательского университета) (п. 2.4 — в соавторстве с Н. А. Сигатовой, Г. В. Эрлих).

БАЛИНА ТАТЬЯНА АНАТОЛЬЕВНА — кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры социально-экономической географии Пермского государственного национального исследовательского университета (п. 1.5 — в соавторстве с Е. В. Коньшевым).

БЕЛОУСОВА ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСАНДРОВНА — кандидат экономических наук, доцент кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета (п. 1.10).

БЛАГИНИН ВИКТОР АНДРЕЕВИЧ — начальник управления наукометрии, научно-исследовательской работы и рейтингов, старший преподаватель кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета (п. 1.11 — в соавторстве с М. Н. Гончаровой, Е. В. Соколовой).

БОЧКО ВЛАДИМИР СТЕПАНОВИЧ — доктор экономических наук, профессор, зав. отделом региональной конкурентоспособности, главный научный сотрудник Института экономики Уральского отделения Российской академии наук (п. 1.7).

БУТКО ГАЛИНА ПАВЛОВНА — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры информационных технологий и статистики Уральского государственного экономического университета (п. 2.3).

ВЛАСОВА НАТАЛЬЯ ЮРЬЕВНА — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления Уральского государственного экономического университета (п. 3.3).

ГОНЧАРОВА МАРИЯ НИКОЛАЕВНА — начальник отдела наукометрии управления наукометрии, научно-исследовательской работы и рейтингов, старший преподаватель кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета (п. 1.11 — в соавторстве с В. А. Благининым, Е. В. Соколовой).

ДВОРЯДКИНА ЕЛЕНА БОРИСОВНА — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры региональной, муниципальной экономики и управления, директор института экономики и финансов Уральского государственного экономического университета (п. 1.4).

ДЯТЕЛ ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВИЧ — доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института экономики Уральского отделения Российской академии наук (п. 1.2).

ЕПИФАНОВА НАТАЛЬЯ СЕРГЕЕВНА — кандидат экономических наук, доцент кафедры региональной экономики и управления Новосибирского государственного университета экономики и управления (п. 2.5).

ЕФИМОВА ЕЛЕНА ГЕОРГИЕВНА — кандидат экономических наук, доцент кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета (п. 2.7).

ЗАБОРОВА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА — доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой прикладной социологии Уральского государственного экономического университета (п. 3.1).

КВОН ГУЛЬНАРА МАГСУМОВНА — кандидат экономических наук, доцент, соискатель ученой степени доктора наук, доцент кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета (п. 1.9).

КОНЫШЕВ ЕВГЕНИЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ — кандидат географических наук, доцент, и. о. зав. кафедрой социально-экономической географии Пермского государственного национального исследовательского университета (п. 1.5 — в соавторстве с Т. А. Балиной).

ЛУКАШЕНОК ТАТЬЯНА РУДОЛЬФОВНА — кандидат экономических наук, доцент кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета (п. 2.6).

МИРОЛЮБОВА ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА — доктор экономических наук, профессор, декан экономического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета (п. 3.2 — в соавторстве с Р. С. Николаевым).

НИКОЛАЕВ РОМАН СЕРГЕЕВИЧ — кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры мировой и региональной экономики, экономической теории Пермского государственного национального исследовательского университета (п. 3.2 — в соавторстве с Т. В. Миролюбовой).

НОВИКОВА НАТАЛЬЯ ВАЛЕРЬЕВНА — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета (п. 2.2 — в соавторстве с Я. П. Силиным, О. В. Харитоненко).

РАХМЕЕВА ИРИНА ИГОРЕВНА — доктор экономических наук, доцент кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета (п. 1.8).

САНЖАНОВ ОЛЕГ ИГОРЕВИЧ — кандидат экономических наук, доцент кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета, директор ООО «Центр расчетов» (п. 3.4 — в соавторстве с М. А. Санжановой).

САНЖАНОВА МАРИНА АЛЕКСАНДРОВНА — зам. директора ООО «Центр расчетов» (п. 3.4 — в соавторстве с О. И. Санжановым).

СИГАТОВА НАТАЛЬЯ АНАТОЛЬЕВНА — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории, региональной экономики, государственного и муниципального управления Южно-Уральского государственного университета (Национального исследовательского университета) (п. 2.4 — в соавторстве с В. С. Антонюк, Г. В. Эрлих).

СИЛИН ЯКОВ ПЕТРОВИЧ — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры региональной, муниципальной экономики и управления, ректор Уральского государственного экономического университета (п. 2.2 — в соавторстве с Н. В. Новиковой, О. В. Харитоненко).

СОКОЛОВА ЕЛИЗАВЕТА ВИТАЛЬЕВНА — специалист отдела наукометрии управления наукометрии, научно-исследовательской работы и рейтингов Уральского государственного экономического университета (п. 1.11 — в соавторстве с В. А. Благининым, М. Н. Гончаровой).

СУРНИНА НАДЕЖДА МАТВЕЕВНА — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры информационных технологий и статистики, зам. директора Научно-образовательного центра института цифровых технологий управления и информационной безопасности Уральского государственного экономического университета (п. 1.3).

УРАСОВА АННА АЛЕКСАНДРОВНА — доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, директор Пермского филиала Института экономики Уральского отделения Российской академии наук (п. 1.6).

ХАРИТОНЕНКО ОЛЕСЯ ВИКТОРОВНА — соискатель ученой степени кандидата наук при кафедре региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета (п. 2.2 — в соавторстве с Я. П. Силиным, Н. В. Новиковой).

ЧЕРНЫШЕВ КОНСТАНТИН ВАЛЕРИЕВИЧ (КАЛЛИНИК) — епископ Бахчисарайский, викарий Симферопольской и Крымской епархии, соискатель ученой степени кандидата наук при кафедре региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета (п. 2.1).

ЭРЛИХ ГАЛИНА ВИКТОРОВНА — кандидат экономических наук, доцент, генеральный директор ООО «Чистый Урал» (п. 2.4 — в соавторстве с В. С. Антонюк, Н. А. Сигатовой).

ДОРОГОЙ ЕВГЕНИЙ ГЕОРГИЕВИЧ!

В день Вашего юбилея примите самые искренние, самые сердечные поздравления от большого и дружного коллектива Уральского государственного экономического университета, в котором Вы бессменно трудитесь 55 лет, с момента его основания.

Для всех нас Вы — Учитель и Педагог с большой буквы, яркая личность в сфере науки и образования России.

В эти замечательные для всех нас дни мы не скупимся на слова благодарности Вам за Вашу помощь, поддержку и советы, за Ваши мудрые уроки добра и верности своему профессиональному долгу.

Мы гордимся тем, что Вы всегда рядом с нами. Бесконечно ценим Ваши знания и опыт. Вы щедро отдаете ученикам весь свой талант ученого — создателя и руководителя научной школы региональной и муниципальной экономики на Урале, в которой подготовлено свыше 100 кандидатов и докторов наук, продолжающих традиции, развивающих и воплощающих в жизнь идеи своего Учителя.

Ваша плодотворная деятельность на благо развития экономической науки России, Ваши знания, высокий профессионализм и компетентность, творческий потенциал и целеустремленность вызывают глубокое уважение.

От всего сердца желаю Вам крепкого здоровья и неиссякаемой энергии на многие годы. Пусть успех, удача и вдохновение сопутствуют Вам во всех начинаниях, пусть Ваша жизнь будет наполнена добрыми делами, радостными событиями, позитивным настроением, счастьем и благополучием.

Прощания и всего самого светлого Вам и Вашим близким!

Продолжайте дарить нам удовольствие профессионального и личного общения с Вами еще много-много лет!

Ректор УрГЭУ
29.09.2022

Я. П. Силин

ВВЕДЕНИЕ

Коллективная монография «Развитие парадигмальных идей в отечественной региональной экономике» посвящена 85-летию со дня рождения и 60-летию учебно-педагогической и научно-исследовательской деятельности Евгения Георгиевича Анимицы — заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора географических наук, профессора, эксперта РАН.

В юбилейное издание вошли работы как самого Е. Г. Анимицы, так и его коллег — и маститых ученых, и талантливых учеников, продолжающих исследовать широкий круг проблем региональной экономики — науки, в последнее время активно развивающейся и занявшей одно из ведущих мест в системе экономических наук как особый вид знаний о пространственных (территориальных) социально-экономических процессах и явлениях.

Для Российской Федерации актуальность решения региональных проблем весьма велика. Гигантские масштабы территории страны с колоссальным природно-сырьевым, экономическим, этнодемографическим, социальным и иным потенциалом, сохраняющиеся пространственные диспропорции в качестве жизни и уровне социально-экономического развития регионов делают необходимым дальнейшее активное развитие региональной экономики. Изменение положения России в геоэкономической, геополитической мировой системе, сегодняшняя «пандемия ненависти» коллективного Запада к России создают новую ситуацию в экономической науке и практике. Это побуждает отечественных ученых, в том числе занимающихся вопросами региональной экономики, отказаться от роли эпигонов западной науки при исследовании процессов рождения и развития региональной экономической мысли. Становится очевидным, что при формулировании базовых положений, исходных принципов, правил и ценностей региональной экономики в России следует опираться, в первую очередь, на труды отечественных ученых.

В настоящее время на смену популярным в прошлые годы теоретическим дискуссиям о моделях развития страны и ее регионов, о преобладании тех или иных центробежных или центростремительных тенденций пришел концептуальный подход, описывающий новые формы и новые качества организации экономического пространства страны, растущие как вширь, так и вглубь. Все более и более народы отождествляют себя со своими регионами, многообразие которых создает неиссякаемое богатство государства.

Особое внимание в монографии уделено анализу как основного предмета, так и отдельным разделам региональной экономики, которые следует переосмыслить, принимая во внимание, что Россия — это особое государство — цивилизация со своим мировоззрением, традициями и т. п. Данное обстоятельство предопределило необходимость глубокой проработки теоретико-методологических основ региональной экономики, расширения ее предметного поля исследования, выделения и рассмотрения стратегических направлений трансформации ядра региональной экономики, соответствующего логике современного научного экономического знания.

Первая глава монографии посвящена исследованию концептуальных вопросов развития региональной экономики, в частности вопросам обновления методологии пространственных исследований, формирования концептуального каркаса современной экономической теории, эволюции научных представлений о региональной экономике, идеологии региональной регуляторной политики и т. п.

Во *второй главе* исследован широкий круг методических и прикладных вопросов, связанных с конкретным региональным развитием, а именно: раскрыто содержание понятия «регион» в контексте концепции «регион-социум»; исследованы особенности формирования стратегии устойчивого развития Уральского макрорегиона на основе инновационного подхода; рассмотрена специфика развития санаторно-курортного комплекса региона через призму положений региональной науки; проведен анализ имущественного комплекса субъектов разного территориального комплекса; и др.

В *третьей главе* раскрываются концептуальные представления о георбанистике и экономике города в контексте предметного поля региональной экономики.

Следует подчеркнуть, что хотя отдельные параграфы отражают собственные научные воззрения авторов, но вместе с тем все вышеизложенные концепции взаимосвязаны общим идейным содержанием исследований Уральской научной школы, что позволило объединить их в целостную систему научных знаний о современной региональной экономике.

Авторы надеются, что данная публикация внесет определенный вклад в дело активизации российскими учеными исследований по региональной экономике.

Материалы монографии представляют интерес для научных и практических работников, аспирантов, магистрантов, занимающихся проблемами регионального планирования, прогнозирования и управления.

Авторы выражают глубокую признательность рецензентам — академику РАН А. Н. Семину и профессору Н. Д. Тургель за высокую оценку результатов настоящей работы и весьма значимые замечания и пожелания. Мы благодарны ведущему специалисту ректората Уральского государственного экономического университета Т. Р. Цепиловой за активное участие в подготовке книги к изданию.

ГЛАВА 1

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ: КОНЦЕПТУАЛЬНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Эволюционные изменения в отечественной региональной экономике

В течение многих лет мы признавали абсолютное главенство европейских и американских ученых в зарождении и развитии региональной экономики. Российская региональная экономика как наука была практически полностью повернута в сторону западных теорий, концепций, канонов, методов научного мышления. Российская экономическая наука была «очарована» идеями западной цивилизации, западной науки. К нам приезжали десятки западных ученых и учили нас, как папуасов, азам ценностей западного мира. Они нам навязывали модель периферийной экономики, не дающей шансов формировать в России современную экономику полного цикла, предполагающую, в числе прочего, высокое качество жизни, соответствующий уровень образования и профессионализма, современную инфраструктуру и т. п. С момента появления региональной экономики в России отечественные ученые, к сожалению (за исключением, возможно, короткого советского периода), не настаивали на своих научных воззрениях, не занимались формированием парадигмы региональной экономической науки, не считая нескольких фундаментальных работ академика А. Г. Гранберга. По многим вопросам региональной экономики мы отошли на периферию региональной науки.

Тектонические сдвиги и противостояния в геоэкономике, геополитике последних лет, «адские» санкции против нашей страны, остракизм российского научного сообщества и др. — все это привело к тому, что Россия в очередной

раз разочаровалась в Западе. Причем речь идет не «о вечном разломе между Россией и Европой», о чем писал еще в XIX веке известный русский мыслитель Н. Я. Данилевский, а о фундаментальных научных проблемах и явлениях. Поэтому со всей очевидностью встает вопрос о необходимости систематизации наших достижений в сфере региональной экономики, пересмотре их места в мировой региональной науке, переструктурировании парадигмальных основ отечественной региональной экономики, привязке ее к новым условиям функционирования российского общества.

Целью представленной монографии является определение абриса особенностей становления региональной экономики как науки в России и предложение основных контуров переосмысления узловых, парадигмальных компонентов данного научного направления экономической науки.

Предтеча региональной экономики в России. Региональная экономика в России возникла не на пустом месте, она не пришла в российскую экономическую мысль из ниоткуда.

В первую очередь, следует сказать о вкладе отечественных ученых в сложную проблему экономического районирования страны. Наибольшее развитие идея экономического районирования и связанная с ней идея формирования региональных территориально-производственных комплексов получили отражение в работах Н. Н. Колосовского¹, а значительно позже — М. К. Бандмана². В работах Н. Н. Колосовского мощные блоки триады «экономический район — территориально-производственный комплекс (ТПК) — энергопроизводственный цикл» были органически сплетены, увязаны между собой и сформировали уникальный конструкт, невиданный доселе в экономической науке. В практике советского индустриального строительства эта триада стала катализатором небывалого промышленного роста страны и ее регионов. По своей научной значимости, обоснованности, аргументации научные разработки Н. Н. Колосовского стоят значительно выше аналогичных по тематике теоретико-методологических работ зарубежных ученых.

Западная концепция кластеров, на осмысление которой ушло время и потрачены усилия многих отечественных ученых, в первую очередь молодых, так и не смогла укорениться и заработать в российских условиях. Если ТПК давал многомерное, в частности трехмерное, измерение экономических процессов в координатах «пространство — время», позволял оценивать различные связи как по горизонтали, так и по вертикали, то кластер дает упрощенную, плоскую картину — модель экономических процессов только по горизонтали.

В России так и не сумели спроектировать и запустить практически ни один территориальный кластер, производящий продукцию и обеспечивающий ры-

¹ *Колосовский Н. Н.* Основы экономического районирования. — М.: Госполитиздат, 1958. — 200 с.; *Колосовский Н. Н.* Теория экономического районирования. — М.: Мысль, 1969. — 336 с.; *Колосовский Н. Н.* Проблемы территориальной организации производительных сил Сибири. — Новосибирск: Наука, 1971. — 176 с.; *Колосовский Н. Н.* Будущее Урало-Кузнецкого комбината. — М.: Соцэкгиз, 1932. — 136 с.

² *Бандман М. К.* Территориально-производственные комплексы: теория и практика предплановых исследований. — Новосибирск: Наука, 1980. — 256 с.

ночные позиции для региона и тем более страны. В настоящее время триаду Колосовского предстоит наполнить новым содержанием, соответствующим нынешним научным воззрениям и, возможно, сделать триггером новой индустриализации в России.

Советские экономико-географы и экономисты, до перехода к рыночным отношениям, разработали систему закономерностей, принципов и факторов размещения производительных сил, обусловленную системой социально-экономических отношений преимущественно в русле марксистско-ленинской парадигмы¹. С учетом общетеоретического фундамента региональной экономики советские теории производительных сил, разработанные еще в период директивно-плановой экономики, должны быть пересмотрены в контексте современных условий. Еще не сложилось общее понимание того, под влиянием каких принципов, условий и факторов протекают процессы размещения производства в пространстве современной России и ее регионов².

В условиях функционирования единого народнохозяйственного комплекса страны³ с общим государственным управлением и единой государственной собственностью район (регион) не мог априори выступать в качестве объекта региональной экономики, ибо не обладал самостоятельностью (автономностью), субъектностью в системе экономических отношений, не имел особых региональных экономических интересов. Регион исследовался, преимущественно, в социально-экономической географии как территория сосредоточения природных ресурсов, населения, производства, а также потребителей товаров и услуг, отраслей сферы обслуживания.

Объектом региональной экономики регион становится только с начала 1990-х годов после принятия в стране целого пакета законодательно-нормативных актов, в частности законов о собственности, предпринимательской деятельности, приватизации. После перехода страны на рыночные отношения и принятия в 1993 г. Конституции РФ, в которой были закреплены и разграничены полномочия между Федеральным центром и субъектами Федерации, регион окончательно укрепил свой юридический и экономический статус и стал выступать в качестве относительно самостоятельного экономического субъекта. На регион было законодательно возложено право решения различных задач экономического развития, в первую очередь относящихся к области «провалов рынка» (в частности, таких, как развитие социальной инфраструктуры, обеспечение занятости, обустройство территории, экология).

¹ *Производительные силы: новый уровень развития* / В. Г. Лебедев, В. П. Грошев, Б. К. Злобин и др. — М.: Мысль, 1989. — 207 с.; *Черкасов Г. И. Основы теории производительных сил.* — 2-е изд. — М.: Экономика, 2008. — 172 с.

² *Анимица Е. Г., Анимица П. Е., Денисова О. Ю. Эволюция научных взглядов на теорию размещения производительных сил // Экономика региона.* — 2014. — № 2. — С. 21–32.; *Анимица Е. Г., Денисова О. Ю. От размещения производительных сил к региональной экономике // Ars administrandi. Искусство управления.* — 2015. — № 1. — С. 5–15.

³ *Единый народнохозяйственный комплекс: содержание и закономерности развития* / Б. К. Злобин, В. Г. Лебедев, М. Н. Тимохин и др. — М.: Мысль, 1985. — 271 с.

В 1993 г. на базе кафедры размещения производительных сил Свердловского института народного хозяйства была образована кафедра региональной и муниципальной экономики — первая подобная кафедра в стране. Новая специальность «Региональная экономика» была утверждена ВАК только в 1994 г. Поэтому ныне доктор экономических наук Наталья Юрьевна Власова, будучи аспирантом, в 1991 г. защитила в Москве кандидатскую диссертацию по специальности 08.00.04 «Размещение производительных сил, экономика районов СССР». Доктор экономических наук Наталья Валерьевна Новикова, являясь аспирантом, в 1995 г. защитила в Екатеринбурге кандидатскую диссертацию по той же специальности — 08.00.04, но уже по региональной экономике.

В странах Запада региональная экономика как «экономика размещения» возникла в конце 1950-х — начале 1960-х годов в качестве полноправного элемента экономической теории, причем ее представляют детищем в основном одного ученого — У. Айзарда. В 1960 г. в Нью-Йорке была издана книга Айзарда¹, которая заложила научные основы региональной экономической науки (регионоведения), по существу стирающей границы между географией и экономикой. В 1966 г. книга была переведена на русский язык со вступительной статьей и редакцией профессора А. Е. Пробста². Как водилось в то время, «наука о регионах» им была названа «буржуазной экономической наукой» со всеми вытекающими последствиями.

Острые дискуссии в начале — середине 1970-х годов между географами и экономистами по поводу объекта и предмета региональной экономики во многом способствовали активизации научных исследований как по региональной экономике, так и экономической географии, замене в научных работах традиционного понятия «район» на термин «регион»³.

Революционные изменения в стране в 1989–1992 гг., приведшие к радикальной трансформации общества и государства⁴, переход от плановой экономики к рыночной⁵, принятие в 1993 г. Конституции РФ, переход от одних институтов к совершенно другим⁶, смена парадигмы территориального развития в целом послужили триггером зарождения реальной региональной экономики в стране.

¹ *Isard W. Methods of regional analysis: an introduction to regional science.* — New York: Wiley, 1960. — 834 p.

² *Изард У. Методы регионального анализа: введение в науку о регионах: пер. с англ. / под ред. А. Е. Пробста.* — М.: Прогресс, 1966. — 659 с.

³ *Анимица Е. Г., Шарыгин М. Д. Социально-экономическая география и региональная экономика: проблемы взаимоотношений // Географический вестник.* — 2013. — № 1 (24). — С. 4–12.

⁴ *Гайдар Е. Т. Гибель империи. Уроки для современной России.* — 2-е изд., испр. и доп. — М.: РОССПЭН, 2006. — 448 с.; *Плохий С. Н. Последняя империя. Падение Советского Союза / пер. с англ. С. Гирика, С. Лунина, А. Сагана.* — М.: Corpus, 2015. — 624 с.

⁵ *Ясин Е. Г. Российская экономика. Истоки и панорама рыночных реформ.* — М.: ГУ ВШЭ, 2002. — 437 с.; *Acemoglu D., Robinson J. A. Why nations fail: the origins of power, prosperity, and poverty.* — New York: Crown, 2012. — 529 p.

⁶ *Лексин В. Н., Швецов А. Н. Реформы и регионы: системный анализ процессов реформирования региональной экономики, становления федерализма и местного самоуправления.* — М.: Ленанд, 2012. — 1024 с.

Погружение в область знаний региональной экономики. Примерно за полвека категория «региональная экономика» в СССР и позже в России прошла значительный непростой путь от лекции академика Н. Н. Некрасова, прочитанной в 1973 г. в Высшей партийной школе при ЦК КПСС¹, до научного направления экономической науки, вокруг которого сформировалось свое обширное поле исследований. С полным правом можно утверждать, что в настоящее время региональная экономика имеет только ей присущее осмысленное содержательное наполнение.

Исследованию проблем региональной экономики посвящены многотомные научные издания, множество тематических научных журналов, многочисленные публикации отечественных ученых и практиков; сама категория нашла отражение в классификаторах научных знаний, а также в учебных программах экономических вузов и соответствующих факультетов, при этом она используется не только в научной, но и в деловой коммуникации.

В настоящее время в развитии парадигмальной теории и методологии региональной экономики в России можно выделить *четыре основные стадии*:

1) разработка теоретических основ (середина 1970-х — начало 1990-х годов) — осознание и обоснование роли и значимости региональной экономики в экономической науке и практике²;

2) эмпирическое обоснование теорий региональной экономики и осмысление предыдущих разработок с учетом накопленного опыта (2000-й год — середина 2000-х годов)³;

3) обозначение и оценка факторов и условий развития региональной экономики как науки, обоснование понятийно-категорийного аппарата, теорий и концепций данной науки, обсуждение прикладных проблем (с середины 2000-х годов по настоящее время)⁴;

4) переосмысление трактовки понятия «регион» в качестве носителя, выразителя и исполнителя особого территориального интереса, крупного экономического субъекта, воплощающего в жизнь трансформируемые государственные функции применительно к новым условиям современной России.

Для целей данной работы мы сформировали массив из 30 определений региональной экономики, опубликованных в научных изданиях и учебных пособиях, из них выбрали четыре ведущих, принадлежащих известным авторам в этой области знаний, в частности академикам Н. Н. Некрасову, А. Г. Гранбергу, А. И. Татаркину и П. А. Минакиру; остальные составили определения, дублирующие в основном этих классиков и друг друга. По представлениям авторов-академиков, сердцевину региональной экономики как науки составляют теории и концепции размещения производства, осмысленные и переосмыслен-

¹ Некрасов Н. Н. Проблемы региональной экономики. — М.: Мысль, 1974. — 68 с.

² Гранберг А. Г. Региональная экономика и региональная наука в Советском Союзе и России // Регион: экономика и социология. — 1994. — № 1. — С. 7–27.

³ Гранберг А. Г. Региональная экономика и региональная наука в России. Десять лет спустя // Регион: экономика и социология. — 2004. — № 1. — С. 57–81.

⁴ Татаркин А. И., Анимица Е. Г. Формирование парадигмальной теории региональной экономики // Экономика региона. — 2012. — № 3 (31). — С. 11–21.

ные в связи с коренными изменениями в общественной и научной жизни, закономерности, тенденции и особенности развития территориальных социально-экономических систем разного масштаба и типа, реальное освоение и регулирование ресурсного потенциала и накопленного общественного богатства в экономическом пространстве страны и ее регионов¹.

Переосмысление основных компонентов региональной экономики. Какие научные сюжеты в регионалистике, по нашему мнению, будут на подъеме или следует переосмыслить, переопределить?

Выскажем свои соображения по этому поводу, не претендуя на их непрекаемость.

Необходимость крайне сжатого изложения материала вынудила автора отказаться от рассмотрения и обсуждения ряда важнейших проблем региональной экономики, а некоторые проблемы представить весьма схематично.

Мы забыли, что Россия — не просто страна, не отдельное банальное *государство-нация*, а особое *государство-цивилизация* (как, в частности, Китай и Индия), самодостаточное, целостное, со своим традициями, мировоззрением, ценностями, образом жизни, спецификой духовной сферы и т. п., синтезирующее Европу и Азию. Фактор исторической памяти позволяет нам вернуться к настоящему авторитету современной региональной науки, означает прежде всего возврат к собственным научным корням, максимальному использованию традиций и знаний отечественной экономической мысли, которые в свое время оказались недооцененными факторами становления региональной экономики. Прежде всего, вполне предсказуема глубокая *проработка теоретико-методологических основ региональной экономики* как важного направления экономической науки. Развернутому определению парадигмы региональной экономики в нынешних условиях способствует накопленный более чем за 30 лет огромный массив эмпирических знаний².

Существенно увеличивается масштаб и расширяется предметное поле региональной экономики, ибо она во все большей степени затрагивает региональные аспекты развития экономических, социальных и иных общественных (и не только!) наук — социологии, культурологии, демографии, политологии и др., а также занимается изучением многих других сторон и явлений экономической жизни — таковы, например, экономика городов, бюджеты местные и региональные, инфраструктурная обеспеченность территории, инвестицион-

¹ Некрасов Н. Н. Региональная экономика: теория, проблемы, методы. — 2-е изд. — М.: Экономика, 1978. — 344 с.; Гранберг А. Г. Основы региональной экономики. — М.: ГУ ВШЭ, 2000. — 495 с.; *От идеи Ломоносова к реальному освоению территорий Урала, Сибири и Дальнего Востока* / Л. М. Аверина, Р. И. Акбюлов, Е. Л. Андреева и др.; под общ. ред. А. И. Татаркина и др. — Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2009. — 1227 с.; Минакир П. А. Экономика регионов. Дальний Восток. — М.: Экономика, 2006. — 845 с.

² *Проблемы федерализма, местного самоуправления и территориального развития в России*. Научные исследования, прикладные проекты, библиография за 1990–1999 гг. / сост. и общ. ред. В. Н. Лексина, А. Н. Швецова. — М.: Эдиториал УРСС, 2000. — 584 с.

ная и инновационная деятельность¹. Активируются исследования территориального развития страны, начиная от макрорегионов и кончая микрорайонами, небольшими территориальными образованиями, городскими агломерациями, муниципалитетами различного типа², в пространстве которых организуются те или иные воспроизводственные процессы.

Представители самых разных научных школ почти единодушно доказывают усиление *гуманитарного* характера экономических наук, в том числе и региональной экономики, повышенное внимание к человеку как источнику культурного, творческого начала в экономике³. Региональная экономика становится более «мягкой» наукой, чем на первых этапах формирования. Поэтому следует переопределить приоритеты в пользу социокультурных факторов развития региональной экономики, что позволит в итоге осмыслить и структурировать на более глубоком концептуальном уровне процессы взаимодействия производственных, непроизводственных условий и различных культур народов и этносов при становлении регионов различных типов.

Мыслить пространством. Пространство и время как две фундаментальные категории мироздания исследуются учеными с античных времен. Первыми начали изучать эти категории философы, разные по мировоззрению. Впоследствии многоаспектными пространственными явлениями и процессами стали заниматься и представители других областей знания⁴. Пространственно-временные представления пронизывают и многие исследования по региональной экономике, ибо пространство — это территория развертывания экономической деятельности, организации бизнес-процессов, экономических центров и институтов, прокладывания коммуникаций.

Региональная экономика исследует экономическое пространство страны и ее регионов, в пределах которых создается, используется и воспроизводится

¹ *Народ, государство, регионы: стабильность развития* / под ред. В. Ф. Уколова и др. — М.: Молодая гвардия, 2001. — 560 с.; *Аузан А. А. Культурные коды экономики. Как ценности влияют на конкуренцию, демократию и благосостояние народа.* — М.: АСТ, 2022. — 160 с.; *Анимца Е. Г., Шарыгин М. Д., Балина Т. А. Региональная и муниципальная социэкономика.* — Пермь: ПГНИУ, 2017. — 219 с.

² *Татаркин А. И., Анимца Е. Г. Крупные экономические районы в системе регионального развития и управления* // Экономические науки. — 2008. — № 5. — С. 297–305; *Регион в новой парадигме пространственной организации России* / под общ. ред. А. И. Татаркина. — М.: Экономика, 2007. — 751 с.; *Региональная экономика* / под общ. ред. Я. П. Силина, Е. Г. Анимцы. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2020. — 417 с.; *Муниципальная экономика* / под общ. ред. Я. П. Силина, Е. Г. Анимцы. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2021. — 494 с.

³ *Аузан А. А. Культурные коды экономики: как ценности влияют на конкуренцию, демократию и благосостояние народа.* — М.: АСТ, 2022. — 160 с.

⁴ *Гранберг А. Г. О программе фундаментальных исследований пространственного развития России* // Регион: экономика и социология. — 2009. — № 2. — С. 166–178; *Синергия пространства: региональные инновационные системы, кластеры и перетоки знания = Synergy in space: regional innovation systems, clusters, and knowledge spillovers* / А. Пилясов, Ю. Хомич, Э. Лоренцен и др.; под общ. ред. А. Н. Пилясов. — Смоленск: Ойкумена, 2012. — 760 с.; *Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез = Fundamental problems of spatial development of the Russian Federation: interdisciplinary synthesis* / В. А. Авксентьев, Е. М. Авраамова, Н. Е. Антонова и др. — М.: Медиа-Пресс, 2013. — 664 с.

система жизнедеятельности человека, размещается и развивается множество хозяйствующих субъектов, функционирует бесчисленное количество населенных пунктов разного масштаба, работает несметное количество транспортных и инженерных сетей и т. п.¹

Экономическое пространство страны живет своей жизнью: сжимается, расширяется, разворачивается, искривляется, а где оказываются параллельные прямые, то они могут пересекаться в связи с необходимостью получения и накопления определенных хозяйственных свойств и эффектов, а также обеспечения связности территории, адаптации ее к внешним угрозам и вызовам.

Одна из трудных задач, которую нужно решить ученым, в том числе и региональщикам: как превратить обширность пространства РФ в стратегическое преимущество? До сих пор нет внятного и адекватного ответа на непростой вопрос: огромное пространство России при относительно небольшом населении — это барьер, проклятие, бремя, тягость, которые, по мысли Н. А. Бердяева, «тяжелым гнетом легли на душу русского народа»², не дают стране подняться, имея в виду огромную по масштабам тайгу, бескрайнюю тундру, бесконечную государственную границу, которую нужно охранять, или Божий дар, богатство, потенциал для дальнейшего развития?³ Можно с уверенностью утверждать, что огромные территории страны, требующие колоссальных усилий для их освоения и благоустройства, сложные физико-географические и геополитические условия, этнонациональное многообразие — все это предопределило необходимость всемерного укрепления централизованного государства. Именно оно могло гарантировать выживание Отечества, обеспечивать его территориальную целостность и внешнюю безопасность. Решение данной проблемы по большому счету видится в совершенствовании институтов, финансовой системы, в проведении грамотной региональной политики и т. п.

Дух — сущность конкретного региона. «Дух» — это типично базовая философская категория, и по отношению к ней ученые судят, начиная от Аристотеля и Платона, кто материалист, а кто — идеалист. Дух означает не вещественное начало в отличие от материального, природного начала, а высшую

¹ Гранберг А. Г. Экономическое пространство России: трансформации на рубеже веков и альтернативы будущего // Общество и экономика. — 1999. — № 3–4. — С. 225–244; Гранберг А. Г. Экономическое пространство России: трансформации на рубеже веков и альтернативы будущего (часть вторая) // Общество и экономика. — 1999. — № 5. — С. 49–65.; Анимица Е. Г., Сурнина Н. М. Экономическое пространство России: проблемы и перспективы // Экономика региона. — 2006. — № 3. — С. 34–46; Региональное экономическое пространство: развитие территории и человека / А. Д. Зарецкий, Т. Е. Иванова, В. А. Немиров и др.; под ред. А. Д. Зарецкого, Т. Е. Ивановой. — Краснодар: Просвещение-Юг, 2013. — 260 с.

² Бердяев Н. А. О власти пространства над русской душой // Судьба России. Опыт по психологии войны и национальности. — М.: Мысль, 1990. — С. 60.

³ Хилл Ф., Гэдди К. Сибирское бремя. Просчеты советского планирования и будущее России: пер. с англ. — М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2007. — 328 с.; Пространство современной России: возможности и барьеры развития (размышления географов-обществоведов) / А. Г. Дружинин, В. А. Колосов, В. Е. Шувалов и др. — М.: Вузовская книга, 2012. — 336 с.

способность человека, без чего невозможны самоутверждение и саморазвитие человека как личности¹.

Н. А. Бердяев говорил, что «дух прежде всего освобождающая и преобразующая сила»². Употребление в настоящее время в регионалистике философского понятия «дух» не противоречит природе региона. В советское время в хозяйственном развитии нашей страны и ее районов преобладала материалистическая доктрина при примате общественного материального производства, которая, по существу, выжгла дух пространства, дух региона как некую буржуазную химеру.

Носителем объективного духа региона выступает какая-либо совокупность людей, некая целостная человеческая общность (этнос, народ, группа народов)³. Духовное достояние региона образует, прежде всего, кодифицированный язык, на базе которого интегрируется и унифицируется общество этносов, затем — преобладающие нравы, мораль и традиции, свод действующих правовых установок (в частности, муниципальные и региональные юридические акты, а также обычаи), господствующий тип настроений, взглядов, мнений, задающий тон местной моде, гастрономии, народному искусству и художественным промыслам⁴. Совокупность этих и других духовных качеств и стремлений выступает источником живого духа региона, одухотворяет человеческую деятельность во времени и в пространстве, защищает и сохраняет регион от любого внешнего воздействия. Все они вырастают, активно включаются в процессы регионального развития, придают территории неповторимые черты, очерчивают ту или иную специфику, делают регион феноменальным. Поэтому духовные различия между реальными регионами страны не меньше (а может быть, и больше), нежели различия природно-географические или производственно-экономические.

В региональных исследованиях следует активнее использовать *циклично-волновую методологию*, которая представляет собой важное научное направление, делящее непрерывный хозяйственный процесс на эпохи, периоды, стадии, фазы, позволяющие получить более глубокое понимание сущности, закономерностей, принципов и факторов экономической динамики, протекающей в масштабе региона в пространственно-временном измерении. Циклично-волновая методология приемлема в рамках исследований региональной экономики, поскольку учеными признается существование региональных и локальных циклов в социально-экономической деятельности⁵.

¹ Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. — СПб.: Наука, 1992. — 443 с.

² Бердяев Н. А. Дух и реальность. — М.: АСТ, 2007. — 276 с.

³ Франк С. Л. Духовные основы общества. — М.: Республика, 1992. — 510 с.

⁴ Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. — М.: Алгоритм, 2002. — 496 с.; Каратеева Н. А. Духовная основа становления личности. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ин-та бизнеса, 2007. — 200 с.

⁵ Яковец Ю. В. Циклы. Кризисы. Прогнозы. — М.: Наука, 1999. — 448 с.; Скуфына Т. П., Баранов С. В. Региональное развитие России в свете циклически-волновых представлений // Федерализм. — 2007. — № 1. — С. 29–48; Силин Я. П., Анимица Е. Г., Новикова Н. В. Уральский макрорегион: большие циклы индустриализации / под науч. ред. С. Ю. Глазьева, С. Д. Бодрюнова. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2019. — 371 с.

В структуре экономики регионов определяющее место должны занять производства *неоиндустриального типа пятого и шестого технологических укладов*. В регионах необходимо создать расширенное воспроизводство высоких технологий и высокотехнологичных средств производства — автоматизированных, роботизированных, безлюдных, безотходных. Речь идет не только об организации новых производств, но и о переводе уже существующих производственных цепочек на принципиально новые технологические рельсы, основанные на широком использовании цифровых и интеллектуальных технологий и ресурсов. Сюда следует отнести, в первую очередь, отрасли оборонно-промышленного комплекса, учитывая усиливающее враждебное отношение стран коллективного Запада к нашей стране. Время экспортно-сырьевой модели развития страны уходит бесповоротно. Новая индустриализация становится главной закономерностью современной эпохи¹.

Должен получить новый импульс развития институт *территориального стратегического планирования*, который начал формироваться в стране с конца 1990-х — начала 2000-х годов. Территориальное сообщество представляет собой определенное устойчивое пространственно-географическое, экономико-культурное, историческое, целостное образование с общими структурными взаимосвязями и отношениями, в которых в реализации стратегических целей и задач решающую роль играют региональные и муниципальные органы власти и управления. Стратегическое планирование территорий требует «длинных целей» как минимум на 20 лет, а не «короткий взгляд» на 3–5 лет, чтобы быстрее извлечь ренту². Уместно напомнить слова Луция Сенеки, римского философа, о том, что «для корабля, который не знает, в какую гавань он держит курс, ни один ветер не будет попутным».

Город традиционно интегрирован в экономический, культурный, интеллектуальный и инновационный потенциал региона, объективно является носителем его тенденций и сущностных характеристик. В создавшихся условиях категорически нельзя применять западные стандарты и основные теории го-

¹ Татаркин А. И. Новая индустриализация экономики России: потребность развития и/или вызовы времени // Экономическое возрождение России. — 2015. — № 2 (44). — С. 20–31; Силин Я. П., Анимцица Е. Г. Российская модель новой индустриализации: к постановке проблемы // Известия Уральского государственного экономического университета. — 2017. — № 5 (73). — С. 44–53.

² *Территориальное стратегическое планирование на принципах широкого общественного участия* / сост. Б. С. Жихаревич, Е. Г. Белова, Ж. В. Подоляко. — СПб.: Леонтьевский центр, 2000. — 32 с.; *Территориальное стратегическое планирование: первые уроки российской практики* // Стратегическое планирование в городах России — реальные результаты: сб. материалов Первого общерос. форума городов-лидеров стратегического планирования (Пушкин, 18–19 апреля 2002 г.). — СПб.: Леонтьевский центр, 2002. — 96 с.; *Территориальное стратегическое планирование: как разработать стратегический план. Практическое пособие*. — СПб.: Леонтьевский центр, 2003. — 96 с.; *Стратегия развития региона* / под ред. В. А. Ильина. — Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2004. — 228 с.; Анимцица Е. Г. Стратегическое планирование развития территорий: сущность, основные принципы, проблемы // Известия Уральского государственного экономического университета. — 2005. — № 12. — С. 87–95; Зельднер А. Г. Место стратегирования в понятийно-категориальной системе прогнозирования // Экономические науки. — 2012. — № 8 (93). — С. 7–15.

родской экономики к условиям и специфике России¹. Практически ни одна из теорий не коррелирует с реальным содержанием и развитием городской среды в стране. Нужно вспомнить о теории, методологии и проектировании русского и советского города, в которых отразились концепции не только русского города, но и идеи мирового градостроительства².

Анализ и критическое осмысление становления и развития региональной экономики в России позволяют сделать ряд *принципиальных выводов*.

1. Региональная экономика как крупная ветвь экономической науки за сравнительно короткий период прошла путь от концепции размещения производительных сил и принципов развития экономики районов до сложноорганизованной самостоятельной науки, получившей признание в системе экономических дисциплин, в структуре высшего профессионального образования, в перечне научных специальностей ВАК РФ.

2. Пространство (территория) является доминантной чертой любого серьезного исследования в рамках региональной экономики, ибо территория (регион) со своими ресурсами и условиями, со своими духовными качествами прямо или косвенно оказывает влияние на объекты (субъекты), осваивающие пространство.

3. Заметно расширяется предметное поле региональной экономики за счет включения в свою орбиту влияния региональных аспектов функционирования многих общественных наук. Усиливается гуманитарный характер региональной экономики, повышается внимание к человеку как к источнику созидательного, творческого и культурного начала в экономике.

4. Разрушение базовых принципов западной цивилизации, экономическая, финансовая и технологическая агрессия Запада против России, разрыв устоявшихся связей с российским научным и учебным сообществом поставили вопрос о пересмотре парадигмы отечественной региональной науки, возврате к собственным научным корням через максимальное использование ранее накопленных знаний, сведений и понятий.

5. Данная работа — лишь начало большого, серьезного исследования по проблемам адаптации теории и методологии отечественной региональной экономики к новым вызовам внешней среды. Дальнейшая разработка проблемы должна быть сконцентрирована на выяснении роли и значимости российских ученых в деле становления региональной экономики как науки и учебной дисциплины.

¹ О'Салливан А. Экономика города: пер. с англ. — 4-е изд. — М.: ИНФРА-М, 2002. — 706 с.; Henderson J. V. Urban development: theory, fact and illusion. — New York: Oxford University Press, 1988. — 266 p.

² Анимца Е. Г., Власова Н. Ю. Градоведение. — 4-е изд. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2010. — 433 с.

1.2. Формирование концептуального каркаса современной экономической теории (из опыта науки и высшей школы РФ)

В данном параграфе рассматривается специфика формирования концептуального каркаса современной экономической теории на опыте поколения российских исследователей второй половины XX и начала XXI века.

Функции и цели экономической науки. Поколение, к которому принадлежит автор, знакомилось с обществоведением по учебникам политической экономии, исторического и диалектического материализма, базировавшимся на трудах классиков марксизма. Их систематическое изучение требовало значительного времени и ставило вопрос о плодотворности и эффективности затрачиваемых усилий. Последнее зависело от целей, которые должны быть достигнуты в процессе образования или самообразования, для чего необходимо определить функции изучаемой дисциплины с указанием предполагаемых результатов.

Главная, *познавательная*, функция считается общенаучной, что не отменяет ее специфики в изучении и объяснении экономических явлений и процессов. Если не формируются интерес и мотивация к изучению той или иной сферы действительности, все остальные цели утрачивают свое значение. Для пробуждения интереса используются методические приемы, рассмотрение которых лежит за пределами анализа поставленной проблемы. Мотивация предполагает формирование соответствующего мировоззрения, направленного на исследование основ науки и практического применения научных знаний.

Мировоззренческая функция в марксизме восходит к материалистическому пониманию истории. В своей изначальной трактовке она выражает интересы пролетариата — класса умственных и физических работников индустриального общества, лишенных как сословных обязательств и привилегий, так и собственности на средства производства. Для реализации потенциала творческой деятельности этих «свободных» индивидов необходимо было создать коммунистическое общество с изобилием необходимых жизненных благ. В определении путей перехода к такого рода общественному устройству проявлялась практическая функция марксистской политической экономии.

Практическая функция реализуется в четырех взаимодополняющих аспектах: прагматическом (верификационном), критическом (фальсификационном), методологическом (системообразующем) и прогностическом (интенциональном). Все они подробно раскрыты в научной литературе, поэтому напомним лишь некоторые базовые положения.

Верификация и систематизация достижений предшествующей экономической науки представлена в не опубликованном при жизни наследии К. Маркса, особое место в котором занимают «Экономические рукописи (1857–1859)»¹

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. — 2-е изд. — М.: Госполитиздат, 1955–1981. — Т. 46, ч. 1, 2.

и «Теории прибавочной стоимости»¹. Исходя из результатов его анализа выделим несколько ключевых, по нашему мнению, моментов:

а) поставив под сомнение плодотворность «литературы эпигонов», включая «инвентаризацию старого, с одной стороны, и прирост отдельных частных, с другой»², Маркс сосредоточивает свои усилия на усвоении экономической действительности путем восхождения от абстрактного к конкретному. Это отражено на сотнях страниц его рукописей, но итог выглядит неожиданным. «Критика политической экономии» («Капитал») начинается с остеологических определений товара: «Товар есть прежде всего внешний предмет, вещь, которая, благодаря ее свойствам, удовлетворяет какие-либо человеческие потребности»³;

б) чтобы понять это оборачивание метода, рассмотрим «Теории прибавочной стоимости»⁴. К. Маркс критически сопоставляет путь, пройденный В. Петти, А. Смитом и другими авторами вплоть до Д. Рикардо, с гегелевской методологией анализа истории человеческого мышления (бытие — сущность — явление — действительность). Ее пришлось поставить «с головы на ноги». В книге «Теории прибавочной стоимости» показано восхождение от эмпирических представлений о «действительности» к исторически сформировавшимся экономическим абстракциям, которое завершается верификацией «бытия» товара как элементарной клеточки буржуазного богатства;

в) при дальнейшем анализе — теперь это восхождение от абстрактного к конкретному — используется «аристотелевская» матрица научного мышления, что позволяет выстроить целостную систему категорий «политической экономии товарного производства» на основе системно-структурного подхода⁵. И, хотя его использование при анализе капиталистического способа производства получило неоднозначную оценку, оно выводило за границы сложившейся парадигмы политэкономического знания, т. е. решало одну из важнейших проблем критической истории экономической мысли — поиск точек роста научного знания. Анализ того, как это происходило в марксистской литературе и революционной практике, составляет увлекательную задачу для историка российской экономической мысли или экономики советского периода, но в данном случае нас интересуют методология научного познания экономической действительности и изменения, которые произошли и происходят в ней в настоящее время.

Методологическая функция нацелена на разработку категориального аппарата. Отдавая должное во многом опередившим свое время научным достижениям марксизма, нельзя закрывать глаза на прогресс экономической науки, связанный с использованием математических методов, изоморфных некото-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. — 2-е изд. — М.: Госполитиздат, 1955–1981. — Т. 26, ч. 1, 2, 3.

² Там же. — Т. 46, ч. 1. — С. 3.

³ Там же. — Т. 23. С. 43.

⁴ Там же. — Т. 26, ч. 1, 2, 3.

⁵ Дятел Е. П. Системный анализ объекта и предмета в «Капитале» К. Маркса. — Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1987. — 224 с.

рым важнейшим свойствам природы и человеческого поведения, и формированием, как принято сегодня говорить, менталитета (мироощущения) *открытого общества*.

Открытое общество как мировоззренческий и экономический феномен. Теоретическое обоснование открытого общества как социологического феномена появилось в 1932 г. в книге А. Бергсона¹. Известность среди социологов и экономистов оно приобрело после публикации книг К. Поппера² и Дж. Сороса³. Под это определение⁴ подпадает любая рыночная экономика, понимаемая как совокупность сделок между экономическими агентами, поскольку ее функционирование стало бы невозможным без обратной связи между спросом и предложением, что позволяет учитывать сделанные ошибки и вносить коррективы в экономическую деятельность. Однако если мы согласимся с этой точкой зрения, то зарождение открытого общества следует отнести к моменту возникновения общественного производства, поскольку уже тогда появились транзакции, или добровольный обмен продуктами⁵.

Экскурс в далекое прошлое нужен, чтобы показать отсутствие четкой грани между открытым и органическим, а также закрытым обществом. Их идеологическое противопоставление решает, прежде всего, политические задачи, что безусловно сказывается на сфере экономики, образе и уровне жизни населения. Компромисс возможен путем формирования институтов, учитывающих интересы действующих сил, политических и экономических агентов, домашних хозяйств. В жизни он не всегда достигается мирным путем. В науке это можно сделать, не прибегая к запрету альтернативных точек зрения.

Самоорганизация рыночной экономики — материальная основа институтов открытого общества. Рыночная экономика имеет длительную историю, развитие которой происходило и вширь, и вглубь. Считается, что глобализация рыночных отношений совпадает с эпохой Великих географических открытий. Развитие вглубь отражает интенсификацию общественного разделения труда, охватывающего все новые отрасли, факторы производства и продукты. Вершиной явилось возникновение капиталистического способа производства, включившего в товарооборот труд наемного работника. Теоретики марксизма считали, что «свободная конкуренция есть основное свойство капитализма и товарного производства вообще»⁶. Если выделять ее в чистом виде,

¹ Бергсон А. Два источника морали и религии: пер. с фр.— М.: Канон, 1994. — 384 с.

² Поппер К. Открытое общество и его враги: в 2 т. / пер. с англ. под общ. ред. В. Н. Садовского. — М.: Феникс, 1992. — Т. 1: Чары Платона. — 448 с.; Поппер К. Открытое общество и его враги: в 2 т. / пер. с англ. под общ. ред. В. Н. Садовского. — М.: Феникс, 1992. — Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. — 525 с.

³ Сорос Дж. Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм: пер. с англ. — М.: ИНФРА-М, 2001. — 334 с.

⁴ *Открытое общество* / Универсальная научно-популярная энциклопедия «Кругосвет». — URL: https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/filosofiya/OTKRITOE_OBSHCHESTVO.html (дата обращения: 12.09.2022).

⁵ Дятел Е. П. Трансформационная и транзакционная функции хозяйственной деятельности (историко-экономический очерк) // Идеи и идеалы. — 2022. — Т. 14, № 2, ч. 2. — С. 215–238.

⁶ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. — М.: Политиздат, 1969. — Т. 27. — С. 387.

т. е. как совершенную конкуренцию, она соответствует открытой рыночной экономике, в полной мере подчиненной закону обратной связи. Ее первоначальная модель представлена в теории общего экономического равновесия Л. Вальраса¹.

Как и совершенная конкуренция, понятие общего экономического равновесия, а следовательно, открытой рыночной экономики, является абстракцией, которая нуждается в конкретизации при переходе к реальным экономическим отношениям. И хотя речь идет о достаточно исследованных феноменах — рыночной власти, монополии и др., существует необходимость в принципиальном уточнении ареала действия совершенной конкуренции и законов рыночной экономики применительно к явлениям ограниченной рациональности и влиянию внешних факторов, или экстерналий. Оно осуществляется в рамках макроэкономики, эволюционной и институциональной экономики, общая черта которых — включение в экономический анализ естественных (по Марксу, «естественно выросших») факторов, влияющих на предложение и спрос.

Ограниченные ресурсы — природная или экономическая категория?

В классической (рикардианской) политической экономии и микроэкономике понятие «ограниченные ресурсы» соотносят с трудовой деятельностью человека как универсальным фактором производства. Его применение требует времени, определяемого спецификой предметов и средств труда. Этому соответствуют понятия короткого и длительного периодов: в первом один или несколько факторов производства являются ограниченными; во втором ограничение снимается за счет дополнительных затрат труда, а производство продукта может возрастать в размерах, диктуемых спросом на него.

В литературе встречается своеобразное доказательство ограниченности ресурсов, которое выводится из их сопоставления с «безграничными» человеческими потребностями». Отвлекаясь от логической стороны данного определения, попробуем наполнить его онтологическим содержанием, например вспомнив о таких человеческих потребностях, как «вечная молодость», «не ограниченная временными рамками жизнь» и т. п. Придется сразу уточнить, что речь идет об общественном индивиде и его экономических потребностях, которые удовлетворяются при помощи труда как фактора, обладающего способностью к альтернативному использованию всех ограниченных ресурсов². Измерение ценности произведенного продукта становится возможным через сопоставление с предельной тягостью труда³, что делает оправданным построение категориального аппарата микроэкономики, включая упомянутую систему уравнений общего экономического равновесия.

В своем каноническом виде вальрасовская система уравнений не имеет математического решения. Причина заключена в «93 % теории трудовой сто-

¹ Вальрас Л. Элементы чистой политической экономии. — М.: Изограф, 2000. — 448 с.

² Роббинс Л. Предмет экономической науки // Thesis. — 1993. — Т. 1, вып. 1. — С. 10–23.

³ Jevons W. S. The theory of political economy. — Fifth edition. — London: Macmillan and Co., 1924. — P. 168.

имости» Д. Рикардо¹, отмечавшего наличие определенного числа продуктов (например, редких вин), стоимость которых не определяется относительными затратами труда, а связана с уникальностью используемых ресурсов. Переходя на язык экономической теории, мы вынуждены констатировать, что эластичность их предложения в малой степени зависит от затрат труда и в пределе стремится к нулю, что предполагает использование нелинейных уравнений². Цена редких вин регулируется институциональным фактором — собственностью на данный участок земли (*jus primaе occupationis*, или правом первичного завладения).

Разумеется, это не единственный случай влияния природной составляющей на стоимость (эластичность предложения) и цену (эластичность спроса) продукта. Конкретизация экономической теории путем включения все большего числа естественно обусловленных факторов, оказывающих влияние на их производство, распределение и потребление, привела к пересмотру первоначальных дефиниций, вплоть до кардинального изменения категориального аппарата экономического исследования.

Причины возникновения институциональной, эволюционной и макроэкономики. Выше мы отметили необходимость институционального фактора (*jus primaе occupationis*) для включения в экономический анализ ограниченных природных ресурсов. Он показывает значение завладения ресурсом в нужное время и в нужном месте. В современной микроэкономической теории товар предстает как результат действия сложной совокупности факторов производства и предложения, осуществляемого в тех или иных пространственно-временных рамках: «Следует заметить, что время (а также местоположение) могут быть включены в определение товара. Строго говоря, хлеб сегодня и завтра может рассматриваться как различные товары. Аналогично, когда мы имеем дело с принятием решений в условиях неопределенности..., нам удобнее трактовать хлеб в разных „состояниях природы“ как разные товары»³. Это оправданно, поскольку обращает внимание на инфраструктурную, в том числе институциональную, составляющую экономического исследования и на эволюционный подход к учету естественно сформировавшихся особенностей сознательного поведения человека.

Оба указанных фактора были включены в революционную макроэкономическую теорию Дж. М. Кейнса, во-первых, путем кардинального изменения

¹ *Стиглер Дж. Рикардо и 93%-ная трудовая теория ценности // Вехи экономической мысли: в 6 т. / под ред. В. М. Гальперина. — СПб.: Экономическая школа, 2000. — Т. 3: Теория потребительского поведения и спроса. — С. 162–177.*

² Полноценные методы решения нелинейных уравнений сформировались в первой половине XX века: «С созданием функционального анализа к началу 1930-х годов появились адекватные инструменты для дальнейшего прогресса в теории нелинейных интегральных уравнений» (*Богатов Е. М. Об истории развития нелинейных интегральных уравнений в СССР. Сильные нелинейности // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Математика. Физика. — 2017. — № 6 (255). — С. 94.*

³ *Мас-Колелл А., Уинстон М. Д., Грин Дж. Р. Микроэкономическая теория: пер. с англ. — М.: Дело, 2016. — Кн. 1. — С. 23.*

в понимании кратко- и долгосрочного периодов в макроэкономике, во-вторых, психологическим обоснованием предельной склонности к потреблению. Если второе может быть отнесено к эволюционной экономике, то первое явно указывает на важность национальной собственности на используемые факторы производства. Их исчерпание — важнейшая характеристика долгосрочного периода, что относится к полезным ископаемым, капитальным средствам производства и, в первую очередь, к трудовым ресурсам, интенсивное использование которых, хотя и позволяет превосходить потенциальный ВВП, но имеет свои границы.

Методологический бэкграунд развития экономической теории в современной России. Развитие экономической теории в постсоветской России отражало две важнейшие тенденции: *консервативную*, выражающую преемственность с марксистским и советским бэкграундом, и *прогрессистскую*, интегрирующую и культивирующую в условиях переходного общественного устройства тенденцию к становлению открытой рыночной экономики. Обе они претендовали на единственно верный способ анализа и решения актуальных проблем, стоявших перед страной, экономической наукой и образованием. За исключением кратковременных периодов ни та, ни другая не одерживали верх. По прошествии более чем 30 лет постсоветского развития можно констатировать, что в сложившемся компромиссе заключалось рациональное зерно поиска примиряющей крайности системной методологии экономического исследования.

Консервативная тенденция отражала свойственный точным наукам, к числу которых не без оснований причисляли экономику, индуктивно-дедуктивный подход. Он позволял выявить единую причину и материальную основу исследуемых процессов и предсказывал их последующее развитие и состояние. Такой детерминистский подход прослеживается в марксистской политической экономии, а тем более — в советской экономической науке и образовании. Между тем классики марксизма, особенно Ф. Энгельс, предостерегали против некритического использования индукции¹. В качестве альтернативы был предложен диалектико-материалистический и историко-материалистический анализ, который при обосновании экономических явлений в «Капитале» К. Маркса в ряде случаев уступал место редукционизму. Примером служит выведение стоимости товара из затрат рабочей силы «в физиологическом смысле слова»², хотя ранее К. Маркс использовал элементы предельного анализа при характеристике затрат труда на добычу рассыпного золота³ и указывал на исторически относительный характер совокупной рабочей силы при расчете «простого среднего труда». Такие логические противоречия нуждались в устранении, а категориальный ряд политической экономии товарного производства — в существенной корректировке. Однако, как и Рикардо, Маркс не мог не ввести в эко-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. — 2-е изд. — М.: Госполитиздат, 1955–1981. — Т. 20. — С. 541–544.

² Там же. — Т. 23. — С. 55.

³ Там же. — Т. 13. — С. 137–138.

номический анализ естественно обусловленную составляющую общественных явлений и процессов.

Прогрессистская тенденция была направлена на рыночную перестройку экономического мышления россиян и постсоветской экономики. Этот, для многих болезненный и в то же время жизненно необходимый, процесс нес в себе и положительные, и негативные последствия. Положительным является признание статуса частной собственности как институционального условия самостоятельности и активности экономических агентов и последовавшее за этим ослабление пут огосударствления. Частная собственность на человеческий ресурс, средства и продукты труда стимулировала их альтернативное использование с учетом обратной связи, т. е. путем превращения в источники личного дохода. Отрицательной оказалась неконтролируемая приватизация, разрушившая социальную инфраструктуру и граничившая в ряде регионов постсоветского пространства, с грабежом государственной собственности и имущества этнически чуждых граждан.

Трансакционная революция и становление денежной (капиталистической) рыночной экономики. Естественная обусловленность человеческого ресурса проявляется не одним лишь влиянием «физиологических» затрат труда на предложение и стоимость создаваемых благ и услуг, но и его нерациональным использованием. Отказ от здорового образа жизни, добровольная безработица и др. могут представляться оправданными в краткосрочном периоде, но противоречат долгосрочным интересам индивида и общества. Субъективные краткосрочные ограничения не позволяют труду оставаться надежным измерителем экономических благ и услуг, что стимулирует использование всеобщего (денежного) эквивалента для сопоставления их ценности. Деньги суть овеществленная квинтэссенция экономических отношений — предпосылки и условия оптимизации хозяйственной деятельности. Требования к деньгам известны: редкость, однородность, делимость, общественное признание в качестве материального носителя экономической информации о трансакционной ценности присваиваемых благ.

Утверждение бумажных денег как полноправного представителя рыночных ценностей, подкрепленного авторитетом государства, его бюджетно-налоговой и кредитной политикой, открывает путь к формированию финансового капитала. Ф. Бродель показывает, как это происходило в Европе вплоть до «английской финансовой революции 1688–1756 гг.»¹. Здесь же он отмечает, что «охотно выдвинул бы вперед в качестве главного элемента капиталистического развития игру, спекуляцию»². Соглашаясь с этим тезисом, мы сочли возможным охарактеризовать данный исторический феномен как «трансакционную революцию»³, которая получила новые стимулы развития в информаци-

¹ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.: пер. с фр.: в 3 т. — М.: Прогресс, 1988. — Т. 2: Игры обмена. — С. 531.

² Там же. — С. 587.

³ Дятел Е. П. Трансформационная и трансакционная функции хозяйственной деятельности (историко-экономический очерк) // Идеи и идеалы. — 2022. — Т. 14, № 2, ч. 2. — С. 231–232.

онном обществе, оказавшем влияние на институциональный дизайн современной рыночной экономики.

Одно из последствий — изменение концептуального каркаса экономической науки — с опозданием нашло отражение в русскоязычной литературе посредством замещения элементов понятийного аппарата советской «экономики предприятия» с ее акцентом на факторы производства «экономикой фирмы», исследующей движение активов. Различие заключается в способе оценки: стоимость факторов производства определяется через постоянные и переменные затраты, активов — исходя из рыночной цены, отражающей их доходность. Потребность в сохранении преемственности, а возможно, и сохраняющаяся инерция экономического мышления, привели к тому, что в ряде учебников и учебных пособий, представляющих русскоязычную кальку «Экономических институтов капитализма» О. И. Уильямсона¹ или ссылающихся на его ключевые положения, последние раскрывались на примере взаимодействия общих, специфических и интерспецифических (в оригинале — транзакционно-специфических) «факторов производства», хотя Уильямсон говорит исключительно об активах. Впрочем, здесь могли проявиться не только эффект колеи, но и желание сохранить организационные и управленческие достижения ориентированной на рост объемов материального производства советской экономики предприятия — тенденция, которую П. А. Ореховский охарактеризовал как «современную нумерологию»².

Внедрение достижений новой институциональной теории в понятийный аппарат российской экономической науки, экономическое образование и самообразование — шаг в правильном направлении. К сожалению, безраздельное господство транзакционной парадигмы в условиях постсоветской экономики привело к отрицательным последствиям, когда стали неконкурентными многие производственные отрасли и занятые в них, еще вчера вполне успешные, индивиды. Выявилась необходимость переходного периода, в течение которого создается институциональная инфраструктура рыночного функционирования национальной экономики, обеспечивающая условия самостоятельности и жизнеобеспечения всех слоев населения. Для этого требуется перестройка мышления (менталитета) и поведения субъектов хозяйственной деятельности при сохранении ее управляемости и координации на этапе перехода от закрытой к открытой экономике. Одним из направлений видится формирование синергетического подхода к исследованию экономических явлений и процессов.

Синергетический подход — метод или мировоззрение? Подход, при котором возможен компромисс и даже синтез принадлежащих к разным областям и уровням познания понятий, соответствует хаотическому представлению о целом и обычно обозначается как эклектика. Она противоречит выведе-

¹ Уильямсон О. И. Экономические институты капитализма: фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация: пер. с англ. — СПб.: Лениздат, 1996. — 702 с.

² Ореховский П. А. Дискурс технологических укладов и современная нумерология // Очерки по экономической синергетике / под ред. В. И. Маевского, С. Г. Кирдиной-Чэндлер, М. А. Дерябиной. — М.: ИЭ РАН, 2017. — С. 69–81.

нию исследуемого явления из единой причины и единого основания, т. е. противостоит экономическому, да и любому другому, детерминизму, что в соответствии с представлениями о плановом ведении хозяйства ставит вопрос о возможности сознательного управления экономикой, развитием науки и техники. В российской экономической литературе был выдвинут тезис о «рациональной эклектике» как способе научного осмысления закономерностей общественного развития¹. Мы его считаем слабой версией синергетического подхода, использование которого предполагает проверку на соответствие рассмотренным выше методологическим принципам научного познания, в той или иной форме основанным на причинно-следственной связи.

Говоря о такой связи, необходимо понимать, что в чистом виде она отображает совокупность логических, в том числе математических, умозаключений, изоморфизм (тождество) которых окружающей действительности подтверждается практикой. Тем не менее К. Марксу пришлось откорректировать первоначально заявленный как «единственно правильный»² метод восхождения от абстрактного к конкретному. В знаменитом Предисловии к «К критике политической экономии» он говорит уже не столько о детерминизме, сколько об условиях взаимосвязи экономических и социальных процессов жизни в целом. При этом тезисы аристотелевской диалектики о первичности материальной основы («материи») и активной роли формы сохраняют свое значение³.

Таким образом, историко-экономические исследования К. Маркса показали, что нельзя говорить о строгом детерминизме социальных явлений и процессов⁴. Речь может идти о гомоморфности — структурном подобии логически (математически) организованного категориального аппарата научного исследования реальному положению дел. Этому требованию соответствует метод альтернатив («проб и ошибок») К. Поппера⁵. Его достоинством является принцип фальсифицируемости, предполагающий объективную обусловленность границ познания, а следовательно, любой научной теории, которая предстает как открытая система. Последнее не означает отсутствия причинно-следственной связи, являющейся необходимым элементом логически выстроенного исследования. Один из основоположников синергетики Г. Хакен пишет: «...определим

¹ *Ивлева Г. Ю.* Рациональная эклектика как выражение кризиса экономической теории и способ выхода из него // *Философия хозяйства.* — 2003. — № 3 (24). — С. 99–108.

² *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. — 2-е изд. — М.: Госполитиздат, 1955–1981. — Т. 46, ч. 1. — С. 17.

³ *Там же.* — Т. 13. — С. 6–7.

⁴ В «Анти-Дюринге» Ф. Энгельс писал: «Мы видим далее, что причина и следствие суть представления, которые имеют значение, как таковые, только в применении к данному отдельному случаю; но как только мы будем рассматривать этот отдельный случай в его общей связи со всем мировым целым, эти представления сходятся и переплетаются в представлении универсального взаимодействия, в котором причины и следствия постоянно меняются местами; то, что здесь или теперь является причиной, становится там или тогда следствием, и наоборот» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. — 2-е изд. — М.: Госполитиздат, 1955–1981. — Т. 21. — С. 22).

⁵ *Лексин В. Н., Швецов А. Н.* Реформы и регионы: системный анализ процессов реформирования региональной экономики, становления федерализма и местного самоуправления. — М.: Ленанд, 2012. — 1024 с.

хаос как *нерегулярное движение, описываемое детерминистскими уравнениями*¹. Со своей стороны, Поппер предлагает «методологическое правило», которое «состоит в том, что мы не должны отказываться ни от поисков универсальных законов и стройных теоретических систем, ни от попыток каузального объяснения любых событий, которые мы можем описать»².

Синергетический подход в значительной мере соответствует указанному правилу. Одной из его особенностей являются нелинейные зависимости как результат взаимодействия различных (разнородных) факторов, которые вначале устанавливаются опытным, экспериментальным путем. Они применимы к самоорганизующимся системам данного типа и могут рассматриваться по отношению к ним в качестве универсальных законов, что оправдывает наше внимание к работам К. Поппера как одной из мировоззренческих и методологических предпосылок синергетического подхода и дает возможность не сводить синергетику к математическим моделям, пригодным для тех или иных дисциплин, а рассматривает ее как научно обоснованный способ видения мира и метод исследования окружающей действительности. Иначе говоря, вопреки обличителям социальной «псевдосинергетики»³ Г. Хакен признавал применимость понятия «синергетика» в таких дисциплинах, как социология и экономика. Продолжая эту мысль, он пишет: «Можно надеяться, что синергетика внесет свой вклад в дело взаимопонимания и дальнейшего развития кажущихся совершенно различными наук... Синергетика — очень молодая наука, и в ней нас ожидают еще много удивительных результатов. Я надеюсь, что данная книга, как введение в эту область, будет стимулировать дальнейшие исследования и поможет читателю сделать свои собственные открытия в области изучения свойств самоорганизующихся систем»⁴.

В настоящее время рано подводить итоги формирования концептуального каркаса современной экономической теории даже применительно к безусловно ограниченному опыту автора и более широкого круга российских экономистов. Дело не только в постоянно увеличивающемся числе новых экономических теорий (о некоторых из них автор высказался в других своих публикациях⁵). Представляется, что основным направлением дальнейшего развития могла бы стать экономическая синергетика. К сожалению, ее контуры и концептуальный каркас еще не определены. Основатель синергетики Г. Хакен в одну из своих работ включил главу «Синергетические эффекты в экономике»⁶.

¹ Хакен Г. Синергетика: пер. с англ. / под ред. Ю. Л. Климонтовича, С. М. Осовца. — М.: Мир, 1980. — С. 363.

² Поппер К. Логика и рост научного знания: избранные работы: пер. с англ. / под общ. ред. В. Н. Садовского. — М.: Прогресс, 1983. — С. 84–85.

³ Губин В. Б. Псевдосинергетика — новейшая лженаука // В защиту науки. — М.: Наука, 2006. — Бюллетень № 1. — С. 110–119.

⁴ Хакен Г. Синергетика: пер. с англ. / под ред. Ю. Л. Климонтовича, С. М. Осовца. — М.: Мир, 1980. — С. 381–382.

⁵ См., например: Дятел Е. П. Статус экономической теории как научной и учебной дисциплины // Журнал экономической теории. — 2021. — Т. 18, № 3. — С. 374–388.

⁶ Хакен Г. Тайны природы. Синергетика: учение о взаимодействии: пер. с нем. — М.–Ижевск: Ин-т компьютер. исслед., 2003. — С. 163–188.

Наряду с иллюстративным материалом, свидетельствующим о возможностях использования синергетического подхода, он высказывает ряд важных замечаний о его роли в изучении экономических явлений. Два из них нам представляются особенно актуальными в свете исследований, посвященных экономической синергетике.

Первое замечание — как и в предыдущих работах, Г. Хакен акцентирует внимание на роли среды, когда «из-за определенных изменений внешних условий состояние системы становится неустойчивым»¹. Именно неустойчивость является фактором перехода от стационарного состояния к процессам развития, даже если они сопровождаются временными катастрофами. С этих позиций представляется оправданным внимание пионеров экономической синергетики к пространственной экономике, особенно экономике города².

В экономической теории аналог и обобщение указанного тезиса мы связываем с дальнейшим осмыслением роли инфраструктуры, понимаемой в достаточно широком смысле, т. е. включающей в себя природные (естественно сформировавшиеся) элементы и институциональные, в первую очередь правовые, структуры, обеспечивающие функционирование и развитие хозяйственной жизни общества. Вместе с тем необходима дальнейшая методологическая проработка базовых характеристик «диссипативных систем»³.

В новом столетии вокруг взглядов и ряда утверждений автора этого понятия — И. Р. Пригожина возобновилась дискуссия, начатая российским физиком и математиком С. П. Курдюмовым. Комментируя известную статью И. Р. Пригожина «Философия нестабильности»⁴, он высказывает мнение, что «Пригожин, по крайней мере в данной статье, слишком расширил роль нестабильности, настаивая на принципиальной непредсказуемости поведения сложных систем (к которым, несомненно, принадлежит и наш мир в целом)». Мы присоединяемся к заключению этого, ушедшего из жизни, крупного ученого: «Хаос, по словам Пригожина, ставший уже почти поговоркой, порождает порядок. Причем порядок, который выражается еще и в том, что возникать могут не какие угодно структуры, а лишь их определенный набор, задаваемый собственными функциями среды»⁵. Но, безусловно, диалектика детерминизма и индетерминизма в социальной среде нуждается в дополнительном рассмотрении, причем не только представителями естественно-научных дисциплин⁶.

¹ Хакен Г. Тайны природы. Синергетика: учение о взаимодействии: пер. с нем. — М.–Ижевск: Ин-т компьютер. исслед., 2003. — С. 164.

² Занг В.-Б. Синергетическая экономика. Время и перемены в нелинейной экономической теории: пер. с англ / под ред. В. В. Лебедева, В. Н. Разжевайкина. — М.: Мир, 1999. — Гл. 8.

³ Пригожин И. Р. Конец определенности: время, хаос и новые законы природы. — Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2000. — 208 с.

⁴ Пригожин И. Р. Философия нестабильности // Вопросы философии. — 1991. — № 6. — С. 46–57.

⁵ Гудкова С. А., Джумагалиева Л. Б., Еськов В. М., Карпин В. А. Философия нестабильности И. Р. Пригожина порождает иллюзию нестабильности биосистем. — URL: https://vk.com/@ave_chaos907-filosofiya-nestabilnosti-ir-prigozhina-porozhdaet-illuziu-ne (дата обращения: 09.10.2022).

⁶ Буданов В. Г., Филатов М. А., Вохмина Ю. В., Журавлева О. А. Философия нестабильности и синергетика // Сложность. Разум. Постнеклассика. — 2016. — № 2. — С. 66–74.

Второе замечание — относительно применения математики в экономических исследованиях Г. Хакен пишет: «Как и для любой другой теории в рамках экономических и особенно социальных наук, для синергетики существует проблема интерпретации полученных ею математических результатов, и объясняется это прежде всего тем, что для всех экономических процессов характерны обширные и неразрывные социальные связи: они глубоко проникают в жизнь каждого отдельного человека — как в общественную, так и в частную. В этом и заключается одна из причин того, что математические выкладки оказываются здесь неприменимы»¹. Далеко не все с согласятся таким выводом, но, по нашему мнению, Хакен говорит скорее о границах применения математики в социально-экономических исследованиях. Она плодотворна в микро- и макроэкономике, однако промежуточный (мезо-)уровень, т. е. сам человек, во всем многообразии своих отношений с природой и обществом, не может быть сведен к математическим абстракциям.

Рассмотрение этих и других проблем и путей становления экономической синергетики может стать предметом последующих исследований.

1.3. Обновление методологии пространственных исследований: философия космической реальности — от социо- к культуроцентричности экономики

Потребность в обновлении общенаучной исследовательской методологии обусловлена возникновением новой реальности, для которой характерны:

1) усложнение и расслоение социально-экономического пространства, изменение его масштабности от нано- до глобального и даже космического; ускорение и возросшая частота социально-экономических процессов в конце XX — начале XXI века, носящих разрушительный характер; время, описываемое как «время турбулентности», «бифуркационный переход»; «сжатие», «сетевизация» и «виртуализация» пространства;

2) разворачивание стратегий эпохи торговых войн, трансформация пространств национальных государств; стратегии создания «серых зон», пространств гибридных войн; слабая предсказуемость событий; использование пространственной инфраструктурной системы как стратегического каркаса для оказания быстрого влияния на хаотизацию пространства;

3) накопление явлений, фактов, открытий, не вписывающихся в традиционную картину мира, отражаемую эмпирической наукой; обостряющаяся потребность исследователей раздвинуть рамки познаваемой реальности и методологии ее изучения;

¹ Хакен Г. Тайны природы. Синергетика: учение о взаимодействии: пер. с нем. — М.-Ижевск: Ин-т компьютер. исслед., 2003. — С. 188.

4) поиск потенциала возрождения, трансформации социума: недостаточно четкая постановка целей устойчивого развития, технологической, социальной (в том числе и экономической) революции; осознание необходимости признания и включения «нематериальных» факторов, духовной сферы в формирование образа будущего;

5) отсутствие инструментария долгосрочного целеполагания, стратегического прогнозирования, решения междисциплинарных проблем, вызванных давлением и кризисом «цивилизации праздности», усилением прозрачности и социальной атомизации жизни, стремлением к бесконтактной жизни, трансформацией систем коммуникаций, носящих преимущественно сетевой характер, и других явлений, приводящих к утрате смысла и ориентиров человеческого существования, дегуманизации жизни и творчества, к расчеловечиванию.

Изменение масштабов новой реальности, не осознаваемой по последствиям деятельности человечества, до космических формирует ее как новую — космическую — реальность и актуализирует включение в методологию научных исследований, в частности в методологию стратегического прогнозирования знания о пространственной суперсистеме «Космос — Человек», ее связности, закономерностях, динамике.

Пространственная экономика в поле региональных исследований «зашла» в конце XX века и продолжает развиваться по аналогии с европейскими моделями пространственных преобразований, пространственного планирования, опираясь на западные исследовательские методологии. Очевидно, что новая реальность в России имеет свои методологические источники, уходящие корнями в философское, духовное и культурное наследие продолжающейся, но не осознанной Духовной революции, предполагающей синтез одухотворенной науки, пророческого искусства, религии как живой связи с Высшими мирами.

Такой синтез новых подходов к выявлению познавательного и когнитивного потенциала философии русских космистов, развития на основе ее парадигм методологии науки мы находим в философии космической реальности, активно обсуждаемой исследователями в рамках Восьмого российского философского конгресса «Философия в полицентричном мире»¹.

Проводя сравнение различных точек зрения на понимание культуры, стереотипы которого активно переносятся в область практического применения разных направлений науки — в менеджмент, педагогику, стратегическое управление², но имеют пока преимущественно утилитарный, подчиненный, развлекательный характер, считаем, что необходимо расширить понимание культуры

¹ Дьяченко И. Ю. Познавательный потенциал Живой Этики // Восьмой Российский философский конгресс «Философия в полицентричном мире». Круглые столы: сб. науч. ст. — М.: Логос, 2020. — С. 1166–1168; Лавренова О. А. Философское наследие Рерихов и новые горизонты научного познания // Восьмой российский философский конгресс «Философия в полицентричном мире». Круглые столы: сб. науч. ст. — М.: Логос, 2020. — С. 1146–1148.

² Сурнина Н. М., Пестолова О. В. Культурное сотрудничество — энергия нового времени // Осознание Культуры — залог обновления общества. Перспективы развития современного общества: материалы XXII Всерос. науч.-практ. конф. (Севастополь, 16–17 апреля 2021 г.). — Севастополь: РИБЕСТ, 2021. — С. 113–114.

как источника импульса, динамизирующего пространственные изменения, с позиции современных открытий науки и философии космической реальности.

Сформировавшееся в России в начале XX века уникальное направление миропонимания — космизм, развиваемое как естественно-научное, философско-религиозное и художественно-культурологическое направление, является до сих пор не оцененным наследием, обладающим огромным познавательным, методологическим и педагогическим потенциалом.

Ряд положений новой междисциплинарной исследовательской методологии, представленных во втором издании вышедшей в 2021 г. на двух языках книги историка, философа, востоковеда, академика РАН и Российской академии космонавтики имени К. Э. Циолковского, общественного деятеля и соратника известных российских дипломатов Е. М. Примакова, Ю. В. Воронцова — Л. В. Шапошниковой — «Философия космической реальности», наряду с актуальностью обладают особой новизной постановки, обусловленной синтезом западной и восточной мысли, дополняющей и формирующей метанаучное основание, будущую парадигму пространственных исследований¹. Каковы, на наш взгляд, эта положения?

1. Переосмысление на основе метаподходов (больших пространств, больших циклов — больших данных) современного этапа «пространства-времени». Распознавание и идентификация в пространстве России конца XIX — начала XX века двух одновременно протекающих, но еще не вполне осознанных исторических процессов — Духовной революции, включающей в себя и научную сферу, и революции социальной, имевших различные основы, причины, источники, культурные основания, цели, проявления и потенциал. «Мировоззренческой платформой социальной русской революции являлось социологическое мироощущение XIX века, в основе которого лежала социально-экономическая доктрина крупнейшего ученого Германии Карла Маркса. Эта доктрина и стала фундаментом идеологии русской социальной революции, идеологии, получившей название марксизма-ленинизма. Если диапазон действия социальной революции ограничивался земными рамками, то Духовная революция простирала свои крылья в Космос, взаимодействуя с ним и связывая воедино земное и небесное. Она заложила основы космической переориентации важнейших форм познания, таких как философия, наука, искусство»². «...Научная революция XX века была неотъемлемой частью Духовной революции, в которой были тесно переплетены ее составляющие — философия космического мироощущения, научные достижения, нахождения религиозной и гностической мысли и озарения поэзии и искусства»³. Результатом Духовной революции должна была стать новая эволюционная ступень развития — «Человек, творящий МИР, ДОБРО и КРАСОТУ». Расцвет Великой Космической Державы в пространстве Культуры на основе новых синтетических знаний о Человеке и Пространстве — вот образ будущей России в данной концепции.

¹ Шапошникова Л. В. Философия космической реальности. — М.: МЦР, 2021. — 268 с.

² Там же. — С. 8.

³ Там же. — С. 20.

К сожалению, историки отмечают, что в начале XX века преобразования пошли по пути социальной, а не Духовной революции. Дело в том, что социальная революция связана с целями цивилизационного развития систем, с производством и распределением благ. Духовная революция протекает в пространстве творчества, точнее — в пространстве вдохновенного творчества — Со-творчества, т. е. в пространстве Связи с Высшей системой, в Духовном пространстве, разворачивающемся в пространстве Культуры. Цели и механизмы социальной революции вытеснили и разрушили предпосылки духовной, усугубив господство материалистической методологии науки, в том числе и пространственных исследований. Отойдя от подхода «Живого, одухотворенного космоса» долгое, система «Человек — Пространство» долгое время в России мыслилась, изучалась и трансформировалась на основе конструктивизма, через функции планирования, управления, конструирования, размещения. Пространство представлялось как вместительное пространство ресурсов, пустота, поле деятельности человека, а также как вид, закончивший эволюцию — «венец (т. е. финал) эволюции». Подобный методологический подход привел к той новой реальности, которую сегодня пытаются урегулировать в планетарном масштабе посредством Стратегических целей ООН в области устойчивого развития, хотя динамика выполнения свидетельствует о их неэффективности.

2. Одухотворение Пространства, признание существования инобытийности. Это придаст смысл бытию, позволит обосновать необходимость изучения связи макро- и микрокосмов, Творца и человека, вернуть в научное пространство духовный опыт и мироощущение мыслителей-космистов, и особенно представителей русского космизма, изгнанного и запрещенного, скрытого и на долгое время забытого.

3. Повышение интереса в методологическом плане к сравнительному историческому анализу способов познания в гносеологии XX века, развившихся из одного источника — ранней универсальной системы познания, присущей мифологическому сознанию¹, к научному, основанному на эксперименте², и сверхнаучному, включающему информацию, приходящую из пространства материи иных состояний и измерений³. Возможность одухотворения науки реализуется путем включения *информационного потока метанауки*, исторически первично проявившегося в сфере культуры и искусства, формирования *расширенной системы методов познания* на основе синтеза новых явлений в привычную картину мира, развития адекватных современности методологических основ естественных, гуманитарных, общественных наук, сферы культуры и образования.

Различая основания двух революционных процессов — социального и духовного, опираясь на исследование профетичности культурного поля, автор «Философии космической реальности» показывает острую эволюционную необходимость изменения научной парадигмы в начале XX века. Исторически

¹ Шапошникова Л. В. Философия космической реальности. — М.: МЦР, 2021. — С. 8.

² Там же. — С. 9.

³ Там же. — С. 10.

обусловленным является то, что плеяда мыслителей, названных впоследствии космистами, обладающих способностью к синтетическому пространственному мышлению, появилась именно в России — Вл. С. Соловьев, К. Э. Циолковский, В. И. Вернадский, А. Л. Чижевский, Н. А. Бердяев, П. А. Флоренский, С. Н. Булгаков, И. А. Ильин. Их духовные искания были направлены в Высшие миры и приносили человечеству искру нового знания и миропонимания. Особое и самое непосредственное отношение к созданию новой системы познания имела мыслетворческая, энергоинформационная, художественная, культурная, миротворческая и общественная деятельность мыслителей-космистов, принесших миру синтез высших этических и философских воззрений Запада и Востока как «гносеологический каркас» новой философии космической реальности¹, обновления методологии пространственных исследований.

Следуя за мыслью философии космической реальности по пути поиска новой научной парадигмы, можно осознать необходимость перехода от стереотипных понятий «человек разумный», «творящий», «играющий», «человек нищезанятый», «фрейдистский», «марксистский», «рабочая сила», «трудовой ресурс», «персонал», «человеческий капитал», «человек растерявшийся» к человеку, осознающему свою эволюцию, человеку космическому, духовному. Отмечается, что «осознание роли человека в Космосе как *носителя духа* (выделено автором. — Н. С.) свидетельствует о совершенно новой парадигме и новых подходах к исследованию пространства человека как такового. Отрицание двойственности внутреннего мира человека, превращение духа в „невегетативное начало“, и вытекающая отсюда утрата реальности космического человека — все это привело ко многим крупным бедам в социальной и культурной жизни переломного XX века»², и, как мы видим, XXI века тоже.

Обобщив взгляды космистов и назвав формирующуюся картину мира «Философией космической реальности», Л. В. Шапошникова, естественно, указывает на предпосылки слияния исторически проявленных, но разошедшихся во времени, способах познания — художественного, религиозного и научного³. Новая система познания базируется на синтезе трех культурно-исторических видов мышления, потоков творчества:

а) на системе одухотворенной, «двукрылой» науки, которая развивается на основе эмпирических наблюдений (творчества интеллекта) и сигналов-озарений, вдохновений, поступающих из сфер, находящихся за пределами интеллекта («творчества души»⁴);

б) системе профетического искусства: «Через подлинное искусство, живущее по законам Красоты, энергетика Высших миров в процессе энергообмена вливается в плотные формы земного мира. Произведения истинного искусства одаривают созерцающего их энергией огня, которая делает его дух высоким, а сознание — расширенным»⁵;

¹ Шапошникова Л. В. Философия космической реальности. — М.: МЦР, 2021. — С. 10–28.

² Там же. — С. 51.

³ Там же. — С. 83–89.

⁴ Там же. — С. 33–36.

⁵ Там же. — С. 50.

в) религии как форме связи с Высшим началом — «Религаре».

Следует отметить, что и в самой науке существует искусственное разделение целостности идей плеяды космистов на отдельные направления. Сегодня очевидно, что оно весьма условно. Творчество каждого представителя указанных направлений космизма неразделимо, содержит в себе все перечисленные аспекты развития сознания. Невозможно, например, отделить технические открытия К. Э. Циолковского от его «религиозно-философских» идей¹, а исследования гео- и ноосферы В. И. Вернадского — от его веры в другие состояния пространства: «Станным образом, я подхожу к идее, что атомы — изотопы — иные в живом и косном. Это во-первых, и, во-вторых, ясно, что:

1) все живое, от мельчайшей бактерии и амебы и до человека, — единое;
2) что материально оно отличается от всех косных природных тел мироздания — поскольку мы его знаем. Я думаю, что различие кроется глубже, чем в физико-химических свойствах (которые одинаковы), но в состояниях пространства-времени;

3) мы не знаем еще многого основного: есть неизвестные нам свойства человека, которые затронуты, по-видимому, индийскими мыслителями, и мы не знаем, какие процессы были или есть в природе — на Земле, в частности — которые отвечают созданию пространства-времени, отвечающего живому организму;

4) возможно, что жизнь — живой организм в отличие от всего, в природе существующего, отличается атомами;

5) это явление космическое. В Космосе Солнечная система заняла особое положение в Галактике — около <ее> центра»².

И еще: «Мое выступление в защиту религии: я ставлю или ставил сознательно на равное место философию, науку, религию. ... религиозен ли я? Я ответил положительно. Но я не вижу <в мире> проявлений Бога и думаю, что это представление вошло в человечество не научным путем и явилось следствием неправильного толкования окружающей нас природы (биосферы и видимого и осязаемого космоса). Элемент веры есть и в большевизме. Мистика мне чужда, но я сознаю, что нам неизвестны огромные области сознания, доступные, однако, до конца научному, поколениями длящемся исканию. Я давно не христианин и все высказывания диалектиков-материалистов считаю в значительной мере „религией“ — философской, но для меня ясно противоречащей даже современной науке. „Сознание“ — „мысль“ — в атомистическом аспекте связано с определенными изотопами. Метампсихоз в этом отношении — дальше идти нельзя пока — допустим, но едва ли можно думать, что личность <после смерти> сохраняется. Гилозоистический пантеизм, может быть, одна из форм

¹ Циолковский К. Э. Причина Космоса // Циолковский К. Э. Грезы о Земле и небе. — М.: АСТ, 2021. — С. 145–154; Циолковский К. Э. Жизнь человечества. — URL: <https://www.tsiolkovsky.org/ru/kosmicheskaya-filosofiya/zhizn-chelovechestva> (дата обращения: 25.09.2022); Циолковский К. Э. Космос есть животное. — URL: <https://www.tsiolkovsky.org/wp-content/uploads/2021/08/60-tsiolkovsky-kosmos-est-zhivotnoe.pdf> (дата обращения: 26.09.2022).

² Вернадский В. И. «Коренные изменения неизбежны...». Дневник 1941 года // Новый мир. — 1995. — № 5. — С. 189.

будущих религиозно-философских исканий. От витализма я так же далек, как от материализма. Думаю, что живое отличается от мертвого другим состоянием пространства. Это все доступно научному исканию. Может быть, наибольшее понимание дает для отдельного человека не наука его времени, а мир звуков — музыка»¹.

При утверждении материалистического видения мира В. И. Вернадский не отвергал и иные пространства: «...мой разговор с Л. Толстым, ... где я защищал веру в бессмертие личности. Я знал, что я одно время так думал, и знал, что в письмах не раз — соболезнуя по поводу смерти — к близким <умерших> высказывал это»².

Открытие А. Л. Чижевским циклов истории в зависимости от ритмов солнечной активности — от выражения этих космических ритмов в его поэтических и художественных произведениях.

В хранящихся в архиве РАН рукописных работах 1920 г. нашла свое отражение новая система познания. Работы А. Л. Чижевского «Основное начало мироздания. Система космоса. Проблемы»³ и «Проблема материи (электромагнетизма)» имели важнейшее методологическое значение. Главная мысль, на которой строится теория познания Чижевского, заключалась, по мнению исследователя наследия Л. В. Шапошниковой, в следующем: все земные явления, природные и человеческие, необходимо рассматривать в контексте взаимодействия Земли и Космоса. «...Не все еще явления природы, — писал он, — кажутся нам просты и понятны. Мы познали лишь те, каковые стоят ближе всего к нам со стороны двух бесконечностей: Величия Космоса и Глубины Материи. Как в неизмеримом океане теряется наша мысль за последними еле заметными звездами, сияющими на ночном небе, и в мельчайших частицах материи, столь же отдаленной от нас, как те последние светила видимой нами вселенной. Размышляя об этих взаимно-противоположных крайностях Природы, человек как бы покидает свою землю, ибо то, что представляется его взорам, выходит из пределов одной Земли: это вопросы высшего космического порядка, и разрешение их равносильно разумному объяснению своего существования и постижению всего великого, несоизмеримого с нами, здания мира. И вот перед нами высится ряд вопросов величайшей важности: удастся ли нам когда-нибудь познать природу как она есть, а не как нам кажется. Хаос или гармония управляют всем происходящим в мире; однородно или многообразно вещество, создающее видимый мир, и что оно представляет из себя; смертна или бессмертна органическая жизнь, случайна или вездесуща она; смертен или бессмертен мир; конечно или бесконечно пространство»⁴. Чижевский обладал редкой и удивительной способностью — правильно ставить во-

¹ Вернадский В. И. «Коренные изменения неизбежны...». Дневник 1941 года // Новый мир. — 1995. — № 5. — С. 194–195.

² Там же. — С. 211.

³ Чижевский А. Л. Основное начало мироздания. Система космоса. Проблемы // Духовное созерцание. — 1997. — № 1–2. — С. 105–149.

⁴ Шапошникова Л. В. «...Сын Земли, причастный к силе Феба» // Шапошникова Л. В. Великое путешествие: в 3 кн. — Кн. 3: Вселенная Мастера. — М.: МЦР, 2005. — С. 497–609.

прос и получать на него правильный ответ в ходе эксперимента или творческого размышления. Он сразу методологически определил пространство познания, а оно оказалось космично широким, если не бесконечным — от величия или грандиозности Космоса до глубины Материи. Иными словами, пространство познания охватывало и макрокосм, и микрокосм. Оно было обусловлено единством обоих явлений и обладало протяженностью от бесконечно большого к бесконечно малому, от бесконечно высокого к бесконечно глубокому. Между этими бесконечностями находятся все тайны Материи, которые и предстояло познать. Познание же это зависело от правильной методологии, которую и предложил Чижевский. Система познания молодого ученого выходила за земные границы. Она также расширялась в сторону не экспериментальных методов, которые, по убеждению Чижевского, должны были составлять вместе с эмпирическими методами исследования целостную систему познания. «Не все может быть уловимо наблюдением или опытом, — утверждал он, — (чтобы) создавать гипотезы и теории. Чтобы приблизиться к разрешению этих вопросов, человеку необходимо (иметь) нечто, стоящее вне опыта, а именно известную внутреннюю способность отвлеченного мышления, логическое и образное творчество. Только в этой области ясно обнаруживается скрытая способность человеческого ума проникать, не покидая строго научной почвы, туда, куда не достигает самый современный, непосредственный опыт — в подлинные, сокровенные глубины природы»¹. Соединение эмпирического метода исследования с вненаучным, или метанаучным, действовавшим в духовном пространстве человека, было необходимо для создания новой системы познания космического мышления. «Но человеческому духу свойственно неискоренимое желание разгадать внутреннюю сущность вещей и дали неба, простертого пред его взорами. И хотя научный прогресс человечества сводится к расширению радиуса наших чувств, к постепенному приближению к нам как бесконечно малых, так и бесконечно больших объектов, все же столкновение желательного с возможным — неминуемо. Это столкновение желательного с достижимым возможно устранить только искусственным путем. И тут человек отыскал себе удовлетворение в том, что воплотил недоступное и непостижимое — в образы; и можно смело сказать, что концепция таких образов принадлежит к величайшим достижениям»².

П. А. Флоренский, читая лекции по русской иконописи, использовал тематические доказательства многомерности пространства, Инобытия и его изображения методом обратной перспективы, а также стоял на позиции духовного материализма, считая мысли индивидуальными живыми сущностями в пространстве, обладающими энергией³.

¹ Чижевский А. Л. Основное начало мироздания. Система космоса. Проблемы // Духовное созерцание. — 1997. — № 1–2. — С. 107.

² Там же. — 107 с.

³ Флоренский П. А. Мнимости в геометрии. Расширение области двумерных образов геометрии: опыт нового истолкования мнимостей. — М.: Лазурь, 1991. — С. 51; Флоренский П. А. Пределы гносеологии (основная антиномия теории знания) // Флоренский П. А. Сочинения: в 4 т. — М.: Мысль, 1996. — Т. 2. — С. 48.

Путешественник-исследователь российского и евразийского пространства, археолог, художник, философ, педагог, общественный деятель, миротворец Н. К. Рерих, яркий представитель идей русского космизма, всю жизнь посвятивший идее служения России, поиску истоков ее духовного развития, сохранения Культуры как высшего знания человечества, выдвинув охранный международный Пакт, давал отличающиеся от ее утилитарного представления, глубокие определения этому энергетическому явлению, без которого невозможно формирование преобразующей пространство культуры сотрудничества¹ — основы дальнейшего развития человечества. Н. К. Рерих писал: «Культура есть почитание Света. Культура есть любовь к человеку. Культура есть благоухание, сочетание жизни и Красоты. Культура есть синтез возвышенных и утонченных достижений. Культура есть оружие Света. Культура есть спасение. Культура есть двигатель. Культура есть сердце. Если соберем все определения Культуры, мы найдем синтез действенного Блага, очаг просвещения и созидательной Красоты...Осуждение, умаление, загрязнение, уныние, разложение, все порождения невежества не приличны Culture. Ее великое древо питается неограниченным познанием, просвещенным трудом, неустанным творчеством и подвигом благородным»².

Обозначим важнейшие положения философии космической реальности в аспекте обновления методологии пространственных исследований.

Во-первых, на смену концепту плотной материи приходит целостная парадигма духо-материи, в которой определяющим является именно духовный импульс, первичность духовного пространства: «Энергия духа одухотворяет материю, являясь особым видом тонкой материи, обладающим высоковибрационной энергетикой. И как любая материя, дух обладает способностью к эволюции и создает на основе двойственности то явление относительности, которое заполняет Космос бесчисленным количеством различных состояний материи»³.

Во-вторых, понятие пространства как «вместилища ресурсов» заменяется на «одухотворенный живой Космос» — организменную, холистичную, самоорганизующуюся и самотворящую на принципах гармонии и красоты суперсистему. «Мироздание есть целостная энергетическая система, состоящая из различных энергетических структур, включая человека, которые взаимодействуют между собой в грандиозном энергоинформационном обмене. Последний является одной из движущих сил космической эволюции»⁴.

В-третьих, человек представлен как беспредельно существующая, исчезающая в своей высшей энергетической структуре сущность, как подобная и неотделимая от Космоса пространственная сложная система, несущая в себе все признаки и потенциальность высшей Системы — одухотворенного живого Космоса. И энергия творчества человека является аналогом Реальности более

¹ Рерих Н. К. Культура — сотрудничество. — URL: <https://lib.icr.su/node/110> (дата обращения: 26.09.2022).

² Рерих Н. К. Культура — почитание Света. — URL: <https://lib.icr.su/node/711> (дата обращения: 20.09.2022).

³ Шапошникова Л. В. Философия космической реальности. — М.: МЦР, 2021. — С. 35.

⁴ Там же. — С. 39.

высокого порядка и связана с Ней множеством осознанных и неосознанных связей. Также по-новому определяется роль человека в эволюционном процессе как участвующего в одухотворении жизни, раскрытии своей одухотворенной творческой природы в бесконечно большом времени, в сопричастности к величественному и прекрасному Со-Творчеству: «... человек, осознавший себя, в состоянии понять свою двойственность, в которой заключены не только дух и материя, но и небесное и земное, мир плотный и мир тонкий, мир эволюции и мир инволюции, мир Высший и мир низший. В данном случае именно он, человек, — *главный инструмент эволюции* (выделено автором. — Н. С.), без которого и невозможен эволюционный процесс одухотворения материи, переход ее из одного состояния в другое, более высокое, достижение миров более высокого измерения¹.

В-четвертых, раскрывается взаимодействие, связность систем: существуют ритмы согласования потоков творческих процессов — Космоса и человека через импульсы энергоинформационного обмена, в том числе реализующихся на Земле в пространстве Культуры. Законы, обусловившие неисчезновение и передачу информации, накопленной в ходе земного творчества человеком в его духе, объясняют каузальность формирования его жизни в материальном мире. «Великие законы, как закон цикличности развития Космоса, закон гармонии, закон космического восхождения, закон причинно-следственных связей и ряд других, обуславливают энергетические особенности развития Космоса и закономерности его эволюции»².

В-пятых, обосновывается положение о том, что сфера Культуры выступает проявлением, причиной и необходимым условием эволюции всей системы человека как индивидуальности и его сообществ. На основе подходов синергетики показана необходимость синтеза и гармонизации целей культуры и цивилизации с приоритетом первой: «*Культура*, в отличие от цивилизации, *является самоорганизующейся системой духа*, действующей согласно уровню и качеству энергетике этого духа. Иными словами, *самоорганизация духа есть форма существования Культуры*. <...> энергообмен складывает или превращает дух в систему Культуры»³.

В-шестых, раскрывается *механизм прорывов* в расширении сознания и процессе познания. Энергоинформационный обмен происходит через живое взаимодействие конкретных людей с созвучной энергетикой по принципу «Высшее ведет низшее». Поэтому «очень важное место во всех культурах, «реже всего в восточных, занимает связь „учитель — ученик“ как принцип и система познания, как единственный путь к Знаниям высшего порядка»⁴.

В-седьмых, в философии космической реальности сформулированы основные принципы Пространства Бытия духовного Космоса — Космические законы Суперсистемы, которые универсальны для всех слоев пространства. Знание основных законов пространства об энергоинформационном обмене прояс-

¹ Шапошникова Л. В. Философия космической реальности. — М.: МЦР, 2021. — С. 34.

² Там же. — С. 46.

³ Там же. — С. 73.

⁴ Там же. — С. 42.

няет, что бурно развивающаяся цифровая форма представления знаний нечеловекомерна, не может полностью заменить энергетику взаимодействия так называемых «аналоговых» систем — одухотворенного Космоса и человека, наделенных вселенским, космическим языком — свето-цвето-звукообразов Красоты (изучаемым семантикой, когнитивистикой и информатикой), результатов вдохновенного Творчества — произведений науки, искусства и культуры. Цифровая форма представления знаний имеет обслуживающую функцию в создании и сохранении информации, несет в себе риски коммерциализации и возникновения заменителей — суррогатов красоты, массовой культуры и в итоге может привести к расчеловечиванию.

В-восьмых, философия космической реальности раскрывает эволюцию человека, которая связана с его непрерывным бесконечным духовным восхождением, преобразованием в пространстве Культуры. Такое преобразование обусловлено личным этическим развитием, связью со сферой культурных образцов высшего порядка — культурных героев, подвижников, носителей идей, принципов и творчества, созвучных с законами Космоса.

В-девятых, именно в пространстве *Культуры* происходит проявление и защита «человеческого (духовного) в человеке» от давления и захвата его сознания моделями нечеловекомерной цивилизации. Особенно это важно для приходящих поколений — детей, обладающих новыми расширенными проявлениями сознания. Космисты оставили богатое, но все еще малоизвестное наследие из своей научно-исследовательской, культурно-художественной и педагогической практики¹. Развивающаяся педагогика Культуры — практическая деятельность, направленная на создание возможностей осознания и развития у детей естественной связи с космической реальностью, развития пространственного, космического мышления.

Практическая значимость философии космической реальности заключается в следующем:

1) сформулированы научные основы формирования культуросцентричной экономики в общественном строительстве как фокус преобразования социально-экономического пространства;

2) проведенный каузальный, телеологический и исторический анализ парадигмальных понятий «Цивилизация» и «Культура» показал их разницу в целях и губительных последствиях их уравнивания и дисбаланса;

3) обоснована значимость, первичность духовно-культурной сферы для эволюции каждого человека, а также необходимость личной деятельности в культурно-духовном пространстве;

4) даны ключи для практического преобразования самого исследователя — ученого, становящегося аналоговым инструментом познания, чтобы открыть свое сознание навстречу новым энергоинформационным потокам;

5) для сферы искусственного интеллекта сформированная исследовательская методология философии космической реальности является примером ал-

¹ *Проблемы* русского космизма: материалы Междунар. науч.-обществ. конф. 2013. — М.: МЦР, 2016. — 384 с.

горитма при обработке Больших данных, устанавливающего каузальность взаимосвязей явлений и процессов в пространственных системах глобального и макросистемного масштаба.

В заключение еще раз подчеркнем, что синтез знаний в книге Л. В. Шапошниковой «Философия космической реальности» предстает как основанный на российском культурно-историческом фундаменте космизма глубочайший, научно обоснованный источник обновления общей парадигмы миропонимания, парадигмы гуманитарных наук, пространственных исследований¹, приоритетности создания культуросцентричной экономики, методологии познания культурологических и культур-философских исследований как основа обновления образования и практики общественной жизни.

Таким образом, рассмотрение эволюции, этапов научной мысли, представлений о пространстве, о пространственной экономике и динамике преобразований требует обновления методологии системных научных исследований пространственных трансформаций, представления картины мира в масштабах новой целостной системы «Человек — Космос».

Российские ученые — это наследники Духовной революции, носителями идей которой явились представители нового космического мироощущения, создавшие основы русского космизма, длительное время замалчиваемого в условиях существования агрессивно-материалистического научного мировоззрения.

В условиях нарастающей изменчивости пространства человек с его внутренним пространством-мироощущением выдвигается на роль, обеспечивающую устойчивость и резильентность, т. е. может стать более устойчивым элементом пространства, чем так называемый «каркас» территории.

Обновленная методология требует слияния двух разъединенных концепций миропонимания — материальной и духовной на поле культуры, понимаемой энергетически как *импульс самоорганизации* системы эволюции пространства, но не как сфера развлечения и приятного времяпрепровождения.

Необходимо различать понятия «Цивилизация» и «Культура», имеющие свои цели, энергетику, механизмы, чтобы обеспечить гармоничный баланс новой космической реальности — культуросцентричной экономики.

Законы культурно-духовного пространства должны быть критериями преобразований, так как духовность может проявляться только в пространстве Культуры. В центре стратегической прогнозной модели приоритетных преобразований в России должна находиться модель создания *культуросцентричного социально-экономического пространства*, заменяющая социальную модель распределения и перераспределения материальных благ.

¹ См., например: *Сурнина Н. М. Пространственная экономика: проблемы теории, методологии и практики* / под науч. ред. Е. Г. Анимиды. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2003. — 281 с.; *Кластеры нооэкономики: региональные особенности, методы и механизмы* / под науч. ред. Н. М. Сурниной. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2007. — 160 с.

1.4. Предметное поле региональной экономики и финансов: расширяем, развиваем, обогащаем

В научной школе региональной и муниципальной экономики, возглавляемой профессором Е. Г. Анимицей, в течение многих лет ведутся исследования по самым разнообразным направлениям, которые в зависимости от объекта исследования можно разделить на две группы: классические и новые.

К классическим направлениям исследований, которыми занимается научная школа региональной и муниципальной экономики, относятся:

- 1) собственно региональное направление — исследование регионов различных типов: срединных, традиционно-промышленных, проблемных и т. д.;
- 2) городское направление — исследование городов различных типов: крупнейших, малых, горнозаводских, закрытых, а также городских агломераций и т. д.;
- 3) размещение производительных сил на уровне регионов и макрорегионов;
- 4) системное направление — исследование региональных систем и подсистем различных видов;
- 5) рыночное направление — исследование региональных и локальных рынков.

К новым направлениям исследований научной школы региональной и муниципальной экономики, приводящим к расширению предметного поля региональной науки, следует отнести:

- 1) пространственное направление — исследование объектов, процессов, явлений не просто в структуре региональной экономики, а в координатах экономического пространства региона;
- 2) индустриальное направление — исследование новой индустриализации в экономическом пространстве региона, а также исследование новых индустриальных городов и муниципальных образований индустриального типа;
- 3) стратегическое направление — исследование процессов стратегирования на региональном и муниципальном уровне, формирования и реализации городской политики;
- 4) муниципальное направление — исследование различных видов муниципальных образований: городских округов, муниципальных районов, приграничных муниципальных образований, периферийных муниципальных образований;
- 5) инфраструктурное направление — исследование производственной, рыночной, инновационной, социальной, транспортной инфраструктуры как на региональном, так и на локальном уровне;
- 6) финансовое направление — исследование региональных и местных бюджетов, бюджетного процесса, казны и т. д.

Остановимся на финансовом направлении и покажем, каким образом оно способствовало расширению предметного поля региональной экономики в нашей научной школе.

Исследование бюджетов крупнейших городов проводилось в 1996–1999 гг. на фоне трансформации социально-экономических отношений, обусловившей

необходимость глубокого, всестороннего изучения и осмысления новых аспектов действительности, в том числе на уровне городских поселений. Российские города в результате реформ избавились от чрезмерной опеки вышестоящих управленческих структур, и задачи их развития перестали отражать лишь ведомственно-производственные интересы. Города постепенно приобрели статус относительно самостоятельных социально-экономических образований. С другой стороны, важной составной частью преобразований выступало в тот период времени становление демократического государства. Его неотъемлемым элементом является формирование, укрепление и развитие местного самоуправления, в том числе в пределах крупнейших городов. Концепция местного самоуправления позволила признать город в качестве относительно автономного объекта управления и самоуправления. Это предполагает принципиальное обновление форм, методов и инструментов управления территориальным комплексным развитием. Одним из таких инструментов воздействия стал бюджет города.

Следует отметить, что местные бюджеты являлись довольно популярным объектом исследования ученых-финансистов, однако в предметное поле региональной экономики они были включены в связи с реформированием общественно-политических и экономических отношений. В 1999 г. была защищена диссертация «Исследование особенностей формирования и развития структуры бюджета крупнейшего города», научная новизна которой заключалась в приоритетной постановке и решении задачи комплексного, сопряженного анализа проблем формирования бюджета и социально-экономического развития крупнейшего города. Были получены следующие новые теоретико-методологические результаты:

а) теоретически обоснована и дана оригинальная трактовка понятия «бюджет города», раскрыта его сущность, структура и содержание с точки зрения системного подхода и представления о городе как о сложноорганизованной системе;

б) применен комплексный анализ системы факторов и условий, влияющих на формирование и состояние бюджета крупнейшего города, представляющий собой специфическую технологию проведения систематизации неоднородных совокупностей;

в) выделены и охарактеризованы циклы (этапы) развития бюджета крупнейшего города, доказана их синхронность с процессом эволюции местного самоуправления в России;

г) выявлена специфика структуры бюджета крупнейшего города в условиях происходящих социально-экономических преобразований;

д) аргументирована приоритетная значимость регулирования бюджета в системе городской политики и предложены направления использования бюджета в финансовом обеспечении социально-экономического развития города, совокупность мероприятий по мобилизации доходов в бюджет города¹.

¹ Дворяжкина Е. Б. Исследование особенностей формирования и развития структуры бюджета крупнейшего города: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.04, 08.00.10. — Екатеринбург, 1999. — 183 с.

Одной из «фирменных» черт исследований, проводимых в научной школе региональной и муниципальной экономики, является применение эволюционного подхода, с помощью которого выделяются этапы развития того или иного объекта (явления). Не является исключением и местный бюджет. В процессе эволюции, при переходе с одного этапа развития на другой, появлялись новые аспекты характеристики местного бюджета, неизменно базирующиеся на сущности местного самоуправления (рис. 1).

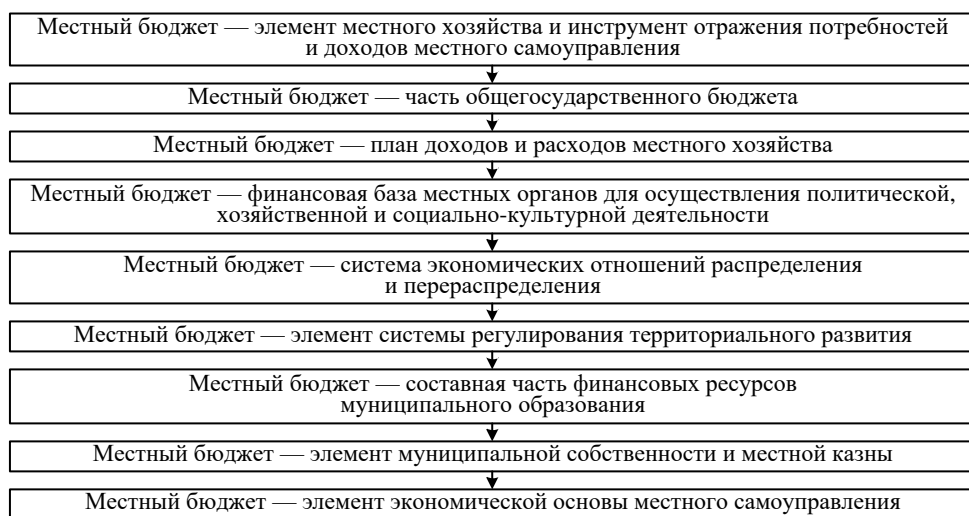

Рис. 1. Эволюция сущности понятия «местный бюджет»¹

Следующим интересным объектом исследований, расширяющим предметное поле региональной экономики, стала городская казна. На рубеже 1990–2000 гг. активно шел поиск способов повышения эффективности использования муниципального имущества и, соответственно, роста неналоговых доходов местных бюджетов. Особая актуальность тематики научного исследования о казне, необходимость разработки вопросов теории и методологии формирования и развития муниципальной казны в условиях трансформации экономики, высокая практическая значимость проблем регулирования казны и рационального использования казенных объектов как инструмента саморазвития города содействовали развитию предметного поля региональной экономики.

В 2001 г. в нашей научной школе была защищена диссертация на тему «Формирование и использование муниципальной казны крупнейшего города: нефинансовый аспект». Целью исследования явилось определение теоретико-методологических основ формирования и использования муниципальной казны как одного из ключевых компонентов экономики города, разработка конкретных рекомендаций по активизации городской политики и совершен-

¹ *Муниципальная экономика* / под общ. ред. Я. П. Силина, Е. Г. Анимцы. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2021. — С. 385.

ствованием организационного обеспечения процесса управления муниципальной казной.

Научная новизна заключается в том, что это было первое обобщающее и специальное конкретное исследование, в котором предпринята попытка осмысления процессов формирования и использования муниципальной казны крупнейших российских городов в контексте современной социально-экономической ситуации. Были получены следующие теоретико-методологические, методические и практические результаты, определяющие новизну работы:

а) теоретически обоснована новая трактовка понятия «муниципальная казна», раскрыты его сущность и содержание;

б) предложен методический инструментарий анализа системы факторов и условий, влияющих на формирование и использование муниципальной казны;

в) обоснована необходимость ведения раздельного учета муниципального казенного и неказенного имущества в реестре муниципальной собственности, а также разработана структура базы данных муниципальной казны и проведено ее сравнение с уже существующими формами реестров;

г) классифицированы формы и выявлены тенденции использования муниципального казенного имущества в крупнейших городах России;

д) обоснованы принципы и предложены приоритетные направления городской политики в сфере муниципальной казны; доказана необходимость совершенствования организационного обеспечения процесса управления муниципальным казенным имуществом и предложены перспективные направления деятельности организационных структур¹.

В ракурсе предметного поля региональной экономики важным являлось выделение аспектов характеристики понятия «муниципальная казна», среди которых:

1) территориальный аспект. Муниципальная казна идентифицировалась как казна муниципального образования;

2) правовой аспект. Муниципальная казна — это средства местного бюджета, местных внебюджетных и валютных фондов и иное муниципальное имущество, не закрепленное за муниципальными унитарными предприятиями на праве хозяйственного ведения и муниципальными учреждениями на праве оперативного управления;

3) экономический аспект. Муниципальная казна рассматривается как компонент муниципальной собственности и местного хозяйства, в составе которого выделяются две составные части: финансовая и нефинансовая. Посредством денежной части, которая включает средства местного бюджета и целевых бюджетных фондов, перераспределяется часть стоимости совокупного общественного продукта. Экономическое содержание имущества, составляющего другую часть казны, связано с различными способами реализации формальных

¹ Санжанов О. И. Формирование и использование муниципальной казны крупнейшего города: нефинансовый аспект: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. — Екатеринбург, 2001. — 168 с.

имущественных отношений, возникающих между субъектами в рамках воспроизводственного процесса;

4) учетный аспект. Муниципальная казна — это совокупность объектов учета, находящихся в муниципальной собственности, не закрепленных за муниципальными унитарными предприятиями на праве хозяйственного ведения и муниципальными учреждениями на праве оперативного управления. Средства местного бюджета учитываются согласно бюджетной классификации. Имущество, входящее в состав муниципальной казны, подлежит обязательному учету в реестре объектов муниципальной собственности, который представляет собой построенную на единых методологических и программно-технических принципах совокупность баз данных и документов, содержащую описание объектов учета со сведениями о них¹.

В системе современных общественных отношений в целом и экономических отношений в частности одно из ведущих мест занимает местное самоуправление. Именно поэтому оно всегда находилось в фокусе внимания научной школы региональной и муниципальной экономики, возглавляемой профессором Е. Г. Анимицей. В исследованиях, проводимых учеными нашей научной школы, было раскрыто экономическое содержание понятия «местное самоуправление» и доказано, что именно местное самоуправление, его функции (задачи) и необходимость их финансирования являются стержнем сущности понимания местного бюджета как компонента его экономической основы. Результаты исследования на тему «Реформирование экономической основы местного самоуправления крупного города (на примере бюджетов городов Уральского региона)» были представлены к защите в 2008 г.

Местный бюджет был представлен как комплексное понятие, сущность которого определяется не только сущностью финансов и бюджета в целом, не только спецификой функционирования и развития территории, но и учитывает сущностные черты местного самоуправления:

1) местный бюджет является средством реализации коллективных интересов на территории муниципального образования, в которых участвуют органы местного самоуправления;

2) местный бюджет является одним из средств обеспечения реализации функций местного самоуправления как специфической ветви власти:

а) обеспечения самоорганизации граждан для решения социально значимых задач, требующих совместных усилий;

б) решения вопросов местного значения;

в) осуществления властных функций, принимая обязательные для исполнения решения по вопросам местного значения, а также участия в осуществлении государственной политики на местах;

3) местный бюджет является средством выражения принципа самостоятельности деятельности органов местного самоуправления;

¹ Анимица Е. Г., Дворядкина Е. Б., Санжанов О. И. Городская казна. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2001. — 215 с.

4) местные бюджеты являются самостоятельным уровнем бюджетной системы, по аналогии с тем, что органы местного самоуправления организационно обособлены в системе управления государством;

5) местный бюджет является одним из средств воплощения принципа ответственности финансовых и материальных ресурсов полномочиям местного самоуправления.

Таким образом, взаимосвязь сущности местного бюджета и местного самоуправления очевидна, что в современных условиях находит подтверждение в процессах реформирования местного самоуправления¹.

Развитие предметного поля региональной экономики лишь за счет местных бюджетов и муниципальной казны было бы неполным, поэтому внимание было уделено и такому традиционному для финансовой науки объекту исследования как региональный бюджет, и задачи его изучения были сформулированы исходя из особенностей региональной экономики.

Поскольку одним из активно применяемых научных подходов к исследованию региона является системный подход, решено было изучить бюджетные аспекты функционирования региональной социально-экономической системы. Обусловлено это было рядом обстоятельств.

Во-первых, усилением регионализации процессов социально-экономического развития, изменением положения регионов в национальной экономике, вызванными осуществляемыми преобразованиями, возникновением новых институтов и их структурных элементов.

Во-вторых, ярко выраженной регионализацией межбюджетных отношений, а также тем, что региональные финансы являются составной частью региональной экономики.

В-третьих, наличием специфики у региональных социально-экономических систем, поскольку в пределах национального экономического пространства они достаточно дифференцированы.

В-четвертых, в условиях перехода национальной экономики к инновационному пути развития изменением соотношения и состава факторов, определяющих динамику развития региональных социально-экономических систем, в результате чего особое значение приобретают финансово-бюджетные факторы.

Общий замысел исследования, проведенного в 2008–2012 гг., заключался в изучении на примере региональной социально-экономической системы Свердловской области бюджетного аспекта ее развития, заключающегося в изучении тенденций и проблем формирования и использования регионального бюджета, а также раскрытия сущности перспективных направлений региональной бюджетной политики как элемента организационно-экономического механизма функционирования региональной социально-экономической системы. Защита диссертации на тему «Региональная социально-экономическая система: бюджетный аспект функционирования (на примере Свердловской области)» состоялась в 2012 г.

¹ Микрюков А. В. Реформирование экономической основы местного самоуправления крупного города (на примере бюджетов городов Уральского региона): дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. — Екатеринбург, 2008. — 284 с.

Были получены следующие научные результаты:

1) представлено обобщение положений системного, воспроизводственного подходов и концепции саморазвития региона для обоснования сущности финансово-бюджетной подсистемы региона, что, в отличие от уже имеющихся теоретических подходов, позволило позиционировать финансово-бюджетную подсистему в региональном развитии в качестве триединого результата функционирования регионального общественного воспроизводства, интеграции воспроизводственных циклов отдельных региональных подсистем, формирования и развития внутренней самодостаточности региона (рис. 2);

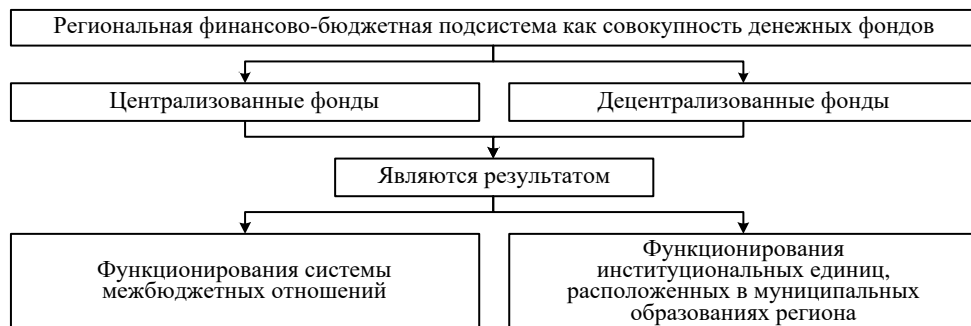

Рис. 2. Состав региональной финансово-бюджетной подсистемы¹

2) предложена трактовка сущности понятия «региональная финансово-бюджетная подсистема», содержательная основа которой, в отличие от уже имеющихся определений, заключается в идентификации категориальных и институциональных компонентов как результатов функционирования системы межбюджетных отношений и деятельности хозяйствующих субъектов на территории муниципальных образований, что дополняет уже имеющиеся в науке толкования, связанные преимущественно с ориентацией на экономические или денежные отношения;

3) выявлены противоречия между процессами развития регионального бюджета и концепцией саморазвития региона с учетом использования разработанной автором классификации региональных факторов формирования и развития региональной финансово-бюджетной подсистемы, оценки тенденций развития регионального бюджета, оригинальной систематизации компонентов подсистем региона на основе использования бюджетной классификации доходов и расходов;

4) предложена и обоснована концепция управления региональными финансами, базирующаяся на основе идентификации и разрешения противоречий между концепцией саморазвития региона и процессами развития финансово-бюджетных отношений, систематизации управленческих бюджетных воздей-

¹ Дворядкина Е. Б., Беликова О. А. Региональная социально-экономическая система и бюджет. — Екатеринбург: УрГАУ, 2014. — 216 с.

ствий по региональным подсистемам, что позволяет конкретизировать прогнозируемую результативность реализации региональной программы по повышению эффективности бюджетных расходов для отдельных подсистем региональной социально-экономической системы в рамках совершенствования региональной бюджетной политики¹.

Итак, подведем некоторые итоги.

Предметное поле региональной экономики находится в непрерывном развитии, и это объективный процесс, поскольку постоянно появляются новые объекты исследования, а традиционные объекты начинают изучаться в новых ракурсах.

Поскольку предметное поле региональной экономики основывается на парадигме пространственно-временной проекции экономической деятельности, парадигме развития экономики региона и парадигме регионального управления, то именно финансовые объекты исследования, в отличие от каких-либо других, гармонично соответствуют этим парадигмальным основаниям.

Попадая в предметное поле региональной экономики, финансовые объекты исследуются под углом «территориальности», что позволяет получать крайне интересные научные результаты. Потенциал «финансового освоения» пространства регионов и муниципальных образований далеко не исчерпан и будет пополняться новыми исследованиями в научной школе региональной и муниципальной экономики.

1.5. Общественная география и региональная экономика: функции «перекрестного опыления»

На протяжении нескольких десятилетий в научном мире проходила острая дискуссия о разделении «сфер влияния» экономистов и географов в изучении региональных особенностей развития экономики. Как отмечают Е. Г. Анимица и М. Д. Шарыгин, «одной из методологических и, как следствие, прикладных проблем является проблема отношений между экономической (современной социально-экономической) географией и региональной экономикой. Впервые эта проблема обострилась в 1970-е годы, когда в нашей стране расширились исследования по размещению производительных сил и стала зарождаться региональная экономика. Ее появление было вызвано потребностями совершенствования территориальной организации хозяйства и повышения эффективности его развития»².

¹ *Беликова О. А.* Региональная социально-экономическая система: бюджетный аспект функционирования (на примере Свердловской области): дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. — Екатеринбург, 2012. — 234 с.

² *Анимица Е. Г., Шарыгин М. Д.* Социально-экономическая география и региональная экономика: проблемы взаимоотношений // Географический вестник. — 2013. — № 1 (24). — С. 4.

В 1990-е годы эта полемика обострилась. Действительно, экономисты, заявляя о возникновении «нового научного направления» — региональной экономики — активно включились в поиск новых подходов к управлению производством в разрезе регионов, рассматривая так называемый синергетический эффект от взаимосвязанного размещения предприятий и производственной инфраструктуры на территории. Экономико-географы, отстаивая позиции своей науки, доказывали, что вот уже три столетия они занимаются вопросами описания и изучения хозяйственной деятельности человека, выполняя важные «общественные заказы» на каждом историческом этапе общественного развития. Суть синергетического эффекта вот уже более полувека назад была раскрыта в классической теории территориально-производственного комплекса (ТПК). Не менее острой была дискуссия о содержании ключевых для обеих наук дефиниций: район или регион? ТПК или кластер? Ресурсные энергетические циклы или цикличная экономика? Эти и многие другие вопросы вызывают оживленные споры, свидетельствующие о том, что и в настоящее время не все точки над «i» расставлены. Экономической географии и региональной экономике необходимо объединить усилия по решению важных задач научного обоснования региональной политики в различных направлениях общественного развития.

В первую очередь, необходимо подчеркнуть, что основной операционной единицей в исследованиях обеих наук является регион (район), классические определения которого даны в географических словарях¹ и даже лежат в основе ряда самостоятельных областей научных знаний, например, «Регионоведение», «Районология», «Регионалистика» и др.

В предисловии к книге Ю. Н. Гладкого и А. И. Чистобаева «Регионоведение» приведена цитата из высказываний Э. Айсермана, часть которой мы заимствовали для названия нашей статьи. Она как нельзя лучше отражает междисциплинарное значение регионоведения, призванного обеспечить свободную циркуляцию идей и методов познания реальной действительности от одной области знаний к другой. Авторы подчеркивают, что часто регионоведение выступает как организационная форма, интегрирующая данные разных наук и сфер знания в различных информационно-справочных бюллетенях, отчетах, специальных «паспортах» и т. п.² Авторы дают отсылку к работе Э. Айсермана, опубликованной в 1993 г., где тот писал, что «регионализм выступает в качестве междисциплинарного конгломерата, внесшего вклад в развитие нескольких дисциплин и стимулирующего циркуляцию идей, невзирая на межпредметные барьеры и национальные границы... Регионализм нацелен на заимствование, „перекрестное опыление“, адаптацию и синтез». Нельзя не согласиться с этим постулатом, ведь экономическая география и региональная экономика могут значительно обогатиться за счет взаимодействия при изучении соци-

¹ Алаев Э. Б. Социально-экономическая география: понятийно-терминологический словарь. — М.: Мысль, 1983. — 290 с.; *Социально-экономическая география: понятия и термины: слов.-справ. / отв. ред. А. П. Горкин.* — Смоленск: Ойкумена, 2013. — 328 с.; и др.

² Гладкий Ю. Н., Чистобаев А. И. Регионоведение. — М.: Гардарики, 2000. — С. 31.

ально-экономических процессов регионального развития, почерпнуть важные теоретические основы и методические наработки в оценке эффективности размещения предприятий и производств, создании благоприятных условий для жизни людей.

В данном параграфе рассмотрены некоторые аспекты, которые наглядно свидетельствуют о необходимости выстраивания конструктивного диалога между представителями экономической географии и региональной экономики. Проводя параллель с границами регионов, которые могут иметь разные функции, подчеркнем, что между этими науками должны быть не барьерные, а контактные границы. Экономическая география и региональная экономика, изучая единые объекты (регион, территория, город, отрасли экономики, туризм и др.), должны пройти процесс «перекрестного опыления», что, безусловно, приведет к положительному результату.

Экономическая география: трансформация объектно-предметной сущности. Основоположник отечественной экономической географии Н. Н. Баранский писал, что «предметом экономической географии является изучение хозяйственного разнообразия стран и районов, изучение пространственных различий в хозяйстве на земном шаре, т. е. различий от места к месту, а также пространственных сочетаний в хозяйстве... Чтобы изучать эти различия, их нужно... описать с возможно большей точностью, необходимо вдуматься в причины этих различий, вывести закономерности этих изменений в хозяйстве от места к месту»¹.

Особенно важной и востребованной экономическая география стала с началом социалистического строительства в нашей стране, когда усилился ее конструктивизм и практикоориентированность. Состоявшись как наука о территориальной организации производительных сил, экономическая география по праву оказалась «на передовой» индустриализации, являясь научно-информационной базой для создания основ народного хозяйства. Соединив знания о природе, населении и хозяйстве России, Н. Н. Баранский обосновал переход экономической географии от описательной к конструктивной и преобразовательной, положив начало так называемой районной школе.

Отметим, что на предшествующих этим судьбоносным переменам этапах российская экономическая география развивалась под сильным влиянием западных теорий, но критически переосмысленных и измененных с учетом наших масштабов и условий. Если в европейских странах географическая наука ориентировалась на открытие и колонизацию новых территорий, лидерство в Мировом океане, обогащение за счет развития заморской торговли и пр., то задачи российской географии были иные: описание и освоение самой большой в мире территории, вовлечение этого гигантского пространства в хозяйственную деятельность, управление им на основе природного, а позже и экономического районирования. Стремительное развитие хозяйства и продвиже-

¹ Баранский Н. Н. Краткий очерк развития экономической географии // Баранский Н. Н. Избранные труды. — М.: Мысль, 1980. — С. 28.

ние его на восток страны требовало сбора, анализа и систематизации географических знаний.

Советская экономическая география сохранила эти традиции, пройдя плодотворный путь в своем развитии, значительно расширила объект и предмет познания, перешла с эмпирического на качественно новый уровень систематизации знаний о процессах взаимодействия природы и общества, об особенностях территориальной организации производительных сил и общества в целом.

Наряду с теоретическим багажом, экономическая география значительно обогатила и свой арсенал методов и подходов, среди которых особенно востребованными стали математические методы. Еще полвека назад Ю. Г. Саушкин писал о том, что «математические методы в настоящее время пронизали все разделы экономической географии и стали столь существенны для нее, что возникла необходимость изменений в характере сбора первичных материалов и их обработки, вплоть до пересмотра содержания полевых исследований... Соединение гигантских каналов информации... даст несказанно больший скачок в развитии экономической географии, произведет в ней научно-техническую революцию, которая уже заставила перестроиться физику, химию, вычислительную математику. Многие технические науки. Но эта революция неосуществима без математики»¹. Обосновывая необходимость синтеза знаний, названного им математической географией, он писал, что под ней он понимает науку, которая по предмету своему есть география, а по методу — математика. Она позволяет ускорить обработку и упорядочить стремительно возрастающие потоки информации.

Эти идеи созвучны новым тенденциям общественного развития, дающим импульс для формирования цифровой географии. Сегодня можно встретить множество публикаций, в которых раскрываются разнообразные аспекты цифровизации общества, разных сторон жизнедеятельности населения. По мнению специалистов, «цифровизация из простого метода улучшения разных частных сторон жизни превращается в драйвер мирового общественного развития, обеспечивающий повышение эффективности экономики и улучшение качества жизни»². Поэтому под цифровизацией понимается современный общемировой тренд развития общества, который основан на преобразовании информации в цифровую форму и приводит к повышению эффективности всех сфер территориальной общественной системы.

Идеи цифровизации «не обошли стороной» и отечественную экономическую географию. Развивая математический инструментарий, география получила широкие возможности для моделирования, прогнозирования и совершенствования количественных оценок общественных явлений и процессов. Цифровизация как процесс и как явление, легла в основу возникновения и стреми-

¹ Саушкин Ю. Г. Экономическая география: история, теория, методы, практика. — М.: Мысль, 1973. — С. 478.

² Халин В. Г., Чернова Г. В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. — 2018. — № 10. — С. 46.

тельного развития цифровой экономики, что, несомненно, стало сферой пересечения научных интересов экономической географии и региональной экономики.

Таким образом, эволюция экономической географии и существенное расширение ее объекта и предмета исследования привели к ее трансформации в социально-экономическую и общественную географию, которая, по словам М. Д. Шарыгина, выполняет не только научно-исследовательскую, но и мировоззренческую, культурную и общеобразовательную функции. Объектом общественной географии признается ойкумена — заселенная и социально-экономически освоенная часть географической оболочки. Предметом изучения являются развитие и пространственная организация территориальных общественных систем (ТОС)¹.

Процессы последовательной трансформации экономической географии в социально-экономическую и далее в общественную географию сопровождались углублением теоретико-методологических основ. Становление общественной географии раскрывает простор для гуманизации и фундаментализации науки, поиска современных законов и закономерностей. В современных условиях вырисовываются пять уровней научных изысканий и поиска законов и закономерностей, среди которых особенно выделяется определение и теоретическое обоснование объект-предметной области общественно-географических изысканий².

Таким образом, дальнейшее углубление теоретико-методологических основ общественной географии является признаком ее зрелости и конструктивизма.

Региональная экономика: самостоятельная наука или синтез знаний? Необходимость усиления территориальных подходов в изучении экономических процессов и управлении ими с учетом географических факторов вызвала к жизни *региональную экономику*, которая, оформившись как новая и самостоятельная область знаний, была очень востребована на этапе позднего социализма. Особенно актуальной и востребованной она стала в самый болезненный период перехода от социалистической плановой экономики к рыночным механизмам управления «уже-не-народным хозяйством».

Начало зарождения региональной экономики в нашей стране относят к 1970-м годам, когда после знаменательной конференции вышли в свет работы Н. Н. Некрасова, в том числе и монография «Региональная экономика», в которой он писал, что «Социалистическая региональная экономика как отрасль экономической науки, опираясь на экономические законы социализма, изучает совокупность экономических и социальных факторов и явлений, обуславливающих плановое формирование и развитие производительных сил

¹ Шарыгин М. Д. Общественная география в России: тернистый путь развития // Географический вестник. — 2017. — № 2 (41). — С. 18.

² Шарыгин М. Д., Столбов В. А. Теоретико-методологические аспекты поиска законов и закономерностей в общественной географии // Географический вестник. — 2020. — № 1 (52). — С. 25.

и социальных процессов в каждом регионе страны. Рациональное размещение производительных сил рассматривается как основа, главная составная часть региональной экономики»¹.

Последующие десятилетия, в свете меняющихся векторов и парадигм общественного развития, экономико-географы и экономисты вели то утихающую, то вновь обостряющуюся полемику по поводу самостоятельности существования региональной экономики как научной дисциплины.

«Примирающим» обе стороны тезисом стало мнение А. Г. Гранберга², который подчеркивал, что региональная экономика не должна заниматься переписыванием классических учебников по экономической географии, а экономико-географы не должны камуфлироваться в одежды нового (модного) научного направления. Необходим синтез всех знаний с целью разработки научных основ региональной политики, стратегий и программ регионального развития.

В настоящее время региональная экономика прочно закрепилась в плеяде экономических наук, что не дает оснований для продолжения столь острых дискуссий. Различные позиции, точки зрения и аргументы противоборствующих сторон подробно раскрыты в статье Е. Г. Анимицы и М. Д. Шарыгина почти десять лет назад. Подробный анализ сути споров заканчивается оптимистически: в выводах указывается на неизжитые проблемы взаимоотношений между экономической географией и региональной экономикой с надеждой на то, что эти «детские болезни» становления новой науки будут изжиты. Авторами отмечается, что иногда экономисты нарушают принципы партнерства и сотрудничества. «Наиболее заметно это проявляется в использовании географических концепций без ссылок на источники, вытеснении социально-экономической географии из экономических вузов и факультетов, расплывчатости предмета познания и стремлении охватить все территориальные (пространственные) явления и процессы... В то же время следует констатировать, что региональная экономика как самостоятельная научная дисциплина получила признание в системе организации образования и науки, перечне диссертационных дисциплин, рубрике научных публикаций и др. Это достойный партнер социально-экономической географии, взаимодействие с которым позволит углубить теоретические изыскания и совместно разработать концептуальные основы и целевые комплексные программы регионального развития»³.

Таким образом, региональная экономика, как новое научное направление, не только «отстояла» и доказала свое право на существование в плеяде общественных наук, но и стала важным инструментом разработки региональной политики и территориального управления. Будучи активно развивающейся и практикоориентированной дисциплиной, она определяет вектор научного поиска путей оптимизации управления экономикой регионов в период пере-

¹ Некрасов Н. Н. Региональная экономика: теория, проблемы, методы. — М.: Экономика, 1975. — С. 14.

² Гранберг А. Г. Основы региональной экономики. — М.: ГУ ВШЭ, 2000. — 495 с.

³ Анимица Е. Г., Шарыгин М. Д. Социально-экономическая география и региональная экономика: проблемы взаимоотношений // Географический вестник. — 2013. — № 1 (24). — С. 12.

хода к новому технологическому укладу. Подчеркнем, что относительно недавно возникшая дефиниция — цифровая экономика — уверенно вошла в арсенал научных терминов и категорий, в систему управления, в сознание населения. И именно региональной экономике вкупе с общественной географией необходимо плодотворно объединиться в этих исследованиях.

Территория и пространство: современное переосмысление. Ключевые для экономической географии категории «территория» и «пространство» широко используются региональной экономикой. В настоящее время назрела необходимость уточнения и переосмысления этих понятий. В недавнем прошлом территорию и пространство можно было с определенной долей условности рассматривать как синонимы, но в условиях новой реальности они все более различаются. Пространство стало стремительно расширяться, появились новые слои, формы и сферы — информационные, экономические, стратегические, виртуальные, культурные, политические и пр. Социальные сети настолько прочно вошли в нашу жизнь, что настало время говорить о приватности и безопасности интернет-пространства. Как следствие, географам необходимо провести ревизию традиционных категорий и дефиниций в связи с внедрением новых технологий и цифровизацией многих сфер жизнедеятельности общества. Это порождает новые вызовы и открывает широкие горизонты перед наукой, требует обновления подходов к изучению базовых географических категорий в условиях меняющегося мира.

Для профессиональных географов территория и пространство давно наделялись разным содержанием, но для экономистов зачастую считались синонимами. Пространственно-временные изменения, переход к информационному обществу, развитие цифровой экономики, внедрение виртуального пространства в нашу реальность актуализировали необходимость переосмысления данных научных категорий и в рамках региональной экономики. Трехмерная территория остается своего рода плацдармом для размещения производства и населения, в то же время сегодня эта дефиниция наполняется новым содержанием. Услуги, торговля, коммуникативные функции и многие другие виды жизнедеятельности людей «уходят» в пространство, что свидетельствует о его многомерности и многослойности¹.

Учитывая трансформацию понятий «территория» и «пространство» в новой реальности и констатируя изменение их содержания, необходимо подчеркнуть, что очень интересные идеи формируются на стыке современных географической и экономической наук. Развитие информационного, виртуального и других форм пространства требует и от территории содержательного насыщения, выдвигает новые требования к качественным характеристикам территории. Современная территория предполагает наличие информационной инфраструктуры, доступ в интернет, компьютерную грамотность населения. По-

¹ *Балина Т. А., Коньшиев Е. В., Пономарева З. В., Рязанцев А. С., Столбов В. А.* Территория и пространство: трансформация категорий на современном этапе развития географической науки // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: География. Геоэкология. — 2022. — № 2. — С. 25–33.

вышаются требования к оснащению территории транспортно-логистическими системами (для доставки товаров), специальным образовательным программам (для дистанционного обучения) и т. д.

Информационное пространство не только влияет на сферу услуг и многие виды деятельности (финансы, туризм, торговля, образование и др.), но и изменяет стереотипы поведения населения, состояние территориальной общности людей, выводит на новые уровни самоорганизации населения. В информационном пространстве циркулируют колоссальные финансовые потоки, расширяя сферу исследовательских интересов и региональной экономики.

Таким образом, несмотря на то что территория как научная категория изучена всесторонне и глубоко, это не препятствует ее теоретическому переосмыслению с новых позиций. Географическое пространство в этом аспекте приобретает еще более сложные новые слои и формы, что дает основу для новых и плодотворных междисциплинарных исследований.

Город в фокусе внимания общественной географии и региональной экономики. Одним из наиболее ярких аспектов взаимодействия экономической географии и региональной экономики является изучение города в различных ракурсах. Со времен Н. Н. Баранского, который определял города как «командный состав» (каркас) системы расселения, множество трудов посвящено роли городов, их функциям, планировке, развитию и управлению. Работы Г. М. Лаппо¹, Е. Н. Перцика² и других географов стали фундаментальными для формирования новой области знаний — геоурбанистики. Внимание географов привлекают вопросы изучения урбанизации как очень сложного, динамичного и многоуровневого явления. Давно доказано, что это не только процесс возрастания доли городского населения, возникновения и роста самих городов, формирования агломераций, но и трансформация функций городов, создание комфортной и безопасной городской среды. Важно подчеркнуть, что исследования городской среды — это довольно новый аспект не только для российской общественной географии, но и для региональной экономики. Актуальные вопросы, среди которых разделение полномочий городских властей и производства, проблемы развития моногородов и городов-призраков, исследования маятниковой миграции в агломерациях и благоустройства и многие другие, необходимо решать сообща.

«Город является настолько сложным и значимым для человечества явлением, что для его понимания невозможно ограничиться рамками одной науки. Наиболее продуктивный путь для уяснения сущности города — исследование его через призму междисциплинарного и многоуровневого подхода»³.

Интересно то, что при всей глубине и многогранности исследований само понятие «город» вызывает многочисленные вопросы. Если трактовка урбанизации достаточно понятна, четко определяется конкретными показателями

¹ Лаппо Г. М. География городов. — М.: Владос, 1997. — 480 с.

² Перцик Е. Н. Геоурбанистика. — 2-е изд. — М.: Юрайт, 2016. — 435 с.

³ Анимца Е. Г., Власова Н. Ю. Градоведение. — 4-е изд. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2010. — С. 12.

(например, через долю населения, проживающего в городах), то сама дефиниция «город» весьма противоречива, четко не прописана в директивных документах и при этом в процессе эволюции меняется и размывается. С определенной долей условности в нашей стране под городом понимают поселение, где проживает более 12 тыс. чел., преимущественно занятых не в сельском хозяйстве. Но каждый субъект по-своему решает вопросы отнесения поселений к городскому или сельскому типу, что некоторым образом осложняет проведение региональных исследований и анализа. Например, в Пермском крае город Чердынь «не дотягивает» и до половины обозначенной численности населения, но сохраняет статус города благодаря своей исторической роли и административным функциям.

Все это свидетельствует о больших перспективах научного поиска и междисциплинарных исследований городов как в теоретическом, так и в прикладном аспекте. Особенно актуальными нам представляются вопросы совместного изучения исчезающих городов, так называемых городов-призраков, которые в силу разных причин утратили градообразующие производства и, как следствие, обезлюдели. Таких примеров довольно много на Урале, Европейском Севере, в Сибири и на Дальнем Востоке, что дает основу для сравнительных и комплексных региональных исследований.

Региональная социэкономика как рыночная экономика с человеческим лицом. Сформировавшаяся новая научная категория «социэкономика» стала тем скрепом, который объединил подходы экономики и географии. Она развивается как синтез знаний о пространственно-временных процессах общественного развития. Процессы гуманизации и трансформации экономики в социэкономике, усиление ее социальной ориентации обусловлены стремлением к повышению уровня и качества жизни людей. Социэкономика — это рыночная экономика с «человеческим лицом», ее антропоцентризм потребовал новых критериев оценки ее функционирования и хозяйствования¹. Изучение региональной и муниципальной социэкономике базируется на различных учениях, теориях, парадигмах, в том числе пространственно-временной и территориально-организационной парадигме, теории социально-экономического районирования, территориального (географического) разделения труда, учениях о регионах и городах.

Вместе с теоретическим багажом познания социэкономике наращивается и арсенал методов и подходов ее диагностики. Актуализируются вопросы оценки успехов экономического развития через социальные показатели, определения эффективности региональной политики, сбалансированности экономической и социальной сфер территориальных общественных систем. Особенно значимыми становятся вопросы гармонизации взаимодействия природы и общества и экологического равновесия в рамках социэкономике, которая на первый план выводит проблемы качества и благополучия жизни людей, уровень морально-нравственных ценностей общественного развития.

¹ Анимца Е. Г., Шарыгин М. Д., Балина Т. А. Региональная и муниципальная социэкономике. — Пермь: ПГНИУ, 2017. — С. 5.

Таким образом, социэкономика — это относительно молодое междисциплинарное научное направление, формирующееся на стыке экономики, социологии, социально-экономической географии, демографии, психологии, политологии, права и других общественных наук, которое пребывает в стадии становления и поиска концептуального ядра. Формируясь под воздействием двух взаимообогащающих процессов — экономизации географии и регионализации экономики, — социэкономика исследует вопросы совершенствования территориальной организации производительных сил, занимается обоснованием экономической стратегии субъектов разного уровня и, что особенно важно, должна решать такие важные задачи, как оценка, наращивание и реализация регионального потенциала и его трансформация в *региональный капитал*.

Оценка регионального потенциала выполняет важную функцию по совершенствованию процессов его реализации. Использование потенциала происходит по нескольким направлениям: хозяйственному, инновационному, инвестиционному, социальному, экологическому, рекреационному, духовно-культурному и т. д.¹ Реализация регионального потенциала происходит путем процессов эксплуатации, капитализации, пользования, восприятия и созидания. Нам представляется, что в рамках социэкономике географам предстоит разработать инструментарий оценки регионального потенциала, а экономистам обосновать пути его трансформации в региональный капитал, что даст научно-методологическую основу для региональной политики, нацеленной на повышение уровня и качества жизни населения.

Синтез экономической географии и региональной экономики в изучении видов деятельности. Процесс междисциплинарного взаимодействия можно проследить на примере изучения отраслей экономики. Экономическая география как наука о территориальной организации производительных сил объясняет особенности размещения разных видов деятельности промышленности, сельского хозяйства, услуг с учетом природно-ресурсного, экономического, трудового, инфраструктурного потенциала территории. Традиционный географический подход «игра масштабами» позволяет проводить сравнительный анализ состояния отраслей на мировом, страновом и региональном уровнях, выявлять тенденции, давать прогнозы. «Экономизация» современной географии наполняет исследования новыми идеями, например, требует изучения конкурентоспособности и монополизации, рентабельности и инвестиционной привлекательности предприятий, их возможностей по формированию региональных брендов.

Региональная экономика, в свою очередь, исследует проблемы и перспективы развития как отдельных предприятий (хозяйствующих субъектов), так и отраслей (видов деятельности) в рамках пространственно-временной парадигмы.

Очень интересным представляется в качестве примера привести изучение современного состояния *легкой промышленности в регионах России*. Внимание к этой отрасли затмили более значимые в плане прибыльности, экспортной

¹ Столбов В. А., Шарыгин М. Д. Региональный капитал. — Пермь: ПГНИУ, 2016. — С. 134.

ориентированности, инвестиционной привлекательности и прочего производства. В экономической географии и региональной экономике наблюдается активизация полимасштабных исследований по проблемам развития топливной промышленности, электроэнергетики, машиностроения, химии высоких технологий и др. Но именно легкая промышленность, являясь старейшей отраслью мировой и национальной экономики, развивается согласно «законам жанра» теории циклов, имеет яркие этапы становления, сформировавшиеся центра производства и рынки сбыта.

Являясь отраслью экономики, нацеленной в первую очередь на получение прибыли, легкая промышленность решает очень важные социальные задачи по обеспечению населения качественными товарами, созданию рабочих мест, установлению гендерного баланса на рынках труда. В рамках региональной социэкономике необходимо изучать проблемы территориальной организации легкой промышленности силами экономической географии и региональной экономики. Такой междисциплинарный подход позволит изучить мировые тенденции и адаптировать передовой опыт по трансформации и реновации легкой промышленности в инновационную и конкурентоспособную отрасль.

Идеи превращения легкой промышленности в индустрию моды очень актуальны для многих регионов Центральной России, где текстильное, швейное, обувное и другие производства являются отраслями специализации, нуждаются в технологической модернизации, поддержке малого предпринимательства, повышении инвестиционной привлекательности, создании кластеров креативной индустрии. Добавим, что для других субъектов, в частности Пермского края и Кировской области, комплексное изучение проблем и перспектив легкой промышленности очень актуально и востребовано, поскольку она «отвечает» за формирование территориальных брендов и имиджа регионов¹. Решение этих проблем на региональном уровне возможно только при объединении усилий социально-экономической географии и региональной экономики.

Ярким примером взаимодействия региональной экономики и экономической географии является *промышленный туризм*.

В том или ином виде предприятия промышленности достаточно часто выступают в качестве объекта для туризма и экскурсий. Следует признать, что, выполняя изначально социальную, профориентационную функцию, промышленный туризм в настоящий момент рассматривается руководителями предприятий как дополнительный источник получения денежных средств и как инструмент маркетинговых коммуникаций. При этом возрастает значение туристских организаций, которые, взаимодействуя с промышленными предприятиями, формируют туристский продукт и реализуют его конечным потребителям. Возрастает значение и органов исполнительной власти, которые рас-

¹ *Балина Т. А., Коньшев Е. В., Постышенко М. А.* Легкая промышленность Пермского края и Кировской области: особенности развития // Тенденции пространственного развития современной России и приоритеты его регулирования = Trends in the Spatial Development of Modern Russia and Priorities of its Regulation: материалы Междунар. науч. конф. (XIII Ежегодная научная Ассамблея АРГО) (Тюмень, 12–17 сентября 2022 г.). — Тюмень: ТюмГУ-Press, 2022. — С. 358–362.

смаstrивают промышленный туризм как инструмент комплексного развития территорий, особенно актуальный для староосвоенных регионов страны и моногородов.

В науке и практике сложилось два основных подхода к группировке объектов промышленного туризма, во-первых, посещение действующих производственных объектов и, во-вторых, включение в туристские маршруты объектов промышленного наследия. В соответствии с ГОСТ Р ИСО 13810-2016 «Туристские услуги. Промышленный туризм. Предоставление услуг» к объектам промышленного наследия относятся «Материальные и нематериальные активы, используемые в прошлом для выполнения производственной деятельности или оказания услуг, свидетельства промышленной культуры с точки зрения исторической, архитектурной, социальной, технологической или научной ценности». Примерами материальных активов являются промышленные ландшафты и объекты, здания и оборудование, мастерские, фабрики и заводы, шахты, склады, электростанции, транспорт и объекты для сопутствующих услуг социальной направленности (например, жилища, религиозные или образовательные центры), памятники, артефакты или документы.

Эффективное развитие промышленного туризма значительно зависит от качественного научного обоснования. К сожалению, как показывает контент-анализ публикационной активности, доля статей, посвященных теме промышленного туризма, составляет всего 1,21 %. Чаще всего авторы публикаций рассматривают промышленный туризм как инновационное направление развития внутреннего туризма, форму профессионального самоопределения, инструмент развития депрессивных и дотационных территорий, способ формирования промышленного капитала территории, направление социокультурной деятельности, способ повышения туристской привлекательности региона, фактор усиления лояльности потребителей, возможность получения дополнительного дохода предприятиями различных отраслей, способ организации общественных пространств, рекультивации, реновации и редевелопмента промышленных объектов, возможность диверсификации деятельности промышленного предприятия, как основу формирования туристского кластера, продукт экономики впечатлений, способ сохранения индустриального наследия, анализируют продвижение турпродуктов промышленного туризма, проблемы ответственности за проникновение на объекты промышленного/индустриального туризма, сталкер-туризм как составной элемент промышленного туризма (рис. 3).

Кроме того, особое внимание уделяется проблемам развития промышленного (индустриального) туризма в отдельных городах, регионах или странах¹.

Таким образом, основной целью развития промышленного туризма становится организация посещения как действующих производств, так и объектов промышленного наследия, позволяющих понять современные технологические процессы, а также их исторические особенности. Большой интерес представ-

¹ Танина А. В., Сергеев Д. А., Коньшев Е. В., Танин Е. Ф. К вопросу о направлениях исследования промышленного туризма // Бизнес. Образование. Право. — 2022. — № 1 (58). — С. 158–170.

ляет тема Горнозаводского Урала, где многие города, возникшие как заводы, в настоящее время переживают деградацию. На данной территории промышленные предприятия, утратившие большинство своих производственных функций, но сохранившие инфраструктуру и промышленный ландшафт, могут стать туристской доминантой, привлечь туристов, стимулировать рост инвестиций, создать рабочие места. А синтез подходов экономической географии и региональной экономики обеспечит научное обоснование разработки документов территориального планирования, позволит повысить эффективность пространственного развития и управления бизнес-процессами.

Рис. 3. Облако слов, отражающее приоритеты в исследовании тематики «промышленный туризм»

В заключение добавим, что не только вышеперечисленные, но и многие другие теоретические и прикладные вопросы общественного развития по-новому раскрываются в результате синтеза географических и экономических подходов. Среди них — актуальные проблемы диагностики и прогнозирования социально-демографических процессов, оценки уровня и качества жизни населения, эффективности пространственных форм организации экономики (кластеры, территории опережающего социально-экономического развития), территориальная идентичность и территориальный маркетинг, проблемы регионального неравенства и сбалансированного развития, оценка природно-ресурсного потенциала и инвестиционная привлекательность.

1.6. Актуальные вопросы развития Пермской научной экономической школы в контексте региональных экономических исследований

Современная наука является одной из прогрессивно развивающихся доминант, двигающих общественную жизнь в направлении технологической модернизации. Это, с одной стороны, делает науку привлекательным направлением для вовлечения молодых ученых как новаторов и ключевых акторов развития. С другой стороны, крайне важно сохранять и развивать фундаментальные основы науки, в том числе теоретико-методологические подходы, базовые концепции и парадигмы.

В этом отношении одним из менторов современной экономической науки, теоретиком и методологом является Е. Г. Анимица. В ходе своей исследовательской жизни он внес и вносит значимый вклад в развитие целого ряда научных направлений. Вместе с тем ключевым объектом исследований Е. Г. Анимиды выступает регион, а точнее, Уральский макрорегион. Как представители Пермской научной экономической школы, мы считаем целесообразным рассмотреть актуальные на сегодняшний день вопросы развития нашей научной школы, сопряженные в своем генезисе и развитии с научными разработками, концептуальными установками, теоретико-методологическими положениями Е. Г. Анимиды.

В развитии Пермской научной экономической школы в концептуальных аспектах исследований Е. Г. Анимиды на определенном уровне абстракции можно обозначить ключевые направления:

- исследования, связанные с трансформацией экономики Пермского края;
- исследования, связанные с разработкой программно-проектного подхода — как инструмента регулирования регионального развития;
- вопросы взаимоотношений между классической социально-экономической географией и научной дисциплиной региональной экономики;
- развитие социоэкономической школы;
- исследования, обосновывающие и развивающие понятие «срединный регион», обусловленные включением в это понятие Пермского края.

Последовательно раскроем наиболее актуальные вопросы исследований в рамках каждого из направлений.

I. Исследования, связанные с трансформацией экономики Пермского края. В совместных работах Е. Г. Анимиды с пермскими учениками-экономистами в качестве ключевых положений выделены, прежде всего, доказательства наличия ряда доминант в процессе структурной трансформации Пермского края, которые приводят к формированию новых элементов, свидетельствующих о переходе экономики региона к постиндустриальному типу развития¹. В частности, в период 2000–2010 гг. в качестве доминант были обозначены:

¹ Анимица Е. Г., Новикова Н. В., Сухих В. А. Динамика, изменение пропорций и содержания структурных трансформаций в экономике Пермского края // Экономика региона. — 2008. — № 2 (14). — С. 99–115.

устойчивое превалирование обрабатывающих производств в структуре экономики Пермского края; высокая динамика развития высокотехнологичных подразделений обрабатывающих производств, выпускающих продукцию с высокой долей добавленной стоимости (производство машин и оборудования, производство транспортных средств и оборудования, производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования); сохранение лидирующих позиций в экономике края химического производства, ориентированного на модернизацию; увеличение доли занятых в непромышленной сфере; расширение сферы услуг¹.

На текущем этапе развития, выявленные доминанты не просто укоренились, а усилили свое влияние на структуру экономики Пермского края, трансформируя ее уже в цифровые формы. В доказательство приведем некоторые цифры (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

**Актуализация доминант формирования новых элементов
перехода экономики Пермского края к постиндустриальному типу развития**

Доминанта	Доказательные положения
Устойчивое превалирование обрабатывающих производств в структуре экономики	Доля обрабатывающих производств в ВРП Пермского края — 31,8 %*
Высокая динамика развития высокотехнологичных подразделений обрабатывающих производств, выпускающих продукцию с высокой долей добавленной стоимости	В группе высокотехнологичных производств можно выделить: производство нефтепродуктов, химическое, металлургическое производство, производство машин и оборудования, производство транспортных средств (спектр прироста добавленной стоимости от 2 % до 33 %)*
Сохранение лидирующих позиций в экономике края химического производства	Доля химических производств в ВРП Пермского края — 28,9%*
Увеличение доли занятых в непромышленной сфере	Доля занятых в непромышленной сфере — более 58 %*
Расширение сферы услуг	Прирост объема платных услуг населению в 2021 г. вырос более чем на 20 % по сравнению с 2020 г.

Примечания: Рассчитано на основе данных *Территориального* органа Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю. — URL: <https://permstat.gks.ru> (дата обращения: 15.07.2022).

* Данные по итогам 2021 г.

Развитием и обоснованием данных направлений исследований в Пермском крае занимается целый ряд научных школ Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермского филиала Инсти-

¹ Анимица Е. Г., Новикова Н. В., Сухих В. А. Динамика, изменение пропорций и содержания структурных трансформаций в экономике Пермского края // Экономика региона. — 2008. — № 2 (14). — С. 99–115.

тута экономики Уральского отделения Российской академии наук, Пермского национального исследовательского политехнического университета.

II. Исследования, связанные с разработкой программно-проектного подхода как инструмента регулирования регионального развития.

Е. Г. Анимицей совместно с пермскими учениками-экономистами в общих трудах было обосновано применение программно-целевого подхода и проектно-ориентированного метода, что эффективно сочетает традиционные и инновационные методы формирования новой экономики региона, территории в развитии многообразия ее форм¹. В частности, это стало основой для внедрения трехзвенной структуры «программа-проект-план» в системе регионального управления (табл. 2).

Таблица 2

Оценка эффективности реализации государственных программ Пермского края в 2021 г.

Государственная программа	Показатель комплексной оценки уровня эффективности государственной программы
Качественное здравоохранение	Высокий уровень эффективности
Образование и молодежная политика	Средний уровень эффективности
Социальная поддержка жителей Пермского края	Высокий уровень эффективности
Пермский край — территория культуры	Средний уровень эффективности
Спортивное Прикамье	Средний уровень эффективности
Безопасный регион	Средний уровень эффективности
Экономическая политика и инновационное развитие	Высокий уровень эффективности
Государственная поддержка агропромышленного комплекса Пермского края	Средний уровень эффективности
Градостроительная и жилищная политика, создание условий для комфортной городской среды	Средний уровень эффективности
Развитие транспортной системы	Средний уровень эффективности
Региональная политика и развитие территорий	Высокий уровень эффективности
Общество и власть	Высокий уровень эффективности
Развитие информационного общества	Средний уровень эффективности

Примечание. Составлено на основе данных *Территориального* органа Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю. — URL: <https://permstat.gks.ru> (дата обращения: 15.07.2022).

Вся система реализации региональной политики при разработке и реализации стратегических планов и программных документов развития территорий учитывает разработанные методологические принципы целенаправленности, непрерывности, комплексности, согласованности и научности.

¹ Анимица Е. Г., Новикова Н. В., Сухих В. А. Программно-проектный подход — важнейший инструмент регулирования регионального развития // Известия Уральского государственного экономического университета. — 2008. — № 2 (21). — С. 50–57.

III. Проблемы взаимоотношений между классической социально-экономической географией и научной дисциплиной региональной экономики. Огромная доля исследований Е. Г. Анимицы связана с вопросами взаимоотношений между классической социально-экономической географией и научной дисциплиной региональной экономики. Исследования проводились совместно с Пермской школой социально-экономической географии под руководством М. Д. Шарыгина¹. В частности, ключевым в этом смысле стало положение о сопряженном и взаимообусловленном развитии социально-экономической географии и региональной экономики. Исследователями было отмечено два взаимообусловленных процесса: экономизация географии (включение в орбиту ее изучения вопросов размещения производительных сил, экономических отношений по поводу производства, распределения, обмена и потребления материальных благ и услуг); регионализации экономики. Во многом благодаря данному выводу получил развитие социоэкономический подход, как в экономических, так и в географических науках.

Здесь можно отметить работы В. А. Сухих, Н. П. Паздниковой, Т. А. Базиной, Т. В. Субботиной и других представителей Пермской научной школы.

В частности, экономизация географии предполагает наполнение традиционных географических исследований новыми подходами и методами (оценка степени монополизации производства, конкурентных преимуществ региона, изучение инвестиционного климата, благополучие населения и пр.). В свою очередь, регионализация экономики подразумевает выход на изучение территории, которая рассматривается как целостная система, состоящая из взаимодействующих и дополняющих элементов (природно-ресурсный потенциал, производственная инфраструктура, наука, управленческий сектор и пр.). Взаимопроникновение и взаимообогащение данных процессов выступило основой для развития социоэкономики, которая приобрела географическую и экономическую направленность, что выразилось в целом ряде публикаций².

Если провести некоторый контент-анализ научных публикаций в Российском индексе научного цитирования, то можно отметить следующее (табл. 3).

Таблица 3

Контент-анализ научных публикаций по социоэкономике в РИНЦ

Поисковый запрос	Количество публикаций
Социоэкономика (2010–2022)	168
— по экономике	67
— по географии	57
— по иным научным направлениям	44

¹ Анимица Е. Г., Шарыгин М. Д. Социально-экономическая география и региональная экономика: проблемы взаимоотношений // Географический вестник. — 2013. — № 1 (24). — С. 4–12.

² Анимица Е. Г., Базиная Т. А., Шарыгин М. Д. Научные подходы к изучению региональной социоэкономики // Инновационное развитие экономики: тенденции и перспективы. — 2016. — Т. 1. — С. 9–15.

Таким образом, необходимо констатировать, что развитие социоэкономического подхода в современной науке как междисциплинарного позволяет сочетать традиционные научные методы с приоритетом антропоцентризма в общественно-экономической жизни.

IV. Развитие социоэкономической школы. Социоэкономика как современное научное направление, изучающее возможности и способы воздействия социальных факторов и компонентов на экономическую действительность в стоимостных категориях, включает: экономические параметры воспроизводства общества; социальные параметры воспроизводства экономики; их взаимосвязи и взаимообусловленности; расчет соотношения затрат и результатов деятельности экономических субъектов различных уровней¹.

Исходя из сформулированных постулатов социоэкономической школы, ключевой исследовательской проблемой для ее представителей стал вопрос о возможности измерения взаимовлияния социальных переменных и экономических индикаторов.

Отметим, что в ранних работах исследователей внимание концентрировалось на интерпретации предмета социоэкономики. Например, А. А. Шурус² определяет в качестве предметной области воспроизводственные процессы в постиндустриальных условиях. Отметим, что такая установка в дефиниции предмета акцентирует содержательную нагрузку на роли субъекта социоэкономических отношений, однако при этом остаются неясными объект и характер подобных отношений. В свою очередь, М. А. Шабанова включает в предмет социоэкономики двусторонние связи, формирующиеся на разных уровнях социальной действительности между социальными и экономическими акторами³. Результаты развития таких связей есть предмет экономической оценки в социоэкономике, включая сопоставление затрат и возможных ограничений. При такой коннотации предметной области социоэкономики раскрывается характер общественных отношений, выступающих однотипными, исключая их особенные характеристики.

В самом начале становления социоэкономической школы возникали различного рода проблемы фундаментального характера, от решения которых зависели все последующие изыскания в контексте социоэкономики. В этих условиях Е. Г. Анимица и В. А. Сухих постарались сформулировать сущность предмета социоэкономики региона как процессов и отношений, протекающих в сфере хозяйственной деятельности⁴, что расширяет предметное поле за счет

¹ Шабанова М. А. Социоэкономика: от парадигмы к новой науке // Общественные науки и современность. — 2006. — № 1. — С. 121–133.

² Шурус А. А. Социоэкономика как межотраслевая наука: предмет, метод, формы институционализации // Труд и социальные отношения. — 2008. — Т. 19, № 1. — С. 4–11.

³ Шабанова М. А. Социоэкономика: от парадигмы к новой науке // Общественные науки и современность. — 2006. — № 1. — С. 121–133.

⁴ Анимица Е. Г., Сухих В. А. Пространственно-временная парадигма в социоэкономике: региональный аспект. — Пермь: ПГНИУ, 2007. — С. 22.

морально-этических, культурных и духовных параметров¹. В результате появилось определение предмета социэкономике как совокупности процессов и отношений, без учета и детализации субъект-объектных отношений.

Таким образом, исследования Уральской школы обозначили свое видение предмета социэкономике как деятельности человека в социальной и экономической действительности в условиях влияния социальных переменных на экономические, а также обратного воздействия экономических переменных, имеющих стоимостную оценку².

Исходя из того, что теоретической основой социэкономике выступает теория модернизации, стоит отметить значимость методологических составляющих в контексте взаимосвязи экономических и социальных процессов в разрезе обособленность-диффузия³. В результате в теоретико-методологическом пространстве социэкономике можно наблюдать постепенное «размывание» границ экономических процессов, проникновение социальных тенденций. Можно говорить об уровне концентрации социэкономике, представляющем соотношение социальных и экономических показателей, измеряющих эффективность развития общества.

Соответственно, социэкономическая школа говорит о смене «экономического человека», априорно рационального, «социальным человеком»⁴, деятельность которого обусловлена спектром социальных факторов. Количественная оценка деятельности «социального» человека и последствий данных итераций позволяет диагностировать и учитывать факторное воздействие на социэкономическую систему в целом. И соответственно перераспределить социально-экономические ресурсы.

Представители Уральской школы социэкономике называют и ее недостатки:

- проблемы достоверности и объективности в оценке качественных процессов;
- превалирование значимости социальных факторов;
- нивелирование воздействия внешних факторов, в том числе абстрактное рассмотрение социэкономических систем различного уровня;
- слабая разработка методических составляющих социэкономике (инструментов, методик, алгоритмов и пр.); заимствование и синтез уже существующих методических практик;
- непроработанность методических положений, адаптированных к переходным периодам и лагам неопределенности.

¹ Анимица Е. Г., Сухих В. А. Пространственно-временная парадигма в социэкономике: региональный аспект. — Пермь: ПГНИУ, 2007. — С. 23.

² Сухих В. А., Урасова А. А. Перспективы развития инновационной социэкономической системы на региональном уровне // *Ars administrandi. Искусство управления.* — 2012. — № 2. — С. 27–35.

³ Пыткин А. Н., Сухих В. А., Урасова А. А. Инновационная социэкономическая система региона в современных условиях: анализ, динамика, тенденции развития, принципы регулирования. — Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2015. — 156 с.

⁴ Анимица Е. Г., Сухих В. А. Пространственно-временная парадигма в социэкономике: региональный аспект. — Пермь: ПГНИУ, 2007. — С. 14.

Таким образом, необходимо констатировать ключевые тезисы Уральской экономической школы, развитые в русле социэкономике:

- формулирование сущности предмета социэкономике региона;
- включение в предмет социэкономике процессов и отношений, протекающих в сфере хозяйственной деятельности;
- расширение предмета социэкономике за счет морально-этических, культурных и духовных параметров;
- отсутствие необходимости учета и детализации субъект-объектных отношений;
- методическая необходимость условного деления ключевых элементов развития региона на социальные и экономические;
- взаимодействие социальных и экономических элементов как источник динамики в развитии региона, порождающий возникновение индикаторов, способных измерить уровень концентрации социэкономике региона.

V. Обоснование и развитие понятия «срединный регион», включение Пермского края. Определение срединного региона как особого, государствообразующего типа крупного региона, исторически складывающегося в центральной, стратегически важной части страны, обладающего совокупностью таких основных топологических признаков, как высокий уровень открытости и контактности, значительная степень концентрации производства и населения, научно-технического, интеллектуального и кадрового потенциала, сформировавшаяся разветвленная инфраструктура, производственно-технологическая и социально-культурная связность, региональная идентичность, а также наличие мощных ядер, в качестве которых выступают крупнейшие города, имеющие статус административно-политических, экономических и организационных центров и скрепляющие подведомственные им территории в единое региональное социально-экономическое пространство, стало основой для целого ряда исследований в этом направлении¹. Необходимо отметить, что Е. Г. Анимица относит к Срединному региону и Пермский край.

Как мы видим, теоретико-методологические результаты и разработки научной школы Е. Г. Анимицы получили развитие в междисциплинарных направлениях исследований целого ряда представителей Пермской научной школы по разным научным направлениям, нашли широкое практическое применение в системе управления Пермским краем, как на региональном, так и на муниципальном уровне.

¹ *Срединный регион: теория, методология, анализ* / Е. Г. Анимица, А. А. Глузов, Е. Б. Дворядкина и др. — 2-е изд., перераб. и доп. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2009. — 508 с.

1.7. Территориальное наукоемкое производство: содержание и пути усиления¹

Территория как объект приложения интеллектуальных сил сообщества. Под территорией в данном исследовании понимается муниципальное и региональное административно-территориальное образование, на котором ведется хозяйственная, финансовая, научная, культурная, образовательная, оздоровительная и иная человеческая жизнедеятельность.

В таком понимании территория обладает определенной самодостаточностью. Это значит, что она имеет определенные законодательным путем границы, собственность, органы власти, бюджет, налоги. Кроме того, территория как человеческое сообщество имеет собственный интерес, который она отстаивает при взаимоотношениях с другими территориями. Ее интерес проявляется в совокупности разнообразных местных потребностей, соответствующих интересам различных социальных групп, проживающих на данной территории.

Каждая территория удовлетворяет свои потребности за счет интеллектуальной деятельности как ее руководителей, так и каждого жителя в отдельности. При этом в понимании потребностей отдельные жители выступают и как изолированные единицы, и как некоторые социальные группы, близкие по своему менталитету, жизненным запросам и желаниям их удовлетворять. В работе «Социальный кластеризм. Российский вызов» академик В. Л. Макаров предлагает называть их сословиями или социальными кластерами. Он пишет: «Понятие сословия по своей сути ближе всего к понятию социального кластера... Но естественно, что классификаций для социальных групп довольно много — в зависимости от ведущего признака классификации: по профессии, по национальному, религиозному признаку, по уровню доходов, полу, возрасту и т. д.»²

Интеллектуальная деятельность по удовлетворению потребностей населения территории всегда разворачивается на базе сложившегося на ней в прежние времена производственно-технологического и социально-культурного потенциала. В каждом конкретном случае этот потенциал то в ярко выраженной форме, то в приглушенном виде обладает своеобразием, определенной индивидуальностью, что дает территории некоторые преимущества.

Первоначально идея преимуществ была развита английским экономистом Д. Рикардо (1772–1823) в работе «Начала политической экономии и налогообложения» (1817) под названием «теория сравнительных преимуществ». Она касалась экономических различий на уровне государств, т. е. относилась к мировой торговле и строилась на понимании относительного, временного наличия преимуществ. Суть теории Д. Рикардо заключается в том, чтобы страна

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания для Института экономики Уральского отделения Российской академии наук на 2022–2023 гг.

² Макаров В. Л. Социальный кластеризм. Российский вызов. — М.: Бизнес Атлас, 2010. — С. 127.

экспортировала те товары, по которым соотношение ее затрат с затратами других стран было бы более благоприятным, чем по другим товарам.

Позже идею преимуществ территории развивали многие авторы. Наиболее ярко, но уже в рамках мест (городов, коммун, регионов и стран Европы) ее представили Ф. Котлер, К. Асплунд, И. Рейн и Д. Хайдер в работе «Маркетинг мест...». В ней они исходят из возможностей «продажи» привлекательности территорий (мест) через стратегическое, ориентированное на рынок планирование. В этом случае авторы опираются не столько на природно-ресурсные факторы или географические условия, сколько на результаты приложения интеллектуальных сил к созданию потенциала территории. Они считают, что таким путем любая территория сможет стать и привлекательной, и конкурентоспособной. Приложение интеллектуальных сил должно выражаться в:

- 1) придании территории нужного хорошего дизайна;
- 2) созданию и поддержании в рабочем состоянии технологической инфраструктуры;
- 3) предоставлении услуг такого качества, которое соответствует потребностям бизнеса и общества;
- 4) сооружении достопримечательностей и приманок для собственных жителей и туристов¹.

В России вопрос о преимуществах того или иного пространства развивался в рамках теории районирования. Подробный анализ этого подхода дан в работе А. Н. Демьяненко «Экономическое районирование: вопросы теории и истории»².

Каждая территория обладает своим особым потенциалом, который сложился под влиянием интеллектуальных сил в прежние времена и продолжает высвечивать ее особый образ. Их действие в конечном счете формирует на каждой территории определенные мировоззренческие позиции населения, включающие менталитет, обычаи, привычки, знания, умения.

Конечно, нельзя утверждать, что у каждой территории существуют свои четко выраженные мировоззренческие подходы к решению текущих вопросов. Поскольку под территорией, как мы определили, понимаются муниципальные и региональные административные образования, то мировоззренческие позиции населения не могут ограничиваться только каждым из них. Все они являются частями более широкого социального явления, представленного государством и реализуемого в виде государственной социально-экономической политики. В то же время нельзя отвергать и специфику его проявления в каждом конкретном случае.

Это своеобразие выражается в развертывании и осуществлении территориальной специализации через стратегическое планирование и прогнозирование

¹ *Маркетинг мест: привлечение инвестиций, предприятий и туристов в города, коммуны, регионы и страны Европы: пер. с англ. / Ф. Котлер, К. Асплунд, И. Рейн, Д. Хайдер. — СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2005. — С. 162.*

² *Демьяненко А. Н. Экономическое районирование: вопросы теории и истории. Ч. 1. = Economic zoning: questions of theory and history. Р. 1. — Хабаровск: Хабаровская краевая типография, 2010. — 222 с.*

ние. Люди своим интеллектуальным трудом, создавая планы, программы, проекты и организуя деятельность по использованию имеющегося потенциала, придают территории нужную им направленность развития.

Поскольку ведущую роль в усилении направленности и роста мощи территориального потенциала играют будущие потребности, то интеллектуальные силы местного сообщества изучают процесс их возникновения и развития, а также научно обосновывают необходимое им организационное, технологическое и финансовое обеспечение.

Вместе с тем большое значение в развитии территории имеют социально-экономические факторы. Это связано с тем, что объективно всякая жизнедеятельность людей хотя и направлена на получение выгоды (прибыли), но в своей глубинной основе она предполагает удовлетворение физиологических и культурно-духовных потребностей жителей. Задача интеллектуальных сил территориального сообщества, и прежде всего его административно-хозяйственного руководства, заключается в создании условий для перевода, точнее для определенного подчинения действий хозяйственных структур именно удовлетворению потребностей людей и их всестороннему умственному, профессиональному и нравственно-этическому развитию.

Первоначально исследователи считали, что преимущества территории связаны с закреплением (специализацией) на ней определенных отраслей, особенно добывающих, что было характерным, например, для Урала, Кузбасса, отдельных районов Сибири и Дальнего Востока. Но со временем большая часть экономистов стала понимать, что в основе отличий территорий лежат не столько сырьевые возможности или географическое положение, сколько факт *интеллектуального потенциала населения*. Он же определяет возможности развития *территориального наукоемкого производства*.

Проблема развития интеллектуального потенциала территорий. Для наращивания территориального наукоемкого производства через приложение интеллектуальных сил территориального сообщества необходим факт его интеллектуального потенциала. Этот тезис в своей логической трактовке не вызывает сомнения. Действительно, чем больше творческих идей прилагается к организации производства, да и ко всей жизнедеятельности людей, тем больше общество насыщается достижениями науки. Однако легкость восприятия мысли данного тезиса заканчивается там, где начинается перевод правильных теоретико-методологических положений в текущую практику. Это касается не только создания технологий. Ведущую роль играет развертывание разнообразных организационных форм для успешного социально-экономического развития всей территории.

Итак, есть дороги, по которым должно идти развитие. Но кто показывает народу эти дороги? Ответ: политики и управленцы. Они, формируя свое поведение под влиянием состояния экономики и общества, пытаются интуитивно, чаще подсознательно уловить складывающиеся тенденции и довести их до народа. Правильность решений в этих случаях не всегда гарантирована, но их мнение обычно переводится в практические действия.

А кто политикам и управленцам показывает, какими должны быть эти дороги и в какие направления они должны устремляться? Ответ: ученые. Они дают более точные ответы на вопросы о правильности социально-экономической и производственно-технологической политики, проводимой в стране и регионах, а также о нужных вариантах ее развития. Но их предложения реже принимаются во внимание, поскольку окончательные решения принимают те, кто имеет власть и распоряжается финансами.

И все же роль ученых является довольно значительной. Дело в том, что ученые по роду своей деятельности строят свои варианты «дорог» на основе научных исследований.

Если это утверждение является верным, а оно, на наш взгляд, является именно таковым, то надо обратиться к анализу состояния и развития самой «учености» в стране. Другими словами, надо понять, достаточен ли *интеллектуальный потенциал территорий* (страны, регионов, муниципалитетов) для изучения проблем жизнедеятельности населения и обоснования эффективных путей роста его благосостояния.

Сразу оговоримся, что в одном параграфе монографии невозможно полностью раскрыть все общие и частные вопросы роли интеллектуального потенциала, касающиеся развития всех сторон жизнедеятельности общества, начиная с производства, образования, технологий, здравоохранения и т. д. и заканчивая облагораживанием быта и созданием инфраструктуры для полноценного отдыха людей.

В данном исследовании мы ограничимся лишь вопросами наличия в стране и на ее территориях некоторых характеристик *интеллектуального потенциала*, прежде всего *научно-исследовательского персонала*.

Динамика численности научно-исследовательского персонала. Начнем с анализа численности персонала, занятого научными исследованиями и разработками (табл. 4).

Таблица 4

Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками

Регион	Численность персонала по годам, чел.				2020 к 1992, раз (-) снижение
	1992	2000	2010	2020	
Российская Федерация	1 532 618	8 87 729	736 540	679 333	-2,26
<i>Центральный федеральный округ</i>	738 713	455 985	381 795	345 756	-2,14
— Московская область	93 158	100 601	84 574	86 910	-1,07
— Москва	480 917	276 825	241 226	212 441	-2,26
<i>Северо-Западный федеральный округ</i>	233 048	116 812	95 826	87 411	-2,67
— Санкт-Петербург	204 667	98 371	79 813	72 485	-2,82
<i>Южный федеральный округ</i>	78 439	37 422	28 109	26 716	-2,94
<i>Северо-Кавказский федеральный округ</i>	—	—	6 053	6 816	—
<i>Приволжский федеральный округ</i>	248 637	150 046	116 285	101 929	-2,44
— Республика Башкортостан	21 918	10 290	7 655	7 797	-2,81
— Удмуртская Республика	9 460	2 506	1 525	1 839	-5,14
— Пермский край	26 475	12 729	9 739	9 520	-2,78

Регион	Численность персонала по годам, чел.				2020 к 1992, раз (-) снижение
	1992	2000	2010	2020	
— Оренбургская область	2 796	1 337	947	828	-3,38
<i>Уральский федеральный округ</i>	<i>88 581</i>	<i>50 803</i>	<i>42 672</i>	<i>44 486</i>	<i>-1,99</i>
— Курганская область	2 411	1 927	644	679	-3,55
— Свердловская область	38 921	27 565	20 379	20 849	-1,87
— Тюменская область	14 420	4 935	7 160	7 223	-1,99
— Ханты-Мансийский автономный округ — Югра	2 032	1 085	1 958	1 462	-1,39
— Ямало-Ненецкий автономный округ	193	209	16	135	-1,43
— Тюменская область без автономных округов	12 195	3 641	5 186	5 626	-2,17
— Челябинская область	32 829	16 376	14 489	15 735	-2,09
<i>Сибирский федеральный округ</i>	<i>120 835</i>	<i>62 477</i>	<i>51 750</i>	<i>52 304</i>	<i>-2,31</i>
— Новосибирская область	46 364	25 168	21 615	21 346	-2,17
— Томская область	11 675	8 037	8 687	9 862	-1,18
<i>Дальневосточный федеральный округ</i>	<i>24 365</i>	<i>14 184</i>	<i>14 050</i>	<i>13 915</i>	<i>-1,75</i>

Примечание. Составлено и рассчитано по: *Регионы России. Социально-экономические показатели. 2003*: стат. сб. / Госкомстат России. — М., 2003. — С. 742–743; *Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021*: стат. сб. / Росстат. — М., 2021. — С. 908–909.

Под научно-исследовательским персоналом понимается совокупность лиц, чья творческая деятельность, осуществляемая на систематической основе, направлена на увеличение и поиск новых областей применения знаний, а также занятых оказанием прямых услуг, связанных с выполнением исследований и разработок. В статистике персонал, занятый исследованиями и разработками, учитывается как списочный состав работников организаций (соответствующих подразделений: образовательных организаций высшего образования, организаций промышленности и др.), выполнявших исследования и разработки, по состоянию на конец отчетного года.

Анализ табл. 4 показывает ряд интересных и тревожных тенденций.

Первая из них состоит в том, что за период с 1992 по 2020 г. во всех без исключения регионах произошло снижение численности персонала, занятого научными исследованиями и разработками. По России в целом это снижение составило 2,26 раза (соответственно 1 532 618 чел. и 679 333 чел.).

По отдельным регионам цифры колеблются. Но нигде нет положительных перемен. Даже в Москве численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, в 2020 г. была ниже уровня 1992 г. в 2,26 раза (соответственно 212 441 чел. и 480 917 чел.). В Свердловской области она упала в 1,87 раза (20 849 чел. и 38 921 чел.). А в Курганской области произошло, можно сказать, «обрушение» показателя. Он уменьшился в 3,55 раза (679 чел. и 2 411 чел.). Аналогичная картина наблюдается по остальным регионам.

Итак, численность населения не изменилась, а численность людей, способных указать эффективные пути развития экономики, включая создание наукоемкой продукции, уменьшается.

Получается, что всего можно достичь как бы простой расторопностью или смекалкой. Но прошли те времена, когда вихрем неслась воспетая Н. В. Гоголем «птица тройка». Энергию для ее полета давал «не хитрый, кажись, дорожный снаряд», который «не железным схвачен винтом, а наскоро живьем с одним топором да долотом снарядил и собрал» «ярославский расторопный мужик».

Однако сейчас одной расторопности, какой бы изощренной она ни была, уже недостаточно. Создание продукции на основе сообразительности, обычных знаний, практического опыта, умений работать руками, даже «золотыми» — всего этого мало. Необходим высокий уровень производственного интеллекта, нужна глубокая научно-профессиональная образованность всех работников, поскольку все виды деятельности нуждаются в напряженных умственных усилиях. Время наития, проб и ошибок, любительского подхода, исполнения на «а вдруг получится» уже прошло. Пришло время сознательно организованного и целенаправленного интеллектуального труда работников всех без исключения профессий, поскольку всюду применяются сложные машины, начиная с уборки улиц и заканчивая строительством космических изделий. Поэтому нужны не просто знания, а знания высоких технологий, используемых во всех отраслях экономики: в материальном производстве, в сфере услуг, в образовательной, научной, культурной деятельности и в здравоохранении. Исключений нет.

Вторая тенденция заключается в том, что при общем снижении во всех регионах численности персонала, занятого научными исследованиями и разработками, *его удельный вес продолжал расти в «столичных территориях»*, к которым мы относим Москву, Московскую область и Санкт-Петербург.

Так, если в 1992 г. на них приходилось **50,81 %** от общей численности научно-исследовательского персонала России (778 742 чел. из 1 532 618 чел.), то в 2020 г. эта цифра подросла до **54,73 %** (371 836 чел. из 679 333 чел.). Это означает, что происходит стягивание научного персонала в «столичные территории» и его уменьшение по всему пространству страны.

Итак, видим, что динамика численности научно-исследовательского персонала чисто в количественном отношении не направлена на усиление территориального наукоемкого производства. Мы не берем отдельные случаи талантливых исследователей, предлагающих новые материалы, новые технологии, новые организационные формы работы. Такие ученые существуют. Но для массового изменения потенциала территории нужны массы творческих личностей, настроенных на решение названных проблем.

Сделаем вывод: такое сосредоточение в «столичных территориях» персонала, занятого научными исследованиями и разработками, свидетельствует не просто о понижении роли научной мысли в регионах, а о *настойчивом отсечении регионов от научных исследований*.

Динамика численности исследователей. Еще более важной проблемой для наращивания территориального наукоемкого производства является интеллектуальный потенциал территорий, выраженный в наличии специальных работников, которых именуют исследователями. В статистическом учете под ис-

следователями понимаются работники, профессионально занимающиеся исследованиями и разработками и непосредственно создающие новые знания, продукты, методы и системы, а также управляющие указанными видами деятельности. Исследователи обычно имеют законченное высшее образование.

Рассмотрим динамику численности исследователей в стране в целом и в некоторых ее регионах (табл. 5).

Таблица 5

Численность исследователей по России и ее регионам

Регион	Численность исследователей по годам, чел.				2020 к 1992, раз (-) снижение
	1994	2000	2010	2020	
Российская Федерация	525 319	425 954	368 915	346 497	-1,52
<i>Центральный федеральный округ</i>	261 994	228 500	197 977	179 332	-1,31
— Московская область	33 445	42 671	37 122	39 770	+1,19
— Москва	177 089	152 759	135 387	116 561	-1,52
<i>Северо-Западный федеральный округ</i>	90 293	60 224	50 989	44 275	-2,04
— Санкт-Петербург	80 365	52 131	43 555	36 955	-2,17
<i>Южный федеральный округ</i>	25747	17 892	12 498	12 770	-2,02
<i>Северо-Кавказский федеральный округ</i>	—	—	3 534	4 146	—
<i>Приволжский федеральный округ</i>	71 500	58 892	50 080	52 424	-1,36
— Республика Башкортостан	6 414	4 601	3 237	4 374	-1,47
— Удмуртская Республика	2 944	1 203	675	1 169	-2,52
— Пермский край	4 307	5 452	4 788	4 994	+1,16
— Оренбургская область	1 094	805	557	479	-2,28
<i>Уральский федеральный округ</i>	27 590	21 792	20 352	21 446	-1,29
— Курганская область	1 045	768	367	446	-2,34
— Свердловская область	15 450	12 058	9 293	8 877	-1,74
— Тюменская область	3 715	2 626	4 494	5 148	+1,39
— Ханты-Мансийский автономный округ — Югра	—	645	1 263	1 158	—
— Ямало-Ненецкий автономный округ	—	44	11	65	—
— Тюменская область без автономных округов	—	—	3 220	3 925	—
— Челябинская область	7 380	6 340	6 198	6 975	-1,05
<i>Сибирский федеральный округ</i>	41 676	31 908	26 392	25 249	-1,65
— Новосибирская область	16 259	12 605	10 769	10 039	-1,62
— Томская область	5 701	4 498	4 374	4 541	-1,26
<i>Дальневосточный федеральный округ</i>	6 519	6 746	7 093	6 855	+1,05

Примечание. Составлено и рассчитано по: *Регионы России. Социально-экономические показатели. 2003*: стат. сб. / Госкомстат России. — М., 2003. — С. 744–747; *Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021*: стат. сб. / Росстат. — М., 2021. — С. 910–913.

Как видно из табл. 5, численность исследователей по России в целом за период с 1994 по 2020 г. уменьшилась с 525 319 чел. до 346 497 чел., или в 1,52 раза.

Такая же тенденция присуща и большинству регионов страны. Количество исследователей с 1994 по 2020 г. уменьшилось в Москве в 1,52 раза,

в Санкт-Петербурге — в 2,17 раза, в Республике Башкортостан — в 1,47 раза, в Свердловской области — в 1,74 раза, в Курганской области — в 2,34 раза и т. д.

Лишь в некоторых регионах наблюдался прирост численности исследователей. Так, он вырос за анализируемый период в Московской области в 1,19 раза, в Пермском крае — в 1,16 раза, в Тюменской области — в 1,39 раза. Во многом это связано с проведением некоторых организационных перемещений научно-исследовательских подразделений или созданием специальных новых структур, например, таких, как инновационный центр «Сколково», созданный в 2010 г. в Можайском районе Московской области.

Конечно, можно сказать, что в этих крайне интересных показателях отсутствует элемент их соизмеримости. Поэтому мы покажем изменения в расчете на 10 тыс. населения.

Численность исследователей на 10 тыс. населения. Итак, реальная сравнимость показателей численности исследователей в отдельных регионах может быть только в случае их исчисления в расчете на 10 тыс. населения (табл. 6). Такой подход исключает некоторую «затуманенность» разной численностью жителей в регионах страны, поскольку перед критерием «10 тыс. населения» все равны.

Таблица 6

**Соотношение численности исследователей
по России и ее регионам в 1994 г. и 2020 г.
(в расчете на 10 тыс. населения)**

Регион	1994			2020		
	Население, тыс. чел.	Исследователи, чел.	На 10 тыс. населения	Население, тыс. чел.	Исследователи, чел.	На 10 тыс. населения
1	2	3	4	5	6	7
Российская Федерация	148 366	525 319	35,4	146 171	346 497	23,7
<i>Центральный федеральный округ</i>	—	261 994	—	39 251	179 332	45,7
— Московская область	6 644	33 445	50,3	7 708	39 770	51,6
— Москва	8 793	177 089	201,4	12 655	116 561	92,1
<i>Северо-Западный федеральный округ</i>	—	90 293	—	13 942	44 275	31,8
— Санкт-Петербург	4 883	80 365	164,6	5 384	36 955	68,6
<i>Южный федеральный округ</i>	—	25 747	—	16 482	12 770	7,7
<i>Северо-Кавказский федеральный округ</i>	—	—	—	9 967	4 146	4,2
<i>Приволжский федеральный округ</i>	—	71 500	—	29 071	52 424	18,0
— Республика Башкортостан	4 055	6 414	15,8	4 014	4 374	10,9
— Удмуртская Республика	1 641	2 944	17,9	1 494	1 169	7,8
— Пермский край	3 036	4 307	14,2	2 579	4 994	19,4
— Оренбургская область	2 206	1 094	4,9	1 943	479	2,5

1	2	3	4	5	6	7
<i>Уральский федеральный округ</i>	—	27 590	—	12 330	21 446	17,4
— Курганская область	1 115	1 045	9,4	819	446	5,4
— Свердловская область	4 722	15 450	32,7	4 290	8 877	20,7
— Тюменская область	3 130	3 715	11,9	3 778	5 148	13,6
— Ханты-Мансийский автономный округ — Югра	—	—	—	1 688	1 158	6,9
— Ямало-Ненецкий автономный округ	—	—	—	547	65	1,2
— Тюменская область без автономных округов	—	—	—	1 543	3 925	25,4
— Челябинская область	3 690	7 380	20	3 443	6 975	20,3
<i>Сибирский федеральный округ</i>	—	41 676	—	17 004	25 249	14,8
— Новосибирская область	2 748	16 259	59,2	2 786	10 039	36,0
— Томская область	1 074	5 701	53,1	1 070	4 541	42,4
<i>Дальневосточный федеральный округ</i>	—	6 519	—	8 124	6 855	8,4

Примечание. Составлено и рассчитано по: *Регионы России: стат. сб.: в 2 т. / Госкомстат России. — М., 1998. — Т. 2. — С. 26–27; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2003: стат. сб. / Госкомстат России. — М., 2003. — С. 744–747; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: стат. сб. / Росстат. — М., 2021. — С. 44–43, 910–913.*

Из табл. 6 видно, что в целом по России численность исследователей в расчете на 10 тыс. населения снизилась с 35,4 чел. в 1994 г. до 23,7 чел. в 2020 г. Страна реально теряет научных профессионалов. На любительском уровне, конечно, можно сделать изобретение и даже научное открытие. Но это будет зафиксировано как отдельный, а потому случайный факт.

Чтобы проникнуть в природу явления, требуется системное знание предмета исследования. Такая возможность имеется только у людей, посвящающих все свое рабочее время установлению неизвестных ранее, объективно существующих закономерностей, свойств и явлений материального мира.

Неблаговидная картина наблюдается и по отдельным регионам. Так, в Москве на 10 тыс. населения в 1994 г. было 201,4 исследователей. Затем этот показатель в 2020 г. скатился до 92,1 исследователей. Снижение довольно большое, но все же терпимое.

В то же время, например, в Оренбургской области на 10 тыс. населения в 1994 г. насчитывалось 4,9 исследователей, что очень мало. Однако в 2020 г. этот показатель опустился до 2,5 исследователей. В Ямало-Ненецком автономном округе исследователей практически не было.

Даже по целым федеральным округам наличие исследователей находилось на очень низком уровне в расчете на 10 тыс. населения. Так, в Северо-Кавказском федеральном округе их было 4,2 чел., в Южном федеральном округе — 7,7, а в Дальневосточном — 8,4 чел.

Возникает вопрос: если на территориях так мало исследователей, т. е. работников, которые непосредственно создают новые знания, продукты, методы, системы, а также организационные формы управления этими видами деятельности, то откуда же им, этим новым интеллектуальным продуктам, появиться?

Получается, что если в «столичных территориях» исследователей значительно больше, чем в регионах, то остается правильным наше ранее высказанное утверждение, что в стране нарастает угроза развития региональной периферийной экономики. Под ней мы понимаем зависимость регионов от центра, снижение местной инициативы и торможение технологического развития территорий, удаленных от столицы нашей Родины¹.

Возможность возникновения региональной периферийной экономики нарастает с каждым новым десятилетием. Если ей целенаправленно не противодействовать, увеличивая численность исследователей на территориях и развивая на них наукоемкие производства, то страна превратится в слабосильного гиганта с умной головой.

Такой ход событий вполне возможен, что подтверждает историческая практика развития государств так называемого третьего мира. Даже сам термин «периферийная экономика» возник в 1950-е годы и служил для объяснения проблем экономического развития государств Латинской Америки. Тогда он использовался для характеристики межгосударственных отношений, где развитые страны играли роль центров, а развивающиеся страны служили для них периферией.

Отдельные характеристики периферийной экономики могут быть применены и к нашей стране с ее огромной территорией и разнообразными экономическими условиями регионов. На первом месте среди таких характеристик находится высокая зависимость территорий от федерального центра, который регулирует поступление определенных объемов денежных средств.

Сложившиеся пути решения проблемы территориального наукоемкого производства. Среди ученых России, в том числе Уральского региона, уже несколько лет разрабатываются теоретические подходы к исключению угрозы развития региональной периферийной экономики путем интеллектуализации населения и развития наукоемких производств. Одним из способов является формирование предложенного нами нового фактора развития под названием «научно-исследовательские силы общества». Этот фактор представляет собой «систему поиска новых знаний вместе с механизмами и структурами перевода их в производство путем проведения массовой научно-исследовательской работы во всех административно-территориальных образованиях страны, а не только в крупных городах»². Нами было показано, что научно-техническое развитие, хотя и дополняет производство интеллектуальными элементами, но еще не приводит к ясному пониманию новой роли самого интеллектуального труда. Это выражается в том, что слабо принимается во внимание сложность умственного труда, включающего не только потребность в знаниях, умениях, навыках, но и повышение ответственности работника за выполняемую работу. Кроме того, эта сложность труда не может реализо-

¹ Бочко В. С. Экономическая самостоятельность регионов в условиях новой реальности // Экономика региона. — 2016. — Т. 12, вып. 2. — С. 342–352.

² Бочко В. С. Научно-исследовательские силы общества и их развитие в регионах // Экономика региона. — 2019. — Т. 15, вып. 3. — С. 645.

ваться без социализации участников производственного процесса. В исследованиях по научно-техническому развитию внедрение в производство интеллектуального труда обычно рассматривается как способ экономии затрат на рабочую силу.

Вместе с тем роль умственного труда значительно возросла. Поэтому, чтобы понять данный процесс, необходимо осознать в нем не только индивидуальную, но и общественную силу. В современный период для создания законченного высокотехнологичного продукта необходимо применение именно совокупного интеллектуального труда. Рассмотрение интеллектуального труда с позиций общества переводит его с понимания индивидуального расходования энергии на позицию общественной производительной силы, которая может создавать великие социальные и технологические ценности. Все это означает, что в новых условиях нельзя ограничиваться поддержанием лишь научно-интеллектуального потенциала общества, что следует дополнить его новым фактором экономического роста — научно-исследовательскими силами общества. Исследовательская деятельность в них играет определяющую роль.

Важным направлением наукоемкого развития территорий является развитие *теории процессов индустриализации*, изложенной в работе Я. П. Силина, Е. Г. Анимиды, Н. В. Новиковой «Уральский регион: большие циклы индустриализации». Авторы отмечают, что «на региональном уровне процессы индустриализации нами рассматриваются как синоним и важнейший фактор экономического прогресса, повышающего производительность труда на основе применения новых, передовых технологий»¹. Ими была применена *циклично-волновая методология* познания процессов индустриализации в экономическом пространстве макрорегиона. По их мнению, во-первых, «она позволяет получить объяснение природы эволюции экономики макрорегиона, промышленного производства в экономическом пространстве макрорегиона с учетом нарушения равновесия, наличия возвратных, повторяющихся процессов или цикличности»², во-вторых, «применение циклично-волновой методологии позволяет найти научно обоснованные отраслевые приоритеты развертывания в будущем процессов индустриализации в экономическом пространстве страны и ее регионов с учетом вызовов очередных технологических укладов»³. Общая ценность проведенного авторами исследования заключается в том, что они, с одной стороны, показали возможность выделять ключевые направления антикризисной политики, с другой стороны, раскрыли механизм построения политики индустриализации в экономическом пространстве страны и ее макрорегионов.

Еще одно *направление наукоемкого развития территорий* состоит в их специализации и развитии *внутреннего, в том числе межтерриториального, рынка*. Он представляет собой сбыт и приобретение товаров (услуг), соверша-

¹ Силин Я. П., Анимиды Е. Г., Новикова Н. В. Уральский макрорегион: большие циклы индустриализации / под науч. ред. С. Ю. Глазьева, С. Д. Бодрунова. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2019. — С. 30.

² Там же. — С. 73.

³ Там же.

емые между любыми территориями страны, т. е. не только между смежными, но и отдаленными.

Но данное направление (развитие внутреннего рынка) сработает тогда, когда мы начнем воспринимать его не как продолжение сложившихся хозяйственных отношений между территориями, а *как новую экономическую модель развития самих территорий*. Сложившееся понимание внутреннего рынка построено на традиционных идеях роста высокого потребительского спроса, стимулирования внутреннего производства, поддержания предпринимателей, сокращения административной ренты и т. д.

Мы исходим из того, что для повышения наукоемкого развития территорий в первую очередь должна быть резко повышена экономическая самостоятельность (инициатива) территорий, а также развиты территориальные научно-исследовательские силы общества, о чем мы говорили выше.

Таким образом, вопрос экспорта товаров не будет находиться во главе угла перестройки внутреннего рынка. Он будет важным, но в ряду других. Технологически и экономически сильные территории сами покажут, какими должны быть межтерриториальные производственно-торговые связи, т. е. на чем им следует сосредоточить внимание, а от чего лучше отказаться. Тогда снимутся всякие опасения по поводу трудностей со сбытом, необходимости перераспределения трудовых ресурсов между отраслями, в том числе в географическом отношении. Сама по себе интеллектуализация населения и формируемое наукоемкое производство дадут положительные результаты. Возможно, что самым грандиозным из них станет развитие малых городов.

Причины сдерживания интеллектуального потенциала территорий. Проведенный анализ реализации идеи роста *интеллектуального потенциала населения* для развития территориального наукоемкого производства показал, что наша теоретическая гипотеза не получает подтверждения в реальной российской практике. Интеллектуализация населения идет одним путем, предложения по развитию наукоемкого производства — своим, а реальная жизнь — третьим, мало соприкасаясь с первыми двумя.

Возможно, что важнейшей причиной такого нейтрального отношения общества к науке и ее полезности является неготовность муниципальных, региональных и многих федеральных управленцев, а также крупного и среднего бизнеса *воспринимать национальную науку как фактор инновационного развития территорий и страны в целом*. Считается, что все необходимое для развития экономики, здравоохранения, инфраструктурного обслуживания отраслей и сфер производства товаров и услуг можно купить в других странах. Поэтому и нет надобности вкладываться в развитие своей науки. Психологически они правы, поскольку мыслят даже не краткосрочными периодами, а желаниями мгновенно получать результаты. Заплатил деньги — получил продукцию. Они понимают, что вкладывание средств в развитие науки есть дело рискованное. Это для науки даже отрицательный результат есть результат. А для хозяйственника отрицательный результат — всегда убыток. Поэтому научным организациям они заявляют: «Сделайте законченный продукт, тогда мы его у вас купим. А откуда вы добудете финансы — это ваши проблемы».

Ошибочность такого поведения хозяйствующих субъектов особенно ярко показывает система экономических и юридических санкций против России, развернутых в последнее время западными странами. Наш переход на импортозамещение стал вынужденной мерой. Это оказалось трудной проблемой для производителей. Ее они, конечно, смогут решить. Но здесь главным препятствием является временная длительность налаживания процедур и процессов. Ушла возможность мгновенно получать доход. Одновременно растет убыточность предприятий. Приходится терпеливо ждать.

Другой аспект ошибочности нейтрального отношения к развитию науки состоит в восприятии путей ее движения через устаревшие формулы развития высокотехнологичного производства. В очередной раз предлагается переходить к неоиндустриализации, очередной промышленной революции, цифровизации экономики и т. д.

А может пора нам заговорить о науковизации экономики и общества? В завершение параграфа поставим простой вопрос. А все ли мы делаем правильно в теоретико-методологическом отношении, рассматривая проблему развертывания наукоемкого производства, в том числе территориального?

Теоретический анализ показал, что все идет не так, как хотелось бы. Как говорят, кто виноват: теория некорректна или теоретики не так решают проблемы? Ответ: возможно, что имеет место и то, и другое.

В связи с этим мы выдвигаем идею перехода в мировоззренческом отношении от ресурсоемкой экономики к науковизации (*саентификации*) экономики и общества. Обращаем внимание, что мы говорим не о наукоемкой экономике, а о ее науковизации — всеобщем проникновении науки во все сферы жизни общества.

Наукоемкая экономика уже изучается учеными. Так, израильский историк Юваль Ной Харари, занимающийся транснациональной историей, в работе «Номо Деус. Краткая история будущего» писал: «Ресурсоемкую экономику потеснила наукоемкая. Раньше главным источником благосостояния были материальные ресурсы, такие как золотые прииски, пахотные земли и нефтяные скважины. Теперь главный источник благосостояния — это знание»¹.

Науковизацию экономики мы связываем с развертыванием *всеобщей интеллектуализации труда*. Производство товаров, услуг, организация отдыха, вся хозяйственная, бытовая и досуговая деятельность подчиняются интеллектуализации своих процессов. Всеобщая интеллектуализация труда ведет не просто к смене экономических отношений, а к *возникновению нового мировоззренческого понимания* жизнедеятельности людей в виде науковизации экономики и общества.

Однако эти процессы слабо замечаются исследователями. В настоящее время теоретики, а за ними политики, управленцы, да и все общество рассматривают будущее высокотехнологичное развитие исходя из мировоззренческого понятия «ресурсоемкая экономика». Суть такой экономики как науки со-

¹ Харари Ю. Н. Номо Деус. Краткая история будущего: пер. с англ. — М.: Синдбад, 2020. — С. 23.

стоит в поиске наиболее эффективных путей использования имеющихся факторов производства с целью максимального удовлетворения неограниченных потребностей населения в товарах и услугах. Поскольку экономическая наука имеет дело с изучением хозяйственной деятельности людей, но при соблюдении ими различных нравственно-этических и правовых норм, то она в силу этого является не только общественной, но и мировоззренческой наукой. Ее нормы как определенные договоренности людей могут меняться в зависимости от перемен в уровне развития материального производства и вслед за этим цивилизационных отношений. Поэтому может существовать и новый мировоззренческий подход к жизнедеятельности людей под названием «наукоемкая экономика и общества».

Со времен французского экономиста Ж.-Б. Сэя (1767–1832) все теоретики базировались на теории трех факторов производства (труд, капитал, земля). Как известно, эту теорию Сэй предложил в своей работе «Трактат по политической экономии» (1803), где развивал учение А. Смита. Земля — это земельные площади и природные ресурсы. Труд — это трудовые ресурсы и вообще все трудоспособное население. Капитал — это средства производства и финансовые ресурсы. Их разнообразная комбинация позволяет получить нужный законченный продукт, необходимый обществу для потребления, т. е. удовлетворения своих материальных и духовных потребностей¹.

Позже австрийский и американский экономист Й. Шумпетер (1883–1950) в работе «Теория экономического развития...» добавил к этим трем факторам четвертый — «предпринимательскую активность» («*предпринимательские способности*», «новаторские способности»)². За ним исследователи стали добавлять и иные факторы производства, например информацию, которая устраняет неопределенность при принятии решений, а поэтому рассматривается как основной фактор производства, авторские права, профессиональные компетенции, технологии маркетинга и др.

Современная теория связывает процессы перехода к высоким технологиям с трансформацией производительных сил от основных факторов производства (труд, земля, капитал) к дополнительным (предпринимательские способности (активность) и информация). Другими словами, все перемены, все нововведения в производстве, да и в других сферах хозяйственной жизни, существующие экономические теории выводят из своего глубинного первородства под названием «ресурсоемкая экономика». Теории перехода на высокотехнологичное производство базируются на ее постулатах. А дальше применяется разнообразная научная терминология наименования как процессов перемен, так и их результатов. В научный обиход вошли понятия «постиндустриальная экономика», «неоиндустриальная экономика».

Наукоемкая экономика также сохраняет исходную базу первородства, идущего от ресурсоемкой экономики. В этом случае наукоемкая экономика ви-

¹ Сэй Ж.-Б. Трактат по политической экономии. — М.: Дело, 2000. — С. 45.

² Шумпетер Й. А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия: пер. с англ. — М.: Экспо, 2007. — С. 132, 149, 159.

дится как продолжение старой сущности, ресурсоемкой экономики, но с некоторыми изменениями образа производства и труда. Просто ручной труд заменяется механизированным, автоматизированным, а последний компьютеризированным. Новое содержание остается в старых обертках.

А может, надо взглянуть на сущность с новых позиций, с позиций всеобщего пронизывания трудовой деятельности научными подходами. В этом случае мы получим иной мировоззренческий подход. О нем заговаривают, но не придают ему коренного значения. В практическом аспекте науковизация выступает как непрерывное усовершенствование людьми всех видов своей деятельности.

Развертывание идеи науковизации (саентификации) экономики и общества приведет к формированию у большинства людей научного образа мышления.

Итак, видим, что проблема большая и интересная. Она требует дополнительных и более глубоких исследований.

1.8. Региональная регуляторная политика: эволюция идеологии

По прошествии первых рыночных реформ во внимание отечественных политиков и экономистов попала регуляторная политика. Осознание необходимости создания системы регулирования хозяйственной деятельности в совокупности с правовой защитой бизнеса как фактора эффективной рыночной экономики стимулировало исследования состояния административной среды и механизмов ее совершенствования.

В наследство от Советского Союза Российской Федерации досталась сильно забюрократизированная система государственного управления. А следствием «лихих 90-х», сопряженных с неэффективной институциональной средой (низким уровнем гарантий прав собственности и контрактов, низким уровнем доверия государству и в хозяйственной среде), стали существенное «взаимопроникновение» бизнеса и власти (ситуация, когда чиновники в «доле», а бизнесмены «во власти»)¹, рост теневого сектора и ограничение конкуренции², «вертикальная интеграция (*пример российских компаний*) с целью установления монополии на данном сегменте регионального рынка»³.

Первым шагом российского правительства на пути улучшения институциональной среды стало проведение административной реформы в 2006–2013 гг.

¹ Akhmetshin E. M., Kovalenko K. E., Ling V. V. et al. Individual entrepreneurship in Russia and abroad: social and legal aspects // Journal of entrepreneurship education. — 2018. — Vol. 21. — Special iss. 2. — URL: <https://www.abacademies.org/articles/Individual-entrepreneurship-in-russia-and-abroad-1528-2651-21-S2-261.pdf> (дата обращения: 15.07.2022).

² Корнаи Я. Честность и доверие в переходной экономике // Вопросы экономики. — 2003. — № 9. — С. 4–31.

³ Кельбах С. В. Развитие региональной институциональной инфраструктуры // Проблемы современной экономики. — 2011. — № 4 (40). — С. 253.

Она была сосредоточена на регламентации государственных и муниципальных услуг, переходе на управление по результатам, создании электронного правительства и сети многофункциональных центров предоставления услуг. На завершающем этапе административной реформы особое внимание было уделено реализации перечисленных задач на уровне субъектов Российской Федерации¹.

Вместе с тем эксперты отмечали отсутствие существенных результатов по достижению таких заявленных целей, как оптимизация государственных функций на федеральном и региональном уровнях, снижение уровня коррупции и административных барьеров, в первую очередь неформальных², ограничение вмешательства государства в экономическую деятельность и прекращение избыточного государственного регулирования³. В рамках административной реформы актуализировалась задача по выстраиванию обратной связи с гражданским обществом и адресатами регулирования⁴.

Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» и Национальный рейтинг инвестиционного климата в субъектах РФ обозначили новые задачи по повышению открытости и прозрачности государственного управления и наметили контуры развития институциональной среды в регионах. Во многом указанные документы были ориентированы на вовлечение гражданского общества в процесс принятия управленческих решений и защиту прав хозяйствующих субъектов.

Во исполнение указа были созданы единый портал в сети Интернет для размещения информации о разработке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов и портал «Российская общественная инициатива», а также их региональные аналоги, на всех уровнях власти были сформированы общественные советы при исполнительных органах власти, при губернаторах образованы инвестиционные советы, запущен процесс публикации открытых данных, на субнациональном уровне получила развитие оценка регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов, регионы начали активно формировать «дорожные карты» по улучшению инвестиционного климата.

На данном этапе «трендом регуляторики» стал переход к «умному регулированию» (smart regulation), предполагающему детальную оценку и рациональный выбор вариантов регулятивных мер, состоящему из трех компонен-

¹ Любимов А. П. Административная реформа в субъектах Российской Федерации // Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. — 2005. — № 2 (62). — С. 18–19.

² Бычкова А. Н., Юдина М. А., Землянская А. В. Административная реформа в Российской Федерации: ретроспективный анализ, итоги и перспективы // Инновационная экономика и общество. — 2016. — № 4 (14). — С. 2–11.

³ Рахмеева И. И. Региональная регуляторная среда: на распутье. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2021. — 210 с.

⁴ Зайцева Г. А. Повышение прозрачности деятельности органов исполнительной власти Российской Федерации в контексте задач административной реформы // Государственная власть и местное самоуправление. — 2008. — № 5. — С. 16–20.

тов: «комплексной системы ОРВ на всех этапах государственно-управленческого цикла — от проектирования актов, принятия решений до ретроспективной расчистки и упрощения действующего законодательства; институтов кооперации исполнительных, законодательных и контрольных органов; инструментов участия групп интересов и граждан»¹.

Вновь созданные институты, во многом трансплантировавшие зарубежные практики, не нашли ожидаемого отклика. Лишь в редких регионах, во многом благодаря личной позиции руководства территории, удалось реализовать эффективные инициативы, к числу которых, например, можно отнести проект «Активный гражданин» в Москве или закрепление нормы о запрете принятия акта в случае наличия отрицательного заключения об оценке регулирующего воздействия в Ульяновской области.

Перечисленные реформы имели централизованный характер с установлением однородных задач и целевых показателей для всех территорий огромной страны. Это приводило к тому, что «региональные власти формально подходят к написанию стратегий, все силы сосредоточены на исполнении „майских“ указов Президента РФ, „целевых“ постановлений Правительства РФ, ... в процессе стратегического планирования не всегда реализовывают возможность удостовериться, являются ли диктуемые цели, задачи, меры правильными и подходящими для конкретного региона»². Такой подход игнорировал важный фактор уникальности субъектов РФ и значимости выращивания институтов, отражающих специфику культуры данного региона, вместо их механического заимствования из опыта других регионов или пассивного ожидания их появления³.

Однако принятие грамотных управленческих решений органами власти в том числе сдерживалось слабым развитием региональной науки в части вопросов институциональной среды, которая позволила бы создать основу для принятия таких решений. Исключение составляли массовые исследования инвестиционного климата субъектов РФ, сосредоточенные на разработке методик его оценки с предложением однотипных мер по его улучшению.

Наращение внешнеполитических угроз с 2014 г., переход экономики страны в затяжное турбулентное состояние, сопровождающееся несколькими волнами кризисов, вынудили и политиков, и ученых сосредоточиться на внутренних источниках, позволяющих стабилизировать ситуацию и адаптировать экономику к внешним вызовам. В итоге это привело к проведению масштаб-

¹ Карпова П. Г., Цыганков Д. Б. Советы по оптимизации регулирования как неотъемлемый компонент «smart regulation» // Вопросы государственного и муниципального управления. — 2012. — № 3. — С. 5.

² Долгунова А. Ц. Возможности доказательной политики для отстаивания субъектами Российской Федерации независимости своего экономического развития // Актуальные вопросы экономики и социологии: сб. ст. по материалам XVI Междунар. осенней конф. молодых ученых в новосибирском Академгородке (Новосибирск, 12–15 октября 2020 г.). — Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2020. — С. 37.

³ Кузьминов Я. И., Радаев В. В., Яковлев А. А., Ясин Е. Г. Институты: от заимствования к выращиванию: опыт российских реформ и возможности культивирования институциональных изменений. — М.: ГУ ВШЭ, 2005. — 54 с.

ной регуляторной реформы, призванной не просто механически отладить регуляторные акты и процессы государственного управления, но коренным образом трансформировать идеологию бюрократического аппарата от «надзирателя» к «партнеру», к концепции «сервисного государства», перевернуть «неправильный треугольник» «власть — бизнес — общество» в регионах страны¹.

Регуляторная реформа включала в контрольно-надзорной деятельности переход на риск-ориентированный подход, усиление профилактической составляющей и оценку эффективности работы через уровень безопасности охраняемых законом ценностей, а также в части регулирования — реализацию «регуляторной гильотины» с последующим переходом к установлению обязательных требований с ограниченным жизненным циклом.

Однако исследование коллектива Российской академии народного хозяйства и государственной службы под руководством профессора В. Н. Южакова показало, что «при некоторых положительных тенденциях в части обоснованности и результативности государственного контроля с позиции граждан значения его эффективности практически не изменились»².

В сфере контрольно-надзорной деятельности органам власти субъектов РФ дали определенную свободу в выборе видов регионального контроля по предметам собственного ведения, а также системы управления рисками и индикаторов риска³.

В вопросе порядка установления и оценки применения обязательных требований регионам также оставили широкие рамки для принятия решений⁴. Стоит отметить, что региональные органы не проявили активности в проведении региональных «регуляторных гильотин».

Органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации предстоит масштабная и трудоемкая задача по ревизии и систематизации обязательных требований, несущая значительное число рисков⁵. Методологического обеспечения требует задача по организации регулярной оценки применения обязательных требований с сохранением эффективных и отсечением избыточных требований.

Как отмечает профессор О. С. Сухарев, «трудности в измерении состояния среды, климата, активности делают предлагаемые меры воздействия весьма расплывчатыми», затруднена оценка непосредственного влияния ин-

¹ *Власть, бизнес, общество в регионах: неправильный треугольник* / под ред. Н. Петрова, А. Титкова. — М.: РОССПЭН, 2010. — 439 с.

² *Южаков В. Н., Добролюбова Е. И., Покида А. Н., Зыбуновская Н. В.* Клиентоцентричность государственного контроля: оценка граждан // Вопросы государственного и муниципального управления. — 2022. — № 3. — С. 39.

³ *О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации:* федер. закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ.

⁴ *Об обязательных требованиях в Российской Федерации:* федер. закон от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ.

⁵ *Артемко Е. А.* «Регуляторная гильотина»: анализ проектов новых структур нормативного регулирования // Вопросы государственного и муниципального управления. — 2021. — № 1. — С. 30–55; *Майоров В. И.* Модернизация системы контроля и надзора: новая регуляторная политика // Административное право и процесс. — 2019. — № 11. — С. 34–36.

ституциональных изменений на результаты развития экономики¹. Данное обстоятельство спровоцировало развитие в региональной науке институциональных исследований. Новая регуляторная политика стала опираться на научные подходы и призвала в помощь «доказательную политику»² и когнитивные подходы³.

Обобщая современные взгляды отечественных ученых⁴ на трактование эффективной, «идеальной», «стимулирующей» институциональной среды территориальных сообществ, можно выделить следующие ее ключевые особенности. Она должна:

— строиться на принципах децентрализации власти с наделением региональных и местных властей свободой в выборе приоритетов и механизмов реализации социально-экономической политики и демократизации принятия управленческих решений путем разнообразия форм участия гражданского общества в выдвижении инициатив и обсуждении регуляторных проектов;

— формироваться на основе «умного регулирования», доказательного подхода и адаптивности к динамичным изменениям внешних условий;

— задавать направление экономической деятельности в единое русло, ориентированное на технологический прогресс и рост благосостояния общества, трактуемого как социально-экономико-духовное обеспечение жизни граждан;

— создавать равные конкурентные условия и ориентироваться на презумпцию добросовестности хозяйствующих субъектов.

Уточнение научных подходов к пониманию сущности регуляторной среды и ее влияния на социально-экономическое развитие региона является перспективным направлением развития региональной науки в условиях затяжного мирового экономического и политического кризиса, наступления четвертой промышленной революции.

В заключение выделим перспективные направления развития регуляторной политики в регионах, требующие в том числе научного обоснования выбора механизмов их реализации.

¹ Сухарев О. С. Структурные проблемы новой модели роста российской экономики // Научные труды Вольного экономического общества России. — 2019. — Т. 215, № 1. — С. 152.

² *Регуляторная политика в России: основные тенденции и архитектура будущего* / А. Е. Голодникова, А. А. Ефремов, Д. В. Соболев и др. — М.: Центр стратегических разработок, 2018. — С. 84; Шаститко А. Е. Знания для доказательной экономической политики: спрос и предложение // Управление наукой: теория и практика. — 2022. — Т. 4, № 2. — С. 99.

³ Мартышенко С. Н., Мартышенко Н. С. Применение когнитивной модели для управления качеством жизни в регионе // Вестник НГИЭИ. — 2016. — № 9 (64). — С. 100–101.

⁴ Корнаи Я. Честность и доверие в переходной экономике // Вопросы экономики. — 2003. — № 9. — С. 11–12; Бычкова А. Н., Юдина М. А., Землянская А. В. Административная реформа в Российской Федерации: ретроспективный анализ, итоги и перспективы // Инновационная экономика и общество. — 2016. — № 4 (14). — С. 2–11; Рахмеева И. И. Региональная регуляторная среда: на распутье. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2021. — 210 с.; *Регуляторная политика в России: основные тенденции и архитектура будущего* / А. Е. Голодникова, А. А. Ефремов, Д. В. Соболев и др. — М.: Центр стратегических разработок, 2018. — 192 с.; Сибирская Е. В., Абакумова Н. Н., Фирсов А. Е. Развитие институциональной инфраструктуры инновационной деятельности в регионе // Региональная экономика: теория и практика. — 2008. — № 34. — С. 26–30.

Первоочередной задачей развития регуляторной политики является цифровая трансформация как самого процесса нормотворчества¹, так и регулируемых отношений и процедур взаимодействия бизнеса с властью. Цифровая революция коренным образом изменяет социально-экономические отношения, в том числе расширяются потребности экономических агентов в развитии дистанционных форматов взаимодействия с властью, цифровых государственных сервисов, механизмов электронной демократии².

Коллектив Российской академии народного хозяйства и государственной службы под руководством профессора В. Н. Южакова выделяет такое ключевое направление дальнейшего совершенствования государственного управления в России, как «повышение клиентоцентричности»³. А результаты опроса, проведенного данным коллективом, демонстрируют перспективные направления для повышения клиентоцентричности государственного контроля: «упрощение процедур обращений граждан за защитой от контролируемых государством рисков и улучшение результативности рассмотрения таких обращений»⁴. Между тем при одновременном противоречии в оценках показателей клиентоцентричности органов власти «более высокие оценки граждане давали при личных обращениях, чем при дистанционном формате взаимодействия»⁵.

Полученные результаты совпадают с нашими выводами в рамках исследования повседневного опыта использования цифровых сервисов и доверия киберфизическим системам. Так, опросы городского населения показали высокий уровень цифровизации данного сегмента населения (две трети опрошенных являлись активными пользователями цифровых технологий) при одновременном «сохранении большего доверия к человеческим отношениям» (61 % опрошенных доверяли скорее продавцу-консультанту, чем роботу) и «сомнениях в целях действий роботов» (половина опрошенных полагали, что киберфизические системы запрограммированы на недобросовестное поведение)⁶.

Таким образом, органам власти субъектов Российской Федерации, находящимся в тесном взаимодействии с населением, необходимо найти тонкий

¹ Бурдакова М. А., Бакланова Н. А., Макаров В. О. Цифровизация нормотворчества как отдельный процесс перехода общества на новую ступень развития // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2021. — № 12-2 (63). — С. 99–102.

² Калашикова В. Б. Электронная демократия в регионах РФ: на примере ситуации в Иркутской области // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. — 2015. — Т. 11. — С. 68–73; Демушина О. Н. Факторы повышения эффективности электронного участия граждан // Ars administrandi. Искусство управления. — 2017. — Т. 9, № 2. — С. 132–151; Мухин М. А., Урасова А. А. Территориальное общественное самоуправление в развитии системы управления социально-экономическими процессами в регионе // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. — 2022. — Т. 17, № 2. — С. 185–196.

³ Южаков В. Н., Добролюбова Е. И., Покида А. Н., Зыбуновская Н. В. Клиентоцентричность государственного контроля: оценка граждан // Вопросы государственного и муниципального управления. — 2022. — № 3. — С. 38.

⁴ Там же. — С. 39.

⁵ Там же. — С. 55.

⁶ Анимца Е. Г., Рахмеева И. И. Третья институциональная революция и изменение структуры экономических отношений // Научные труды Вольного экономического общества России. — 2020. — Т. 222, № 2. — С. 216.

баланс между цифровизацией с дистанционным форматом взаимодействия и потребностями гражданина в личном общении, сопереживании и участии со стороны государственного или муниципального служащего. Человекоцентричность должна стать базовым ориентиром в принятии управленческих решений и процессах их реализации.

Еще одним значимым направлением служит применение доказательного подхода в регуляторной политике. Такой подход опирается на научно обоснованный анализ широкого массива данных, он предполагает привлечение «результатов научных исследований, научно обоснованных фактов и широкой доказательной базы»¹. Это позволит выбирать действенные инструменты решения выявленных проблем и устанавливать адекватные целевые показатели взамен частой практики органов власти по заявлению целей «крайне амбициозно и без глубокого предварительного исследования и достаточных обоснований»², что приводит к их недостижению либо существенным корректировкам значений по мере приближения отчетности. Как подчеркивает коллектив Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан, «в основе формирования эффективного механизма самоуправления должны лежать проверенные источники информации, которые сформируют базу знаний для доказательного регионального управления»³. Согласимся с позицией специалистов, ведущих исследования на стыке институциональной и региональной экономики, что особое внимание следует уделить влиянию регуляторной политики на социально-экономическое развитие региона и его конкурентоспособность⁴.

Однако эксперты еще на заре этого направления видят ряд сдерживающих факторов: «недоверие к экспертам как носителям научного знания со стороны органов государственной власти, политическая ангажированность экспертов, неготовность государственных служащих использовать аналитические данные при принятии решений, а также инициировать информационно-разъяснительные кампании, предполагающие аргументированное обоснование принятых

¹ Долгунова А. Ц. Возможности доказательной политики для отстаивания субъектами Российской Федерации независимости своего экономического развития // Актуальные вопросы экономики и социологии: сб. ст. по материалам XVI Междунар. осенней конф. молодых ученых в новосибирском Академгородке (Новосибирск, 12–15 октября 2020 г.). — Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2020. — С. 38.

² Там же.

³ Дуламбаева Р. Т., Мармونتова Т. Концепты доказательной политики повышения конкурентоспособности региона // Экономика Центральной Азии. — 2021. — Т. 5, № 3. — С. 297.

⁴ Долгунова А. Ц. Возможности доказательной политики для отстаивания субъектами Российской Федерации независимости своего экономического развития // Актуальные вопросы экономики и социологии: сб. ст. по материалам XVI Междунар. осенней конф. молодых ученых в новосибирском Академгородке (Новосибирск, 12–15 октября 2020 г.). — Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2020. — С. 37–39; Дуламбаева Р. Т., Мармونتова Т. Концепты доказательной политики повышения конкурентоспособности региона // Экономика Центральной Азии. — 2021. — Т. 5, № 3. — С. 297–308; Белов Г. Л. О влиянии регуляторной политики на социально-экономическое развитие региона // Казанский экономический вестник. — 2021. — № 2 (52). — С. 45–49.

решений для населения, влияние электоральных ограничений, ценностей, групп интересов»¹.

Подводя итог проведенному анализу, можно заключить, что регуляторная политика должна постоянно адаптироваться к актуальным социально-экономическим условиям и вызовам времени, а специалисты по региональной экономике должны научиться прогнозировать внешние и внутренние тенденции, запросы территориальных сообществ в части регулирования общественных отношений, а также вырабатывать адекватные и эффективные механизмы как самой регуляторной политики, так и путей ее трансформации.

1.9. Преобразующие инвестиции в контексте эволюции теорий пространственной экономики

Региональная экономика, ставшая самостоятельной отраслью научных знаний, охватывает широкий диапазон исследований по разным направлениям, представляя собой особый конструкт в экономической мысли, интегрирующий и синтезирующий парадигмальные характеристики не только собственно региональной науки, но и смежных дисциплин, эволюционируя в сторону большей сложности и разнообразного состояния². Расширяя предметное поле, региональная экономика в своем развитии охватывает «классические» теории, отражающие исследования вопросов регионального развития, экономического пространства, а также учитывает современные тренды, характеризующие развитие регионов страны как под влиянием непредсказуемых внешних событий (учитываются последствия пандемии, санкций и т. п.), так и с учетом процессов, разворачивающихся во всем мире с целью преодоления бедности, снижения негативных последствий индустриализации, снижения давления на окружающий мир (рассматриваются вопросы повышения качества жизни населения, развивается парадигма циркулярной экономики, креативной экономики и т. п.). «Встраивание» причин происходящих процессов в теоретическую базу региональной экономики позволяет обеспечить учет их влияния и возможных последствий, формулирование решений и перенос их в практическую плоскость, включение в стратегии развития регионов.

Одной из относительно новых концепций, развитие которых представляет интерес не только в масштабе стран, но и на региональном уровне, стала концепция преобразующих инвестиций.

Необходимо отметить, что инвестиции являются объектом исследования экономической науки на протяжении многих веков, выступают главным фактором развития экономических систем на всех (микро-, мезо- и макро-) уровнях,

¹ Михайлова О. В., Батоврина Е. В. Доказательная политика: концептуализация и оценка российского опыта // Государственное управление. Электронный вестник. — 2022. — № 90. — С. 143.

² Силин Я. П., Анимица Е. Г. Эволюция парадигмы региональной экономики // Journal of new economy. — 2020. — Т. 21, № 1. — С. 5–28.

обуславливают достижение экономического роста. Исследованием данных вопросов занимались как зарубежные (Дж. Кейнс, А. Маршалл, Д. Солоу, П. Самуэльсон, А. Торнелл, П. Фишер, У. Шарп и др.), так и отечественные (Л. И. Абалкин, В. В. Бочаров, С. Ю. Глазьев, Н. В. Игошин, В. В. Ковалев, И. В. Липсиц и др.) ученые.

В фундаментальных экономических процессах инвестирование играет основополагающую роль, позволяя увеличивать производственный потенциал и эффективность функционирования экономической системы, формировать оптимальную воспроизводственную и отраслевую структуру общественного производства, решать социальные проблемы (низкий уровень жизни, безработица). На современном этапе российских преобразований инвестиции способствуют достижению целей управления экономикой регионов, направленных на создание определенных условий функционирования территориальных систем, позволяющих обеспечить сбалансированное воспроизводство их потенциалов (инвестиционного, ресурсного, социального и др.), повышающих уровень и качество жизни населения.

Концепция преобразующих инвестиций (или импакт-инвестиций, инвестиций воздействия) сформировалась на основании предложений Фонда Рокфеллера в 2007–2008 гг. Первопроходцами в этой области, как указано в работе Е. Г. Анимыцы, Е. Б. Дворядкиной и Г. М. Квон¹, являются Э. Багг-Левин и Дж. Эмерсон, предложившие рассматривать инвестирование в виде комплексной экосистемы. Преобразующее инвестирование не ассоциируется с благотворительностью и филантропией, оно, объединяя усилия различных заинтересованных сторон (бизнеса, государства, общества), направлено на решение острых социальных и экологических проблем, приводящих к сокращению бедности, снижению социальной напряженности. Реализация данной концепции требует от инвесторов изменения подходов к целям, задачам и формам инвестирования, использования комплексного подхода в достижении не только финансовых, но также социальных и экологических результатов. Э. Багг-Левин и Дж. Эмерсон в своей работе показывают особенность преобразующего инвестирования (импакт-инвестирования), которая заключается в создании комбинированной ценности как результата инвестиций. Комбинированная ценность, сочетающая в себе экологическую, социальную и экономическую результативность, может быть получена в результате использования новых инвестиционных инструментов для решения социальных и экологических проблем². Необходимо отметить, что инвесторы должны планировать и представлять то позитивное воздействие, которое преобразующие инвестиции будут оказывать на окружающую действительность, получаемый при этом результат не должен быть случайным или «попутным»: в данном случае инвестиции не могут считаться преобразующими.

¹ Анимыца Е. Г., Дворядкина Е. Б., Квон Г. М. Преобразующие инвестиции — мейнстрим развития региона // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. — 2020. — № 4 (83). — С. 83–95.

² Багг-Левин Э., Эмерсон Дж. Социально-преобразующие инвестиции. Как мы меняем мир и зарабатываем деньги. — М.: Полит. энцикл., 2017. — 271 с.

В научном дискурсе существует много сопряженных понятий, в различной степени отражающих социальную направленность инвестиций: к ним относятся как непосредственно преобразующие (импакт) инвестиции, так и социальные, ответственные, социально ответственные, устойчивые и результативные, ESG-инвестиции и др., систематизация которых приведена в работе Е. Б. Дворядкиной и Г. М. Квон¹. Каждый вид инвестиций имеет свою сферу применения, направления вложений, источники капитала, участников инвестиционного процесса, пользователей объектов вложений. Зачастую имеют место отличающиеся по названию понятия, но по сути обозначающие один и тот же вид инвестиций. Не углубляясь в специфику вышеуказанных понятий, представим определения преобразующих (импакт) инвестиций, отраженные в трудах отечественных и зарубежных ученых (табл. 7).

Таблица 7

**Категория импакт-инвестиций и сопряженные с ней понятия
в работах отечественных и зарубежных исследователей**

Автор	Понятие
Импакт-инвестиции	
Э. Багг-Левин, Дж. Эмерсон ²	Инвестиции, нацеленные на максимизацию создаваемой объектами инвестирования социальной, экономической и экологической стоимости
М. Falkowski, P. Wiśniewski ³	Активные вложения капитала в предприятия, которые приносят социальные и (или) экологические блага и в то же время обеспечивают различные доходы, от основных до выше рыночных показателей
	Капитал, направленный на достижение как положительных социальных результатов, так и финансовой отдачи
	Инвестиции, предназначенные для создания положительного эффекта, выходящего за рамки финансовой отдачи
Преобразующее инвестирование и сопряженные понятия	
J. Chen ⁴	Инвестирование в воздействие — это инвестиционная стратегия, направленная на получение конкретных полезных социальных или экологических эффектов в дополнение к финансовым выгодам
L. Kramer ⁵	Импакт-инвестирование — это инвестиционная стратегия, направленная на получение финансовой отдачи, а также создание положительного социального или экологического воздействия

¹ Дворядкина Е. Б., Квон Г. М. О сущностно-содержательных характеристиках преобразующих инвестиций // Вестник экономики, права и социологии. — 2020. — № 2. — С. 7–10.

² Багг-Левин Э., Эмерсон Дж. Социально-преобразующие инвестиции. Как мы меняем мир и зарабатываем деньги. — М.: Полит. энцикл., 2017. — 271 с.

³ Цит. по: Falkowski M., Wiśniewski P. Impact investment as a new investment class // Review of business and economics studies. — 2013. — Vol. 1, no. 1. — P. 78–88.

⁴ Chen J. Impact investing explained: definition, types, and examples. — URL: <https://www.investopedia.com/terms/i/impact-investing.asp> (дата обращения: 15.08.2022).

⁵ Kramer L. Impact investing: making a difference and a profit. — URL: <https://www.investopedia.com/articles/investing/061014/impact-investing-making-difference-and-profit.asp#toc-not-just-the-rich-anymore> (дата обращения: 15.08.2022).

Автор	Понятие
А. Горбатова ¹	Импакт-инвестирование (обуславливающее) — формирование новых моделей, технологий и стандартов для обеспечения вхождения инвесторов из развитых стран в новые области (ранее недоступные) стран третьего мира
	Импакт-инвестирование (развивающее) — вовлечение всех заинтересованных лиц в процесс создания инфраструктуры и работающих механизмов в новых зонах и объектах инвестирования с целью разрешения социальных и экономических проблем
	Импакт-инвестирование (локализирующее) — популяризация, внедрение, посредничество, консалтинг, изучение инструментов и моделей для дальнейшего развития нового класса инвестиций

На наш взгляд, исследование преобразующих инвестиций может происходить в контексте различных теорий, являющихся своеобразным теоретическим базисом (теоретической платформой), к которым в силу специфики данного вида инвестиций могут относиться теории пространственной экономики, социально ориентированные теории, теории регионального развития и др. Наиболее значимым «базисом» является пространственный аспект, играющий важную роль при реализации государственной экономической политики², использовании различных подходов в решении задач регионального развития в условиях пространственной неоднородности, возникновения депрессивных и проблемных территорий³, сложности протекания всех социально-экономических процессов⁴. Различия в социально-экономическом развитии регионов как результат системной трансформации 1990-х годов обусловлены неоднородностью экономического пространства. Дальнейшее их усиление происходит «на фоне стремительного распространения цифровых технологий, кардинально меняющих экономические, социальные и политические системы» на всех уровнях — от муниципального до глобального⁵. Усилению неравенства также способствуют различия в пространственном расположении территорий, наличие (или отсутствие) ресурсной базы, различные природно-климатические условия, а также неравномерное распределение инвестиционной поддержки государства (снижается величина социальных инвестиций, кроме того, 86 % суммы прямых ин-

¹ Горбатова А. Выгодные социальные инвестиции // Стратегии. — 2014. — № 3. — URL: http://www.cfin.ru/investor/social_impact_investing.shtml (дата обращения: 15.08.2022).

² Минакир П. А., Демьяненко А. Н. Пространственная экономика: эволюция подходов и методология // Экономическая наука современной России. — 2010. — № 3 (50). — С. 7–25.

³ Урунов А. А. Единое и общее экономическое пространство. — М.: Синергия, 2014. — 388 с.

⁴ Анимица Е. Г., Балина Т. А., Шарыгин М. Д. Эволюция факторов территориальной организации и трансформации региональной экономики в социэкономике // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. — 2017. — № 6. — С. 12–24.

⁵ Губанова Е. С., Клец В. С. Преодоление социально-экономического неравенства как условие устойчивого сбалансированного пространственного развития региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2019. — Т. 12, № 5. — С. 45.

вестиций приходится на долю всего 25 регионов¹), что приводит к концентрации инвестиций в данном ограниченном числе регионов² и усиливает существующие диспропорции в их развитии.

Изменения в инвестиционных процессах присущи не только субъектам России, но и регионам всего мира: они также обусловлены нарастающей дифференциацией в развитии, при которой усиливается разрыв в социально-экономическом положении, где бедные страны становятся еще более бедными³. Необходимость изменений, вызванная рядом объективно существующих трудностей, меняет парадигму развития общества и требует новых подходов при осуществлении инвестиций⁴, нацеленных на решение социальных проблем, снижение неравенства, обеспечение равных возможностей развития регионов, достижение высокого качества жизни населения⁵.

Актуальность развития теорий пространственной экономики обосновывается согласно работе П. А. Минакира и А. Н. Демьяненко тем, что остается проблема «архаичности территориальной организации и механизмов управления» ею⁶, обусловленная тем, «что сложившаяся к настоящему времени территориальная организация экономики уже не отражает новых реалий политического и экономического устройства», но при этом нет решения, какой же должна быть пространственная организация России. В вышеуказанной работе, а также в работе, продолжающей исследования авторов, с аналогичным названием⁷ выделяются три этапа в эволюции исследований экономического пространства, проводимых отечественными и зарубежными учеными (рассматривается трансформация взглядов на пространственную экономику): от становления взглядов на экономику регионов, присущую доиндустриальному обществу, характеризующемуся слабой пространственной дифференциацией, определяемой неоднородностью географического пространства (этап 1), через «расширение предметной области и усложнение методологии пространственных исследований, обусловленных расширением и усложнением экономической

¹ Кособуцкая А. Ю., Раваужинирина А. В. Инвестиционная привлекательность региона: методики оценки // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. — 2019. — № 1. — С. 32–37.

² Бойко С. В., Мустафаева Э. Р. Условия формирования инвестиционной неоднородности развития регионов // Современные проблемы науки и образования. — 2013. — № 4. — URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=9908> (дата обращения: 12.08.2022).

³ Райнерт Э. С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными: пер. с англ. / под ред. В. Автономова. — М.: Высшая школа экономики, 2011. — 384 с.

⁴ Анимица Е. Г., Дворякина Е. Б., Квон Г. М. Преобразующие инвестиции — мейнстрим развития региона // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. — 2020. — № 4 (83). — С. 83–95.

⁵ Квон Г. М., Шишкина Е. А. Социально-преобразующие инвестиции в контексте обеспечения социального благополучия населения региона в новых реалиях российской экономики: стратегический аспект // Экономика, предпринимательство и право. — 2022. — Т. 12, № 7. — С. 2079–2094.

⁶ Минакир П. А., Демьяненко А. Н. Пространственная экономика: эволюция подходов и методология // Пространственная экономика. — 2010. — № 2. — С. 8.

⁷ Минакир П. А., Демьяненко А. Н. Пространственная экономика: эволюция подходов и методология // Экономическая наука современной России. — 2010. — № 3 (50). — С. 7–25.

деятельности и ее структуры» (этап 2) до формирования пространственной экономики (или пространственной науки), аккумулирующей результаты двух предшествующих этапов и учитывающей возросший «уровень сложности региональных экономических систем», находящихся в интеграции с социальными, техническими и институциональными системами территории (этап 3).

Необходимо отметить, что исследование инвестиций в теоретическом аспекте также подвержено эволюционным процессам, отражающим определенные характеристики инвестиционного процесса в различные этапы развития экономической деятельности. Уход от аграрной эпохи, промышленная революция, индустриализация, развитие информационных технологий привели к трансформации роли инвестиций, объекта инвестирования, форм и методов привлечения источников инвестирования, проходившей под влиянием институциональной среды, проводимой государственной политики. Используя подход П. А. Минакира в выборе этапов¹ (ученым выделены доиндустриальный, индустриальный и постиндустриальный этапы), считаем необходимым дополнить предлагаемые этапы (в частности, постиндустриальный этап) этапом неиндустриализации и ноономики, представленным в работах таких авторов, как Н. В. Зубаревич, Е. А. Коломак, В. Н. Лившиц, П. Кругман, Е. Г. Анимица, А. И. Татаркин, С. Д. Бодрунов, Я. П. Силин, Н. М. Сурнина, Е. Б. Дворяджина, Н. В. Новикова, С. С. Губанов, В. Т. Рязанов, Д. Е. Сорокин, С. А. Толкачев, Б. Н. Кузык, В. М. Кульков, О. А. Романова и др. (рис. 4).

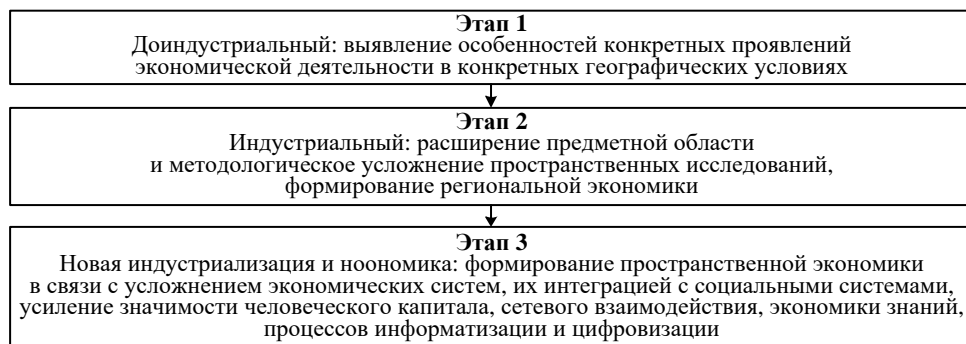

Рис. 4. Характеристика этапов исследования экономического пространства

Рассмотрим подробно содержание этапов, направления исследования экономического пространства, а также соответствующие этим этапам особенности и характеристики инвестиционных процессов, обобщая труды П. А. Минакира²,

¹ Минакир П. А. К методологии региональной экономики // Управленец. — 2010. — № 9–10 (13–14). — С. 8–14.

² Минакир П. А. К методологии региональной экономики // Управленец. — 2010. — № 9–10 (13–14). — С. 8–14; Минакир П. А. Пространственные эффекты в экономике и управлении // Экономика и управление. — 2011. — № 5 (67). — С. 22–33; Минакир П. А. Теоретические аспекты исследования пространственных экономических систем // Журнал экономической теории. — 2017. — № 3. — С. 7–10.

в том числе в соавторстве с А. Н. Демьяненко¹, Е. Г. Анимицы², Н. М. Сурниной³, а также работы Н. М. Сурниной в соавторстве с Е. А. Шишкиной⁴, Ю. Н. Ляченкова, М. Е. Коноваловой⁵, Е. С. Губановой, О. С. Москвиной⁶, О. А. Биякова⁷, В. М. Кулькова⁸, Н. А. Истоминой, Е. Г. Шеиной⁹, Е. А. Ореховой¹⁰, Е. С. Губановой, В. С. Клещ¹¹, С. Д. Бодрунова¹².

Этап 1 (доиндустриальный) характеризуется ориентацией на природные и экономические условия (наличие природных ресурсов, благоприятного климата, земли, рельефа для создания транспортных путей) для ведения экономической деятельности, обеспечивающие концентрацию экономических агентов. Здесь имеет место слабое национальное разделение труда, при которомостояния еще несущественны; создаются условия для специализации как основы для пространственного разделения труда и далее — поиска мест размещения производств.

Направления приводимых исследований отражают развитие концепции экономического пространства в географическом, геополитическом, штандортном и экономическом аспектах, учет пространственного фактора в концепциях земельной ренты в классической политэкономии (А. Смит, Д. Рикардо, К. Маркс).

¹ Минакир П. А., Демьяненко А. Н. Пространственная экономика: эволюция подходов и методология // Экономическая наука современной России. — 2010. — № 3 (50). — С. 7–25.

² Анимица Е. Г. Пространственная организация общества: постановка проблемы и концептуальные установки // Известия Уральского государственного экономического университета. — 2007. — № 2 (19). — С. 82–85.

³ Сурнина Н. М. Пространственная экономика: теоретико-методологическое и научно-практическое исследование: автореф. дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05. — Екатеринбург, 2003. — 43 с.

⁴ Сурнина Н. М., Шишкина Е. А. Региональное развитие: смещение пространственных приоритетов и измерителей // Известия Уральского государственного экономического университета. — 2015. — № 5 (61). — С. 69–75.

⁵ Ляченков Ю. Н., Коновалова М. Е. Развитие теории инвестиций в процессе трансформации социально-экономической системы // Экономические науки. — 2019. — № 181. — С. 31–34.

⁶ Губанова Е. С., Москвина О. С. Методологические аспекты оценки инвестиционно-инновационного потенциала региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2020. — Т. 13, № 2. — С. 41–55.

⁷ Биякова О. А. Теория экономического пространства: методологический и региональный аспекты. — Томск: ТГУ, 2004. — 151 с.

⁸ Кульков В. М. Экономическое пространство: теоретические аспекты и современные процессы // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. — 2014. — № 1. — С. 3–18.

⁹ Истомина Н. А., Шеина Е. Г. Эволюционная сущность инвестиционного процесса: научно-теоретический аспект // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. — 2021. — № 10. — С. 27–32.

¹⁰ Орехова Е. А. Влияние характеристик и свойств экономического пространства на развитие территории // Региональная экономика: теория и практика. — 2008. — № 10. — С. 19–23.

¹¹ Губанова Е. С., Клещ В. С. Преодоление социально-экономического неравенства как условие устойчивого сбалансированного пространственного развития региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2019. — Т. 12, № 5. — С. 44–57.

¹² Бодрунов С. Д. Ноономика: концептуальные основы новой парадигмы развития // Известия Уральского государственного экономического университета. — 2019. — Т. 20, № 1. — С. 5–12; Бодрунов С. Д. Ноономика: траектория глобальной трансформации. — М.: Культурная революция, 2020. — 224 с.

Инвестиционный процесс имеет фрагментарный характер, большей частью присущий сельскохозяйственному производству.

Отдельные элементы теории инвестиций находят выражение в трудах меркантилистов (Д. Юм, Ж. Кольбер, Ф. фон Хернинг), представителей классической политэкономии (У. Петти и П. Буагильбер), французской школы физиократов (Ф. Кенэ, Ж. Тюрго).

Происходит понимание того, что объектом инвестирования могут быть не только реальные объекты производства, но и спекулятивные сделки (меркантилисты), однако алгоритм инвестиционного процесса с учетом источников финансирования и способов получения дохода еще не сформирован.

Классическая политэкономия концентрируется на реальном производстве, поэтому сфера производства является единственным источником инвестиционного дохода.

Этап 2 (индустриальный): здесь выделяются факторы производства — земля, труд (человек), капитал, идет поиск сравнительных преимуществ территорий для ведения определенных видов деятельности; происходит формирование территориально локализованного спроса при существующих технологиях, послуживших основой для возникновения устойчивых отношений обмена между производствами специализации и комплексом «вспомогательных и обслуживающих» производств¹. На этом этапе также формируются:

— устойчивые отношения обмена между самими пространственно локализованными отраслевыми подсистемами;

— экономические взаимодействия между различными точками экономического пространства, обусловившие общее экономическое поведение и его организацию;

— экономические регионы, территориально-отраслевая структура которых стала определяться деятельностью крупных корпораций, обеспечивающих конкурентоспособность региона.

Направления исследования экономического пространства на втором этапе отражают тот факт, что пространственный аспект экономики рассматривается с точки зрения общей теории экономики, где регион представлен в виде объективной экономической системы, части общей системы национального и мирового хозяйства.

На данном этапе происходит теоретическое обоснование формирования экономических регионов, территориально-производственных комплексов в зарубежной и отечественной науке:

— формирование теории внутринационального размещения производства, учитывающей стоимость транспортировки продукции при заданных ценах реализации, величине земельной ренты (И. Тюнен, В. Лаунхардт), учет производственных издержек и их экономии в результате оптимального размещения производства в конкретной точке экономического пространства (А. Вебер);

¹ Минакир П. А., Демьяненко А. Н. Пространственная экономика: эволюция подходов и методология // Экономическая наука современной России. — 2010. — № 3 (50). — С. 7–25.

— разработка теории центральных мест, позволяющей обосновать процесс формирования системы производств, взаимоувязанных в удовлетворении потребностей в рамках определенной территории, создание «кристаллеровской решетки» в виде шестиугольников, соприкасающихся своими гранями, отражающей локализацию зон реализации производств и мест расселения, потребляющих эту продукцию с учетом как производственных объектов, так и социальной сферы (В. Кристаллер); введение в теорию размещения параметров, учитывающих экономическую и институциональную среду, анализ экономического региона как целостной рыночной среды, в которой участники рынка адаптируют свою деятельность и процессы ценообразования к условиям конкуренции на конкретном региональном рынке (А. Лёш);

— формирование отечественной школы исследования пространственных аспектов, представленной Н. Н. Колосовским, Н. Н. Некрасовым, В. С. Немчиновым, Г. М. Кржижановским, Н. Н. Баранским, А. Г. Гранбергом, М. К. Бандманом, Г. Б. Клейнером и др.

Инвестиционный процесс данного периода продолжает идеи классической политэкономии, где он (процесс) начинается с приобретений средств производства, вложений в рабочую силу. Деньги начинают приобретать большую суверенность и могут выступать в качестве цели инвестирования (К. Маркс, Е. Бём-Баверк).

Происходит сращивание промышленного и финансового капитала.

В научных трудах выделяются следующие аспекты:

— понимание необходимости накопления капитала для развития производства (инвестиции в активную и пассивную части основных производственных фондов);

— осознание важности поиска источников инвестирования, развития содержания и форм инвестиционного процесса, важности сферы потребления (Е. Бём-Баверк);

— понимание роли процента как основного стимула к инвестированию, при этом инвестиционная активность агентов зависит от количества денег в обращении (И. Фишер, А. Пигу, неоклассическая школа);

— обоснование того, что в инвестиционном процессе должны совпадать интересы домохозяйств и фирм; при этом величина инвестиций не всегда совпадает с величиной сбережений: большое внимание уделяется сберегательному и инвестиционному поведению этих агентов, которые имеют различную мотивацию; инвестиции рассматриваются с макроэкономических позиций в контексте реализации государственной и региональной политики (Дж. Кейнс, Э. Х. Хансен и С. Харрис, кейнсианская школа);

— выявление социальной функции инвестиций, направленной на улучшение благосостояния населения, рост доходов, повышение занятости населения (Дж. Кейнс, кейнсианская школа);

— исследование инвестиций с учетом циклических колебаний денежного рынка, что влияет на денежную оценку будущих инвестиций; дальнейшее изучение мотивов экономических агентов, осуществляющих инвестиции (М. Фридмен, монетарная школа).

Этап 3 (новая индустриализация и ноономика) отражает тенденции формирования пространственной экономики в связи с усложнением экономических систем, их интеграцией с социальными системами, усилением значимости человеческого капитала, сетевого взаимодействия, экономики знаний, процессов информатизации и цифровизации.

На этом этапе:

— происходит формирование единого экономического пространства, глобальных финансовых рынков, информационных сетей под влиянием глобализации; превращение информации в самостоятельный фактор экономической деятельности; под влиянием модернизации мировой экономики — формирование наряду с планарным экономическим пространством непланарного, приводящего к «сжатию» («свертке») экономического пространства;

— осуществляются изменения в технологиях, резко возрастает роль знаний и информации в современном производстве, развитие технологий шестого технологического уклада формирует Индустрию 4.0 и умные фабрики, которые опираются на информационные и коммуникационные технологии, включая Интернет вещей, обеспечивающие взаимодействие автономных технических устройств друг с другом;

— происходит развитие аддитивных, нано-, био-, информационных и когнитивных технологий (так называемая NBIC-конвергенция), используются самообучающиеся системы искусственного интеллекта;

— создаются предпосылки к переходу к знаниеемкому материальному производству, где образуется цепочка трансформаций во всех сферах производственно-экономической жизни, развитию экономики знаний.

Третий этап характеризуется дальнейшим развитием инвестиционных теорий и осуществлением инвестиционного процесса с учетом возможности повышения экономического роста, пониманием роли инвестирования в качестве фактора, который увеличивает общее благосостояние в экономике:

— теории инвестиций исследуют зависимость риск/доходность, усиливается внимание к финансовым (портфельным) инвестициям (Э. Х. Чемберлин, Дж. В. Робинсон, Г. Марковиц, неоклассическая школа);

— в рамках теории полюсов роста выделяется лидирующая отрасль в экономике региона, в которую будет инвестировать государство (в том числе в развитие инфраструктуры территории), происходит поиск тех отраслей, которые могут дать толчок к развитию социально-экономической системы;

— с точки зрения институционализма (и в дальнейшем неоинституционализма) в исследовании инвестиционного процесса превалирует роль государства в отрасли с ограниченными ресурсами; необходимо развитие рыночных отношений как фактора, стимулирующего приток капитала на территорию, повышается значимость инвестирования в социальную сферу (У. К. Митчел, Т. Б. Веблер, Дж. Р. Коммонс, Дж. А. Гобсон, Р. Коуз, К. Менар, Дж. М. Бьюкенен, М. Портер, Д. Норт, Дж. Тобин);

— в развитии теории социальных, а также преобразующих инвестиций, направленных на обеспечение не только экономического, но также социального и экологического эффектов, значительную роль сыграли Э. Багг-Левин,

Дж. Эмерсон, Т. Леони, А. Хемериджк, К. Диминг, П. Смит, Дж. Мидли, М. Юнус, А. Б. Докторович, С. В. Бойко, В. С. Левин и др.

Дальнейшее развитие экономического пространства должно учитывать такие его современные проявления, как гиганомика (от англ. *gig economy*)¹, получившая бурное развитие параллельно с пандемией, вызванной распространением коронавируса SARS-CoV-2, что потребовало от частных и государственных инвесторов финансирования для предварительных исследований и разработок новых вакцин. В свою очередь развитию гиганомики способствует рост технологических сервисов и платформ. В целом развитие цифровой экономики, переход на концепции Индустрия 4.0 (развитие цифровой экономики) и Индустрия 5.0 (фокусировка на внешней среде, развитие «экономики впечатлений», «экономики трансформаций») оказывают неоднозначное влияние на развитие региональных социально-экономических систем².

Обобщая вышесказанное, представим схему, в которой отражена возможность исследования преобразующих инвестиций в концепте эволюции теорий пространственной экономики (рис. 5).

Таким образом, теории пространственной экономики, выступая в качестве теоретической платформы преобразующих инвестиций, направлены на:

— исследование экономического пространства в условиях существующих диспропорций и усиления пространственной неоднородности, что препятствует социально-экономическим преобразованиям, затрудняет формирование регионального и общенационального рынка, несет опасности региональных кризисов, межрегиональных конфликтов; обуславливает межрегиональные различия в уровне социально-экономического развития;

— обоснование необходимости поддержания территориальных пропорций, поиск и формирование новых источников, преодоление пространственных диспропорций, развитие инфраструктуры (производственной и социальной) с целью создания благоприятных условий жизни для населения;

— выделение инвестиционной «подсистемы» экономического пространства, которое характеризуется определенной степенью неоднородности, влияющей на то, как протекают инвестиционные процессы на территории: повышенные степени неоднородности свидетельствует о расширении проблемных тер-

¹ Бизнес, отличающейся от стандартного найма труда, включает самозанятых, фрилансеров, работников различных агрегаторов заказов, т. е. людей, не устраивающихся на постоянную работу.

² *Абрамов В. И., Евдокимов Д. С.* Влияние цифровизации на развитие региональных социально-экономических систем в России и за рубежом // Проблемы теории и практики управления. — 2019. — № 11. — С. 6–21; *Сухарев О. С.* Элементы цифровой экономики: информация, агенты, технологии // Инвестиции в России. — 2019. — № 6 (293). — С. 3–11; *Сухарев О. С.* Элементы цифровой экономики: информация, агенты, технологии (окончание) // Инвестиции в России. — 2019. — № 7 (294). — С. 3–10; *Шеве Г., Хюзиг С., Гумерова Г. И., Шаймиева Э. Ш.* Цифровая трансформация социотехнических систем: изменения на макро-, мезо-, микроуровнях на основе искусственного интеллекта или дополненной реальности // Инвестиции в России. — 2019. — № 12 (299). — С. 14–20; *Раткин Л. С.* Подготовка к промышленно-технологическому переходу на платформу «Индустрия 5.0»: инвестиции в квантовую экономику на примере развития мультидиверсифицированных энергетических и космических холдингов // Инвестиции в России. — 2019. — № 12 (299). — С. 37–41.

риторий, понижение — о наличии благоприятных условий для развития территории.

Рис. 5. Преобразующие инвестиции в контексте этапов исследования экономического пространства

1.10. Экономическое благополучие муниципального образования: теоретические основания

Экономика благополучия (economy of well-being) в определении ОЭСР — это «способность создавать благотворный круг, в котором благополучие граждан способствует экономическому процветанию, стабильности и устойчивости, и, в свою очередь, положительные макроэкономические результаты позволяют поддерживать инвестиции в благополучие в течение длительного времени»¹. В дефиниции особо подчеркивается необходимость человекоцентричности политики и отказ от принципа «Сначала расти, потом перераспределять и очищать», а также переход к модели роста, справедливой и устойчивой с самого начала.

¹ *Gurria A.* The economy of well-being / OECD. — URL: <https://www.oecd.org/about/secretary-general/the-economy-of-well-being-iceland-september-2019.htm> (дата обращения: 15.09.2022).

Признание важности такого подхода к оценке результатов экономической динамики выразилось в создании индексов, альтернативных ВВП, таких как Index of Sustainable Economic Welfare (Индекс устойчивого экономического благосостояния), Genuine Progress Indicator (Индикатор подлинного прогресса), Inclusive Wealth Index (Индекс инклюзивного богатства), Legatum Prosperity Index (Индекс процветания Института Legatum), Environmentally Adjusted Net Domestic Product (Чистый внутренний продукт с поправкой на окружающую среду), Measure of Economic Welfare (Показатель экономического благосостояния — база для расчета Индекса устойчивого экономического благосостояния), Genuine Savings (Истинные сбережения).

Для экономического благополучия не менее значителен и тот факт, что экономические процессы по своей природе локальны, т. е. происходят на определенной территории, характеристики потенциала которой (природно-ресурсная, демографическая, инфраструктурная, институциональная), по П. Кругману¹, формируются под действием факторов первой природы (природные ресурсы, географическое положение) и второй природы (агломерационный эффект, инфраструктура, человеческий капитал и его мобильность, институты и др.).

Высокая значимость локального уровня стимулировала возникновение концепции Place-based growth (локального подхода к росту)², которая предполагает большее внимание к конкретной территории и глубокое знание ее достоинств с целью разработки индивидуальной инвестиционной стратегии и стратегии экономического развития с учетом имеющихся конкурентных преимуществ. Особую актуальность данной концепции придает растущее значение агломераций: они «стягивают» наиболее конкурентоспособных экономических агентов с периферийных территорий, лишая их преимуществ и увеличивая пространственные диспропорции на фоне того, что «в условиях становления капитализма и отказа от плановой организации производительных сил государством сформированные производственно-технологические комплексы распались, а социально-экономическое пространство стало тяготеть к неравномерности»³. Рост или «выравнивание» должны происходить большей частью именно «на местах», на территориях, которые должны начать стимулировать изменения за счет оживления инвестиционного процесса, повышения своего влияния и активизации действий⁴.

С учетом того, что микроуровень системы управления представлен муниципальными образованиями, исследовательский интерес сфокусируем на вопросе «Что характеризует экономическое благополучие муниципальных образований в современных условиях?».

¹ *Krugman P. R. First nature, second nature, and metropolitan location // Journal of regional science. — 1993. — Vol. 33, no. 2. — P. 129–144.*

² *Place-based growth: unleashing counties' role in levelling up England. — London: Grant Thornton UK LLP, 2020. — 138 p.*

³ *Антипин И. А., Власова Н. Ю., Иванова О. Ю. Стратегические приоритеты управления пространственными диспропорциями социально-экономического развития регионов России // Управление. — 2020. — Т. 11, № 6. — С. 28–43.*

⁴ *Place-based growth: unleashing counties' role in levelling up England. — London: Grant Thornton UK LLP, 2020. — 138 p.*

Для ответа на него требуется решить две задачи:

1) дать сущностно-содержательную характеристику муниципальной экономики для раскрытия ее роли и возможностей по обеспечению экономического благополучия;

2) идентифицировать экономическое благополучие как экономическое понятие.

В рамках решения *первой задачи* — изучения сущностно-содержательной характеристики муниципального хозяйства и муниципальной экономики — обратимся к исследованию Е. Г. Анимиды¹. На основе анализа трудов российских ученых автор делает вывод о том, что термин «муниципальный», появившийся в конце XIX — начале XX века, не находил реальной дефиниции, «хотя вопросы муниципализации в это время являлись предметом активных исследований российских экономистов, юристов, деятелей земского движения. У зачинателей муниципального знания встречались, скорее, номинальные понятия: „городская община“, „публичные органы“, „муниципалитет“, „городское хозяйство“, „городское общественное управление“ и др.»². Например, известный российский юрист Г. И. Шрейдер, характеризуя городское хозяйство как часть «явления муниципальной жизни», доказывал, что главные цели городского развития — это создание «условий, содействующих возможно большему физическому, умственному, нравственному и материальному благосостоянию городского населения»³.

Немецкий ученый А. Рисс определял муниципальное хозяйство как «...совокупность всех тех мероприятий городского общественного управления, при посредстве которых оказывается влияние на производство, распределение и потребление благ, служащих для удовлетворения жизненных потребностей»⁴.

Фундаментальный научный труд о городском хозяйстве принадлежит Л. А. Велихову. Проведя глубокое исследование, автор сформулировал следующее определение: «Муниципальное хозяйство есть деятельность местных публичных органов или организованного представительства людей, живущих концентрированно на избранной территории и занимающихся преимущественно обрабатывающей промышленностью и торговлей, причем эта деятельность направлена к наивыгоднейшему использованию материальной среды с помощью установленных средств в целях благоустройства данной территориальной единицы и социального благосостояния (т. е. благоустройства в широком смысле) живущего на ней и принадлежащего к господствующему классу коллектива»⁵.

¹ Анимиды Е. Г. Муниципальное хозяйство и муниципальная экономика: сущностно-содержательные характеристики // *Пространственная организация общества: сб. науч. тр. / под общ. ред. А. И. Татаркина.* — Екатеринбург: УрГЭУ, 2007. — С. 15–36.

² Там же. — С. 26–27.

³ Шрейдер Г. И. Наше городское общественное управление: этюды, очерки, заметки. — СПб.: Паровая скоропечатня «Восток» М. М. Гутзац, 1902. — Т. 1. — С. 4.

⁴ Рисс А. Основы муниципального хозяйства / под ред. М. Д. Загряцкова. — Рига: Наука и жизнь, 1914. — 132 с.

⁵ Велихов Л. А. Основы городского хозяйства. Общее учение о городе, его управлении, финансах и методах хозяйства. — М.-Л.: Гос. изд-во, 1928. — С. 220.

Л. А. Велихов также приводит цитату П. В. Сытина: «Концентрация в городах больших масс населения на сравнительно небольших пространствах земли, подвижность населения, присутствие фабрик, заводов, административных и научных учреждений — все это выдвигает в городах ряд приоритетных задач, решение которых недоступно отдельным домашним хозяйствам и не соответствует природе частнокапиталистического хозяйства, но решить которые необходимо в интересах всего городского населения»¹. По мнению Л. А. Велихова, в этом и состоит своеобразное оправдание коммунального (муниципального, городского) хозяйства.

Муниципальные реформы, начавшиеся в 1990-е годы, возобновили интерес к муниципальной тематике в целом и к исследованию проблем муниципальной экономики в частности. Терминологический ряд муниципальной науки вновь подвергся критическому осмыслению.

А. И. Саурин в своей статье «Что скрывается за термином „муниципальное хозяйство?“» на основе критического анализа дефиниции Л. А. Велихова представил «современенное» определение данного термина: «Муниципальное хозяйство есть деятельность органов местного самоуправления или организованного представительства людей, живущих концентрированно на избранной территории, при которой наивыгоднейшим образом используется материальная среда их обитания с помощью определенных средств, в целях благоустройства данной территории и социально-экономического благосостояния живущих на ней, с целью сохранения и развития данного муниципального образования»². В представленном определении, по мнению А.И. Саурина, закреплены и ближайший род исследуемого термина — деятельность, и его видовое отличие — субъект этой деятельности, в качестве которого выступает население муниципального образования в лице либо органов местного самоуправления, либо иного своего организованного представительства.

А. Г. Воронин, В. А. Лапин и А. Н. Широков определяют муниципальное хозяйство как «совокупность предприятий и учреждений, осуществляющих на территории муниципального образования хозяйственную деятельность, направленную на удовлетворение коллективных (общественных) потребностей населения»³. Аналогичные определения приводят в своих работах Т. Д. Борисова⁴, Н. А. Бердник⁵ и Ю. Р. Туманян⁶.

¹ Велихов Л. А. Основы городского хозяйства. Общее учение о городе, его управлении, финансах и методах хозяйства. — М.—Л.: Гос. изд-во, 1928. — С. 227.

² Саурин А. Что скрывается за термином «муниципальное хозяйство»? // Городское управление. — 1998. — № 10. — С. 29.

³ Воронин А. Г., Лапин В. А., Широков А. Н. Основы управления муниципальным хозяйством. — М.: Дело, 1998. — С. 12.

⁴ Борисова Т. Д. Муниципальное хозяйство // Вестник Сибирского университета потребительской кооперации. — 2016. — № 1 (16). — С. 135–142.

⁵ Бердник Н. А. Сущность и особенности муниципального хозяйства и его место в системе хозяйственных отношений // Известия ЮФУ. Технические науки. — 2008. — № 10 (87). — С. 74–78.

⁶ Туманян Ю. Р. Место муниципального хозяйства и его ресурсы в системе экономических отношений // Экономический вестник Ростовского государственного университета. — 2008. — Т. 6, № 3-3. — С. 307–310.

Подобную точку зрения о муниципальном хозяйстве как совокупности различных хозяйствующих субъектов, деятельность которых определяет и координирует соответствующий орган местного самоуправления, разделяет М. А. Шох¹.

Достаточное распространение получила оценка муниципальной экономики как системы экономических отношений.

С. Л. Бездольный в своем исследовании, посвященном анализу теоретико-методологических и организационно-экономических основ развития муниципальной экономики, приходит к выводу о том, что сущность муниципальной экономики раскрывается через систему отношений, складывающихся в связи с экономическим развитием муниципального образования посредством деятельности органов местного самоуправления по реализации отношений муниципальной собственности и муниципального регулирования экономического развития в интересах населения².

В. В. Хакимов отмечает, что эффективное управление муниципальной собственностью должно не только строиться с учетом интересов всех сторон, но и позволять находить «источники финансирования для текущего функционирования и стратегического развития территории»³.

И. А. Ходорич в своей работе делает акцент на устоявшейся среди российских ученых точке зрения на муниципальную экономику как систему экономических отношений, в которые вступают органы местного самоуправления в процессе производства, распределения, обмена, потребления материальных благ и услуг на территории муниципального образования. По его мнению, муниципальная экономика «так или иначе связана с деятельностью органов местного самоуправления в сфере производства общественных благ — услуг образования и здравоохранения, охраны общественного порядка, жилищно-коммунального хозяйства и социального обеспечения»⁴ и в целом представляет собой совокупность субъектов хозяйствования муниципальной формы собственности, вступающих в экономические отношения по поводу производства благ для всего местного сообщества. Таким образом, И. А. Ходорич постулирует, что муниципальная экономика включает в себя только те объекты, которыми управляют муниципальные структуры.

Для О. В. Жигарь также характерен субъектно-отношенческий подход к муниципальной экономике как системе «экономических отношений, в кото-

¹ Шох М. А. Сущность муниципального хозяйства как составной части экономики региона // Стратегия социально-экономического развития общества: управленческие, правовые, хозяйственные аспекты: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Курск, 25 ноября 2011 г.): в 2 т. — Курск: ЮЗГУ, 2011. — Т. 2. — С. 205–207.

² Бездольный С. Л. Развитие муниципальной экономики в условиях перехода к рынку: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.01. — Ростов н/Д, 1998. — 143 с.

³ Хакимов В. В. Особенности системы управления муниципальной собственностью // Вестник Челябинского государственного университета. — 2016. — № 2 (384). — С. 214–221.

⁴ Ходорич И. А. Развитие местного самоуправления на основе совершенствования институциональной среды муниципальной экономики: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. — Шахты, 2009. — 26 с.

рые вступают органы местного самоуправления в процессе производства, распределения, обмена и потребления материальных благ и услуг на территории муниципального образования. К числу традиционных отраслей муниципальной экономики относятся: снабжение населения водой, газом, теплом, электроэнергией; канализация и переработка сточных вод; вывоз и переработка мусора; городской и пригородный пассажирский транспорт; общественное питание; социальные услуги»¹.

Основными системообразующими элементами муниципальной экономики О. В. Жигарь считает:

1) финансово-хозяйственные отношения между органами местного самоуправления и муниципальными предприятиями (учреждениями), органами местного самоуправления и органами государственной власти, органами местного самоуправления и государственными предприятиями (учреждениями), органами местного самоуправления и частными предпринимательскими структурами, органами местного самоуправления различных муниципальных образований;

2) властные отношения между органами местного самоуправления и всеми остальными субъектами муниципальной экономики с целью регулирования социально-экономического развития территорий².

Е. А. Юшина дает следующее определение: «Муниципальное хозяйство — это экономическая категория, выражающая отношения между органами местного самоуправления, имеющими двойственную природу (властную (политическую) и хозяйственную (экономическую), и субъектами хозяйственной и иной общественно значимой деятельности по поводу использования местных ресурсов исходя из коллективных интересов местного сообщества». В то же время, по мнению автора, это «инструмент, с помощью которого органы местного самоуправления осуществляют экономическую и хозяйственную деятельность на территории муниципального образования»³.

В. Б. Зотов и З. М. Макашева рассматривают муниципальную экономику как «хозяйственные подсистемы, характеризующие потенциальные возможности в пределах муниципального образования, которые обеспечивают его жизнедеятельность»⁴.

Р. В. Бабун справедливо отмечает, что среди специалистов не существует единой точки зрения по поводу того, что следует называть муниципальной экономикой или что считать объектом ее деятельности, и заключает: «Муниципальная экономика — это экономика оказания услуг населению... Предмет ее деятельности — мобилизация и наиболее эффективное использование всех

¹ Жигарь О. В. Муниципальная экономика как система экономических отношений // Вестник Челябинского государственного университета. — 2009. — № 9 (147). — С. 79–82.

² Там же. — С. 81.

³ Юшина Е. А. Муниципальное хозяйство как объект муниципального управления // Микроэкономика. — 2010. — № 4. — С. 100.

⁴ Зотов В. Б., Макашева З. М. Муниципальное управление. — М.: Юнити-Дана, 2003. — С. 64.

экономических ресурсов территории (независимо от формы собственности) для оказания муниципальных услуг»¹.

Ряд авторов приводят комплексные, развернутые определения муниципальной экономики, или муниципального хозяйства.

Так, по мнению Э. Э. Маркварта, муниципальная экономика охватывает «любые формы, в которых органы местного самоуправления (муниципалитеты) принимают участие в экономической жизни. Сюда относятся стимулирование производства и приобретение товаров, получение и оказание услуг, участие в развитии производственной и социально-культурной инфраструктуры путем инвестирования в нее, содействие развитию частного предпринимательства, а также лицензирование, дача разрешений, контроль за предпринимательской деятельностью»². В более узком смысле под муниципальной экономикой Э. Э. Маркварт понимает непосредственно предпринимательскую деятельность муниципалитетов, в ходе которой органы местного самоуправления создают, участвуют либо приобретают предприятия в сферах, в которых при определенных условиях могли бы активно действовать и частные предприниматели, осуществляющие свою деятельность с целью получения прибыли. Наконец, в поздних работах Э. Э. Маркварта содержание муниципального хозяйства трактуется с позиций системного подхода: автор указывает, что, помимо хозяйствующих субъектов, муниципальное хозяйство включает в себя сложную, многоуровневую систему взаимосвязей и отношений по поводу предоставления муниципальных услуг, возникающих между их потребителями, производителями и органами местного самоуправления³.

А. В. Никитин, анализируя социально-экономические основы муниципального хозяйства, приводит аргументы в пользу того, что муниципальное хозяйство формирует основные сферы жизнеобеспечения населения, является экономической базой местного самоуправления, мобилизует и использует ресурсно-производственный и социальный потенциал первичных территориальных структур — муниципальных образований, имеет большое значение в организации отраслей социальной сферы. Содержание муниципального хозяйства он раскрывает в виде комплексного и самодостаточного социально-экономического института, включающего в себя объекты муниципальной собственности и хозяйственные структуры, относящиеся к компетенции органов местного самоуправления, а также частные, акционерные и другие структуры, действующие на территории муниципальных образований, формирующие их экономику и предопределяющие условия жизнедеятельности населения⁴.

¹ *Бабун Р. В.* Предмет и функции муниципальной экономики // Вестник Челябинского государственного университета. — 2003. — Т. 7, № 1. — С. 51.

² *Берр Х., Маркварт Э., Исупова С.* Муниципальная экономика. Администрация, благожелательная к предпринимателям: концепции и образцы документов. — М.: Статус, 1997. — С. 54.

³ *Маркварт Э.* Муниципальное хозяйство как объект управления // Менеджмент и бизнес-администрирование. — 2011. — № 3. — С. 150.

⁴ *Никитин А. В.* Муниципальное хозяйство в России: социально-экономические основы и направления развития: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.01. — М., 2003. — 32 с.

К. А. Николаев и В. К. Николаев, рассматривая вопросы «муниципальной» терминологии, считают целесообразным предложить такое определение: «Муниципальное хозяйство, или муниципальное хозяйствование, есть совокупность действий муниципального сообщества, органов местного самоуправления, домохозяйств, предпринимателей, предприятий, учреждений и организаций, расположенных на территории муниципального образования и порождаемых ими отношений, обусловленная муниципальными интересами, единством социально-экономического, культурно-информационного пространства при конкретной комбинации муниципальных ресурсов и выступающая как единое целое ради решения вопросов местного значения, способствующая рациональному использованию материальной среды обитания на пользу всех жителей муниципального образования»¹. При этом ученые выделяют два основных подхода к пониманию сущности термина «муниципальное хозяйство»:

1) институциональный — основанный на толковании муниципального хозяйства как некой совокупности хозяйствующих субъектов, ограниченной: видом собственности; территорией, на которой осуществляется эта деятельность; определенным характером деятельности;

2) деятельностный — основанный на толковании муниципального хозяйства как конкретной деятельности и порождаемых ею определенных отношениях, будь то экономические отношения или связанные с предоставлением муниципальных и прочих услуг населению муниципального образования².

П. Е. Анимца выделяет пять особенностей муниципальной экономики³:

1) блага и услуги предназначены для удовлетворения потребностей прежде всего местного сообщества;

2) роль и значение муниципальной экономики определяются ее полезностью для других территорий, обеспечения интересов региона и страны;

3) функционирование муниципальной экономики должно строиться на сочетании экономической эффективности и социальной ответственности;

4) рыночный механизм не может и не должен напрямую регулировать муниципальную экономику и предоставление общественных благ;

5) главная цель муниципальной экономики — повышение качества жизни жителей муниципального образования.

Ко всему изложенному выше можно добавить, что муниципальная экономика отличается сравнительно меньшими ресурсными возможностями, поскольку находится на нижнем уровне государственного управления, и одновременно — наиболее полной информацией о потребностях населения территории.

Е. Г. Анимца выделяет три подхода к трактовке понятия «муниципальная экономика»:

¹ Николаев К. А., Николаев В. К. Муниципальное хозяйство и муниципальное управление // Актуальные проблемы современности: наука и общество. — 2016. — № 2 (11). — С. 20.

² Там же. — С. 19.

³ Анимца П. Е. Муниципальная экономика крупнейшего города: вопросы теории и методологии / под ред. Н. Ю. Власовой. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2005. — С. 28–29.

1) формальный («экономика, осуществляющаяся в пределах муниципального образования», т. е. совокупность экономических отношений, возникающих в процессе деятельности всех организаций на территории муниципалитета, объединенных инфраструктурой, финансовыми и иными связями);

2) муниципальный (относятся «только совокупность объектов муниципальной формы собственности и отношения между ними»);

3) деятельностно-организационный (границы муниципальной экономики совпадают с границами полномочий и ответственности (их функций и компетенций) органов местного самоуправления, а муниципальная экономика — это «экономика оказания услуг населению на местном уровне»¹).

Исследователь заключает, что под муниципальной экономикой следует понимать систему экономических отношений, возникающих в пределах муниципального образования между домохозяйствами, субъектами различных форм собственности и органами власти и управления, складывающихся в процессе производства, распределения, обмена и потребления материальных культурных и духовных благ в целях достижения экономических, социальных и иных интересов населения местного сообщества².

Таким образом, относительно сущности муниципальной экономики можно сделать несколько выводов в контексте изучаемого вопроса:

1) деятельность, разворачивающаяся в рамках муниципального хозяйства, направлена на удовлетворение потребностей жителей территории, на их «социальное благоустройство»; для муниципалитета такое стремление естественно, поскольку вытекает из самой цели его существования;

2) на территории муниципального образования существуют все предпосылки для формирования социального капитала, который может наилучшим образом способствовать использованию местных ресурсов исходя из коллективных потребностей;

3) основой муниципальной экономики служит воспроизводственный процесс как совокупность стадий производства, распределения, обмена и потребления материальных, культурных и духовных благ в целях достижения интересов местного сообщества.

В рамках выполнения *второй задачи* нашего исследования рассмотрим понятие *экономического благополучия*. Словарные статьи определяют «благополучие» как «спокойное и счастливое состояние, существование»; «жизнь в достатке»; «нормальное, без каких-либо нежелательных явлений состояние»³, а также как «спокойную, счастливую жизнь в довольстве, полную обеспеченность»⁴. Близким по смыслу является слово «благосостояние», понимаемое как «обеспеченность населения необходимыми материальными и духовными бла-

¹ Анимца Е. Г. Муниципальное хозяйство и муниципальная экономика: сущностно-содержательные характеристики // *Пространственная организация общества*: сб. науч. тр. / под общ. ред. А. И. Татаркина. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2007. — С. 31–33.

² Там же. — С. 34.

³ *Современный толковый словарь русского языка* / под ред. С. А. Кузнецова. — М.: Ридерз Дайджест, 2004. — 960 с.

⁴ Ожегов С. И. *Словарь русского языка* / под ред. Н. Ю. Шведовой. — М.: Рус. яз., 1988. — 750 с.

гами, т. е. предметами, услугами и условиями, удовлетворяющими определенные человеческие потребности»¹. Однако коннотативные оттенки слов несколько различаются: «Благосостояние» больше связано с удовлетворением потребностей, материальных или духовных, оно вне контекста, насколько эти потребности являются объективными или же представляют собой субъективное желание, которое может являться результатом «насаждения полезных верований»²; «Благополучие» характеризует обеспеченность, но при этом подчеркивается нормальное состояние без нежелательных явлений.

Экономическое благополучие в научной литературе рассматривается с использованием нескольких подходов, а также на разных уровнях. Например, на уровне домохозяйств это — социально-экономическое положение, оцениваемое исходя из полного перечня активов, принадлежащих домохозяйству (включая потребительские товары, транспортные средства, жилье, землю, скот и сберегательные счета), стоимость которых корректируется с учетом социального статуса, субъективной оценки экономического положения, средней оценки экономического положения членами сообщества локальной территории³.

В контексте изучения дистрибутивных эффектов рецессии 2008 г. между разными группами населения США (во время кризиса и в процессе восстановления) экономическое благополучие характеризовалось как траектория изменения уровня доходов и неравенства в долгосрочной перспективе⁴.

Довольно часто экономическое благополучие трактуется не только как денежное выражение относительного богатства, но и как форма его проявления в виде потребления⁵. Исследователи подчеркивают, что экономическое благополучие означает гораздо больше, чем отсутствие бедности или высокие доходы домохозяйств — это возможность «вести переговоры» с обществом и «быть услышанным», которая является производной от образования человека, его социально-экономического статуса, состояния здоровья⁶. Часто экономическое неблагополучие выражается в социальной эксклюзии, социально-экономической депривации на разных основаниях и по разным причинам. Таким образом, включенность домохозяйства или отдельного человека в общество, так же как структура и уровень потребления, выступает в качестве составляющей экономического благополучия наряду с количественным выражением уровня дохода или суммы активов во владении.

¹ Большая энциклопедия: в 62 т. — М.: Терра, 2006. — Т. 6. — 592 с.

² Гэлбрейт Дж. К. Экономические теории и цели общества. — М.: Прогресс, 1976. — 390 с.

³ Woolard K., Munira S., Jesmin K., Hruschka D. Evaluating the performance of five asset-based wealth indices in predicting socioeconomic position in rural Bangladesh // *Field methods*. — 2022. — Vol. 34, no. 2. — P. 108–124.

⁴ Zewde N., Crystal S. Impact of the 2008 Recession on wealth-adjusted income and inequality for U.S. Cohorts // *Journals of gerontology — Series B Psychological sciences and social sciences*. — 2022. — Vol. 77, no. 4. — P. 780–789.

⁵ Li C., Zhang Y. How does housing wealth affect household consumption? Evidence from macrodata with special implications for China // *China economic review*. — 2021. — Vol. 69. — Art. no. 101655.

⁶ Beech B. M., Ford C., Thorpe R. J. et al. Poverty, racism, and the public health crisis in America // *Frontiers in public health*. — 2021. — Vol. 9. — Art. no. 699049.

Нередко «благополучие» упоминается в контексте изучения «качества жизни» как синоним последнего¹, однако, по нашему мнению, экономическое благополучие является его частью, существенной, но не единственной характеристикой. Дополнительную неопределенность вносит понятие «субъективное благополучие», которым могут оцениваться многие параметры качества жизни (в том числе экономическое благополучие), но в целом оно связано с психологической удовлетворенностью отдельного человека и ближе по смыслу к качеству жизни².

Таким образом, в рамках данного подхода, назовем его базовым, можно говорить об экономическом благополучии как о состоянии обеспеченности совокупностью материальных активов в денежной и неденежной форме.

Однако, как было отмечено ранее, только рост дохода или богатства является несостоятельной мерой экономического успеха общества. В связи с этим в экономической литературе базовый подход расширяется за счет новых характеристик, которые дополняют понятие экономического благополучия. Среди таких характеристик можно выделить следующие.

1. *Устойчивость*. По мнению ученых³, связующим звеном между старой, неоклассической, моделью роста экономики и новыми возникающими парадигмами, такими как экономика благополучия — well-being economics), являются Цели в области устойчивого развития ООН. Современная характеристика устойчивости раскрыта с помощью нарративного анализа. Его применение выявило четыре связанных между собой нарратива⁴: «Трансформация» — критика обычного бизнеса, функционирующего в рамках неолиберализма, подчеркивающая требование перехода к экономике благосостояния и делающая акцент на благополучии всех людей; «Природоцентричные, или планетарные, границы» — необходимость придерживаться природосберегающего взгляда на жизнь, подчеркивая необходимость человечества жить и действовать в планетарных границах; «Хорошая жизнь», или «Ориентированность на людей», — нарратив, который подчеркивает устойчивость, обеспечивающую удовлетворение основных потребностей всех; «Интегрированный взгляд» — это комплексный, ориентированный на жизнь нарратив, который сочетает в себе вышеупомянутые интересы и фокусируется на благополучии как людей, так и Планеты, признавая сложность и целостный характер этой задачи.

¹ См.: Кислицына О. А. Национальный индекс качества жизни (благополучия) как инструмент мониторинга эффективности социально-экономической ситуации в России // Журнал исследований социальной политики. — 2017. — № 15 (4). — С. 547–558.

² Chiara E. D., Menon M., Perali F. An integrated database to measure living standards // Journal of official statistics. — 2019. — Vol. 35, no. 3. — P. 531–576.; Kulkarni V. S., Kulkarni V. S., Gaiha R. Subjective well-being in India // Economic and political weekly. — 2021. — Vol. 56, no. 22. — P. 40–47.

³ Cook D., Davíðsdóttir B., Gunnarsdóttir I. A conceptual exploration of how the pursuit of sustainable energy development is implicit in the Genuine Progress Indicator // Energies. — 2022. — Vol. 15, no. 6. — Art. no. 2129.

⁴ Waddock S. Wellbeing economics narratives for a sustainable future // Humanistic management journal. — 2021. — Vol. 6. — P. 151–167.

2. *Экономическая безопасность.* Наиболее остро вопросы экономической безопасности формулируются в сфере энергетики. Сегодня потребителей энергии больше, чем когда-либо. В развитых странах электроэнергия — основа поддержания высокого уровня жизни и конкурентоспособного производства, в развивающихся — перспектива решения проблемы голода и бедности. Со всей очевидностью возникает озабоченность по поводу энергетической безопасности¹. Аспект экономической безопасности проявляется не только в энергетическом секторе, но и в добывающем. Например, на кейсе стран Субсахарской Африки в период 1997–2015 гг. показано, что присутствие отечественных горнодобывающих компаний ведет к росту местного благосостояния, в то время как работа мультинациональных компаний, напротив, провоцирует рост региональной безработицы². Таким образом, авторы подтверждают необходимость экономически безопасного распоряжения правами на владение и контроль над медными, золотыми и алмазными рудниками в целях локального экономического благополучия.

3. *Индивидуализированность.* Поскольку каждая территория, сообщество или человек обладают индивидуальными характеристиками, экономическое благополучие будет отличаться для каждого объекта. Как отмечалось ранее, это привело к выделению концепции Place-based growth (локального подхода к росту), подчеркивающей необходимость использования индивидуализированных стимулов экономического развития на территории для сокращения значительных разрывов в уровне развития регионов. Как правило, в рамках этой политики государственные ресурсы направляются в бедные районы, в частности, за счет налоговых льгот, субсидий, блочных субсидий, инфраструктуры и специальных правил³.

4. *Инклюзивность.* В самом общем виде инклюзивность предполагает включенность всех членов общества в получение выгод от экономического успеха страны⁴. Однако это же касается и территорий — каждый из регионов страны, муниципальных образований должен быть равно включен в воспроизводственный процесс в части производства, обмена, распределения, потребления.

5. *Осознанность.* Устойчивое развитие предполагает осознанное отношение к окружающей среде, потреблению природных ресурсов и социальным последствиям экономической деятельности. В изучаемом контексте осознанность — это способность экономических агентов предполагать, оценивать, планиро-

¹ *Vahtoranta T.* How energy and climate change may pose a threat to sustainable security // Great powers and strategic stability in the 21st century: competing visions of world order / ed. by G. P. Herd. — London: Routledge, 2010. — P. 82–98.

² *Wegenast T., Khanna A.A., Schneider G.* The micro-foundations of the resource curse: Mineral ownership and local economic well-being in Sub-Saharan Africa // International studies quarterly. — 2020. — Vol. 64, no. 3. — P. 530–543.

³ *Jia J. X., Ma G. G., Qin C. N., Wang L. Y.* Place-based policies, state-led industrialisation, and regional development: evidence from China's Great Western Development Programme // European economic review. — 2020. — Vol. 123. — Art. no. 103398.

⁴ *Шваб К., Ванхэм П.* Капитализм всеобщего блага: новая модель мировой экономики: пер. с англ. — М.: Эксмо, 2022. — 352 с.

вать желательность своих действий, а также осуществлять их в соответствии с принципами обеспечения экономического благополучия. Концептуальным воплощением этой характеристики стали понятия zero waste («ноль отходов»), sustainable consumption («ответственное потребление»), sharing economy («экономика совместного потребления»), отражающие осознанное потребление, а также понятия ethical manufacturing («этичное производство»), smart specialisation («умная специализация»), environmental, social, and corporate governance («экологическое, социальное и корпоративное управление»), относящиеся к осознанному производству.

6. *Плановость*. Долгосрочность, которая подчеркивается как в концепции устойчивого развития, так и в экономике благополучия, недостижима без планирования. Планирование, прямо и косвенно воздействуя на окружающую среду, тесно связано с пространственным развитием и землепользованием. Как отмечает К. Турку¹, планирование испытывает общественное и политическое давление в связи с принятием решений, обеспечивающих защиту «общего блага» и устойчивое развитие городов и сообществ. Следовательно, достижение экономического благополучия должно характеризоваться плановостью.

В целом базовой характеристикой экономического благополучия служит обеспеченность материальными и нематериальными активами, которая должна сопровождаться долгосрочной устойчивостью, экономической безопасностью, инклюзивностью, иметь плановый, осознанный характер, быть индивидуализированной исходя из характеристик конкретного объекта.

Как говорилось ранее, в основе функционирования экономики муниципального образования лежит воспроизводственный процесс, протекающий на его территории, следовательно, экономическое благополучие муниципального образования можно рассматривать как экономически безопасное состояние материального и нематериального благополучия территории осуществления местного самоуправления, формируемое на основе устойчивого, пространственно инклюзивного, планового, индивидуализированного, осознанного воспроизводственного процесса.

В российском научном дискурсе присутствует ряд фундаментальных исследований, посвященных анализу сущности и оценке уровня благополучия муниципальных образований. В целях верификации разработанного нами определения рассмотрим эти работы более подробно.

В. Лексин и А. Швецов рассматривают понятие социально-экономического благополучия территории, указывая на сложность определения его критериев, а также относительность оценки, которая предполагает сравнение параметров, характеризующих благополучие территорий, с общепризнанной нормой, включая параметры занятости, доходов, обеспеченности социальными услугами и др.²

¹ Turcu C. Responsibility for sustainable development in Europe: what does it mean for planning theory and practice? // Planning theory & practice. — 2018. — Vol. 19, no. 3. — P. 385–404.

² Лексин В., Швецов А. Общероссийские реформы и территориальное развитие. Статья 11. Региональная Россия начала XXI века: новая ситуация и новые подходы к ее исследованию и регулированию // Российский экономический журнал. — 2004. — № 4. — С. 3–23.

На основе теории территориальных социально-экономических систем Е. Д. Игнатъева, И. Э. Гимади, Л. М. Аверина предлагают функциональный подход к определению понятия «социально-экономическое благополучие территории», идентифицируя его как сущностную характеристику территориальной социально-экономической системы, отражающей полноту реализации ее основных функций — экономической (хозяйственной), финансовой, демографической, социальной и экологической¹.

Коллективом авторов Института экономики Уральского отделения Российской академии наук понятие «социально-экономическое благополучие территории» изучено в контексте анализа трудовой миграции. Они отмечают, что «в российских научных исследованиях понятие „социально-экономическое благополучие территории“ встречается довольно редко. Чаще всего по отношению к территории или региону используют близкие по значению универсальные понятия, такие как социально-экономическая безопасность, устойчивое развитие, социальная комфортность»². Ими предложено определение социально-экономического благополучия территории как «сложной многоаспектной характеристики территории развивающегося региона, имеющей субъективный оттенок и напрямую зависящей от выбора приоритетов, уровня и способов управления, достижение которой является основной целью регионального развития»³. Согласно результатам их исследования, «многоаспектность представлений о социально-экономическом благополучии территории требует выявления факторов в соответствии с анализируемыми аспектами». Таким образом, авторы формулируют факторный подход к социально-экономическому благополучию территорий и выделяют следующие группы факторов для его оценки: географические, экономические, финансовые, социальные, демографические, политико-правовые, культурно-этнические⁴.

Анализ российского научного дискурса показал, что несмотря на то, что разработаны несколько подходов к определению понятия социально-экономического благополучия муниципального образования, они имеют ряд недостатков. Во-первых, часть «социально-» предполагает учет показателей, оценивающих социальную сферу жизни населения, что усложняет проведение различий между данным понятием и понятием «качество жизни». По нашему мнению, экономическое благополучие должно рассматриваться как результат экономической динамики, экономического успеха. Во-вторых, представляется, что ввиду значимости аспекта пространства в развитии муниципальных образова-

¹ Игнатъева Е. Д., Гимади И. Э., Аверина Л. М. Комплексная оценка социально-экономического благополучия муниципальных образований // Экономика региона. — 2005. — № 2 (2). — С. 116–132.

² *Современные* подходы к оценке влияния потоков трудовых миграций на социально-экономическое благополучие принимающей территории / Е. Б. Бедрина, М. Н. Вандышев, Н. Л. Струин и др. — Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2014. — С. 13.

³ Там же. — С. 17.

⁴ *Современные* подходы к оценке влияния потоков трудовых миграций на социально-экономическое благополучие принимающей территории / Е. Б. Бедрина, М. Н. Вандышев, Н. Л. Струин и др. — Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2014. — С. 18–19.

ний (в том числе растущей асимметрии экономического пространства, его сжатия, изменения характеристик насыщенности, связанности и др.) требуется развить теоретическую основу исследования экономического благополучия муниципальных образований с использованием теорий пространственного развития. В-третьих, целесообразным видится дополнение исследований экономического благополучия муниципальных образований на основе достижений эволюционной экономики, поскольку «эволюционная теория как наука о выживании указывает на понимание, которое совпадает с пониманием религий и традиций мудрости: как вид мы выживаем, когда служим общему благу»¹. Следовательно, разработанное нами определение может быть использовано для дальнейшего изучения экономического благополучия муниципальных образований на основе теорий пространственного развития и теории эволюционной экономики.

1.11. Наукометрический анализ научных публикаций по региональной экономике в российских периодических изданиях

Актуальность изучения региональной экономики как быстроразвивающейся современной экономической науки обоснована большим значением получения знаний о пространственных измерениях социально-экономических явлений и процессов, которые в условиях крупномасштабности и неоднородности территории России с ее огромным ресурсным потенциалом могут выступать базисом для освоения и благоустройства этой территории, а также организации и развития расширенного воспроизводства². Знания об особенностях функционирования и развития территорий способствуют созданию эффективной системы федерального регулирования экономического развития российских регионов, сокращению диспропорций в уровне социально-экономического развития регионов³.

Нами сформулирована гипотеза об эволюционном росте в уровне познаний о региональном развитии в России в сравнении с тем, что был несколько десятилетий назад⁴. Данная гипотеза может быть подтверждена наукометрическим анализом публикаций по региональной экономике, публикационной ак-

¹ *Pirson M.* Leading for well being — dignity as cornerstone // *Humanistic management journal*. — 2021. — Vol. 6. — P. 147–150.

² *Россия в меняющемся мире / Е. Г. Анимца, А. Т. Тертышный, А. А. Мальцев и др.* — Екатеринбург: УрГЭУ, 2001. — 279 с.; *Анимца Е. Г., Новикова Н. В.* Тенденции экономической динамики классического старопромышленного региона России: кейс Свердловской области // *Journal of new economy*. — 2022. — Т. 23, № 2. — С. 64–79.

³ *Силин Я. П., Анимца Е. Г., Тертышный А. Т.* Основы местного самоуправления. — 2-е изд., перераб. и доп. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2006. — 352 с.

⁴ *Goncharova M. N., Blagin V. A.* Economic conflicts as a possible destabilizing factor for sustainable development of the territory // *Proceedings of the Second conference on sustainable development: industrial future of territories (IFT 2021)*. — Ekaterinburg: Atlantis Press, 2021. — P. 279–282.

тивностью экономистов, изучающих регионы, а также востребованностью как самих научных трудов, так и научных изданий в данной тематике. В рамках анализа публикаций вызывает интерес изучение их тематической специфики. С развитием знаний о региональной экономике к уже классическим разделам изучения науки, таким как факторы развития, инвестиционные процессы в пространстве региона, постепенно присоединяются новые, актуальные в настоящее время направления, связанные с экономической безопасностью региона, стратегическим планированием в регионе и региональной политикой.

Не преуменьшая значения трудов знаменитых экономистов и географов прошлого времени в становлении современной региональной науки, считаем важным проанализировать пул публикаций, доступных на сегодняшний момент в библиографической базе научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU¹.

Вместе с тем отметим, что анализ сравнительно небольшой подборки библиографических данных объективно не сможет дать окончательно определенных и абсолютных знаний об эволюции региональной экономики, а только представит попытку оценить существующее состояние научных знаний в Российской Федерации. С целью определения пространственно-временного распределения научного знания о региональной экономике за последнюю четверть века предлагаем обратиться к наукометрическим методам.

В рамках исследования представлены результаты анализа пула публикаций по региональной экономике для выявления тенденций публикационной активности, определения тематической специфики статей в ретроспективе, а также оценки востребованности журналов из перечня ВАК среди авторов, изучающих вопросы развития регионов. Расчеты основаны на методах наукометрического анализа библиографических данных для определения объема и распределения научных публикаций во времени. Использованы методы картографии для иллюстрирования пространственного распределения объемов научных публикаций в рамках административно-территориального деления Российской Федерации. Выделены внутренние исследовательские фронты, выполнена экспертиза научных изданий. Результаты проведенного исследования могут представлять значительный интерес для ученых-регионоведов и управленцев-практиков, для молодых ученых, планирующих публиковать качественный контент.

Для наукометрического анализа публикаций по региональной экономике использованы информационные ресурсы библиографической базы научной электронной библиотеки eLIBRARY.ru (РИНЦ)². В качестве базы для наукометрического анализа было принято решение использовать подборку, ограниченную по тематике «Экономика. Экономические науки», так как более расширенный перечень журналов включает издания, публикующие научные статьи о регионе не только в экономическом плане, но также социологическом, философском и др.

¹ Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU. — URL: <https://elibrary.ru> (дата обращения: 15.10.2022).

² Дата выгрузки данных: 15.10.2022 г.

Среди параметров подборки дополнительно выбран фактор вхождения издания в перечень журналов ВАК. Данное ограничение позволит количественно сократить содержание подборки и, что не менее важно, исключить нерцензируемые источники, оставив для анализа более качественный научный контент¹.

В исследование включены опции поиска по стране — России, а также поиск только среди научных журналов, исключая при этом реферативные, информационные и научно-популярные журналы.

В расширенном поиске публикаций в подборке установлены дополнительные ограничения для фильтра данных — по ключевым словам «регион» и «региональный» с учетом морфологии².

В ходе работы применялись методы поиска исследовательских фронтов, моделирования на основе ретроспективных состояний, анализа публикационной активности в рамках заданного набора научных публикаций, а также техники картографирования и журнальной наукометрической оценки. Среди основных наукометрических показателей использованы количество публикаций, число цитирований, двухлетний импакт-фактор журнала, а также уровень сосредоточенности наукометрических данных³.

В ходе первого этапа были изучены научные статьи из подборки публикаций, сформированной по ранее перечисленным параметрам. Общее число научных статей в БД РИНЦ в анализируемом пуле публикаций по региональной экономике за 1997–2022 гг. — 11 018, что составляет 2 % от общего числа экономических статей за аналогичный период в научных журналах из перечня ВАК. Число статей, посвященных региональной экономике, в базе данных РИНЦ по годам распределено неравномерно. Уровень публикационной активности в последние десять лет ежегодно составлял от 338 до 1 013 статей (рис. 6).

Число публикаций возросло в периоды 2007–2011, 2014–2016, 2020–2021 гг. Пиковое количество публикаций вышло в 2015 г. (сказались события 2014 г.). Всплеск публикационной активности 2020–2021 гг. объясняется необходимостью актуализации задач и целей региональной экономики с учетом реализации антиковидных мер.

Распределение цитирований по годам цитирующих публикаций опережает пиковые значения количества опубликованных материалов по тематике на 1–2 года, поэтому можно предполагать, что пиковое значение распределения цитирований по годам цитирующих публикаций достигнет пикового значения количества публикаций 2020 г. в 2022–2023 г. На момент середины октября 2022 г. уже набрана половина цитирований по годам цитирующих публикаций

¹ Балацкий Е. В., Екимова Н. А. Рынок российских экономических журналов в условиях международной изоляции // Управление. — 2022. — Т. 13, № 4. — С. 15–25.

² Козырь Н. С. Проблема ключевых слов региональной экономики: наукометрический анализ // Научные и технические библиотеки. — 2022. — № 6. — С. 100–121.

³ Благинин В. А., Соколова Е. В., Саргсян Ш. А. Наукометрическая оценка шахматного научного направления // Цифровые модели и решения. — 2022. — Т. 1, № 1. — URL: <http://eforum-journal.ru/images/new-pdf/1/6new.pdf> (дата обращения: 15.10.2022); Sargsyan Sh. A., Hakobyan P. M., Shushanyan R. A. et al. The role of socio-economic and scientometric indicators in the cancer mortality rate // The manager. — 2022. — Vol. 13, no. 4. — P. 54–68.

относительно прошлого года. Принимая во внимание тот факт, что в БД РИНЦ будут размещаться публикации текущего года еще примерно год, можно предполагать, что количество цитирований по годам цитирующих публикаций достигнет уровня прошлого года, возможно, превысит его.

Рис. 6. Распределение количества публикаций и цитирований из публикаций, цитирующих исследуемые публикации по региональной экономике, в БД РИНЦ по годам

Распределение цитирований по годам цитируемых публикаций соотносится с изменением количества публикаций до 2015 г. Далее соотношение количества публикаций текущего года относительно предыдущего колеблется от спада на 22 % до прироста на 25 %, а количество цитирований по годам цитируемых публикаций неизменно снижается, поэтому можно предполагать, что основной массив цитирований достигается публикациями определенного периода спустя ориентировочно пять лет.

Отобранные публикации ввиду их количества и продолжительного периода опубликования характеризуются также тематическим разнообразием. Базовые термины, используемые совместно с изучаемыми, остаются неизменными вне зависимости от периода, однако в ряд наиболее используемых включались термины, отражающие актуальные темы своего времени, они накапливались с ростом публикаций в целом (рис. 7).

Наибольшую значимость в исследовании периода заинтересованности тематикой имеет не год первого упоминания, а год, в котором произошел резкий скачок использования, т. е. востребованности. Так, с 2006 г. большую долю работ, чем ранее, занимает политика региона, ее регулирование. Далее с 2008 г.

чаще стала затрагиваться тема эффективного управления регионом и конкурентоспособности. В 2011 г. появился запрос на модернизацию текущей региональной политики и формирование стратегий устойчивого развития. В период 2012–2014 гг. больше внимания потребовалось оценке инвестиционной привлекательности и инвестиционного климата региона. С 2015 г. устойчивое место занимают темы импортозамещения, экономической безопасности и роли человеческого капитала как следствие тем предыдущего периода и политических событий. Далее в 2019–2021 гг. одними из центральных тем выступили пандемия и цифровизация экономики. Доля публикаций 2022 г., уже размещенная в БД РИНЦ, содержит исследования по всем вышеописанным тематикам, и особенно об инновациях в экономике, что соответствует запросам и потребностям общественности.

2006–2007	Политика региона, регулирование политики региона
2008–2010	Эффективное управление регионом, конкурентоспособность
2011	Модернизация региональной политики
2012–2014	Инвестиционная привлекательность, инвестиционный климат региона
2015–2018	Импортозамещение, экономическая безопасность, человеческий капитал
2019–2021	Пандемия, цифровизация экономики
2022	Инновации

Рис. 7. Ретроспектива тематической специфики публикаций по региональной экономике в журналах из перечня ВАК

Востребованность тематики также оценивается в числе цитирований публикаций, входящих в нее, однако масса цитирований на группу публикаций неоднородно распределена по всему объему публикаций. При распределении числа публикаций в исследуемой подборке относительно числа их цитирований можно выделить несколько кластеров, основываясь на пересечении числа цитирований публикации и числа публикаций с определенным числом цитирований. С учетом особенностей исследуемых данных был проведен иерархический кластерный анализ, в результате которого были сформированы пять кластеров (рис. 8).

Пятый кластер состоит из 7 951 публикации, каждая из которых имеет от 0 до 5 цитирований за весь период с момента опубликования, и занимает 72 % от общего массива исследуемых материалов. Публикации четвертого кластера также многочисленны (2 933 ед., 27 % от общего количества) и состоят из публикаций, каждая из которых имеет от 6 до 50 цитирований. Подобное распределение обусловлено тем, что данные наблюдения характеризуются малым объемом цитирований и избыточным объемом публикаций для попадания

в третий кластер, потому были выделены отдельно. Третий кластер включает 95 публикаций (0,9 % от общего числа), имеющих 51–79 цитирований. Второй кластер состоит из 35 публикаций (0,3 % от общего числа), располагающих от 83 до 151 цитирования каждая. В наименьший кластер входят всего четыре публикации, которые имеют рекордное число цитирований — от 183 до 216 ед., что сильно отдаляет их от нижестоящих кластеров.

Рис. 8. Кластеризация публикаций из подборки по количеству цитирований

Таким образом, 76 % шкалы цитирования от минимального до максимального значения занимают 1,2 % публикаций из исследуемой подборки. Соотношение объема цитирований публикаций из пятого и четвертого кластеров заметно превалирует ввиду многочисленности при оценке подборки публикаций как единого массива, однако рациональнее оценивать значимость отдельных единиц.

Публикации первого кластера — это фундаментальные труды известных экономистов-регионоведов России: А. Г. Гранберга¹, Н. В. Зубаревич², Н. Н. Михеевой и ее коллег³, Е. Г. Анимицы⁴.

Интегральная оценка степени влияния отдельных авторов формировалась из показателей общего числа публикаций автора и уровня их цитируемости, так как нельзя утверждать, что автор, отличившийся цитируемостью ввиду вхождения в авторский коллектив активно цитируемых публикаций, но не располагающий значительным числом публикаций по тематике, действительно имеет влияние в ней.

¹ Гранберг А. Г. Региональная экономика и региональная наука в России: десять лет спустя // Регион: экономика и социология. — 2004. — № 1. — С. 57–81.

² Зубаревич Н. В. Региональное развитие и региональная политика в России // ЭКО. — 2014. — № 4 (478). — С. 6–27.

³ Бортник И. М., Сенченя Г. И., Михеева Н. Н. и др. Система оценки и мониторинга инновационного развития регионов России // Инновации. — 2012. — № 9 (167). — С. 25–38.

⁴ Анимица Е. Г., Анимица П. Е., Глузов А. А. Импортзамещение в промышленном производстве региона: концептуально-теоретические и прикладные аспекты // Экономика региона. — 2015. — № 3 (43). — С. 160–172; Силин Я. П., Анимица Е. Г. Эволюция парадигмы региональной экономики // Journal of new economy. — 2020. — Т. 21, № 1. — С. 5–28.

Список наиболее активных и цитируемых авторов представлен в табл. 8.

Таблица 8

**Перечень наиболее активных и цитируемых авторов РФ,
публикующих научные статьи по региональной экономике
в журналах из перечня ВАК**

Автор	Количество публикаций в подборке	Количество цитирований на публикации автора из подборки	Индекс Хирша автора	Индекс Хирша без учета самоцитирований	Период опубликования публикаций автора из подборки
1	2	3	4	5	6
Зубаревич Наталья Васильевна	20	710	60	60	2007–2021
Михеева Надежда Николаевна	9	521	30	30	2002–2022
Анимица Евгений Георгиевич	7	480	32	32	2005–2020
Пчелинцев Олег Сергеевич	6	469	26	26	2000–2006
Сироткина Наталья Валерьевна	16	441	37	32 (–5)	2009–2019
Трещевский Юрий Игоревич	45	396	37	30 (–7)	2011–2022
Селиверстов Вячеслав Евгеньевич	10	380	30	29 (–1)	1999–2022
Малкина Марина Юрьевна	22	350	21	18 (–3)	2013–2022
Маликов Рустам Илькамович	17	348	23	19 (–4)	2013–2022
Гришин Константин Евгеньевич	17	348	22	17 (–5)	2013–2022
Соколов Алексей Павлович	5	330	55	51 (–4)	2015–2016
Пилясов Александр Николаевич	6	310	29	28 (–1)	2003–2021
Бахтизин Альберт Рауфович	5	307	28	26 (–2)	2014–2017
Швецов Александр Николаевич	6	304	34	33 (–1)	2006–2017
Дохолян Сергей Владимирович	25	292	33	29 (–4)	2007–2021
Айвазян Сергей Артемьевич	6	290	25	25	2006–2018
Растворцева Светлана Николаевна	18	286	21	20 (–1)	2009–2022
Суспицын Сергей Алексеевич	14	250	29	28 (–1)	2003–2021
Афанасьев Михаил Юрьевич	6	246	15	12 (–3)	2014–2022
Земцов Степан Петрович	6	244	35	31 (–4)	2015–2022
Татаркин Александр Иванович	5	238	51	51	2010–2014
Минакир Павел Александрович	10	215	40	39 (–1)	2001–2019
Вертакова Юлия Владимировна	14	207	55	50 (–5)	2007–2022
Гончаров Александр Юрьевич	7	203	17	14 (–3)	2014–2016
Самарина Вера Петровна	9	201	39	25 (–14)	2008–2022
Смирнов Валерий Владиславович	39	187	18	17 (–1)	2007–2020
Новоселов Александр Сергеевич	13	186	31	28 (–3)	2008–2022
Бухвальд Евгений Моисеевич	8	179	39	37 (–2)	2008–2018
Глазырина Ирина Петровна	5	169	21	18 (–3)	2010–2020
Клевцова Мария Геннадьевна	7	168	27	23 (–4)	2005–2021
Попов Евгений Васильевич	10	160	37	34 (–3)	2010–2020

1	2	3	4	5	6
Положенцева Юлия Сергеевна	8	158	34	30 (-4)	2010–2021
Данько Тамара Петровна	8	158	35	35	2012–2017
Алиев Басир Хабибович	10	155	41	33 (-8)	2009–2020
Каган Елена Сергеевна	5	155	16	14 (-2)	2015–2019
Мохначев Сергей Анатольевич	5	155	24	22 (-2)	2008–2014
Ратнер Светлана Валерьевна	33	151	19	15 (-4)	2008–2022
Рисин Игорь Ефимович	18	148	24	23 (-1)	2008–2021
Хасавев Габидулла Рабаданович	6	146	21	20 (-1)	2002–2018
Пискун Елена Ивановна	6	146	9	7 (-2)	2016–2021
Кораблева Анна Александровна	7	146	13	11 (-2)	2015–2021
Мельникова Лариса Викторовна	6	145	20	19 (-1)	2006–2021
Чернова Ольга Анатольевна	13	136	22	20 (-2)	2009–2022
Минакова Ирина Вячеславна	6	129	31	30 (-1)	2007–2011
Буфетова Анна Николаевна	5	128	9	9	2009–2022
Карпов Валерий Васильевич	5	128	15	14 (-1)	2015–2017
Рубан Дмитрий Александрович	9	126	28	21 (-7)	2015–2017
Павлов Константин Викторович	18	123	33	27 (-6)	2004–2016
Акбердина Виктория Викторовна	14	121	20	18 (-2)	2015–2022
Забелина Ирина Александровна	7	118	14	12 (-2)	2010–2020
Суслов Виктор Иванович	5	116	32	32	2008–2018
Любимов Иван Львович	5	116	11	9 (-2)	2017–2020
Цыбатов Владимир Андреевич	6	113	11	10 (-1)	2002–2018
Минченко Михаил Михайлович	5	112	16	16	2003–2022
Кудров Александр Владимирович	5	111	9	8 (-1)	2016–2022
Гордиенко Дмитрий Владимирович	31	109	17	8 (-9)	2014–2022
Саблин Кирилл Сергеевич	5	104	11	10 (-1)	2014–2017
Арсланов Шамиль Джавадович	13	99	27	24 (-3)	2012–2022
Бессонова Елена Анатольевна	7	99	32	27 (-5)	2016–2022
Митрофанова Инна Васильевна	21	98	25	20 (-5)	2006–2022
Скуфьина Татьяна Петровна	6	94	38	28 (-10)	2007–2021
Янгиров Азат Вазирович	9	94	26	20 (-6)	2007–2021
Овешникова Людмила Владимировна	37	88	25	22 (-3)	2004–2022
Адаменко Александр Александрович	20	88	35	28 (-7)	2015–2022
Идзиев Гаджимурад Идзиевич	12	87	18	14 (-4)	2010–2021
Баженова Елена Юрьевна	7	85	11	10 (-1)	2013–2018
Леонов Сергей Николаевич	10	83	25	23 (-2)	2007–2020
Блануца Виктор Иванович	7	81	12	9 (-3)	2018–2022
Крюков Валерий Анатольевич	5	75	30	29 (-1)	2018–2022
Руденко Марина Николаевна	12	73	15	14 (-1)	2011–2022
Данилова Ирина Валентиновна	16	68	8	8	2014–2022
Ельшин Леонид Алексеевич	10	67	21	14 (-7)	2013–2021
Мыслякова Юлия Геннадьевна	16	57	13	12 (-1)	2017–2022
<i>Среднее геометрическое</i>	10	165	23	23	
<i>Среднее арифметическое</i>	12	195	26	22	
<i>Медиана</i>	8	151	25	20,6	

Большая доля публикаций этих авторов из подборки имеет начало периода опубликования в среднем в 2010 г., некоторые и раньше, что достаточно сильно

опережает всплеск общей заинтересованности 2014 г. Поэтому, возможно, авторы этих публикаций и возглавляют список, ведь их ранние наработки выступили базой и цитировались в период первого всплеска. Преобладающее большинство авторов из списка продолжает активно публиковаться до сих пор.

Большая часть списка — это авторы, которые публикуются в данной тематике давно, имеют внушительный общий индекс Хирша. Однако при оценке внешней заинтересованности, выраженной уровнем цитируемости, как степени влияния автора на тематику, объективнее опираться на индекс Хирша, рассчитываемый без учета самоцитирования. Из отобранного числа у 21 % авторов уровень самоцитирования превышает 20 %, и у трех авторов превышает треть от общего числа цитирований собственных публикаций, что превышает норму для общественных наук¹ и не позволяет оценивать упомянутых трех авторов наравне с прочими.

В противоположность выше описываемому есть ряд авторов с меньшими показателями, которые все же попали в список в связи с высокой внешней цитируемостью. Обозначенные авторы ориентировочно начали работу в пик 2014 г., но их труды были выделены коллегами из большого массива публикаций последующего периода. В число таких авторов входят Е. И. Пискун, А. А. Кораблева, И. Л. Любимов, А. В. Кудров, К. С. Саблин, Е. Ю. Баженова, И. В. Данилова, Ю. Г. Мыслякова.

Работы Е. И. Пискун и ее коллег направлены на изучение аспектов и показателей развития регионов, наиболее свежие работы сконцентрированы на Республике Крым². А. А. Кораблева изучает вопросы экономической безопасности региона и мер государственного влияния на нее³. И. Л. Любимов заинтересован в поиске, выделении и систематизации вызовов современности, стоящих перед экономикой российских регионов⁴. А. В. Кудров и коллеги делают акцент на технической и производственной стороне экономики регионов⁵,

¹ *Glänze W., Thijs B., Schlemmer B.* A bibliometric approach to the role of author self-citations in scientific communication // *Scientometrics*. — 2004. — Vol. 59, no. 1. — P. 63–77.

² *Пискун Е. И., Кудревич В. В.* Социально-экономическое развитие Крыма в контексте интеграции в экономику России // *Региональная экономика. Юг России*. — 2018. — № 1 (19). — С. 121–130; *Нижегородцев Р. М., Пискун Е. И., Кудревич В. В.* Прогнозирование показателей социально-экономического развития региона // *Экономика региона*. — 2017. — Т. 13, № 1. — С. 38–48.

³ *Кораблева А. А., Карпов В. В.* Индикаторы экономической безопасности региона // *Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий*. — 2017. — № 3 (23). — С. 36–42.

⁴ *Любимов И. Л., Гвоздева М. А., Казакова М. В., Нестерова К. В.* Сложность экономики и возможность диверсификации экспорта в российских регионах // *Журнал Новой экономической ассоциации*. — 2017. — № 2 (34). — С. 94–123; *Любимов И. Л., Лысюк М. В., Гвоздева М. А.* Атлас экономической сложности российских регионов // *Вопросы экономики*. — 2018. — № 6. — С. 71–91.

⁵ *Айвазян С. А., Афанасьев М. Ю., Кудров А. В.* Метод кластеризации регионов РФ с учетом отраслевой структуры ВРП // *Прикладная эконометрика*. — 2016. — № 1 (41). — С. 24–46; *Айвазян С. А., Афанасьев М. Ю., Кудров А. В.* Модели производственного потенциала и оценки технологической эффективности регионов РФ с учетом структуры производства // *Экономика и математические методы*. — 2016. — Т. 52, № 1. — С. 28–44.

И. В. Данилова и ее коллеги — на социальной инфраструктуре территорий¹. К. С. Саблин с коллегами в большей мере затрагивает тему исследований регионов «ресурсного типа», основу экономики которых составляют экспорто-ориентированные отрасли и добывающие отрасли первого передела². Также вопросы экспорта и внешнеэкономической деятельности регионов поднимает в своих исследованиях Ю. Г. Мыслякова и ее коллеги³. Е. Ю. Баженова ориентирована на поиск экономической идентичности регионов и стратегий брендинга территорий⁴.

Иллюстрирование в рамках административно-территориального деления Российской Федерации пространственного распределения объемов научных публикаций ведущих российских авторов на основе анализируемой подборки из БД РИНЦ представлено на рис. 9⁵.

Более темным цветом на карте обозначены регионы, в вузах которых наиболее активно публикуют статьи по региональной экономике⁶.

Маркерами нанесены обозначения образовательных организаций, в которых наблюдается наибольшая публикационная активность в данной тематике. Большая доля таких учебных заведений располагается в Южном, Приволжском и Северо-Кавказском федеральных округах. Полный перечень вузов, авторы которых интенсивно публикуют научные труды по региональной экономике, представлен в табл. 9.

Лидером Уральского федерального округа по активности авторов вузов, публикующих научные статьи по региональной экономике, является Свердловская область, которую представляют два университета Екатеринбурга — Уральский государственный экономический университет и Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина.

¹ Антонюк В. С., Данилова И. В., Мительман С. А., Буликеева А. Ж. Управление социальной инфраструктурой регионов в системе инструментов повышения качества жизни населения регионов // Экономика региона. — 2015. — № 3 (43). — С. 53–66.

² Левин С. Н., Каган Е. С., Саблин К. С. Регионы «ресурсного типа» в современной российской экономике // Журнал институциональных исследований. — 2015. — Т. 7, № 3. — С. 92–101.

³ Мыслякова Ю. Г., Шамова Е. А. Генетический профиль промышленного региона: особенности, структура, коды // Вестник Самарского государственного экономического университета. — 2018. — № 9 (167). — С. 34–41; Масленников М. И., Андреева Е. Л., Мыслякова Ю. Г. Эволюция механизма управления внешнеэкономической деятельностью страны и регионов Урала // Вопросы управления. — 2018. — № 3 (52). — С. 49–59.

⁴ Баженова Е. Ю. Бренд территории: содержание, модели формирования, практика конструирования в российских регионах // Terra economicus. — 2013. — Т. 11, № 3-2. — С. 120–125.

⁵ Chandra Y. Mapping the evolution of entrepreneurship as a field of research (1990–2013): a scientometric analysis // PLoS ONE. — 2018. — Vol. 13, no. 1. — P. e0190228; Rotolo D., Rafols I., Hopkins M. M., Leydesdorff L. Strategic intelligence on emerging technologies: Scientometric overlay mapping // Journal of the association for information science and technology. — 2017. — Vol. 68, no. 1. — P. 214–233.

⁶ Sharifi A. Urban resilience assessment: mapping knowledge structure and trends // Sustainability (Switzerland). — 2020. — Vol. 12, no. 15. — Art. no. 5918; Majeed N., Ainin S. Visualizing the evolution and landscape of socio-economic impact research // Quality and quantity. — 2021. — Vol. 55, no. 2. — P. 637–659.

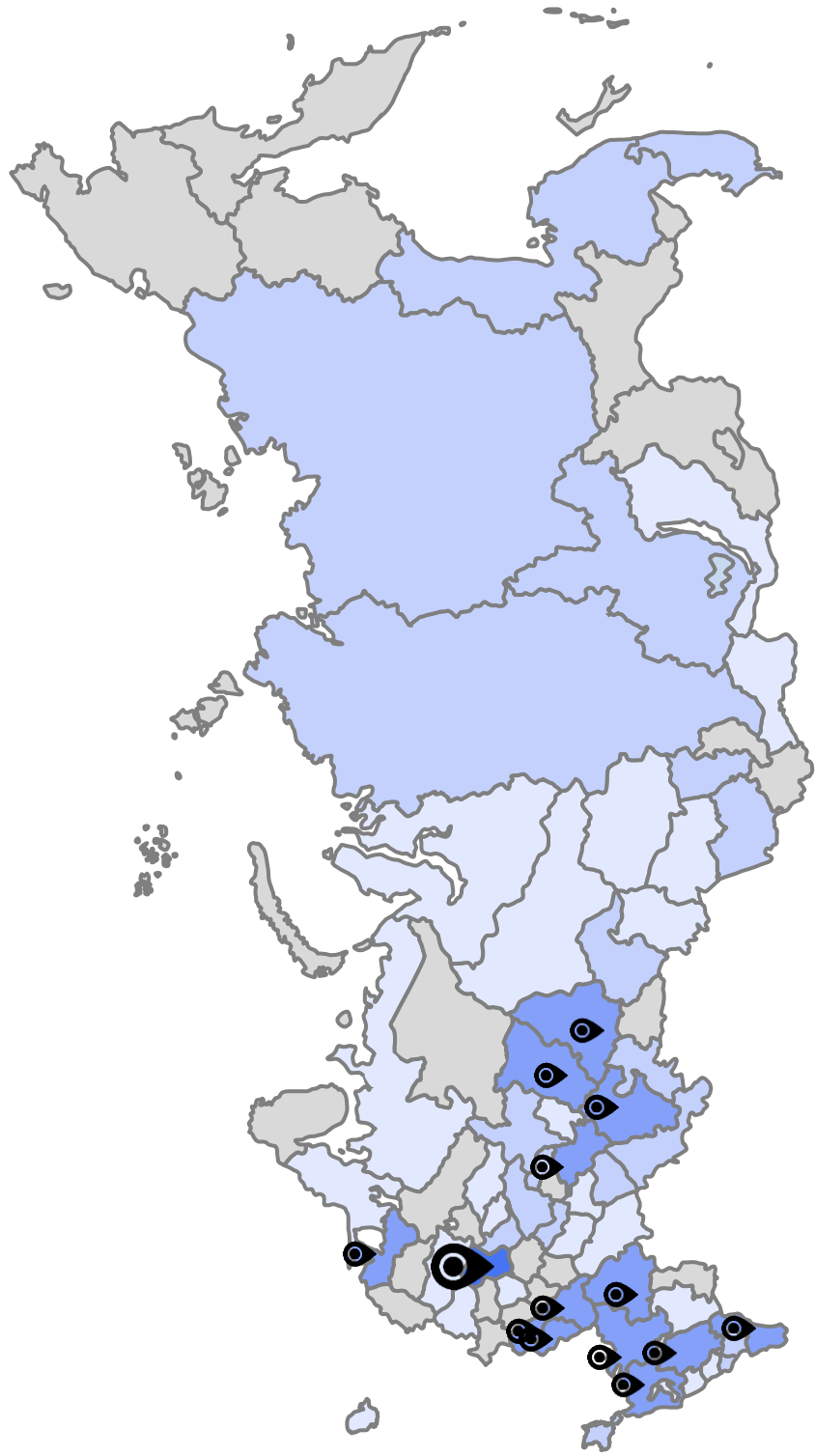

Рис. 9. Картирование пространственного распределения публикационной активности ведущих авторов РФ на основе анализируемой подборки из БД РИИЦ

**Перечень городов и вузов РФ,
являющихся лидерами по публикационной активности авторов РФ
на основе анализируемой подборки из БД РИНЦ**

Город	Высшее учебное заведение	Количество публикаций организации	Количество публикаций вузов города
Москва	Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ	537	3 304
	Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова	434	
	Финансовый университет при Правительстве РФ	422	
	Институт экономики УрО РАН	197	
	Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН	147	
	Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»	137	
	Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова	136	
	Другие	1 294	
Санкт-Петербург	Санкт-Петербургский государственный экономический университет	110	346
	Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого	81	
	Санкт-Петербургский государственный университет	70	
	Другие	85	
Ростов-на-Дону	Ростовский государственный экономический университет	132	343
	Южный федеральный университет	132	
	Другие	79	
Краснодар	Кубанский государственный университет	137	331
	Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина	88	
	Кубанский государственный технологический университет	77	
	Другие	29	
Волгоград	Волгоградский государственный университет	157	307
	Волгоградский государственный технический университет	71	
	Другие	79	
Махачкала	Дагестанский государственный университет	133	298
	Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН	106	
	Другие	59	
Казань	Казанский (Приволжский) федеральный университет	117	293
	Другие	176	
Воронеж	Воронежский государственный университет	151	254
	Другие	103	

Город	Высшее учебное заведение	Количество публикаций организации	Количество публикаций вузов города
Белгород	Белгородский государственный национальный исследовательский университет	127	204
	Другие	77	
Екатеринбург	Уральский государственный экономический университет	113	200
	Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина	87	
Уфа	Башкирский государственный университет	67	200
	Другие	133	
Ставрополь	Северо-Кавказский федеральный университет	125	185
	Другие	60	
Пермь	Пермский государственный национальный исследовательский университет	122	179
	Другие	57	
Курск	Юго-Западный государственный университет	119	147
	Другие	28	

Основной массив научных публикаций Уральского государственного экономического университета принадлежит кафедре региональной, муниципальной экономики и управления, которая считается первой выпускающей кафедрой в стране по данному профилю. Основателем кафедры является доктор географических наук, профессор Е. Г. Анимица, вошедший в перечень наиболее активных и цитируемых авторов РФ, публикующих научные статьи по региональной экономике в журналах из перечня ВАК.

Заключительным этапом стал наукометрический анализ перечня журналов, сформировавшегося на основе распределения публикаций из подборки (табл. 10). В качестве специальных обозначений в таблице применяется серая заливка поля строки, жирный шрифт и индикатор-стрелка **↑**.

Серым выделены журналы, которые попадают в топ-20 и по количеству статей, и по количеству цитирований этих статей. Жирным шрифтом обозначены наиболее значимые и сконцентрированные на подобных исследованиях журналы по ряду факторов. **↑** помечены журналы, в которых сконцентрированы самые цитируемые публикации из подборки.

Наукометрический анализ распределения публикаций из подборки по журналам позволил сделать выводы о специализации, востребованности и масштабе распространения на мировом уровне научных экономических журналов из перечня ВАК.

Стоит отметить, что только четверть вершины списка специализируются на региональных исследованиях. 20 % журналов имеют низкий импакт-фактор (меньше 0,3) и, предположительно, попали в список ввиду простоты процесса опубликования.

Таблица 10

Распределение журналов по количеству публикаций из подборки

№ п/п	Журнал	Количество публикаций	Общее число публикаций в журнале	Доля, %	Период выпуска	Год опубликования первой статьи из исследуемой подборки	Индексация	Показатель журнала в рейтинге Science Index 2021	Двулетний импакт-фактор РИНЦ 2021	Двулетний импакт-фактор РИНЦ без самоцитирования 2021
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1	Региональная экономика: теория и практика	991	5 298	19	2003–...	2003	РИНЦ, Перечень ВАК РФ	1,388	0,653	0,597 (–9 %)
2	Экономика региона	203	2 128	10	2005–...	2005	РИНЦ, Ядро РИНЦ, Перечень ВАК РФ, Web of Science, Scopus	8,079	3,732	3,505 (–6 %)
3	Регион: экономика и социология	121	1 374	9	1993–...	1999	РИНЦ, Перечень ВАК РФ, RSCI, Scopus	0,958	0,902	0,848 (–6 %)
4	Регион: системы, экономика, управление	120	1 465	8	2008–...	2008	РИНЦ, Перечень ВАК РФ	0,296	0,754	0,663 (–12 %)
5	Региональные проблемы преобразования экономики	199	2 941	7	2004–...	2007	РИНЦ, Перечень ВАК РФ	0,107	0,415	0,295 (–29 %)
6	Вестник Института дружбы народов Кавказа (Теория экономики и управления народным хозяйством). Экономические науки	102	1 411	7	2007–...	2007	РИНЦ, Перечень ВАК РФ	0,021	0,105	0,072 (–31 %)

Продолжение табл. 10

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
7 ↑	Национальные интересы: приоритеты и безопасность	213	3 999	5	2005-...	2006	РИНЦ. Перечень ВАК РФ	0,826	0,715	0,573 (-20 %)
8	Экономика и управление	163	4 055	4	1995-...	2006	РИНЦ. Перечень ВАК РФ	0,393	0,58	0,523 (-10 %)
9	Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки	134	3 007	4	2012-2021	2006	РИНЦ. Перечень ВАК РФ	1,69	1,321	1,094 (-17 %)
10 ↑	Tetra economicus	106	2 511	4	2009-...	2009	РИНЦ. Ядро РИНЦ. Перечень ВАК РФ. Web of Science. Scopus	3,564	2,449	2,295 (-6 %)
11	Финансы и кредит	245	7 944	3	1995-...	2000	РИНЦ. Перечень ВАК РФ	1	0,429	0,429
12	Экономический анализ: теория и практика	138	4 703	3	2002-...	2005	РИНЦ. Перечень ВАК РФ	0,812	0,848	0,708 (-17 %)
13	Экономика: вчера, сегодня, завтра	99	3 255	3	2011-...	2012	РИНЦ. Перечень ВАК РФ	0,059	0,521	0,299 (-43 %)
14	Экономика и предпринимательство	719	38 392	2	2007-...	2009	РИНЦ. Перечень ВАК РФ	0,048	0,266	0,196 (-26 %)

Окончание табл. 10

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
15	Экономические науки	193	8 243	2	1999-...	2000	РИНЦ. Перечень ВАК РФ	0,059	0,399	0,25 (-37 %)
16	Инновации и инвестиции	151	7 267	2	2004-...	2007	РИНЦ. Перечень ВАК РФ	0,566	0,548	0,519 (-5 %)
17	Фундаментальные исследования	290	19 677	1	2003-...	2004	РИНЦ. Перечень ВАК РФ	1,957	0,674	0,617 (-8 %)
18	Экономика и управление: проблемы, решения	115	7 780	1	2011-...	2013	РИНЦ. Перечень ВАК РФ	0,056	0,295	0,198 (-33 %)
19	Вестник университета	114	10 902	1	2000-...	2006	РИНЦ. Перечень ВАК РФ	1,767	1,029	0,968 (-6 %)
20	Проблемы современной экономики	107	7 190	1	2002-...	2006	РИНЦ. Перечень ВАК РФ	0,114	0,267	0,168 (-37 %)
	<i>Среднее геометрическое</i>	<i>176</i>	<i>4 780</i>	<i>3</i>	<i>2004</i>	<i>2006</i>		<i>0,400</i>	<i>0,600</i>	<i>0,5</i>
	<i>Среднее арифметическое</i>	<i>226</i>	<i>7 177</i>	<i>5</i>	<i>2004</i>	<i>2006</i>		<i>1,200</i>	<i>0,800</i>	<i>0,7</i>
	<i>Медиана</i>	<i>145</i>	<i>4 379</i>	<i>4</i>	<i>2004</i>	<i>2006</i>		<i>0,700</i>	<i>0,600</i>	<i>0,5</i>

Уровень охвата мирового научного сообщества российскими публикациями по региональной экономике нельзя назвать значительным. Только 15 % научных журналов входят в ядро РИНЦ, в том числе индексируясь в МНБД. Следовательно, в большей мере исследования по региональной экономике в России остаются на национальном уровне.

Четверть списка журналов имеют большую разницу между импакт-фактором с учетом самоцитирования и импакт-фактором без самоцитирования, что ставит «престижность» опубликования в подобных журналах ВАК под сомнение.

В 45 % журналов региональные исследования появились в первых выпусках с момента основания журнала, у остальных — через 3,5–4,5 года в среднем, что также дифференцирует журналы из выборки.

Отдельно стоит отметить, что в вершину списка входят журналы, выпускающие научные статьи более 18 лет, что также повлияло на количество публикаций, но при этом не является фактором актуальности и востребованности журналов среди современного научного сообщества.

По соотношению количества публикаций и их цитируемости из подборки первых 20 журналов совпадают 60 % журналов. Также в топ-20 исключительно по цитируемости (не количеству) публикаций попадают журналы, которые необходимо упомянуть (табл. 11).

При анализе распределения наиболее цитируемых публикаций (в нашем случае это 3,5 % от общего массива статей с объемом цитирования от 30 до 216 ед.) по журналам выяснилось, что лишь половина топ-20 соотносится с табл. 8. Ряд журналов не вошли в табл. 10 из-за количества публикаций, но включают наиболее цитируемые публикации и должны быть отмечены (табл. 12).

Наиболее активно за период с 2017 по 2022 г. включительно публикуются подобные исследования в журналах, представленных в табл. 13 (за исключением тех, какие упоминались выше).

Общая наукометрическая оценка публикаций по региональной экономике еще раз доказывает нарастающую актуальность и востребованность данного научного направления. Применение методов поиска вложенных научных тематик и последующий ретроспективный анализ позволили сделать выводы о тематическом разнообразии публикаций по региональной экономике и оперативной реакции российского научного общества на вызовы современных реалий. Одновременно с этим необходимо отметить высокую дифференцируемость авторов по авторитетности и наличию актуальных и фундаментальных исследований. Предложено пространственное представление о российских вузах, являющихся лидерами по публикационной активности авторов, которое отражает концентрацию источников научных знаний о региональной экономике в европейской части страны, в большей мере коррелирующую с территориальным распределением университетов — участников программы Министерства науки и высшего образования Российской Федерации «Приоритет 2030».

**Распределение журналов по количеству цитирований на публикации из подборки
(за исключением дублированных из табл. 10)**

№ п/п	Журнал	Количество публикаций	Общее число публикаций в журнале	Доля, %	Период выпуска	Год опубликования первой статьи из исследуемой подборки	Индексация	Показатель журнала в рейтинге Science Index 2021	Двухлетний импакт-фактор РИНЦ	
									2021	2021
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1	Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент	76	1 354	7	2011–...	2012	РИНЦ, Перечень ВАК РФ	0,280	0,898	0,71 (-21 %)
2	Экономика устойчивого развития	86	22 31	4	2010–...	2011	РИНЦ, Перечень ВАК РФ	0,194	0,346	0,346
3	Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз	59	1 563	4	2008–...	2009	РИНЦ, Перечень ВАК РФ, Web of Science	3,818	2,512	2,297 (-9 %)
4	Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права	73	2 233	3	2011–...	2011	РИНЦ, Перечень ВАК РФ	0,055	0,283	0,194 (-3 %)
5	Азимут научных исследований: экономика и управление	68	2 451	3	2012–...	2014	РИНЦ, Перечень ВАК РФ	0,742	0,719	0,709 (-1 %)
6	Бизнес. Образование. Право	76	3 392	2	2009–...	2010	РИНЦ, Перечень ВАК РФ	0,243	0,264	0,241 (-9 %)
7	Вестник Академии знаний	51	2 269	2	2012–...	2013	РИНЦ, Перечень ВАК РФ	0,316	0,799	0,67 (-16 %)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
8	Финансовая экономика	67	6 657	1	2009–...	2009	РИНЦ. Перечень ВАК РФ	—	—	—
	<i>Среднее геометрическое</i>	69	2 456	3	2010	2011		0,4	0,6	0,5
	<i>Среднее арифметическое</i>	70	2769	3	2010	2011		0,8	0,8	0,7
	<i>Медиана</i>	71	2 251	3	2011	2011		0,3	0,7	0,7

Таблица 12

Распределение журналов по вхождению наиболее цитируемых публикаций из подборки

№ п/п	Журнал	Количество публикаций	Общее число публикаций в журнале	Доля, %	Период выпуска	Год опубликования первой статьи из исследуемой подборки	Индексация	Показатель журнала в рейтинге Science Index 2021	Двуухлетний импакт-фактор РИНЦ 2021	Двуухлетний импакт-фактор РИНЦ без самоцитирования 2021
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1	Региональные исследования	84	937	9	2002–...	2002	РИНЦ. Перечень ВАК РФ	1,477	2,025	1,862 (–8 %)
2	Пространственная экономика	83	894	9	2005–...	2005	РИНЦ. Перечень ВАК РФ. RSCI. Scopus	3,241	3,439	3,197 (–7 %)
3	Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз	59	1563	4	2008–...	2009	РИНЦ. Перечень ВАК РФ. Web of Science	3,818	2,512	2,297 (–9 %)

Продолжение табл. 12

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
4	ЭКО	67	3320	2	1970–...	1997	РИНЦ. Перечень ВАК РФ. RSCI	1,109	1,294	1,160 (-10 %)
5	Инновации	64	4061	2	1996–...	2005	РИНЦ. Перечень ВАК РФ	1,070	–	–
6	Проблемы прогнозирования	52	2082	2	1991–...	2000	РИНЦ. Перечень ВАК РФ. Scopus	2,991	2,056	1,922 (-7 %)
7	Университетское управление: практика и анализ	31	1585	2	1997–...	1997	РИНЦ. Перечень ВАК РФ. RSCI	2,547	1,843	1,719 (-7 %)
8	Журнал Новой экономической ассоциации	18	823	2	2009–...	2009	РИНЦ. Перечень ВАК РФ. RSCI. Scopus. Web of science	4,522	1,860	1,817 (-2 %)
9	Вопросы экономики	35	2772	1	1929–...	2003	РИНЦ. Перечень ВАК РФ. RSCI. Scopus	7,726	4,690	4,495 (-4 %)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
10	Российский экономический журнал	15	1271	1	1992–...	2006	РИНЦ. Перечень ВАК РФ. RSCI	0,382	1,443	1,148 (-20 %)
	<i>Среднее геометрическое</i>	44	1 670	3	1990	2003		1,477	2,2	2,0
	<i>Среднее арифметическое</i>	51	1 931	4	1990	2003		3,241	2,4	2,2
	<i>Медиана</i>	56	1 574	2	1997	2004		0,382	2,0	1,9

Таблица 13

**Распределение журналов по количеству публикаций за последние пять лет из подборки
(за исключением журналов из табл. 10–12)**

№ п/п	Журнал	Количество публикаций	Общее число публикаций в журнале	Доля, %	Период выпуска	Год опубликования первой статьи из исследуемой подборки	Индексация	Показатель журнала в рейтинге Science Index 2021	Двухлетний импакт-фактор РИНЦ 2021	Двухлетний импакт-фактор РИНЦ без самоцитирования 2021
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1	Региональная экономика. Юг России	80	632	12	2013–...	2013	РИНЦ. Перечень ВАК РФ	0,323	0,799	0,676 (-15 %)
2	Вестник Алтайской академии экономики и права	91	3 404	3	1997–...	2010	РИНЦ. Перечень ВАК РФ	0,635	0,633	0,594 (-6 %)
3	Московский экономический журнал	55	3 887	1	2015–...	2016	РИНЦ. Перечень ВАК РФ	0,296	0,496	0,419 (-16 %)
	<i>Среднее геометрическое</i>	74	2 030	3	2008	2013		0,4	0,6	0,6
	<i>Среднее арифметическое</i>	75	2 641	5	2008	2013		0,4	0,6	0,6
	<i>Медиана</i>	80	3 404	3	2013	2013		0,3	0,6	0,6

Журнальная наукометрическая оценка позволяет сделать вывод о широком выборе источников для опубликования материалов, различных по метрическим данным, наличию индексации в МНБД и другим показателям. Рынку российских экономических журналов ВАК присущи нормальное распределение цитирований и свободная конкуренция, поэтому не существует искусственных барьеров для опубликования материалов в области региональной экономики. Основываясь на стремительной эволюции исследований в сфере региональной экономики, интеллектуальной обеспеченности и журнальной базы, мы видим высокую перспективность развития данной научной отрасли в Российской Федерации в будущем.

ГЛАВА 2

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К РЕГИОНУ КАК ОБЪЕКТУ ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

2.1. Регион в координатах концепции «регион-социум» и духовно-нравственных императивов

В последнее время социально-экономический дискурс характеризуется пристальным вниманием ученых и государственных органов власти и управления к проблемам развития регионов. Можно утверждать, что в условиях современной действительности, характеризующейся усилением в обществе турбулентных процессов, в ситуации новейших санкционных вызовов указанная проблема приобрела особую значимость.

Развитие региональной экономики как науки происходит по нескольким направлениям, в частности, за счет расширения и углубления содержания объекта исследования, включая новые парадигмы и концепции регионального развития, а также введения в орбиту влияния региональной экономики новых пластов знаний.

Понятием «регион» оперируют не только ученые по региональной экономике, но и множество специалистов естественных, экономических, гуманитарных и социальных наук. Учитывая центральность (базовость) понятия «регион» во многих естественных и общественных науках, его многоаспектное звучание, недостаточную концептуализацию, многообразие точек зрения и концепций, обоснуем свое отношение к сущностно-содержательным характеристикам региона с позиций концепции «регион-социум», в том числе в контексте духовно-нравственной парадигмы. Исходя из целевых установок данной работы наиболее логичным видится исследование региона в экономическом пространстве страны через призму концепции «регион-социум». К нему можно присоединить и другие многочисленные сопряженные концепции — «регион-квазигосударство», «регион-корпорация», «регион-рынок», регион

как научная субстанция, регион как система, регион как административно-территориальная единица, регион как объект управления, регион как первичное звено территориальной формы общественного производства, регион как целостное территориальное образование, регион как субъект Российской Федерации, регион как подсистема информационного общества и др.

Теоретические основания. Теоретической основой послужили воззрения отечественных и зарубежных экономистов, посвященные особенностям трактовки понятия «регион».

Регион — базовый институт региональной экономики, и к нему с полным правом, по аналогии, можно отнести сентенцию Дугласа Норта, одного из лидеров новой институциональной экономической теории: «Институты имеют значение»¹. Район (регион) длительное время рассматривался через призму неоклассической экономической теории, и в качестве факторов развития исследовались ресурсы, труд, капитал как на региональном, так и на микроэкономическом уровне. Некоторые авторы представляли регион с позиций марксизма.

В нынешних условиях основополагающее значение приобретает раскрытие сущностно-содержательных характеристик понятия «регион» с позиций философии хозяйства, трактующей хозяйство как сложную природно-социальную систему, формирующей ту или иную хозяйственную идеологию для жизнедеятельности индивидуума, для жизни самого человека, национально-культурно-пространственно обусловленную².

Как считает Е. Г. Анимца, «регион существует не как простая данность: он идентифицируется, воспринимается, проецируется, трактуется, разворачивается и сжимается в науках по-разному, в зависимости от целевых установок исследователя»³, а также стратегического направления и задач развития того или иного региона. Как справедливо замечают А. Н. Асаул, Г. Ф. Балакина, М. К. Соян, «изучение региона с позиции конкретной теоретической базы устраняет беспорядочность в понятийно-терминологической системе, делает исследование более выдержанным и целенаправленным, так как выбранная парадигма региона предопределяет использование конкретного теоретико-методологического подхода, понятийно-терминологического аппарата и инструментов исследования»⁴.

Ф. Бродель, один из крупнейших историков XX века, писал, что регион — это аналог особого «мира» с четко очерченными индивидуализированными пространственными границами, придающими ему целостность, определенный смысл, с неким господствующим центром (городом), беспрестанно соперничающим с другими городами, обладающим едиными временными ритмами,

¹ North D. C. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1990. — 153 p.

² Осипов Ю. М. *Время философии хозяйства: в 3 кн. с прил.* — М.: Экономистъ, 2003. — С. 380.

³ Анимца Е. Г. *Региональное управление*. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2010. — С. 23–24.

⁴ Асаул А. Н., Балакина Г. Ф., Соян М. К. *Современные парадигмы региональной экономики // Проблемы современной экономики*. — 2013. — № 4 (48). — С. 257–260.

с присущим только ему (региону) менталитетом, образом мышления, традициями, мировоззрением и мироощущением¹.

Между тем следует подчеркнуть, что регион неразрывно связан и взаимодействует с национальным и даже мировым хозяйством. Еще академик Н. Н. Баранский, заложивший научные основы отечественной экономической географии, писал: «Отношения между понятиями „мировое хозяйство“, „народное хозяйство“, „экономический район“ надо мыслить диалектически, в порядке отношений между целым и частью. Всякое изменение целого — качественное или количественное — не может не отразиться так или иначе на каждой из его частей, а с другой стороны, изменения в каждой отдельной части не могут не сказаться и на целом. Механизмом, передающим эти изменения, является опять-таки система географического разделения труда»². Среди многочисленных топологических свойств и имманентных признаков и атрибутов конкретного региона (в частности, объективность, устойчивость, саморазвитие) особо выделим *полисемию*, означающую, что любому региону присущи многозначность внутренней структуры, разнообразие сущностных характеристик, многообразие пространственных форм организации³.

Исходя из этой концептуальной установки, под регионом-социумом в наиболее общем виде следует понимать относительно самостоятельную, целостную в социокультурном, хозяйственно-экономическом и административно-политическом отношении территорию, в границах которой протекают, взаимодействуют, взаимопереплетаются социальные, культурные, конфессиональные, политические, экономические и иные процессы функционирования социума, синтез которых обеспечивает зарождение социальных институтов, социальных принципов и норм поведения и контроля, что в итоге способствует становлению уникальных характеристик региона, позволяющих выделить его среди других территорий.

Как следует из вышеизложенного, помимо экономических вопросов, предлагаемый подход включает культурные, образовательные, медицинские, социально-психологические, политико-общественные и иные стороны жизни регионального социума, синтезу которых региональная наука с самого начала своего формирования уделяла пристальное внимание. Учитывая, что различные парадигмы региона не являются взаимоисключающими, в рамках трактовки «регион-социум» сочетаются и другие интерпретации региона, в частности, как квазигосударства, как квазикорпорации, «регион-рынок» и иные концепции, по-разному отражающие особенности действия социально-экономических законов и практических форм их реализации в региональных воспроизводственных процессах.

¹ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.: пер. с фр. — 2-е изд. — М.: Весь мир, 2007. — Т. 3: Время мира. — С. 2–26.

² Баранский Н. Н. Избранные труды. Становление советской экономической географии. — М.: Мысль, 1980. — С. 126–127.

³ Регион в новой парадигме пространственной организации России / под общ. ред. А. И. Татаркина. — М.: Экономика, 2007. — С. 67–68.

Наряду с частичной мобилизацией в вооруженные силы РФ нужна еще и экономическая мобилизация, т. е. концентрация ресурсов на развитие стратегически важных отраслей, выстраивание нормальных отношений властных структур с промышленностью, оптимизация налоговой, бюджетной, таможенной системы, гарантия гражданам реального прожиточного минимума, что в итоге даст заметный импульс процессам преобразования хозяйства регионов и муниципальных образований.

Эвристический потенциал понятия «регион-социум». Рассмотрение конструкта «регион» в качестве социума в нашей трактовке гораздо шире, чем содержание других парадигм региона, ибо она вовлекает в поле зрения многообразные вопросы духовно-нравственной жизни, что позволяет в полной мере реализовать социально-центричную концепцию регионального развития, создает реальную почву для укоренения социальных институтов и институций¹.

В Декларации по регионализму в Европе (1996 г.), сформулированной Ассамблеей регионов Европы, при определении региона также сделан акцент на самобытность, на социальные, социологические и политические критерии его выделения, на социально-территориальную общность населения: «регион представляет собой выражение отличительной политической самобытности, которая может принимать самые различные политические формы, отражающие демократическую волю каждого региона принимать ту форму политической организации, которую он сочтет предпочтительной. Регион сам избирает свое руководство и устанавливает знаки различия его представительства»².

Как пишут крымские ученые Н. В. Апатова и К. В. Авдеева, подход «к региону как социуму позволяет исследовать институциональные факторы, такие как систему власти, культурные традиции, местную законодательную базу, а также воспроизводство и размещение трудовых ресурсов, здравоохранение и образование»³.

В конце XX — начале XXI века в индустриально развитых странах стандартные теории регионального экономического роста сместились с природных и экономических факторов на социальные. Всемирный банк еще в 1991 г. провозглашал, что экономический рост в мировом и региональном масштабе «включает в себя, в частности, лучшее образование, питание, здравоохранение, сокращение масштабов нищеты, оздоровление окружающей среды, равен-

¹ *Куклински Э.* Региональное развитие — начало поворотного этапа // Региональное развитие и сотрудничество. — 1997. — Нулевой выпуск. — С. 3–7; *Гранберг А. Г.* Основы региональной экономики. — М.: ГУ ВШЭ, 2000. — С. 83–84; *Маслаков В. В., Зубков К. И., Пленкин В. Ю.* Модель региона-квазикорпорации // Регион: экономика и социология. — 2000. — № 2. — С. 17–36; *Господарчук Г. Г.* Развитие регионов на основе финансовой интеграции. — М.: Финансы и статистика, 2006. — С. 17–60.

² *Декларация по регионализму в Европе.* Принята 4 декабря 1996 г. в Базеле Ассамблеей Регионов Европы (АРЕ). — Ст. 1. п. 4.

³ *Апатова Н. В., Авдеева К. В.* Регион как объект управления и анализа // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. — 2017. — № 1. — С. 108.

ство возможностей, расширение личной свободы и более насыщенную культурную жизнь»¹.

Нобелевский лауреат по экономике П. Кругман и его коллеги М. Фуджита, А. Венаблес в рамках «новой экономической географии» среди конкурентных преимуществ регионов наряду с факторами «первой природы» (геоэкономическое положение, богатство природных ресурсов) выделяют факторы «второй природы» (человеческий капитал, институты), которые играют ключевую роль в модернизации экономики регионов².

Исследование региона на основе парадигмы социума, который вмещает в себе множество условий воспроизводства общественной жизни на данной территории, делает эту парадигму, как отмечает донецкий исследователь Д. В. Василенко, весьма значимой в контексте сохранения и наращивания трудового, культурного, этнического и других видов потенциалов³. В рамках регионального социума деятельность и поведение составляющих его социальных групп и индивидов регулируется не только юридическими законами и корпоративными установками, но и нормами, закрепленными обычаями, традициями, имеющими силу морального долженствования, передающимися от поколения к поколению и сохраняющимися в течение длительного времени в новых исторических условиях.

Основным субъектом и объектом региона-социума выступает человек, объединенный в социальные общности и вступающий в социальные отношения с другими людьми. Поэтому человека, живущего в конкретном регионе, следует рассматривать одновременно и как главного производителя товаров и услуг, и как их потребителя с растущими интересами и запросами, предъявляющего свои требования к условиям и качеству жизни. Регион в данном случае представляет собой сложную пространственно-организованную форму жизнедеятельности социума, с функциями, обеспечивающими его развитие и управление⁴.

Особенности региона-социума. Регионы страны в настоящее время представляют собой не только административно-территориальные единицы, объединенные геоэкономическим положением, общим центром политико-административного управления, они также обладают социокультурной целост-

¹ *World Development Report 1991: the challenge of development.* — New York: Oxford University Press, 1991. — 290 p.

² *World development report 2009: reshaping economic geography.* — Washington, DC: World Bank, 2009. — URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/5991> (дата обращения: 15.02.2021); *Fujita M., Krugman P.* The new economic geography: past, present and the future // *Papers in regional science.* — 2004. — Vol. 83, no. 1. — P. 139–164; *Fujita M., Krugman P. R., Venables A. J.* The spatial economy: cities, regions, and international trade. — Boston: MIT Press, 2001. — 380 p.; *Krugman P.* First nature, second nature, and metropolitan location // *Journal of regional science.* — 1993. — Vol. 33, no. 2. — P. 129–144.

³ *Василенко Д. В.* Научная система представлений о регионе // *Вестник Кемеровского государственного университета.* Серия: Политические, социологические и экономические науки. — 2018. — № 3. — С. 83.

⁴ *Барбаков О. М.* Регион как объект управления // *Социологические исследования.* — 2002. — № 7. — С. 96–100.

ностью, обусловленной единым социокультурным пространством России. На современном этапе развития страны регион выступает в качестве относительно самостоятельного экономического субъекта, способного в пределах собственных административных границ осуществлять самые разнообразные воспроизводственные процессы.

Г. А. Аванесова и О. Н. Астафьева утверждают, что понимание региона связывается с некой «пространственно-территориальной целостностью, единством и взаимодействием выделенных по некоторым основаниям составных частей. Регион может означать природно-климатическую зону, географическую территорию, административную единицу внутригосударственного членения, межгосударственную территорию, выступающую сферой приложения усилий ряда стран, хозяйственный или хозяйственно-экологический район, историко-культурную местность и др.»¹.

Вместе с тем важнейшая особенность региона-социума заключается в его потребности в саморазвивающемся работнике с особыми духовно-нравственными личностными качествами. Здесь особую экономическую ценность представляют такие качественные характеристики субъективного фактора производственной деятельности, как: квалификация, знания, умения, навыки, совесть, сострадание, интеллектуальные способности, активность, коммуникабельность и др. Некоторые ученые выделяют такие ценностно-смысловые качества и характеристики жителей региона, как «стратификационный и национальный состав населения, традиции, этнолингвистические особенности, образ жизни и т. д.»². В регионе «экономический человек» (*homo economicus*)³ со своим технократическим воззрением, рациональным выбором и экономически рациональным поведением по мере общественного развития и обновления обретает многие виды нематериальной деятельности, подчиненные не рациональному выбору, а традициям, нормам и обычаям.

Подход к региону как к социуму выдвигает на передний план исследование его территориальной социальной структуры, социальных связей и отношений, социальных институтов и процессов, социальных общностей, воспроизводство социальной жизни — «населения, трудовых ресурсов, образования, здравоохранения, культуры, развитие системы расселения и т. п.»⁴. Каждый человек включен в процессы, происходящие на территории региона, которым иногда тысячи лет. Многие поколения людей строили в конкретных местах региона города или села, создавали и развивали самобытные ремесла, обустроивали новые торговые пути, развивали свои традиции в самом широком смысле этого слова. Разнообразие культур, обычаев, образов жизни, установок, ценно-

¹ Аванесова Г. А., Астафьева О. Н. Социокультурное развитие российских регионов: механизмы самоорганизации и региональная политика. — М.: Изд-во РАГС, 2001. — С. 105.

² Туровский Р. Ф. Культурные ландшафты России. — М.: Рос. НИИ культ. и природ. наследия, 1998. — С. 60.

³ Автономов В. С. Модель человека в экономической науке. — СПб.: Экономическая школа, 1998. — 230 с.

⁴ Скульмовская Л. Г. Регион как источник разнонаправленного развития социальных общностей // Известия Уральского государственного университета. — 2005. — № 34. — С. 127–137.

стей формирует локальные и региональные особенности, создает «дух территорий». В частности, Л. О. Терновая предлагает рассматривать Крым в контексте «Гений места» («дух места» — калька с лат. *genius loci*), представляющем собой «уникальную геопоэтическую модель мира, которая придает силу геополитическим проектам, связанным с полуостровом»¹. Самобытность, уникальность регионов все более востребуются обществом, превращается в важнейший нематериальный актив, который должен быть в конце концов капитализирован.

Уникальность региона может служить основой для разработки территориальных брендов, культурной и иной символики². Исключительность территории является отличным стимулом для развития предпринимательства, в первую очередь малого и среднего. Это источник экономического роста, что в конечном итоге ведет к росту благосостояния народа, повышению качества жизни каждого индивида. Продвижение регионов имеет непосредственное отношение к их участию в международных культурных обменах и в целом к повышению вклада регионов в развитие международных связей нашей страны³.

Рост качественных требований к «экономическому человеку» с позиций его общественной ценности и роли в экономике, в том числе и региональной, рассмотрение его в контексте концепции «регион-социум», приводит к необходимости выделения понятия «человеческий капитал». Как считал Нобелевский лауреат по экономике Г. Беккер, человеческий капитал — это имеющийся у каждого человека запас знаний, навыков, традиций, мотиваций⁴. Главная особенность человеческого капитала заключается в неотделимости от личности своего носителя. По мнению Ю. Г. Быченко и Л. В. Логиновой, «человеческий капитал представляет собой кооперацию и комбинацию совокупных человеческих капиталов общества, реально задействованных в индивидуальных хозяйствах, на предприятиях и в организациях, образующих единый хозяйственный комплекс сообщества»⁵. На человеческий капитал, сформировавшийся в регионе, усиленно влияют генетические факторы — сложившаяся в регионе структура экономики, степень освоенности территории, демографическая ситуация, особенности институтов и институций, мобильность населения и т. п.⁶

¹ Терновая Л. О. Гений места Крыма: единство геопоэтики и геополитики. — М.: Город XXI века, 2017. — 224 с.

² Зырянов А. И. Формула места // Региональные исследования. — 2013. — № 2 (40). — С. 20–24.

³ Рябова Л. А. Регион как социум-участник глобализации: о выборе парадигмы региона при формировании собственной политики развития субъектами РФ // Север и рынок: формирование экономического порядка. — 2010. — № 2 (26). — С. 35–42.

⁴ Беккер Г. С. Человеческое поведение: экономический подход; пер. с англ. — М.: ГУ ВШЭ, 2003. — 672 с.; Becker G. S. Human capital: a theoretical and empirical analysis with special reference to education. — Chicago: University of Chicago Press, 1993. — 412 p.

⁵ Быченко Ю. Г., Логинова Л. В. Социализация экономики в России: проблемы и перспективы // Вестник Саратовского государственного технического университета. — 2009. — Т. 1, № 1 (37). — С. 262–272.

⁶ Зубаревич Н. В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. — М.: Изд-во ЛКИ, 2007. — С. 35.

С духовно-нравственной парадигмой регионального развития и тем более в связи с концепцией «социум-регион» органически связаны теория и практика формирования *социального капитала*. Именно социальный капитал ввиду исчерпания традиционных источников энергии становится важным ресурсом экономического развития и повышения качества жизни на территории региона.

Концепция социального капитала по существу является антиподом концепции индивидуализма с присущими только человеку навыками и знаниями. П. Бурдье, который впервые предложил научную модель социального капитала, определял его как «совокупность актуальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием прочными сетями связей, более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания»¹. По мнению американского исследователя Ф. Фукуямы, охарактеризовать социальный капитал можно как совокупность правил поведения, не зафиксированных формально, но понятных и соблюдаемых всеми, кто находится в социальной группе². Стержнем социального капитала Ф. Фукуяма считал *доверие*³.

Профессор Р. М. Нуреев и его коллега О. В. Нифаева рассматривают социальный капитал как институционально-этическую категорию, которую образуют связи и соглашения индивидов, соотносимые с такими их морально-нравственными качествами, как честность, доверие, гуманность, справедливость, ответственность, патриотизм, и способствующие справедливому распределению материальных и нематериальных благ, формированию долгосрочных взаимовыгодных отношений, согласованию интересов индивидов в рамках национальных интересов⁴. Учитывая, что социальный капитал не может априори находиться в исключительной собственности отдельного человека и не отделим от него, создается индивидами для достижения собственных целей, в то же время его следует рассматривать и использовать как общественное благо, принадлежащее всему региональному социуму, как ресурс развития региона. Социальный капитал в регионе — это капитал, который возникает и увеличивается посредством взаимодействия участников социальных связей в региональном социуме и образует основу для коллективных действий. В целом, социальный капитал, как справедливо считает профессор Н. Д. Гуськова, «обладает способностью к накоплению, ликвидностью, конвертируемостью, способно-

¹ Бурдье П. Социология социального пространства: пер. с фр. — М.: Ин-т экспериментальной социологии, 2005. — С. 59.

² Фукуяма Ф. Социальный капитал // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. — М.: МШПИ, 2002. — С. 129–148.

³ Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: пер. с англ. — М.: АСТ, 2004. — 730 с.

⁴ Нуреев Р. М., Нифаева О. В. Этические факторы повышения социального капитала в России // Journal of economic regulation (Вопросы регулирования экономики). — 2016. — Т. 7, № 2. — С. 22.

стью к самовозрастанию»¹ и как следствие обеспечивает рост человеческого капитала в регионе, усиливает его конкурентные преимущества.

Духовно-нравственная парадигма и формирование санаторно-курортного комплекса региона. Роль влияния компонентов духовно-нравственной парадигмы на развитие региона можно проследить на примере формирования санаторно-курортного комплекса в Крыму, имеющего всероссийское значение и являющегося «точкой роста» региона.

Санаторно-курортная деятельность в республике Крым скрепляется разнообразными местными ресурсами, правилами, нормами, обычаями, традициями, нравственными обстоятельствами, которые в совокупности и формируют указанный комплекс региона².

В зарождении и становлении курортно-санаторного дела в Крыму особое место принадлежит *благодетельной деятельности*, понимаемой как намеренные добровольные действия, совершаемые отдельными лицами или организациями безвозмездно, средствами, отвечающими положительным требованиям нравственности, и по моральным мотивам.

Крым в силу уникальности своего экономико-географического положения, специфики природных ресурсов и условий оказался одним из немногочисленных регионов России, где представители предпринимательского сообщества стали активно вкладывать свои материальные и финансовые средства в зарождение и развитие курортного дела. Не случайно именно на Крымском полуострове начиная со второй половины XIX века благотворительность русских предпринимателей, а также государства в лице членов императорской фамилии, представителей аристократии и высшего чиновничества приобрела наиболее широкие масштабы.

Да и само понятие «благотворительность» стало активно использоваться в лексиконе во второй половине XIX века. Профессор С. Г. Зубанова так характеризует феномен благотворительности: «XIX век поистине считается периодом расцвета отечественной благотворительности, когда широта русской души развернулась во всей многогранности форм проявления любви к ближнему. Благотворительностью и социальным служением занимались все: и члены императорской семьи, и небогатый церковный приход. Христианские заповеди милосердия способствовали появлению частных благотворительных организаций и государственных филантропических заведений. Благотворительная, социальная деятельность были делом совести и стремлением к покаянию, осознанием невозможности жить в роскоши, когда рядом находились нуждающиеся в помощи люди»³.

¹ Гуськова Н. Д., Ключева А. П. Современные теории социального капитала // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. — 2012. — № 2 (22). — С. 152–160.

² *Туристско-рекреационный ресурсный потенциал Республики Крым и г. Севастополь* / под ред. И. М. Яковенко. — Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2015. — 408 с.; *Анализ тенденций социально-экономического развития Республики Крым* / Ю. П. Майданевич, В. А. Василенко, С. Г. Черемисина и др.; под ред. Ю. П. Майданевич. — Симферополь: Полипринт, 2019. — 362 с.

³ Зубанова С. Г. Благотворительность и социальное служение женщин в дореволюционной России // Теория и практика общественного развития. — 2015. — № 17. — С. 128.

Когда государству не хватало ресурсов для социально-экономического развития Крыма, в дело вступали институты благотворительности. Становление их произошло на рубеже 1860–1870-х годов. В первую очередь это касается санаторно-курортной деятельности, просвещения, образования и культуры. Так, в Евпатории состоятельные караимы охотно сдавали в аренду под учебные заведения собственные здания, входили в попечительские советы Евпаторийских учебных заведений, учреждали именные стипендии, участвовали в строительстве зданий для учебных заведений, материально поддерживали образовательные и просветительские проекты и др.¹

В памяти потомков осталась благотворительная деятельность целой плеяды российских предпринимателей, заложивших основы курортно-санаторной деятельности в Крыму. Следует отметить работы исследовательницы И. А. Кеня, посвященные выявлению вклада предпринимателей Центральной России в социокультурное развитие Южного берега Крыма, становлению крымских курортов и развитию благотворительности в Крыму. В частности, таких предпринимателей, как П. И. Губонин, который считается первооснователем крымского курортостроения, сделал Гурзуф курортом мирового уровня; С. И. Мальцов и его сыновья, превратившие Симеиз в именитый и модный курорт Крыма; Н. Д. Стахеев, который был настоящим покровителем Алушты, благодаря которому Алушта активно развивалась как крупный курорт; П. Ф. Соболев — один из наиболее известных благотворителей Ялты, который свою благотворительную помощь направил на развитие здравоохранения и образования².

Приобретение Александром II в 1860 г. Ливадии для императрицы способствовало тому, что вслед за коронованными особами потянулись в Крым и другие представители высших кругов российского государства³. Однако для формирования курортов в Крыму решающая роль принадлежала частной благотворительности. Крупные российские промышленники и предприниматели активно вкладывали в курортную деятельность региона значительные капиталы, заработанные в других сферах за пределами Крыма, хотя курортостроительство нельзя было признать высокоприбыльным делом, а во многих случаях оно было даже убыточным.

Само название черноморского побережья Крыма «Русская Ривьера» говорит о достигнутых здесь масштабах курортного здравоохранения, о попытках подражания Западу в организации санаторно-курортной деятельности в России⁴.

¹ Никифорова Л. Л. С. Э. Дуван как благотворитель гимназий // Вестник музея. Вып. 10. К 100-летию Евпаторийского краеведческого музея. — Симферополь: Полипринт, 2021. — С. 236.

² Кеня И. А. Благотворительность династии Мальцовых // Крымский архив. — 2015. — № 4 (19). — С. 57–76; Кеня И. А. Вклад российских предпринимателей в становление курортов Южного берега Крыма в конце XIX — начала XX вв. // Вестник Брянского государственного университета. — 2018. — № 4. — С. 38–46; Кеня И. А., Лупоядова Л. Ю. Условия и особенности развития благотворительности в Крыму во второй половине XIX — н. XX вв. // Вестник Брянского государственного университета. — 2017. — № 4 (34). — С. 73–83.

³ Мелека В. Императорская фамилия в Крыму // Русская старина. — 1916. — Т. 167. — С. 405–440.

⁴ Мальгин А. В. Русская Ривьера: курорты, туризм и отдых в Крыму в эпоху Империи. Конец XVIII — начало XX в. — Симферополь: СОНАТ, 2016. — 349 с.

Все эти обстоятельства становятся «неопровержимым свидетельством вхождения Российской империи в круг цивилизованных государств»¹. Отдых становится общественно значимым публичным явлением. В самом начале XX века на Южном берегу Крыма открываются первые санатории противотуберкулезного профиля для взрослых и детей, а весной 1914 г. в Севастополе создается Институт физических методов лечения, положивший начало отечественной физиотерапии.

Опыт строительства социализма в нашей стране, в том числе и развитие курортно-санаторной деятельности в Крыму, показывает, что при данном политическом строе благотворительность может осуществляться только в небольших масштабах.

В соответствии с Декретом от 21 декабря 1920 г. за подписью Ленина «Об использовании Крыма для лечения трудящихся» все курорты и санатории Крыма были переданы в государственную собственность и подчинены Наркомздраву. С этого времени отношение к благотворительности резко изменилось. Все функции по социальной защите всех групп населения, в том числе и по курортно-санаторному обслуживанию, берет на себя государство. Само понятие благотворительности стало носить уничижительный характер, осуждалась сама идея ее уместности при социализме. Патерналистская функция государственных органов, в том числе в деле охраны здоровья населения, не оставила места благотворительности как социальному институту, и кроме того, в советской России некому было брать на себя функции меценатства. В Крыму стали организовываться за счет государства новые как профилактические, так и лечебные учреждения: институты, санатории, курортные пансионаты, детские пионерские санатории-лагери, детские санатории, а также подсобные медицинские учреждения (лечебные пляжи, солярии, лаборатории и т. п.). За первые 10 лет советской власти через курортные учреждения Крыма прошло более 250 тыс. больных со средним пребыванием на курорте 39,3 дня. Начали строиться грязевые курорты всесоюзного значения. Если в 1923 г. на крымских курортах насчитывалось 1 500 коек, то в 1930 г. функционировало свыше 7 тыс. коек.

В 2021 г. в Крыму насчитывалось 109 санаторно-курортных организаций, в которых числилось 608,7 тыс. «размещенных лиц» (против 461,1 тыс. в 2020 г. — проявление «дыхания пандемии коронавируса» COVID-19).

В этот период в условиях общественной собственности на природные ресурсы и санаторно-курортные объекты в функционировании и развитии санаторно-курортной деятельности вместо благотворительности стали играть важную роль такие нравственные институты, как справедливость в качестве высшей добродетели, совесть, выражающая внутреннюю убежденность нравственного значения совершаемых действий, способность работников к моральному

¹ *Большакова О. В.* 2005.04.012. Мальгин А. Русская Ривьера: курорты, туризм и отдых в Крыму в эпоху империи. Конец XVIII — начало XX в. — Симферополь, 2004. — 352 с. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. — 2005. — № 4. — С. 48.

самоконтролю, сострадание (сочувствие), основанные на признании законности потребностей и интересов человека, в том числе в сохранении и улучшении своего здоровья.

Переход к рыночной экономике, изменение социально-экономических условий в начале XXI столетия, недостаточное финансирование социальной сферы, а также создание правовой базы, регулирующей благотворительную деятельность, способствовали ее возрождению, в том числе в санаторно-курортной деятельности региона.

На основании вышеизложенного можно констатировать, что регион, несмотря на различные интерпретации, определяется во многих современных экономических науках как важный конструкт, как целостная, сложная пространственно-организационная форма жизнедеятельности социума в определенном периоде времени. Он включает не только природную, экономическую, социальную, политико-административную составляющие, но и этно-национальную, духовную, нравственную структуры и соответствующие им институты и институции. Устойчивое развитие регионов в координатах концепции «регион-социум» в контексте духовно-нравственных императивов — одно из первоочередных направлений развития региональной экономики, проведения государственной региональной политики и вместе с тем — условие успешного, эффективного решения других общенациональных, региональных и локальных задач.

2.2. Ключевые аспекты исследования санаторно-курортной деятельности в контексте положений региональной науки

В рамках региональной науки в целом и региональной экономики в частности можно выделить новую тенденцию — активно растущий социальный блок исследований¹, что, на наш взгляд, обусловлено следующими ключевыми триггерами (рис. 10).

Во-первых, перед научным сообществом остро стоит задача поиска резервов сохранения, повышения темпов экономического роста в условиях высокой степени нестабильности и непредсказуемости. Ведущие научные исследования

¹ *Аганбегян А. Г.* Два главных вызова, стоящих перед Россией: по сокращению катастрофически высокой смертности при восстановлении сохранности народа и переходу к устойчивому социально-экономическому росту // *Экономическое возрождение России*. — 2022. — № 1 (71). — С. 14–30; *Глазьев С. Ю., Воронов А. С., Кудина М. В., Орлова Л. Н.* Прогноз развития человеческого капитала в Российской Федерации в условиях изменений в мировой экономике // *Государственное управление. Электронный вестник*. — 2022. — № 91. — С. 24–44; *Окрепилов В. В., Гагулина Н. Л.* Теоретико-методологическое обоснование перспективного моделирования оценки качества жизни населения с учетом влияния экономики знаний // *Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития*. — 2022. — № 1 (68). — С. 4–11; *Розгач О. В., Фролова Е. В., Медведева Н. В.* Туристский потенциал российских территорий: позиция муниципальных органов власти // *Вопросы экономики*. — 2022. — № 9. — С. 125–138; и др.

последних лет подчеркивают высокую значимость *личности (человека)* как *важнейшего фактора* обеспечения восходящей экономической динамики.

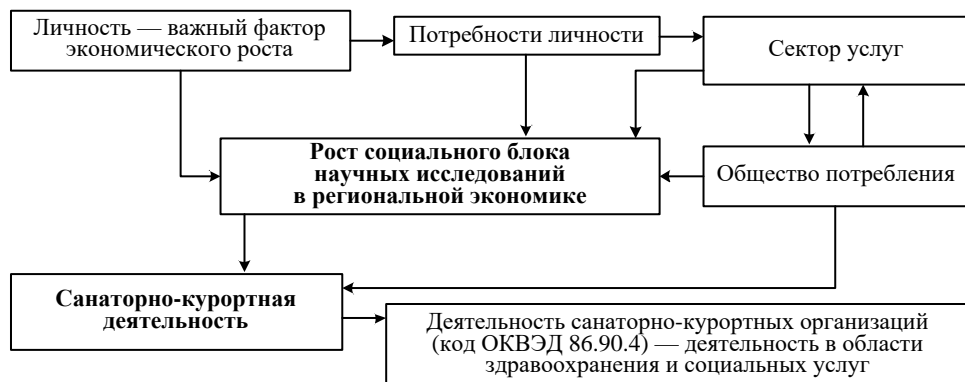

Рис. 10. Ключевые триггеры научного интереса к социальным исследованиям в региональной науке

Во-вторых, каждую личность характеризует совокупность *потребностей*, на удовлетворение которых направлена деятельность особого сектора экономики — *сектора услуг*, от развития которого в значительной степени зависят уровень и качество жизни населения, привлекательность региона и его муниципальных образований. В научных исследованиях услуга предстает в качестве сложного явления с такими отличительными свойствами и качествами, как неовещественность, неосвязаемость, несохраняемость, неотделимость от источника, и выступающего в качестве общественной формы личного присвоения человеком полезных свойств неких объектов, в том числе природных, в процессе услугуобразующей деятельности¹.

В связи с активным развитием сектора услуг в структуре современной экономики возрастает значимость научных исследований услугуобразующей деятельности с целью выявления ее территориальной специфики, обоснования участия в формировании регионального ландшафта, «генетического кода» регионов и муниципальных образований, укрепления человеческого капитала.

В-третьих, важной составляющей роста социального блока научных исследований в рамках региональной повестки является объективный процесс формирования общества потребления, в котором потребление становится важной *производительной силой*. «Система индустриального капитализма радикально меняется, когда для структурирования общества *потребление* становится важнее *производства*»².

¹ Дятел Е. П., Гололомзина Н. В. Предмет, история и основные направления развития экономической теории услуг. — Екатеринбург: Архитектон, 2009. — 152 с.

² Иванов Д. В. Глэм-капитализм: общество потребления в XXI в. // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2011. — Т. XIV, № 5 (58). — С. 9.

Известный российский ученый, идеолог познания общества потребления, профессор В. И. Ильин рассматривает его как «совокупность общественных отношений, в которых ключевое место играет индивидуальное потребление, опосредованное рынком»¹. По мнению ученого, с наступлением эпохи общества потребления происходит настоящая культурная революция, знаменующая собой переход от повседневной культуры классического капитализма, которому свойственно накопительство, к современному консьюмеризму (консюмеризму) — потребительству².

Обобщая выводы зарубежных и отечественных ученых, можно констатировать, что общество потребления возникает как логический результат эволюции капитализма, следствием которого является бурное экономическое и технологическое развитие, рост уровня доходов, снижение продолжительности рабочего дня, увеличение свободного времени, размывание классовой структуры общества, индивидуализация потребления.

Становление общества потребления обуславливает отраслевые структурные трансформации в национальной экономике целых государств, а также входящих в их состав регионов и муниципальных образований. В частности, в результате возрастания ценности здоровья, экономической значимости капитала здоровья здравоохранение и входящая в его состав санаторно-курортная деятельность превращаются в мощную, растущую отрасль экономики, цель функционирования которой — получение дивидендов посредством оказания медицинских услуг, что соответствует логике функционирования сферы услуг в целом.

Формирование общества потребления стимулирует спрос на высококачественные медицинские и санаторно-курортные услуги, что является ключевым фактором развития отрасли. Другим важным драйвером являются действующие законы рынка труда, «который постоянно порождает риски социального исключения физически слабых и больных людей»³ и включения в экономические процессы здорового населения.

Объективный процесс формирования общества потребления стимулирует развитие санаторно-курортной и оздоровительной деятельности, следствием чего является, во-первых, повышение капитала здоровья в масштабах страны, рост его значимости для потребителей, во-вторых, формирование особых регионов, на территории которых на базе уникальных природных ресурсов развита лечебная инфраструктура, концентрируются специализированные кадры (например, Северный Кавказ, Крым и др.). Важной и все увеличивающейся частью консьюмеризма становится потребность в *укреплении здоровья*, в том числе посредством удовлетворения *санаторно-курортных потребностей людей*.

¹ Ильин В. И. Общество потребления: теоретическая модель и российская реальность // Мир России. — 2005. — № 2. — С. 4.

² Там же. — С. 6.

³ Там же. — С. 11.

Изучением различных сторон функционирования и развития санаторно-курортной деятельности как *услугообразующей* занимаются ученые различных научных направлений, среди которых: экономика, в том числе региональная экономика¹, рекреационная² и медицинская³ география, курортология⁴ и др.

Проблемы функционирования и развития санаторно-курортной деятельности представлены в трудах зарубежных и отечественных авторов.

Зарубежные авторы рассматривают санаторно-курортную деятельность в рамках изучения *оздоровительного туризма*. В частности, отметим работы С. Хофера, Ф. Хонеггера, Дж. Хубели⁵, А. Спейера⁶, С. Лоха⁷, Дж. МакХэйл⁸, М. Дальстрема⁹, П. Кука¹⁰.

В работах отечественных ученых санаторно-курортная деятельность исследуется преимущественно с позиции решения проблем *организации и управления санаторно-курортным комплексом*. Выделим работы С. Ю. Амбар-

¹ *Асланов Д. И.* Трансформация санаторно-курортного комплекса региона: теория, методология, практика. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2012. — 183 с.; *Оборин М. С., Нагоева Т. А., Кожушклина И. В.* Научно-теоретические подходы к определению роли санаторно-курортного комплекса в социально-экономическом развитии региона // Вестник Забайкальского государственного университета. — 2020. — Т. 26, № 5. — С. 93–105.

² *Царфис П. Г.* Рекреационная география СССР: курортологические аспекты. — М.: Мысль, 1979. — 311 с.; *Мироненко Н. С., Твердохлебов И. Т.* Рекреационная география. — М.: МГУ, 1981. — 208 с.; *Рекреационная география СССР: аспекты развития и размещения: сб. ст. / отв. ред. Ю. С. Путрик, В. В. Свешников.* — М.: МФГО, 1983. — 128 с.; *Теория рекреационной географии: / сост. В. П. Преображенский и др.* — М.: Б. и., 1988. — 54 с.

³ *Чаклин А. В.* Медицинская география. — М.: Знание, 1977. — 128 с.; *Воронов А. Г.* Медицинская география: зоонозы и сапронозы. — М.: МГУ, 1989. — 105 с.; *Медицинская география и здоровье: сб. науч. тр. / отв. ред. А. А. Келлер.* — Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1989. — 222 с.

⁴ *Пономаренко Г. Н.* Курортология: энцикл. слов. — СПб.: Человек, 2008. — 256 с.; *Физиотерапия и курортология: руководство: в 3 кн. / под ред. В. М. Боголюбова.* — М.: Бином, 2012. — Кн. 1. Медицинская климатология и климатотерапия. Медицинская гидрология и теплогрязелечение. Преформированные физические факторы / Л. В. Веремчук и др. — 407 с.; *Курортология: основные природные лечебные факторы и методы их использования, описание курортов мира / под ред. А. Н. Разумова, Е. А. Туровой.* — М.: Унив. кн., 2016. — 639 с.

⁵ *Hofer S., Honegger F., Hubeli J.* Health tourism: definition focused on the Swiss market and conceptualisation of health(i)ness // *Journal of health organisation and management.* — 2012. — Vol. 26, iss. 1. — P. 60–80.

⁶ *Speier A. R.* Health tourism in a Czech health spa // *Anthropology and medicine.* — 2011. — Vol. 18, iss. 1. — P. 55–66.

⁷ *Loh C. P.* Health tourism on the rise? Evidence from the Balance of Payments Statistics // *The European journal of health economics.* — 2014. — Vol. 15, iss. 7. — P. 759–766.

⁸ *McHale J.* Health tourism and the UK: some new developments // *British journal of nursing.* — 2010. — Vol. 19, iss. 14. — P. 926–927.

⁹ *Dalstrom M.* Medical travel facilitators: connecting patients and providers in a globalized world // *Anthropology and medicine.* — 2013. — Vol. 20, iss. 1. — P. 24–35.

¹⁰ *Cook P. S.* Constructions and experiences of authenticity in medical tourism: the performances of places, spaces, practices, objects and bodies // *Tourist Studies.* — 2010. — Vol. 10, iss. 2. — P. 135–153.

думяна и С. А. Лочана¹, А. Н. Разумова и его коллег², А. М. Ветитнева, А. В. Дзюбиной³ и др.

На платформе положений *региональной науки* санаторно-курортная деятельность представлена незначительным количеством работ, среди которых выделим исследования Д. И. Асланова⁴, Р. Ш. Зиннатовой⁵, М. С. Оборина⁶, А. М. Ветитнева⁷ и др.

В состав сектора услуг входит объект нашего исследования — санаторно-курортная деятельность.

Обобщение научных источников позволило нам выявить элементы теоретического фундамента парадигмы исследования санаторно-курортной деятельности на региональном (локальном) уровне, основанной на положениях следующих платформ: экономика здоровья⁸, концепция человеческого капитала⁹, концепция качества жизни¹⁰, теория услуг¹¹ и теория регионального

¹ Амбарцумян С. Ю., Лочан С. А. Организация и управление санаторно-курортным комплексом: инновационный аспект. — М.: Палеотип, 2003. — 136 с.

² Разумов А. Н., Мазитов Ф. Х., Ильясов Б. Г., Загидуллин Ш. З. Санаторно-курортный комплекс как сложный объект управления // Вопросы курортологии, физиотерапии и лечебной физической культуры. — 2008. — № 5. — С. 43–46.

³ Ветитнев А. М., Дзюбина А. В. Современные проблемы санаторно-курортного комплекса России и пути их решения // Экономика Крыма. — 2012. — № 3 (40). — С. 296–300.

⁴ Асланов Д. И. Трансформация санаторно-курортного комплекса региона: теория, методология, практика. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2012. — 183 с.

⁵ Зиннатов Р. Ш. Организационно-экономические условия развития санаторно-курортного комплекса региона: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. — М., 2009. — 180 с.

⁶ Оборин М. С. Формирование и развитие рынка санаторно-курортных услуг: теория, методология, практика: дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05. — Сочи, 2016. — 549 с.

⁷ Ветитнев А. М., Торгашева А. А. Определение влияния лечебно-оздоровительного туризма на экономику региона // Проблемы современной экономики. — 2013. — № 4. — С. 352–355.

⁸ Окрепилов В. В. Развитие экономики здоровья для повышения качества жизни // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2012. — № 5 (23). — С. 33–47.

⁹ Schultz T. W. Investment in human capital: the role of education and of research. — New York: The Free Press, 1971. — 272 p.; Becker G. S. Human Capital: a theoretical and empirical analysis, with special reference to education. — Chicago: University of Chicago Press, 1993. — 412 p.

¹⁰ Айвазян С. А. Интегральные индикаторы качества жизни населения: их построение и использование в социально-экономическом управлении и межрегиональных сопоставлениях. — М.: ЦЭМИ РАН, 2000. — 117 с.; Глухов В. В., Окрепилов В. В. Управление качеством жизни. — СПб.: Наука, 2008. — 484 с.; Гришина И. В., Польнев А. О., Тимонин С. А. Качество жизни населения регионов России: методология исследования и результаты комплексной оценки // Современные производительные силы. — 2012. — № 1. — С. 70–83.

¹¹ Дятел Е. П., Голомолзина Н. В. Предмет, история и основные направления развития экономической теории услуг. — Екатеринбург: Архитектон, 2009. — 152 с.; Оборин М. С. Формирование и развитие рынка санаторно-курортных услуг: теория, методология, практика: дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05. — Сочи, 2016. — 549 с.

(местного) экономического развития¹, создающих в совокупности логическую модель познания санаторно-курортной деятельности в экономическом пространстве региона и его муниципальных образований (рис. 11).

Рис. 11. Экспликация научной парадигмы исследования санаторно-курортной деятельности на региональном (местном) уровне

Исследования ученых, работающих в рамках нового формирующего научного направления *экономики здоровья*, а также *концепции человеческого капитала* и *качества жизни населения*, подводят нас к важным выводам с позиции экономической науки, в том числе региональной экономики.

1. *Возрастание значимости* в современном обществе, в структуре его экономики такого вида экономической деятельности, как здравоохранение, и входящей в его состав санаторно-курортной деятельности.

Пандемия коронавируса (COVID-19) выдвинула на передний план теоретических и практических разработок проблемы сбережения населения, укрепления и восстановления его здоровья, наращивания капитала здоровья. Важное значение в решении этих задач отведено санаторно-курортной деятельности, которая является составным компонентом системы здравоохранения страны.

2. Санаторно-курортная деятельность представляет собой важный экономический и социальный ресурс развития страны и ее регионов.

Как *экономический ресурс*, обеспечивающий темпы экономического роста, динамику социально-экономического развития национальной, региональной, а также муниципальной экономики, *санаторно-курортная деятельность* как особый вид экономической деятельности направлена на укрепление индивидуального и общественного здоровья населения страны и ее регионов.

Санаторно-курортная деятельность направлена на укрепление здоровья человека, которое представляет собой важный социальный ресурс, формирую-

¹ Анимица Е. Г., Силин Я. П., Сбродова Н. В. Теории регионального и местного развития. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2015. — 151 с.; Гладышев А. Г., Иванов В. Н., Патрушев В. И. Муниципальная наука: теория, методология, практика. — М.: Муниципальный мир, 2003. — 284 с.; *Муниципальная экономика* / под общ. ред. Я. П. Силина, Е. Г. Анимицы. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2021. — 494 с.; Филиппов Ю. В., Авдеева Т. Т., Лаврова Т. Г. Теории местного экономического развития. — М.: КноРус, 2013. — 100 с.

щий человеческий капитал, качество человеческих ресурсов, качество жизни населения государства в целом и входящих в его состав регионов и муниципальных образований.

3. При организации санаторно-курортной деятельности на национальном, региональном и муниципальном уровнях необходимо учитывать экономические особенности здоровья, представляющего собой *ограниченное благо* (факторы ограничения — возраст человека, биологические границы смертности и заболеваемости, сложившиеся в обществе показатели травматизма), *частично восполняемый ресурс* (границы восполнения индивидуальны для каждого человека), *невещественный ресурс* (укрепление, восстановление, поддержание которого достигается в результате предоставления специфических услуг медицинского и санаторно-курортного обслуживания, профилактики, рекреационных услуг), *потребительское благо* (характерны определенные масштабы спроса), *капитальный ресурс* (возможность инвестирования с целью формирования и поддержания здоровья и работоспособности).

Научный фундамент *теории услуг* и *теорий регионального экономического развития* позволяет нам сделать следующие важные заключения.

1. Санаторно-курортная деятельность представляет собой услугуобразующую деятельность, связанную с удовлетворением специфических базовых потребностей человека в укреплении, восстановлении и поддержании здоровья.

2. Санаторно-курортная деятельность представляет собой особый вид экономической активности, сложившийся в определенном пространстве региона или муниципалитета на основе преимущественного использования его уникальных природных лечебных факторов, результатом которого является оказание специфической услуги, удовлетворяющей потребность человека в лечении, укреплении, сохранении здоровья, а также отдыхе, формирующей особые экономические и социальные эффекты для региона дислокации и других регионов страны.

3. Важная особенность санаторно-курортной услуги — высокая степень *комплексности*, обусловленная включением в ее состав мероприятий по лечению, оздоровлению, профилактике, а также временному пребыванию, питанию, транспортному обслуживанию приезжих, рекреации и др.

4. Особенностью размещения санаторно-курортной деятельности является ее тяготение и концентрация в городских населенных пунктах или в непосредственной близости от них в связи с наличием здесь медицинских кадров соответствующей квалификации, а также локализацией на компактной территории объектов социальной, коммунальной, транспортной инфраструктуры.

5. Существует разрыв между местом и временем получения санаторно-курортной услуги и ее потребления, поскольку человек потребляет санаторно-курортные услуги в одном специализированном месте (в медицинском учреждении, локализованном на территории конкретного муниципального образования), а реализует полученную энергию, как правило, уже в другом месте, зачастую за пределами региона оказания услуг.

Научные положения *теорий регионального экономического развития* позволили нам выделить ключевые аспекты исследования санаторно-курортной

деятельности в контексте региональной экономики (рис. 12). В частности, в рамках предметного поля региональной экономики ученые акцентируют внимание на познании проявлений внешних и внутренних факторов и условий становления, развития и функционирования санаторно-курортной деятельности на той или иной территории, выявлении причин территориальных различий¹. Среди ключевых внутренних факторов выделяются такие как: наличие уникальных природных ресурсов с лечебными свойствами (климат, минеральные воды, лечебные грязи и др.), обеспеченность кадрами соответствующей квалификации, развитие инфраструктурного фундамента.

Рис. 12. Ключевые аспекты исследования санаторно-курортной деятельности в контексте региональной экономики

Считаем необходимым добавить важнейшие внешние по отношению к региону факторы развития и функционирования на его территории санаторно-курортной деятельности, проявления которых ярко прослеживаются в настоящее время, в частности, в условиях специальной военной операции: геополитическая ситуация в мире и на территориях, соседствующих с местами локализации санаторно-курортных объектов, государственная политика развития и поддержки санаторно-курортной деятельности внутри страны.

Результатом функционирования и развития санаторно-курортной деятельности в пространстве страны и ее регионов являются множественные экономические и социальные эффекты².

Проявление *экономических* эффектов функционирования и развития санаторно-курортной деятельности в пространстве региона дислокации мы видим в следующем:

— вовлечение в хозяйственный оборот уникальных природных лечебных, а также трудовых ресурсов территории;

¹ *Асланов Д. И.* Трансформация санаторно-курортного комплекса региона: теория, методология, практика. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2012. — 183 с.; *Ветитнев А. М., Торгашева А. А.* Определение влияния лечебно-оздоровительного туризма на экономику региона // Проблемы современной экономики. — 2013. — № 4. — С. 352–355; *Силин Я. П., Харитоненко О. В.* Доминанты исследования санаторно-курортной деятельности в контексте положений региональной экономики // Научные труды Вольного экономического общества России. — 2021. — № 6 (232). — С. 194–224.

² *Силин Я. П., Харитоненко О. В.* Доминанты исследования санаторно-курортной деятельности в контексте положений региональной экономики // Научные труды Вольного экономического общества России. — 2021. — № 6 (232). — С. 194–224.

- формирование устойчивой региональной (муниципальной) специализации;
- развитие на компактной территории сопутствующих и смежных видов экономической деятельности (проявление эффекта мультипликатора);
- создание условий для повышения предпринимательской активности в пространстве региона;
- активизация процессов градообразования и градоформирования;
- развитие региональной и муниципальной инфраструктуры.

Результаты *социального* характера системного функционирования экономических агентов санаторно-курортной деятельности на территории региона и за его пределами следующие:

- укрепление человеческого капитала населения страны и ее регионов посредством упрочения капитала здоровья;
- повышение производительности труда на других территориях и в масштабе страны в целом благодаря восстановлению здоровья рекреантов;
- сохранение и восстановление в регионе объектов исторического, культурного и духовного наследия;
- формирование и повышение доходов населения территории дислокации, формирование условий социальной стабильности.

Санаторно-курортная и туристско-рекреационная деятельность имеют исключительно важное значение для обеспечения экономической стабильности, экономической динамики, а также формирования структуры экономики южных территорий Российской Федерации. Представим на материалах Республики Крым доказательства сказанного.

Выводы о региональной специализации, об ее устойчивости являются научно аргументированным и верифицированными при условии изучения динамики показателей отраслевой структуры за достаточно представительный период времени. В нашем случае данное условие выполнено, так как аргументация и заключения построены на фундаменте собранной и систематизированной официальной статистической информации развития экономики Крымского полуострова за 85 лет — период с 1935 по 2020 г.

Трудности получения сопоставимой информации на протяжении данного временного отрезка были обусловлены следующими обстоятельствами.

Во-первых, территория меняла свой государственный, административно-политический статус, в частности, в 1935 г. объект исследования был очерчен границами Крымской АССР в составе СССР; в 1970 г. — Крымской области в составе СССР; в 2000 г. — Автономной Республики Крым в составе Украины; в 2020 г. — Республики Крым в составе Российской Федерации, что наложило свой отпечаток на утвержденный перечень показателей мониторинга и методики их сбора на территориях разных государств, затрудняя получение сопоставимых значений.

Во-вторых, за изученный период произошел переход на международные стандарты учета структуры экономики, в частности, первичной единицей учета перестали выступать отрасли народного хозяйства (система ОКОНХ), открывая дорогу видам экономической деятельности (система ОКВЭД), что потребовало

пересчета «вручную» абсолютных и относительных значений, и только это дало возможность получения данных по укрупненной отраслевой структуре в сопоставимом исчислении.

Собранные показатели отраслевой структуры Крыма за 85 лет (1935–2020 гг.), рассчитанные по численности занятых, позволяют выделить сектора экономики, развитие которых носило инерционный характер, а также сектора, претерпевшие серьезные изменения в результате трансформационных процессов (табл. 14).

Таблица 14

Динамика отраслевой структуры экономики Республики Крым за 1935–2020 гг., % к итогу (по численности занятых в экономике по полному кругу предприятий с учетом субъектов малого и среднего предпринимательства)

Вид экономической деятельности	1935	1970	2000	2020	Изменение показателя 2020 г. по сравнению с 1935 г.
	Крымская АССР в составе СССР	Крымская область в составе СССР	Автономная Республика Крым в составе Украины	Республика Крым в составе Российской Федерации	
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	19,2	23,1	24	10,4	-8,8
Промышленное производство	23,3	22,7	14,2	12,9	-10,4
Строительство	7,3	10	4,6	9,1	1,8
Торговля оптовая и розничная; деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	10,3	8,1	3,9	25,8	15,5
Транспортировка, хранение, услуги связи	11,0	8,2	8,9	8,0	-3,0
Образование	5,9	6,5	10,8	7,9	2,0
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	8,4	7,4	12,8	8,3	-0,1
Прочие виды экономической деятельности	14,6	14	20,8	17,5	2,9
<i>Всего</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>0,0</i>

Примечание. Составлено по: 1935 г.: *Статистический справочник народного хозяйства и культуры Крымской АССР.* — Симферополь: Упр. нар.-хоз. учета Крым. АССР, 1936. — С. 182–184; 1970 г.: *Распределение населения, имеющего занятия по отраслям народного хозяйства и уровню образования: Всесоюзная перепись населения 1970 г.: постоянное население. Городское и сельское население. Оба пола. Крымская область.* — М.: Б. и., 1972; 2000 г.: *Регіональні показники розвитку Автономної республіки Крим.* — Симферополь: Держкомстат України, Головне управління статистики в Автономній Республіці Крим, 2001. — С. 11–13; 2020 г.: *Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: стат. сб. / Росстат.* — М., 2021. — С. 122–125.

Остановимся на ключевых тенденциях структурных трансформаций экономики Крымского полуострова и его муниципальных образований, для которых санаторно-курортная деятельность имеет важное значение.

1. Сохранение относительно стабильной доли занятых в здравоохранении и секторе оказания социальных услуг (1935 г. — 8,4 % общей численности занятых в экономике, 2020 г. — 8,3 %) посредством активного функционирования и развития на территории региона санаторно-курортной деятельности.

Устойчивость данного блока экономики Крымского полуострова позволяет выделить ключевую его специализацию, «генетический код», в которых доминирует санаторно-курортная деятельность.

Ученые разных поколений в своих исследованиях отмечали уникальность хозяйства Крыма, важную составляющую которого формируют санаторно-курортная и туристско-рекреационная экономическая активность, обусловленные благоприятным географическим расположением и наличием климатических, курортных и лечебных ресурсов (пляжи, месторождения лечебных грязей, источники минеральных вод, бальнеологические ресурсы)¹. Именно природные ресурсы явились важным фактором притока отдыхающих и туристов, бурного развития и роста крымских городов.

Уникальность природных ресурсов Крыма иллюстрируют следующие характеристики: занимая площадь около 27 тыс. км² (0,16 % площади России), Крым концентрирует более 2,7 млн м² оборудованных пляжей и потенциал пляжных ресурсов². По количеству коллективных средств размещения Республика Крым уступает в России лишь Краснодарскому краю, а по количеству размещенных лиц в них занимает третье место после Санкт-Петербурга и Краснодарского края.

В научных исследованиях доказывается положительное влияние развития санаторно-курортной и туристско-рекреационной деятельности на обеспечение положительной динамики на территории поселений разного типа. В част-

¹ *Кондараки В. Х.* Универсальное описание Крыма: в 17 ч. — СПб.: Типография В. Веллинг, 1875. — Ч. 14. — 145 с.; *Патурссон С. О.* Курорты Крыма: Ялта, Гурзуф, Суук-Су, Алупка, Симеиз, Алушта, Судак. — СПб.: Б. и., 1912. — 64 с.; *Шиллингер Ф. Ф.* Крымский полуостров, его роль и значение в СССР. Описание Крыма и проблема его переустройства путем обогащения его природных ресурсов, развития мирового туризма и курортного дела. — М.: Жизнь и знание, 1935. — 200 с.; *Аметов Р. Ф.* Региональные особенности развития хозяйственного комплекса Крыма. — Донецк: ИЭПИ НАН Украины, 2001. — 282 с.; *Концепция* развития туристско-рекреационного потенциала Крыма / под ред. М. Ю. Лайко. — М.: РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2014. — 274 с.; *Нехайчук Д. В., Тарасов В. И., Трофимова В. В.* Долгосрочные тренды развития Крыма: социально-экономический аспект. — Симферополь: Крымский ин-т бизнеса, 2015. — 319 с.; *Туристско-рекреационный* ресурсный потенциал Республики Крым и г. Севастополь / под ред. И. М. Яковенко. — Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2015. — 408 с.; *Симченко Н. А., Цехла С. Ю.* Ретроспективы экономических экспериментов в Крыму: уроки и успехи. — Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2016. — 232 с.; *Региональная экономика Крыма: точки роста* / Л. М. Борщ, С. Ю. Цехла, Н. А. Симченко и др. — Симферополь: Антиква, 2017. — 283 с.; *Василенко В. А., Василенко В. В.* Научно-методологические основы управления развитием курортных кластеров Крыма. — Симферополь: ДИАИПИ, 2019. — 297 с.; и др.

² *Социокультурная трансформация регионального развития Крыма* / под общ. ред. И. Н. Воронина, А. Б. Швеца. — Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2022. — С. 170.

ности, население территорий, где они активно развиваются, участвует в обеспечении услуг гостеприимства, питания, трансфера, анимации и др., получая основной или дополнительный доход. В то же время в северных степных территориях, где данные виды деятельности не представлены или представлены слабо, отмечается спад экономической активности населения, охват процессом депопуляции более 200 сел¹.

2. Заметный рост доли в численности занятых в экономике Крыма сферы реализации товаров, деятельности гостиниц и предприятий общественного питания (1935 г. — 10,3 %, 2020 г. — 25,8 %).

Данная тенденция подтверждает первый вывод, поскольку на обслуживающие потребности приезжего населения ориентирована деятельность гостиниц и предприятий общественного питания, а также в значительной степени деятельность предприятий сферы обращения товаров (совокупный прирост данного сектора за 85 лет составил 15,5 %).

Структурные изменения за 85 лет иллюстрируют проявление эффекта мультипликатора, импульсы которого проистекали от развития санаторно-курортной и туристско-рекреационной деятельности в регионе в сторону становления и развития гостиничного хозяйства, общественного питания, торговых услуг, нацеленных на удовлетворение потребностей населения, приезжающего с целью оздоровления и отдыха.

3. Наиболее заметное сокращение доли занятых в промышленном производстве (на 10,4 % за 85 лет), что в значительной степени обусловлено разрушением цепочек производственных связей, сложившихся в рамках бывшего СССР, процессами деиндустриализации, финансово-экономического кризиса, сменой курса на развитие в регионе сферы отдыха и туризма, ростом позиции экономики здоровья².

До 1917 г. экономика Крыма носила преимущественно аграрный характер, в период предвоенных пятилеток была осуществлена индустриализация Крымской области, и впоследствии она приобрела характер индустриально-аграрной. Развитие промышленности в Крыму происходило в направлении использования местных сырьевых ресурсов: железной руды, соляных богатств, строительных материалов, разнообразного сельскохозяйственного сырья³.

В период вхождения Крыма в состав бывшего Советского Союза хозяйству региона была свойственна инерционная модель развития с многочисленными кооперационными связями и емким рынком сбыта. В период административно-государственной принадлежности территории Крыма Украине «хозяйственная модель развития Крыма унаследовала советскую, хотя упростилась» в связи с сокращением объемов кооперационных связей, но при этом со-

¹ *Социокультурная трансформация регионального развития Крыма* / под общ. ред. И. Н. Воронина, А. Б. Швеца. — Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2022. — С. 171.

² *Анализ тенденций социально-экономического развития Республики Крым* / Ю. П. Майданевич, В. А. Василенко, С. Г. Черемисина и др.; под ред. Ю. П. Майданевич. — Симферополь: Полипринт, 2019. — С. 41–62.

³ *Симченко Н. А., Цехла С. Ю.* Ретроспективы экономических экспериментов в Крыму: уроки и успехи. — Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2016. — 232 с.

хранилась «рекреационная специализация региона в сочетании с производственными отраслями и сворачивающимся военно-промышленным производством»¹.

О тенденции деиндустриализации Крыма в постсоветский период свидетельствуют следующие показатели: удельный вес промышленного производства в ВРП Республики Крым в 1990 г. составил 51,4 %, а в 1995 г. 19,9 %². По мнению ученых, это вызвано процессами примитивизации отраслевой структуры экономики, в результате чего в структуре обрабатывающего производства на ведущие позиции вышли предприятия пищевой промышленности, на фоне отставания и закрытия традиционных подразделений химической промышленности и машиностроительного производства. Доля пищевой промышленности Республики Крым составляет до 25 % общего объема промышленного производства при лидерстве винодельческой, мукомольно-крупяной, плодоовощной консервной, мясо- и молокоперерабатывающей, рыбоконсервной промышленности.

Новая индустриализация в Крыму, начавшаяся с 2015 г., связана с модернизацией машиностроительных предприятий и размещением на них государственных оборонных заказов (развитие судостроения в Керчи, Феодосии, Симферополе), а также работой по импортозамещению.

4. Заметное падение в отраслевой структуре экономики Республики Крым доли сельского, лесного хозяйства, рыболовства (на 8,8 % за 1935–2020 гг.). В ранее проведенных исследованиях учеными были выделены следующие ключевые причины происходящих изменений³: неэквивалентный обмен продукции сельского хозяйства, диспаритет цен.

Считаем также необходимым отметить проявление интенсивных факторов, вызвавших снижение доли в отраслевой структуре экономики Крыма сельского, лесного хозяйства и рыболовства, в частности, рост производительности труда в результате процессов механизации и автоматизации, следствием чего явилось сокращение численности производственного персонала и переток его в сферу оказания услуг.

5. Сохранение устойчивых позиций здравоохранения и входящей в его состав санаторно-курортной деятельности в отраслевой структуре экономики муниципальных образований — городских округов санаторно-курортного типа.

Данный вывод подтверждает сравнительный анализ отраслевой структуры городов-курортов Республики Крым за период с 1935 по 2020 г. (табл. 15).

Так, в трех из пяти городских округов санаторно-курортного типа за 85 лет (1935–2020 гг.) удельный вес занятых в сфере оказания медицинских, лечебно-оздоровительных услуг заметно вырос (Саки — на 38,04 %, Евпатория — на

¹ *Социокультурная трансформация регионального развития Крыма* / под общ. ред. И. Н. Воронина, А. Б. Швеца. — Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2022. — С. 158.

² *Там же*. — С. 168.

³ *Устойчивый Крым. План действий*: науч. тр. КИПКС. — Киев–Симферополь: СОНАТ, 1999. — С. 13.

6,82 %, Ялта — на 0,25 %). Незначительное сокращение показателя наблюдается в Судакe (–2,88 %) и Алуште (–1,76 %).

Таблица 15

Изменение позиции здравоохранения в отраслевой структуре экономики городских округов Республики Крым (по численности занятых), % к итогу

Городские округа санаторно-курортного типа	Удельный вес здравоохранения в отраслевой структуре экономики			Изменение показателя 2020 г. по сравнению с 2000 г.
	1935	2000	2020	
Ялта	28,52	32,97	28,77	+0,25
Евпатория	26,52	29,70	33,34	+6,82
Алушта	34,49	21,01	32,73	–1,76
Саки	3,52	12,99	41,56	+38,04
Судак	22,12	8,20	19,24	–2,88
Среднее значение по Республике Крым	8,44	12,76	8,28	–0,16

Примечание. Составлено по: 1935 г.: *Статистический справочник народного хозяйства и культуры Крымской АССР.* — Симферополь: Упр. нар.-хоз. учета Крым. АССР, 1936. — С. 182–184; 2000 г.: *Регіональні показники розвитку Автономної республіки Крим.* — Симферополь: Держкомстат України, Головне управління статистики в Автономній Республіці Крим, 2001. — С. 11–13; 2020 г.: *Паспорт муниципальных образований / Федеральная служба государственной статистики.* — URL: https://www.gks.ru/scripts/db_inet2/passport/munr.aspx?base=munst35 (дата обращения: 18.09.2022).

Можно констатировать поворот в развитии муниципальной экономики городских округов санаторно-курортного типа в направлении усиления использования своих конкурентных преимуществ на основе вовлечения в хозяйственный оборот уникальной *местной ресурсной базы*, а также в русле становления *экономики здоровья*, значимость которой многократно возросла в условиях COVID-19.

Наибольший рост санаторно-курортной деятельности наблюдается в городских округах, ориентированных на развитие местной ресурсной базы или на территории которых локализованы уникальные природные ресурсы (лечебные грязи), широко известные за пределами Крымского полуострова, — Саки и Евпатория.

Санаторно-курортная и туристско-рекреационная деятельность выполняют роль мультипликаторов в масштабах муниципального образования, формируя импульсы для развития в ограниченном локусе сопутствующих сегментов муниципальной экономики — сферы обращения (оптовая и розничная торговля), сферы услуг (деятельность гостиниц и предприятий общественного питания; деятельность сферы культуры, спорта, организации досуга и развлечений; оптовая и розничная торговля) (табл. 16).

На территории городских округов санаторно-курортного типа Республики Крым значительно выше по сравнению со среднерегиональными значениями концентрация гостиниц и предприятий общественного питания (в 2,3 раза),

учреждений здравоохранения (в 1,7 раза), организаций культуры, спорта, досуга и развлечений (в 1,6 раза). Значительно отстают по данным показателям, а также по количеству организаций сферы оптовой и розничной торговли другие типы муниципальных образований, функциональной специализацией которых являются портово-промышленный центр (Керчь), промышленный центр (Армянск, Красноперекоск), транспортный узел (Джанкой).

Т а б л и ц а 1 6

Концентрация учреждений сферы услуг на территории Республики Крым и городских округов Республики Крым в 2020 г. (эффект мультипликатора)

Функциональная специализация	Количество	Состав	Число предприятий и организаций на 10 000 жителей			
			Торговля оптовая и розничная	Гостиницы и предприятия общественного питания	Здравоохранение	Культура, спорт, организация досуга и развлечений
Среднее значение по Республике Крым	11	Городские округа	2 990,6	992,3	573,7	346,0
	14	Муниципальные районы				
Городские округа санаторно-курортного типа	5	Ялта, Евпатория, Алушта, Саки, Судак	2 312,5	2312,5	951,9	548,5
Административный центр	1	Симферополь	8 834,6	1381,6	1 179,4	570,1
Портово-промышленный центр с развитой курортной функцией	1	Феодосия	2 487,5	1698,3	579,4	579,4
Портово-промышленный центр	1	Керчь	1 302,6	473,7	394,7	203,9
Промышленный центр	2	Армянск, Красноперекоск	7 46,9	166,0	249,0	228,2
Транспортный узел	1	Джанкой	1 925,1	320,9	481,2	187,2

Пр и м е ч а н и е . Составлено по: *Регионы Республики Крым. 2020: стат. сб. / Крымстат. — Симферополь, 2021. — С. 230–236.*

Подводя итог вышеизложенному, выделим важность изучения санаторно-курортной деятельности на научной платформе региональной экономики и ключевые аспекты ее исследования.

1. Анализ научных исследований позволяет говорить о незначительном количестве трудов, посвященных изучению региональных проблем, выявлению территориальных различий становления, развития и функционирования санаторно-курортной деятельности, что обусловлено доминированием на протяжении многих десятилетий проблематики изучения материальной и технологической составляющих общества. Доминантным на научном поле оставалось познание сферы материального производства за счет недооценки значи-

мости сферы нематериального производства и входящей в его состав сферы услуг.

2. Комплексное изучение санаторно-курортной деятельности на платформе региональной экономики имеет огромный научный потенциал, что обусловлено рядом недавно возникших триггеров, среди которых отметим: активизация социального блока исследований в связи с повышением значимости личности как ключевого фактора положительной экономической динамики; усиление внимания науки, практики и личности к человеческому капиталу, в составе которого важное значение имеет капитал здоровья, особенно в связи с масштабами проявления последствий пандемии COVID-19; актуализация профилактики и упреждения заболеваний, при выделении ведущей роли здорового образа жизни, оздоровления посредством использования натуральных, естественных, возобновляемых природных ресурсов.

3. Санаторно-курортная деятельность составляет основу устойчивой специализации, «генетического кода», стабильности экономики особых типов регионов — регионов санаторно-курортного значения, а также многих муниципальных образований, локализованных в их пространстве. От результатов деятельности санаторно-курортных организаций зависит экономическое и социальное благополучие территорий, включая создание рабочих мест, формирование предпринимательской активности, наполнение доходной части бюджетов, развитие региональной инфраструктуры, обеспечение доходов населения и социальной стабильности, сохранение и восстановление объектов исторического, культурного и духовного наследия территории локализации и др.

4. Предметным полем исследования санаторно-курортной деятельности в рамках региональной экономики являются прежде всего факторы, условия, экономические и социальные эффекты становления, развития и функционирования данного особого вида экономической активности на той или иной территории, выявление особенностей локализации (размещения, тяготения, концентрации).

5. Важным малоизученным направлением региональных исследований является познание тенденций, закономерностей развития санаторно-курортной деятельности в границах особого типа муниципальных образований, таких как города-курорты, поселения-курорты, поскольку пульс их экономической динамики напрямую зависит от притока, социальной структуры, платежеспособного спроса приезжего населения, желающего получить специфическую услугу — услугу оздоровления. На данных территориях складывается особая структура муниципальной экономики, особый социум со своими традициями и обычаями, функционирующие по своим правилам.

Вышеперечисленные аспекты являются весомыми аргументами в пользу проведения серьезных научных исследований проявления территориальности функционирования и развития санаторно-курортной деятельности на научном фундаменте региональной науки, региональной экономики.

2.3. Формирование стратегии устойчивого развития Уральского макрорегиона на основе инновационного подхода

В реальной действительности и опыте регионального управления значительную роль играют методические подходы к формированию стратегии социально-экономического развития. Первостепенное значение при этом уделяется внедрению нововведений. Важное место в вопросе стратегического развития занимают методы эконометрического моделирования.

Необходимость решения данной проблемы подчеркнута президентом России В. В. Путиным на Восточном экономическом форуме 6–7 сентября 2022 г. Вполне очевидно, что в условиях крупных санкций одним из главных факторов при формировании стратегии устойчивого развития государства и региона в первую очередь выступают ресурсы, как природные, так и трудовые.

В условиях объявления специальной военной операции в Донецкой Народной Республике и Луганской Народной Республике появилась потребность в специальных средствах унификации инструментов, методик, механизмов, применяемых при разработке и реализации стратегий социально-экономического развития регионов различных иерархических уровней.

Изучению динамики старопромышленного региона посвящены крупные труды профессоров Е. Г. Анимиды, Н. В. Новиковой, Я. П. Силина¹. Перспективы устойчивого развития промышленного потенциала региона явно показаны через индекс промышленного производства. Данный индекс, как отмечают авторы, не всегда отражает устойчивость. «Для Свердловской области характерна особая структура экономики»². Перспективы развития Уральского федерального округа представляют обоснование приоритетных направлений стратегических структурных преобразований на основе новой индустриализации. «В инновационной экономике лидируют страны с развитым промышленным потенциалом»³.

Отметим значимость исследования Е. Г. Анимиды и И. И. Рахмеевой, обращающих свое внимание на важность выполнения положений регионального закона о научно-технической политике как компоненты региональной устойчи-

¹ Анимиды Е. Г., Новикова Н. В. Тенденции экономической динамики классического старопромышленного региона России: кейс Свердловской области // *Journal of new economy*. — 2022. — Т. 23, № 2. — С. 64–79; Анимиды Е. Г., Рахмеева И. И. Эконометрический факторный анализ развития регионов Уральского макрорегиона в эпоху четвертой промышленной революции // *Социум и власть*. — 2020. — № 5 (85). — С. 51–64; Новикова Н. В. Новая индустриализация: региональная парадигма. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2018. — 264 с.; Силин Я. П., Анимиды Е. Г., Новикова Н. В. Уральский макрорегион: большие циклы индустриализации / под науч. ред. С. Ю. Глазьева, С. Д. Бодрунова. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2019. — 371 с.

² Анимиды Е. Г., Новикова Н. В. Тенденции экономической динамики классического старопромышленного региона России: кейс Свердловской области // *Journal of new economy*. — 2022. — Т. 23, № 2. — С. 74.

³ Там же. — С. 75.

ности. Особое значение имеет и фактор эколого-ресурсосберегающего развития конкретного региона, что неоднократно подтверждают исследования¹.

Следует подчеркнуть, что актуальное значение в период трансформации экономики представляет учет инновационной активности с проведением высокотехнологичной модернизации. Такая постановка вопроса с позиции устойчивого развития является важной на различных иерархических уровнях. Акцентируем внимание на главных взаимосвязанных положениях, важнейшими из которых являются:

— поиск и становление новых тенденций регионального развития, и прежде всего в условиях неопределенности, обусловленной пандемией COVID-19 и высокими санкциями со стороны Запада. Сложившаяся ситуация вызывает необходимость разработки методологии и исследования отдельных вопросов в стратегическом планировании и управлении развитием территорий в новых условиях, формирования инструментария выбора и обоснования приоритетных направлений развития региональных социально-экономических систем;

— организация системного стратегического управления социально-экономическими процессами, обеспечение сбалансированного социально-экономического развития, а также выбор и обоснование инструментария и частных методических подходов к формированию и реализации стратегий.

Среди типичных промышленных объектов целесообразно выделить лесопромышленные, а в ряду с ними — субъекты хозяйствования горнорудной промышленности². В рамках исследования использовались методы многомерного статистического анализа. При формировании программы стратегического развития предложены методы эконометрического моделирования.

Длительный период исследуется тематика конкуренции, конкурентоспособности лесного комплекса на уровне региона, а также его конкурентные преимущества. Национальное производство не вырастает из природных ресурсов, имеющейся рабочей силы, процентных ставок или покупательной силы национальной валюты, как это утверждается в классической экономике. Конкурентоспособность зависит от способности ее промышленности вводить новшества и модернизироваться³.

Для определения результирующего варианта развития лесопромышленного комплекса Уральского региона предложены методы экономико-математического моделирования. Используются статистический, динамический методы, метод дисконтирования, метод эффективности, системный, монографический и структурный анализ. Апробирован также авторский методический подход в части формирования и реализации региональных инвестиционных

¹ Анимца Е. Г., Рахмеева И. И. Эконометрический факторный анализ развития регионов Уральского макрорегиона в эпоху четвертой промышленной революции // Социум и власть. — 2020. — № 5 (85). — С. 51–64.

² Бутко Г. П. Особенности управления горным предприятием как эколого-экономической системой // Горный журнал. — 2019. — № 2. — С. 90–98.

³ Бутко Г. П. Ресурсы инноваций. — Екатеринбург: УГЛТУ, 2021. — 145 с.

проектов для поддержания конкурентного статуса и создания методического инструментария в развитии региона¹.

На вопросы индустриализации, нововведений и перспектив развития региона обращали свое внимание уральские ученые². Подходы к управлению стоимости бизнеса описаны неоднократно. Согласно данным подходам управление стоимостью организации возможно на основе анализа ее восприятия как внутренней, так и внешней среды. Степень чувствительности к различным факторам зависит от специфики производства и его зрелости, масштабов деятельности.

Основными параметрами стоимости организации и устойчивого развития региона следует считать ценовую политику, состояние производственных мощностей, уровень конкуренции в отрасли, ценностные характеристики потребителей производимой продукции и оказываемых услуг, нормативно-правовое регулирование. Не менее значимой является и надежность поставщиков. По нашему мнению, за основополагающий фактор целесообразно принять экологический фактор, так как из практического опыта следует, что во многих областях он выступает довольно значимым. Чрезвычайную значимость данный фактор приобретает в лесном секторе экономики, это прежде всего связано с получаемыми полезностями и функциональными особенностями природных ресурсов.

Сделаем предположение о влиянии экологического фактора на конечную стоимость хозяйствующего субъекта. С целью подтверждения выдвинутой гипотезы целесообразно апробировать методический подход о взаимосвязи между повышением стоимости хозяйствующего субъекта и непосредственно его экологической компонентой.

Будем акцентировать наше внимание на новых подходах, таких как:

- анализ полезности стоимости;
- метод организации предпочтительного ранжирования;
- метод определения решения при нескольких целевых функциях;
- аналитический процесс определения иерархии целей (АНР-метод).

Вполне очевидно, что используемый долгое время метод Дельфи по системе факторов, предложенных экспертами, требует значительного уточнения и детализации с точки зрения количественно оцениваемых параметров. Известные подходы из зарубежных источников не всегда возможно использовать в российской действительности, тем более в лесном комплексе.

¹ Бутко Г. П. Перспективы инновационного развития региона // Вестник Московского государственного университета леса — Лесной вестник. — 2016. — № 6 (119). — С. 133–137.

² Антипин И. А. Об оценке стратегий социально-экономического развития крупнейших городов Урала // Вестник экономики, права и социологии. — 2019. — № 3. — С. 13–17; Антипин И. А. Стратегические приоритеты инновационного развития регионов Российской Федерации // Модернизационно-инновационные процессы в социально-экономическом развитии регионов и городов. Книга 1 / под науч. ред. Е. Г. Анимицы. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2013. — С. 115–129; Антипин И. А. Цифровизация как инструмент трансформации стратегического развития территории // Теория и практика общественного развития. — 2018. — № 12. — С. 90–94.

В практике известны методики оценки инвестиционной привлекательности без акцента на отраслевой характер, тем более лесной сектор. Зарубежные подходы отличаются другим восприятием системы ценностей и зачастую представляют собой слишком нагроможденную, многоступенчатую схему оценки, состоящую из 10 и более групп показателей, параметры которых вызывают сложность непосредственного расчета.

Особое значение на данном этапе решения проблемы устойчивого развития на основе инновационного подхода приобретает спектр таких параметров, как:

- материально-сырьевой;
- человеческий капитал;
- социальная сфера;
- непроизводственная/производственная сфера;
- сфера потребления и услуг;
- инфраструктура.

Однако не всегда находят широкое отражение такие составляющие, как инновационная активность и инновационный потенциал, что является важным в динамике.

В качестве реального и адекватного решения данной проблемы кратко представим наш методический подход к формированию, а затем практической реализации инвестиционной привлекательности.

Неоднозначность толкования понятия «инвестиционная привлекательность» неоднократно отмечалась ведущими отечественными специалистами¹.

Мы не ставили задачи изучения практического опыта, точек зрения, когда игнорируется знание теоретического и тем более методологического обоснования, что приводит к искажению классического наследия и неточностям в определениях. Зачастую процесс инвестирования сводится только к чистому бизнесу и предпринимательству, что также отражает лишь часть проблемы, оставляя практически неосвещенной ее внутреннюю структуру.

Стратегические приоритеты инновационного развития регионов Российской Федерации и образ будущего исследованы в научных публикациях Уральской научной школы².

С точки зрения полноты функционала и опыта внедрения новых перспективных моделей в России находят практическое применение модели цифровых технологий для обеспечения устойчивого развития на их основе³.

Будем понимать под инвестиционной привлекательностью организации обобщенную характеристику ее перспективности, а также выгоды, эффективности и минимизации риска вложения средств.

¹ Яковенко Н. В., Бутко Г. П., Мехренцев А. В. Типологические особенности инновационного развития ЛПК // Актуальные направления научных исследований в XXI веке: теория и практика. — 2022. — Т. 10, № 2 (57). — С. 124–138.

² Романова О. А., Сиротин Д. В. Базовые отрасли промышленных регионов России. Образ будущего // Journal of new economy. — 2022. — Т. 23, № 2. — С. 9–28.

³ Илюшников Е. К., Илюшников К. К. Инструменты автоматизации процесса управления персоналом в коммерческой организации // Креативная экономика. — 2019. — Т. 13, № 7. — С. 1443–1456.

Используя авторский подход и последующие исследования специалистов, предлагаем дополнить показатели оценки инновационной активности таким критерием, как рост экономической ценности хозяйствующего субъекта (организации):

$$\Delta ЦО = \frac{ЧП + А}{Активы - ЗС},$$

где $\Delta ЦО$ — рост ценности организации; ЧП — чистая прибыль за отчетный период; А — отчисления по амортизации; Активы — суммарная стоимость закрепленных активов; ЗС — заемные средства.

Используют данные коэффициенты для формирования стратегии инновационного развития. Такой подход основан на последовательном рассмотрении предложенных коэффициентов и дает возможность организации оценить базовые инвестиции, направляемые в развитие на основе рационального использования инновационных ресурсов.

Рассматриваются два варианта:

- 1) на основе существующих традиционных технологий;
- 2) на основе перспективных технологий.

Исследование инновационной активности подтверждает, что она формируется намного ранее, до момента использования научно-технологического резерва на базе предложенного подхода.

По нашему мнению, в расчетах наступления инновационной активности в виде научно-технологического резерва рекомендуется учитывать показатели стоимости с учетом дисконтирования (V_i) и взвешенных коэффициентов по фактору стоимости (K_i):

$$V_{\text{инт}} = \sum V_i \times K_i,$$

где $V_{\text{инт}}$ — интегральный показатель инновационной активности.

В условиях дефицита сырьевых ресурсов классическое наследие важно, так как детально исследованы функции органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, взаимообусловленность необходимости регулирования процесса лесопользования с точки зрения инвестирования на региональном уровне.

На основе богатейшего опыта обоснована необходимость создания реально функционирующего документа, выполняющего функции защиты. Новая организация может выступать как комитет по оценке инвестиционной привлекательности лесов и перспектив лесопользования. В состав такого комитета должны входить различные структуры из представителей государственно-частного партнерства, зарубежных участников лесного предпринимательства и владельцев негосударственных форм собственности.

Современные подходы к организации лесопользования, стимулирующие привлечение инвестиций в эту область, должны опираться на признание всего

спектра лесохозяйственных работ предпринимательской деятельностью с оплатой результатов этой деятельности по ценам, устанавливаемым в договоре аренды лесных участков.

Среди приоритетных моделей рационального лесопользования и принципов устойчивого развития на основе нововведений акцентируем внимание на следующем.

Первое направление представлено как образование финансовых средств за счет платы от лесопользования и создания соответствующей конкурентной основы, выступающей как региональный результат с учетом аукционного дохода. Доля этих средств в размере нормативных затрат на восстановительные работы централизуется в виде специального целевого фонда.

Другое направление характеризуется тем, что средства на воспроизводство лесов в размере установленных нормативов переводятся арендатором на специальный депозитный счет в банке, что учитывается соответствующим снижением платы за использование лесов при расчете ее региональной составляющей.

Функции контроля по представленным направлениям несет государственный орган как собственник лесного фонда.

Поставленные задачи исследования конкурентоспособности и эффективности социально-экономического развития лесного комплекса отражены в табл. 17.

Таблица 17

**Аналитика деятельности исследуемых объектов
на основе влияния инвестиционной привлекательности на эффективность**

Функция	Исследуемые объекты			
	1	2	3	4
Обеспечивающая	0,43	0,38	0,31	0,28
Конструктивная	0,51	0,45	0,39	0,32
Рост эффективности, %	128,8	117,8	115,2	114,4
Развитие государственно-частного партнерства (ГЧП), %	0,33	0,29	0,25	0,149

В качестве объектов конкуренции на входе выступают объекты лесопромышленного комплекса в условиях возрастающей ограниченности ресурсов, таких как: природные, материальные, финансовые, трудовые, информационные. Товары производятся для внешнего и внутреннего рынка, для личного и производственного потребления. В процессе решения проблемы обеспечения квалифицированными трудовыми ресурсами из других регионов формируется миграционное движение населения.

На конечном этапе исследования необходимо выполнять экономическое обоснование на основании альтернативных подходов с акцентом на такие показатели, как:

- внутренняя норма доходности;
- чистая текущая стоимость;

- простота ценности организации;
- период окупаемости с учетом дисконтирования и изменения кредитной политики;
- доля рынка.

Предлагаемый нами подход по реализации прогнозных оценок конкурентных позиций хозяйствующих субъектов на основе влияния инвестиционной привлекательности представлен в табл. 18.

Таблица 18

Прогнозные оценки конкурентных позиций хозяйствующих субъектов на основе влияния инвестиционной привлекательности

Хозяйствующие субъекты (макеты проектов)	\bar{Y}_i	S_i	$t_{22; 0,05} S_i$	$\bar{Y}_i - t_{22; 0,05} S_i$	$\bar{Y}_i + t_{22; 0,05} S_i$
Алапаевсклес	21,2	2,05	4,24	16,96	25,44
Карпинсклес	34,2	1,98	4,10	30,10	38,30
Кашкинсклес	21,4	2,15	4,45	17,25	26,15
Лобвалес	16,8	2,21	4,57	12,23	21,37
Лялинсклес	15,6	1,86	3,85	11,75	19,45
Полевсклес	4,5	1,92	3,97	1,00	8,40
Пышмалес	6,7	2,14	4,43	2,27	11,13

Примечание. Y — зависимая переменная от S_i — сырьевой фактор; t — период освоения лесного массива региона.

По нашему мнению, конкурентоспособность лесного комплекса с точки зрения обеспечения экономической безопасности позволяет достичь высокого уровня и качества жизни населения, дает возможность реализовать имеющийся экономический потенциал с целью соблюдения биоэкологического равновесия экономики на мезоуровне.

Разработка стратегии развития лесного комплекса на перспективу возможна как в среднесрочном, так и в долгосрочном периоде с учетом поставленных задач рационального освоения и воспроизводства лесного потенциала на принципах эффективности и создания безотходных производств.

Делаем вывод, что инвестиционная привлекательность и ее влияние на повышение конкурентных преимуществ дают возможность выполнить сопоставление с различными хозяйствующими субъектами других регионов и отражают уровень социально-экономического развития территории.

Уровень инвестиционной привлекательности региона и его влияние на повышение конкурентоспособности выступают основой обеспечения экономической безопасности. Данная позиция отражается в постоянно проводимых рейтингах. Уральский экономический регион входит в число российских старопромышленных регионов-лидеров. Причем лесной комплекс в период различных серьезных реформ, начиная с 1998 г., от крупного дефолта и в последующие реформы, не получил должной экономической поддержки от государ-

ства в отличие от других отраслей промышленности. Это относится в первую очередь к базовым газовой и нефтяной отраслям.

В связи с отмеченным положением подчеркнем, что для лесного комплекса в настоящее время требуется методика оценки инвестиционной привлекательности с учетом инновационного развития территории. Такая задача в достаточно высокой степени решена авторами в отмеченных трудах с акцентом на организационные и управленческие инновации и создание инновационного потенциала. При этом во главу угла ставится не только сегментирование, но и каналы товародвижения, а также непосредственно процесс позиционирования рынка лесных товаров с учетом возможных новых позиций, таких как товары-заменители деловой древесины, и качественных характеристик.

Такая постановка вопроса позволит предотвратить сырьевую направленность экспорта леса Уральского федерального округа и сохранить конкурентоспособность на макроэкономическом уровне.

Методы дисконтированных денежных потоков и реальных опционов целесообразно рассматривать в перспективном будущем как имеющие потенциал (инвестиционно привлекательный) для развития лесного комплекса. Отдельные слабо развитые (непривлекательные для инвесторов) подотрасли должны иметь возможность дифференцирования системы экономических механизмов для повышения инвестиционной привлекательности и обеспечения конкурентоспособности.

Причиной роста внимания современных компаний к повышению эффективности использования человеческих ресурсов послужили развитие новых подходов к процессу управления персоналом, внедрение современных инновационных технологий.

Настоящий этап развития и наступившее третье десятилетие XXI века представлены динамизмом отмеченных направлений, они являются приоритетными сегодня. Эти перспективные направления с особыми достижениями и значимостью зачастую выступают как составляющие программ «Перспективный регион» и «Умный регион». Формирование таких программ, как правило, является стержнем для перспективных направлений развития лесного сектора экономики, сельских территорий и сектора туристических услуг с освоением территорий Алтая, Сибири, Камчатки, Сахалина и Севера. Непосредственно процесс воспроизводства материального производства в конкретных экономических отношениях будет определяться результатами использования инновационного потенциала, подготовки специалистов, реформированием многоуровневой системы высшей школы. Не менее значимыми являются состояние конкурентного статуса и конкурентные позиции исследуемых объектов хозяйствования.

Перспективы развития, а также уровень и состояние научного задела подтверждают дискуссионность в вопросах формирования многообразия кластеров. С позиции изучения проблемы в динамике вполне очевидно, что формирование промышленных кластеров стало одним из направлений государственной политики Российской Федерации. Последнее связано с принятием норматив-

ных документов на государственном уровне и подтверждает значимость формирования территориально-производственных кластеров с экономической точки зрения, прежде всего с позиции экономической безопасности.

Ситуация на мировой арене и фактический опыт Скандинавских стран свидетельствуют, что эффективность кластеризации экономики на основе инновационной трансформации предприятий малого бизнеса существует. В целях стабилизации развития экономики региона на базе инструментария кластерных формирований важна эффективная государственная промышленная политика. В основе инструментария выступает поддержка со стороны государства и муниципалитета¹.

Исследование за длительный период времени (2012–2021 гг.) подтверждает необходимость создания системы показателей развития экономического кластера Уральского региона на перспективу (табл. 19). Такая постановка сегодня чрезвычайно важна в связи с объявленными санкциями, прежде всего стран Евросоюза.

Таблица 19

Результат роста индекса потенциальной кластеризации по видам деятельности

Вид деятельности	Динамика		
	2012	2016	2021
Производство древесно-стружечной плиты	1,21	1,45	1,87
Лесопиление	1,05	1,22	1,41
Деревообработка	1,15	1,20	1,31
Производство заменителей исходного сырья	1,24	1,30	1,42

Такая ситуация связана с необходимостью формирования программы стратегического развития комплексов (кластеров) инновационного типа. Кроме отмеченных особенностей, считаем, что ведущим результатом функционирования комплекса (кластера) служит объем производства, первый критерий группировки факторов развития.

В рамках Уральского региона, по Свердловской области, основные экономические комплексы (кластеры) находятся в том же диапазоне, что и факторы формирования валового регионального продукта:

- трудовой (человеческий капитал);
- технико-технологический;
- природно-ресурсный;
- институциональный;
- организационный;
- информационный;

¹ *Илюшников Е. К., Илюшников К. К.* Инструменты автоматизации процесса управления персоналом в коммерческой организации // Креативная экономика. — 2019. — Т. 13, № 7. — С. 1443–1456.

— интеллектуальный.

На основании критерия «прирост ценности организации» и системы оценочных показателей акцентируем внимание на таких масштабах факторного воздействия, как:

- макроэкономический;
- мезоэкономический;
- региональный.

По нашему мнению, можно положительно охарактеризовать эффективность развития комплекса. Так, после 2019 г. наблюдается выход лесопромышленного комплекса в зону опережающей эффективности. Из полученных результатов исследования следует, что появилась возможность использовать понятие «промышленный кластер инновационного типа» на основании таких факторов:

1) появление высокой степени локализации составляющих потенциального центра кластера по секторам;

2) на функционирование секторов кластера в значительной мере воздействуют инфраструктура объекта и виды экономической деятельности.

Функционирование кластера инновационного типа, как правило, обеспечивается на основе экспериментальных результатов по опытным партиям аналитических моделей.

Базисная инновационная составляющая кластера связана с его позиционированием и закреплением на рынке сбыта продукции.

Экономическая эффективность и целесообразность представленного типа инновационного кластера достигает 65,5 % в результате сотрудничества со структурными подразделениями Уральского государственного аграрного университета, а также Ирбитского аграрного колледжа, расположенных в исследуемом регионе, или бизнес-центрами.

Большое значение имеют такие показатели, как:

- индекс доходности;
- срок окупаемости;
- внутренняя норма доходности;
- чистая текущая стоимость;
- синергетической эффект;
- эффект межкластерного взаимодействия.

Финансовая устойчивость кластера инновационного типа Уральского региона находится во взаимосвязи с достигнутым потенциалом университетов (44 %), участием в международных форумах (25 %), возможностями научно-исследовательских центров (20 %). Существует и такая не менее значимая составляющая, как информационный фактор (11 %). Практически за счет этого обеспечивается экономический базис экономического инновационного кластера. Эффективность кластера зависит также от инфраструктуры, мотивации сотрудников и окружения, а также степени координации по отдельным элементам инфраструктуры. В конечном счете важно обеспечить финансовую устойчивость и снизить финансовые риски.

Возможны и различные пути получения интегрального эффекта кластера за счет координации.

Для определения динамики инновационного кластера конкретной области промышленного потенциала необходимо установить показатели в части наиболее исследуемых моделей:

- модель опережающей эффективности;
- модель отстающей эффективности.

На основе исходной базы и статистической информации устанавливаются размер недостаточной локализации ресурсов.

На следующем этапе необходимо проанализировать значения индексов локализации $LQ(E)$ по инновационным кластерам Уральского федерального округа. Представим результаты по лесопромышленному кластеру, полученные за период 2019–2021 гг.

Лесопромышленный кластер:

- 1) Туринского района:
 - 2019 г. $LQ(E)$ — 0,94;
 - 2020 г. $LQ(E)$ — 0,98;
 - 2021 г. $LQ(E)$ — 1,14;
- 2) Ново-Лялинского района:
 - 2019 г. $LQ(E)$ — 0,97;
 - 2020 г. $LQ(E)$ — 0,99;
 - 2021 г. $LQ(E)$ — 1,19;
- 3) Таборинского района:
 - 2019 г. $LQ(E)$ — 0,95;
 - 2020 г. $LQ(E)$ — 0,98;
 - 2021 г. $LQ(E)$ — 1,15.

Полученные результаты исследований и выходные данные подтверждают значимость данного подхода, так как среди исследуемых секторов прослеживается опережающая эффективность только по рассматриваемому периоду 2019–2021 гг.

Целесообразно выделить ведущие сектора из-за необходимости учета приоритетов развития внешнеэкономической деятельности в связи с введением военного положения в Донецкой и Луганской Народных Республиках. С позиции обеспечения населения именно сельское хозяйство отвечает за производство пищевых продуктов и их поставку. Было бы наиболее верно рассматривать в комплексе затратные параметры по смежным подотраслям агропромышленного и лесопромышленного комплексов.

В результате исследования получены значения индексов локализации и коэффициента интенсивности локализации по смежным подотраслям, а также определены экономические параметры.

Основным фактором в исследовании выступает определяющая роль инновационного экономического кластера как региона, как отправной точки притока инвестиций и создания конкурентных преимуществ, а на этой основе — конкурентного инновационного потенциала. На основе реализации промыш-

ленной политики возможны трансформация структуры отдельных регионов в отраслевом контексте и решение проблемы прав собственности на сырье в конкретной сфере лесной промышленности.

Следует акцентировать внимание на формировании комплекса (кластера) инновационного типа в других областях и базовых подотраслях лесопромышленного комплекса с развитой инфраструктурой, интегрированными структурами и возможностью трансфера прогрессивных технологий.

Данный подход позволяет решить проблемы импортозамещающих производств, способствует появлению новых рабочих мест и росту конкурентоспособности как производства, так и выпускаемой продукции. Возможность реализации инновационного подхода выступает как альтернатива экспортно-сырьевой направленности промышленного потенциала.

Для оценки экономической безопасности региона и ее подструктур необходимо определение возможностей и угроз экономической безопасности. Это касается инвестиционной и инновационной составляющих. Не менее важен учет и демографической составляющей. Особенно это касается лесопромышленного комплекса, долгое время экспортирующего сырьевые ресурсы вместо готовой продукции.

Отметим, что с экономической точки зрения промышленный, и в первую очередь инновационный, комплекс (кластер) выступает местом рационального размещения производительных сил в условиях дефицита сырьевых ресурсов и недостаточного количества рабочих мест в территориальном аспекте.

Формирование локальных «точек роста» территориального промышленного кластера должно происходить с учетом наличия якорного предприятия с использованием инструментов выделения земельных участков и инвестиционных площадок для новых производств с целью привлечения инвесторов, способных и готовых к предпринимательской деятельности и смене форм бизнес-структур.

Как теоретический, так и практический опыт подтверждает, что в рамках Уральского федерального округа именно Тавдинский городской округ располагает большими возможностями в плане перспектив развития и усиления значимости промышленного потенциала. Такая возможность реальна за счет как увеличения загрузки существующих производственных мощностей, совершенствования их технической базы и повышения конкурентоспособности выпускаемой продукции, так и развития новых производств по освоению ресурсов на основе новых наукоемких технологий высокого класса¹.

В будущем промышленный потенциал Тавдинского городского округа можно будет определить как крупный потенциал с высоким конкурентным статусом, что связано с возрастанием места и роли позиций промышленного комплекса. Возможность такого рода рассматривается в числе стратегических направлений развития территории, а промышленная политика — как важней-

¹ Мехренцев А. В., Бутко Г. П., Герц Э. Ф. О рациональной производственной структуре регионального лесопромышленного комплекса Свердловской области в контексте цифровых технологий // Системы. Методы. Технологии. — 2021. — № 1 (49). — С. 72–77.

ший инструмент территориального развития. Прежде всего отметим, что промышленный кластер на инновационной основе должен обеспечить наибольшую устойчивость экономики и проявить ее наиболее сильные конкурентные позиции на рынке.

Кластерный подход к перспективному промышленному развитию на основе инновационной активности территории вытекает из особенностей развития и размещения производительных сил. Интерес представляют перспективы развития как лесопромышленного, так и аграрного сектора экономики.

В состав инновационного кластера комплекса предприятий малого бизнеса войдут направления растениеводства, лесозаготовительное, мебельное, транспортное, биоэнергетическое, лесохимическое, пищевое и туристическое, ориентированные на освоение ресурсов на арендованных сельских и лесных угодьях. Значимо освоение бывших промышленных площадок гидролизного и лесопильного комбинатов. Кадровое обеспечение кластера при этом принимает в обязанность образовательный комплекс, созданный на основе Тавдинского колледжа механической обработки древесины и Уральского государственного лесотехнического университета. Специализированной организацией формирующегося промышленного кластера должна стать областная некоммерческая организация работодателей «Уральский Союз лесопромышленников». С позиции реализации общей стратегической идеи и намеченных стратегических направлений развития региона ставится задача выбора в рамках представленных комплексов предприятий соответствующих точек роста, а также интеграции местной экономики в ключевые областные кластеры и координации реализуемых проектов. Вполне реально, что современный приоритет в развитии территории Тавдинского городского округа переходит от промышленно-сырьевых к промышленно-инновационным, транспортным, биоэнергетическим, туристско-рекреационным и пищевым отраслям. Формируется стратегия реализации таких приоритетных направлений кластерной политики конкретного городского округа.

Последовательность инновационного подхода при разработке и внедрении новой продукции (оказываемых услуг) можно представить как взаимосвязанный цикл, от замысла и идеи до выбора эффективных каналов продвижения и позиционирования на выбранном участке рынка.

Экономические кластеры как фактор комплексного развития региона изучены и с точки зрения факторов социального характера¹.

Эффективное управление инновационными процессами территории в первую очередь требует объективной оценки ее инновационного потенциала. Среди различных подходов в данной области наиболее приемлемой будем считать методику оценки инновационного потенциала региона, которая предусматривает использование сбалансированности его структурных подразделений.

¹ *Меделяева З., Босая И., Ляшко С.* Социально-экономические кластеры как фактор комплексного развития региона // *Международный сельскохозяйственный журнал.* — 2015. — № 6. — С. 52–55; *Боброва С. Я., Жукова Н. В., Ярлова В. В.* Актуальные вопросы формирования кластеров как инструмента повышения конкурентоспособности региона // *Фундаментальные исследования.* — 2017. — № 12 — С. 508–509.

В рамках формирования рациональной структуры новых продуктов на основе инновационных ресурсов необходимо обосновать пропорциональность распределения их между субъектами инновационной деятельности. Структура должна быть эффективной.

В процессе изучения сбалансированности в инновационной деятельности в рамках региона появляется необходимость в совершенствовании инструментария классификации базовых информационных параметров. Наш подход подразумевает необходимость введения дополнительных аргументированных параметров.

Отметим, что большое значение имеет решение проблемы обеспечения качества инновационного развития лесопромышленного комплекса на мезоуровне. Подлежит первостепенному решению вопрос информационного обеспечения и возможности цифровых технологий¹.

Не менее важным остается вопрос относительно степени развития региона, соотношения технологических структур экономики, динамики и принципиально значимых особенностей взаимодействия участников процесса развития и создания нового продукта, а также инновационных возможностей по продвижению продукта на рынок.

Формирование и реализация инструментария инновационного развития определяют необходимость разработки методико-аналитических подходов, которые способны учитывать особенности территориально-экономических интересов², этические нормы и характерные специфические черты объекта исследования, соотношение технологических структур экономики. Это важно для формирования конкурентного статуса и конкурентных преимуществ с позиции комплексного подхода.

На следующем этапе решается вопрос о приоритетах продвижения нового продукта, а также соотношении сложившегося уровня между спросом и предложением на новый продукт и услуги.

Первостепенное значение имеют такие инструменты:

— налоговое законодательство и необходимость реформирования бюджетного законодательства;

— трансформация и сбалансированность прав на интеллектуальную собственность.

Необходимым в сложившейся ситуации является исследование приоритетных направлений развития экономики в мировом масштабе по таким крупным трендам, как:

— индустриальное производство, ориентированное на машиностроительный сектор;

— постиндустриальное производство, ориентированное на нематериальное производство, в первую очередь на науку, образование, международный туризм, сферу услуг.

¹ Яковенко Н. В., Бутко Г. П., Мехренцев А. В. Типологические особенности инновационного развития ЛПК // Актуальные направления научных исследований в XXI веке: теория и практика. — 2022. — Т. 10, № 2 (57). — С. 124–138.

² Там же.

В условиях трансформации экономики инновационные кластеры позволяют обеспечить возможность формирования стратегии стабильного экономического роста территории. Цель стратегии промышленного кластерного развития состоит во взаимосвязи регионального планирования и прогнозной модели экономического и инфраструктурного развития территории. В целом представленный инновационный подход и возможная инновационная активность будут способствовать устойчивому развитию и рациональному формированию производственных мощностей с одновременным их наращиванием, с возможностью расширения вспомогательных производств и востребованностью человеческого капитала.

2.4. Теоретико-методологические и методические особенности стратегического планирования социально-экономического развития разнотипных муниципальных образований

Успех социально-экономического развития муниципальных образований во многом определяется качеством стратегического планирования, которое представляет собой систематический, циклически повторяющийся процесс прогнозирования муниципальным сообществом картины своего будущего и направлений его достижения в условиях ограниченных ресурсов. Понятие «стратегическое планирование» было первоначально введено в военных науках, под ним понимался «принципиальный инструмент, посредством которого политическое лидерство достигается путем сочетания политики и военных реалий, используемых также для управления военными операциями»¹.

Впоследствии этот термин был перенесен в социальные и общественные науки. «Стратегическое планирование — деятельность участников стратегического планирования по целеполаганию, прогнозированию, планированию и программированию социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований»². Как видно из этой установки, в Российской Федерации существует три уровня стратегического планирования: федеральный, региональный и муниципальный, каждый из которых решает тот круг проблем, которые соответствуют его уровню полномочий. Стратегическое планирование муниципальных образований играет в этой системе подчиненную роль, с одной стороны, в то же время оно является самым приближенным к населению и, следовательно, в наибольшей степени осведомлено о проблемах жителей и возможностях их решения, с другой стороны.

¹ Миронков М. А., Селиванова Л. А., Бутко Е. Я. Стратегическое планирование развития территорий муниципальных образований: закон — теория — практика. — Гатчина: ГИЭФПТ, 2018. — С. 124.

² О стратегическом планировании в Российской Федерации: федер. закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ.

В современных условиях стратегическое планирование на долгосрочной основе концептуально очерчивает содержание муниципального управления, определяет его программы и проекты, позволяет сконцентрировать ресурсы на главных приоритетных направлениях, распределить ресурсные источники с учетом основных задач, способствующих антикризисному вектору управления, поэтому оно сегодня является самым эффективным инструментом управления. Отметим тот факт, что стратегическое планирование стало обязательным компонентом деятельности всех субъектов государственного и муниципального управления (федеральных, региональных и муниципальных органов власти)¹.

Ряд ученых рассматривают стратегическое планирование как особый вид управленческой деятельности, заключающийся в выработке стратегических решений, предусматривающих обоснование таких целей, реализация которых обеспечивает эффективное функционирование муниципального образования в долгосрочной перспективе и оперативную адаптацию администрации муниципального образования к изменяющимся обстоятельствам внешней среды².

В основе стратегического планирования муниципальных образований лежит совокупность принципов:

— принцип системности — предполагает учет того факта, что муниципалитет предстает как сложная, многоуровневая социально-экономическая система, состоящая из множества социально-экономических подсистем, деятельность которых должна подчиняться общему целеполаганию;

— принцип непрерывности планирования и прогнозирования — необходим вследствие постоянного развития социальной и экономической сфер, а также непрерывного научно-технического прогресса;

— принцип целеполагания, в соответствии с которым каждый план и проект должен быть сфокусирован на достижение определенных целей и приоритетов в экономических отраслях и социальных сферах. При этом необходимо согласование целей и задач стратегии социально-экономического развития муниципалитета в долгосрочном периоде с приоритетами и целями социально-экономического развития Российской Федерации и субъектов РФ;

— принцип комплексности, требующий рассмотрения любого элемента системы в его зависимости с другими процессами. При этом должен учитываться принцип социальной направленности, связанной с решением проблем социальной сферы;

— принцип вариативности, предполагающий разработку нескольких, как правило, инерционного, инновационного и форсированного, вариантов решения социально-экономических проблем, их возможностей и ограничений, а также выбор наиболее оптимального, с позиций эффективности, варианта;

— принцип единства отраслевого и регионального аспектов планирования, в результате чего отраслевые планы должны быть направлены на реали-

¹ Умберг Э. Д. Стратегическое целеполагание. — URL: <https://center-yf.ru/data/Menedzheru/Strategicheskoe-celepolaganie.php> (дата обращения: 15.08.2022).

² Миронков М. А., Селиванова Л. А., Бутко Е. Я. Стратегическое планирование развития территорий муниципальных образований: закон — теория — практика. — Гатчина: ГИЭФПТ, 2018. — С. 43.

зацию интересов развития данного муниципального образования и оптимальное использование местных ресурсов;

— принцип сбалансированности, состоящий в балансовой увязке показателей, соблюдении пропорций между ними (общеэкономических, пространственных, межотраслевых, внутриотраслевых, внешнеэкономических и пр.);

— принцип адекватности — означает использование соответствующих реальному содержанию экономических и социальных процессов методов и пр.¹

В научной литературе значительное количество публикаций посвящено анализу стратегического планирования муниципальных образований, оценке практики стратегирования, выявлению противоречий и ключевых проблемных точек, возникающих в ходе реализации Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»², а также правовым проблемам и вызовам, стоящим перед муниципальным стратегическим планированием³. Особо следует отметить работы, где предпринята попытка комплексного анализа процесса стратегического планирования и анализа его научного сопровождения (целеполагания, прогноза, проектирования, программирования, планирования, контроля и аудита)⁴, а также посвященные проблемам организации стратегического планирования⁵.

Отдельного внимания заслуживают работы, связанные с территориальным стратегическим планированием муниципальных образований⁶.

Следует отметить исследования, связанные с функциональным анализом, который продемонстрировал наличие весьма серьезной причинно-следственной связи социально-экономического развития города с наличием в нем стратегического плана⁷.

¹ *О стратегическом планировании в Российской Федерации: федер. закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ; Королева Е. Н., Вахтина М. А.* Территориальное стратегическое планирование: теоретические аспекты и современная практика муниципальных образований. — СПб.: СПбГЭУ, 2005. — 176 с.; *Смирнова О. О.* Основы стратегического планирования Российской Федерации. — М.: Наука, 2013. — 302 с.

² *Одицова А. В.* Проблемы институционализации стратегического планирования муниципальных образований // Проблемы развития территории. — 2018. — № 5 (97). — С. 99–109.

³ *Бухвальд Е. М.* Муниципальное звено стратегического планирования: экономические и правовые проблемы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. — 2016. — № 4 (37). — С. 41–52; *Миронков М. А., Селиванова Л. А., Бутко Е. Я.* Стратегическое планирование развития территорий муниципальных образований: закон — теория — практика. — Гатчина: ГИЭФПТ, 2018. — 137 с.

⁴ *Стратегическое планирование в государственном секторе экономики /* под ред. С. Н. Сильвестрова. — М.: ИНФРА-М, 2022. — 344 с.

⁵ *Магданов П. В.* Проблемы организации стратегического планирования в муниципальных образованиях // *Ars Administrandi. Искусство управления.* — 2015. — № 3. — С. 91–98; *Шмидт А. Н., Банников А. Ю.* О системе стратегического планирования социально-экономического развития муниципального образования // Новый взгляд. Международный научный вестник. — 2015. — № 10. — С. 262–272.

⁶ *Королева Е. Н., Вахтина М. А.* Территориальное стратегическое планирование: теоретические аспекты и современная практика муниципальных образований. — СПб.: СПбГЭУ, 2005. — 176 с.

⁷ *Колчинская Е. Э.* Роль стратегического планирования в развитии города: подходы к оценке // Региональная экономика: теория и практика. — 2013. — № 39. — С. 59–64.

И наконец, в экономической литературе уделяется внимание также совершенствованию инструментально-методического обеспечения разработки стратегического планирования муниципальных образований¹. Так, в работе В. И. Зарубина и С. В. Горбанева приведена классификация методов стратегического планирования, в частности, предлагается использовать в качестве методологической основы функциональный подход².

В последнее время появились работы, изучающие стратегическое планирование муниципальных образований в контексте стратегического планирования его внутригородских образований (разработка методики и ее апробация, формирование перспектив административно-территориального устройства и территориальной организации муниципалитетов с учетом межмуниципального сотрудничества и кластерного подхода³.

Помимо этого, имеют место публикации, которые предлагают типовые модели развития отдельных территорий с высокой концентрацией промышленного капитала⁴.

Зарубежные авторы также обращают внимание читателей на важность разработки и реализации стратегического планирования в местных органах власти, в частности: в Норвегии⁵, в Западных Балканах⁶, Франции⁷, Сардинии⁸.

¹ *Легостаева С. А., Плахова Л. В., Егорова Т. Н. и др.* Совершенствование методической основы стратегического планирования развития муниципального образования // Успехи современной науки и образования. — 2017. — Т. 1, № 5. — С. 10–18; *Зарубин В. И., Горбанев С. В.* Методический базис разработки стратегии муниципального образования // Новые технологии. — 2021. — Т. 17, № 3. — С. 105–111; *Сираждинов Р. Ж.* Стратегическое планирование социально-экономического развития муниципальных образований // Муниципальная академия. — 2018. — № 4. — С. 38–42.

² *Зарубин В. И., Горбанев С. В.* Методический базис разработки стратегии муниципального образования // Новые технологии. — 2021. — Т. 17, № 3. — С. 105–111.

³ *Намханова М. В., Ломовцева А. А., Лисичкин О. О.* Стратегическое планирование развития внутригородских муниципальных образований города Севастополя // Экономика и управление: теория и практика. — 2019. — Т. 5, № 3. — С. 29–38.

⁴ *Пигунова М. В.* О разработке типовых моделей (рекомендаций) развития отдельных территорий с высокой концентрацией промышленного потенциала // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. — 2018. — № 3. — С. 149–156.

⁵ *Johnsen Å.* Impacts of strategic planning and management in municipal government: an analysis of subjective survey and objective production and efficiency measures in Norway // Public Management Review. — 2018. — Vol. 20, no. 3. — P. 397–420; *Johnsen Å.* Strategic planning and management in local government in Norway: status after three decades // Scandinavian political studies. — 2016. — Vol. 39, no. 4. — P. 333–365.

⁶ *Milutinovic S., Jolovic A.* Building capacity for sustainability: strategic planning processes for local sustainable development practices in Western Balkan // Lex localis. — 2010. — Vol. 8, no. 3. — P. 293–311; *Milutinovic S., Zivkovic S.* Planning local sustainable development in Western Balkans // Management of environmental quality: an international journal. — 2014. — Vol. 25, no. 1. — P. 19–29.

⁷ *Demazière C.* Strategic spatial planning in a situation of fragmented local government: the case of France // DISP. — 2018. — Vol. 54, no. 2. — P. 58–76.

⁸ *Abis E., Garau C.* An assessment of the effectiveness of strategic spatial planning: a study of Sardinian municipalities // European planning studies. — 2016. — Vol. 24, no. 1. — P. 139–162.

Основные принципы стратегического развития муниципальных образований разного типа также являются предметом исследования ученых. Эти основополагающие принципы развития муниципальных образований находятся в русле требований Европейской Хартии городов, а также Программы устойчивых городов Центра ООН по изучению населенных пунктов (НАВИТАТ).

Особенности стратегического планирования монопрофильных городов изучаются в трудах Е. Г. Анимиды, В. С. Бочко, Э. В. Пешинной, П. Е. Анимиды¹, малых городов России — в исследованиях Е. М. Бухвальда, О. Н. Валентика, А. В. Кольчугиной, А. В. Одинцовой², муниципальных образований численностью более 1 млн чел. — в работах А. Ф. Хурматуллиной³. Кроме того, в трудах Г. Я. Беляковой, Р. Н. Шевелевой предлагаются методические подходы к формированию стратегий развития муниципальных образований неурбанизированных территорий, которые весьма актуальны вследствие значительного отставания данных территорий в социально-экономическом развитии от урбанизированных⁴.

Стратегическое планирование представляет собой деятельность, в ходе которой муниципальное образование, являясь целостной системой, сравнивает себя с другими муниципальными образованиями и осуществляет прогнозирование сегодняшних действий для достижения определенного целевого результата.

Мы согласны с коллективом авторов, которые утверждают, что «технология стратегического управления развитием муниципального образования в общих подходах идентична методике стратегического управления бизнес-структурами», поскольку в ходе него осуществляются такие же последовательные, логически взаимосвязанные этапы и процедуры⁵. Результатом стратегического планирования является стратегический план — достаточно сложный по структуре документ, представляющий собой обоснованное с точки зрения науки и практики единство его элементов (миссии, цели и задач социально-экономического развития муниципалитета, его возможностей и ограничений, внутренних ресурсов, а также совокупности основополагающих мероприятий (программ и проектов)).

Например, авторами были разработаны Стратегии социально-экономического развития шести разнотипных муниципальных образований. Методологический подход в части точки отсчета прогнозируемого периода был различный:

¹ *Концептуальные подходы к разработке стратегии развития монопрофильного города* / Е. Г. Анимиды, В. С. Бочко, Э. В. Пешина, П. Е. Анимиды. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2010. — 81 с.

² *Бухвальд Е. М., Валентик О. Н., Кольчугина А. В., Одинцова А. В.* Стратегическое планирование для малых городов России // *Вестник Института экономики Российской академии наук.* — 2017. — № 3. — С. 53–70.

³ *Хурматуллина А. Ф.* Стратегическое планирование муниципальных образований с численностью населения более 1 миллиона человек // *Известия Волгоградского государственного технического университета.* — 2017. — № 2 (197). — С. 88–95.

⁴ *Белякова Г. Я., Шевелева Р. Н.* Методические подходы к формированию стратегий развития муниципальных образований неурбанизированных территорий // *Фундаментальные исследования.* — 2016. — № 8-1. — С. 102–106.

⁵ *Легостаева С. А., Плахова Л. В., Егорова Т. Н. и др.* Совершенствование методической основы стратегического планирования развития муниципального образования // *Успехи современной науки и образования.* — 2017. — Т. 1, № 5. — С. 10–18.

— стратегическое планирование — это «планирование будущего из прошлого»;

— стратегическое планирование — это «планирование настоящего из будущего»¹.

Типичным, часто встречающимся методологическим приемом стратегического планирования крупных и средних муниципальных образований является подход «планирование будущего из прошлого». Согласно этому первоначальному этапом стратегического планирования является диагностика внутренней и внешней среды муниципального образования, на основании которой осуществляется идентификация его целей и задач, приоритетных направлений, а далее разработка будущих действий органов власти для достижения планируемого социально-экономического состояния муниципалитета.

Как правило, процесс стратегического планирования муниципального образования включает этапы, представленные на рис. 13.

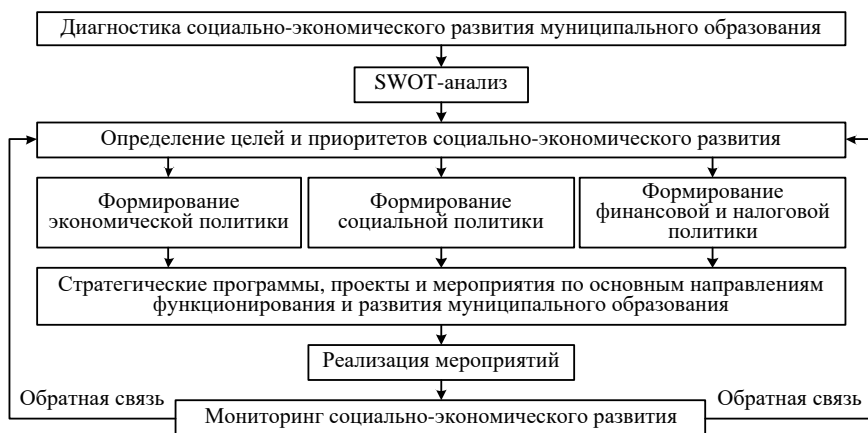

Рис. 13. Этапы стратегического планирования муниципального образования

Первоначально на основании принципа «планирование будущего из прошлого» осуществляется диагностика социально-экономического развития муниципального образования, включая состояние его внешней и внутренней среды. И с теоретической, и с практической точки зрения данный этап играет наиважнейшую роль в стратегии, поскольку именно при качественно проведенном анализе социально-экономического состояния и динамики муниципалитета возможна адекватная постановка цели, приоритетных направлений и программ (проектов) его дальнейшего развития. Поэтому следующим этапом является целеполагание, в ходе которого идет идентификация целей и приоритетных направлений:

- 1) экономической политики;

¹ Миронков М. А., Селиванова Л. А., Бутко Е. Я. Стратегическое планирование развития территорий муниципальных образований: закон — теория — практика. — Гатчина: ГИЭФПТ, 2018. — С. 77.

- 2) социальной политики;
- 3) финансовой и налоговой политики.

Идентификация приоритетных направлений указанных видов политики сопровождается процессом выработки стратегических программ и проектов по основным векторам функционирования и развития муниципальных образований.

Проведенная работа по стратегическому планированию социально-экономического развития муниципальных образований завершается осуществляемой через определенный период времени процедурой его мониторинга, в ходе которой происходит отслеживание текущего социально-экономического состояния муниципалитета и реализуется процесс корректировки целей, приоритетных направлений и мероприятий стратегии. В такой последовательной процедуре мониторинга проявляется один из важнейших методологических принципов стратегического планирования — его циклический характер.

Еще раз подчеркнем тот факт, что наиважнейшее место в системе стратегического планирования занимает система стратегического целеполагания, которая может соответствовать реальной действительности только в случае всестороннего и комплексного анализа, проведенного при помощи совокупности адекватных методов. В этой связи аналитический этап стратегического планирования весьма важен и занимает, как правило, основное место в стратегии социально-экономического развития муниципального образования.

Отметим важность определения базовых методологических приемов построения структуры стратегии муниципального образования. На наш взгляд, отправной точкой исследования муниципального образования является макроэкономический подход к анализу его денежных потоков, выражаемый с помощью такого методологического приема, как кругооборот его доходов и расходов, который позволяет: выяснить условия равновесия базового кругооборота муниципальной экономики; определить ее движущие силы, стимулирующие увеличение валового муниципального продукта; выяснить факторы, сдерживающие подъем экономики муниципального образования (рис. 14). Указанный методологический прием был апробирован при разработке Стратегии социально-экономического развития города Челябинска до 2005 г.¹

В случае применения данного методологического приема акцент делается на выделении в муниципалитете в качестве основных действующих лиц нескольких субъектов: домашних хозяйств, фирм, органов власти (федерального, регионального и муниципального уровней), а также субъектов, находящихся за пределами муниципальной экономики (в других регионах страны и представляющих заграничный сектор), — которые связаны между собой системой рынков (рынка экономических ресурсов (состоящего из рынка труда, рынка капитала, рынка земли, рынка информации), рынка товаров и услуг, финансового рынка и внешнего для муниципалитета рынка (рынка других регионов страны и заграничного рынка)).

¹ Антонюк В. С. Устойчивое развитие городской экономики (аспекты стратегии) // Вестник Финансовой академии. — 2003. — № 3 (27). — С. 79–88; *Стратегия социально-экономического развития города Челябинска до 2005 г.* — Челябинск: ГАФК, 2002. — 129 с.

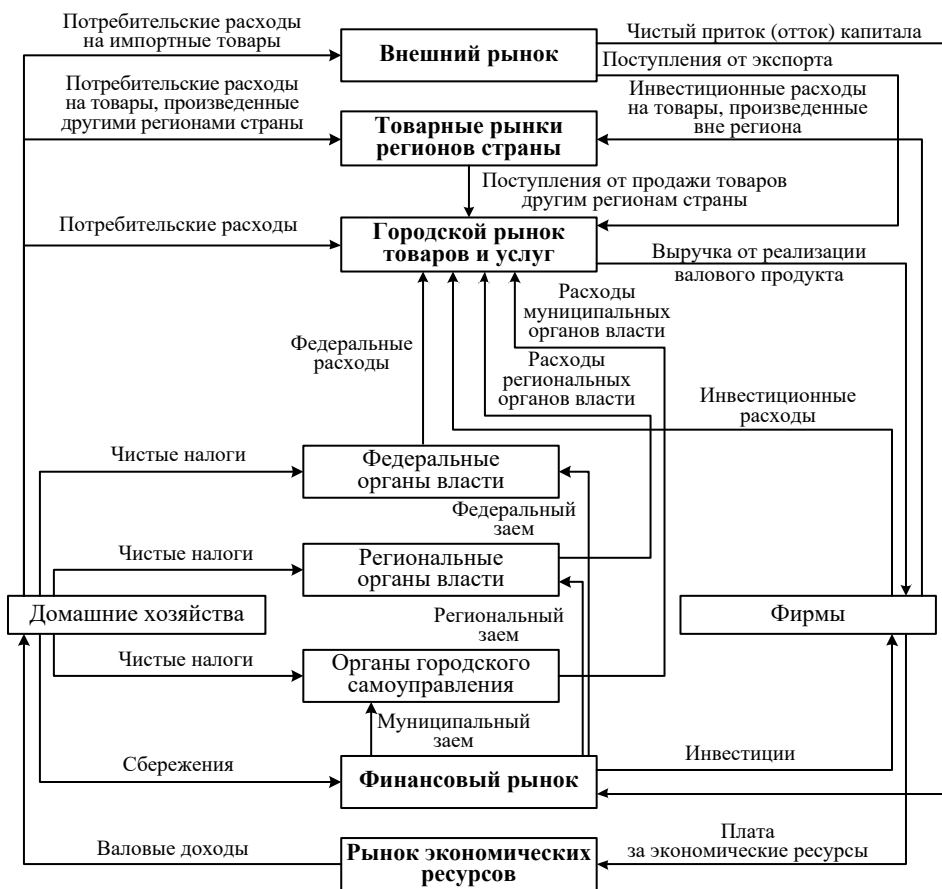

Рис. 14. Кругооборот продуктов и доходов муниципального образования¹

Использование данного методологического приема позволяет определить:

- 1) условия устойчивого функционирования муниципальной экономики;
- 2) макроэкономические факторы, воздействующие на базовый экономический кругооборот муниципального образования, а значит, совокупность факторов, которые стимулируют или сдерживают реализацию валового муниципального продукта, влияя тем самым на социально-экономическую динамику муниципалитета;

- 3) пределы, в рамках которых может изменяться инвестиционный мультипликатор муниципального образования при изменении любой составляющей муниципального спроса на одну денежную единицу. Указанный момент, в свою очередь, будет являться ориентиром для органов власти муниципального уровня, демонстрирующим, с помощью каких факторов можно добиться коли-

¹ Антонюк В. С. Устойчивое развитие городской экономики (аспекты стратегии) // Вестник Финансовой академии. — 2003. — № 3 (27). — С. 79–88.

чественного роста мультипликатора инвестиций, а значит, стимулировать экономический подъем в муниципалитете.

Макроэкономический подход к муниципальной экономике позволяет в дальнейшем реализовать следующий общеметодологический прием: исследование процессов и явлений от общего к частному, а от него к единичному. В нашем случае это означает, что от общего макроэкономического анализа муниципальной экономики возможно перейти к анализу основных ее действующих лиц, в процессе взаимодействия которых порождается базовый экономический кругооборот, а именно: домашних хозяйств и совокупности фирм.

К домашним хозяйствам принято относить группу лиц, принимающих совместные решения. Анализ экономического состояния домашних хозяйств весьма важен для муниципальной экономики, поскольку они выполняют несколько функций:

— поставляют свои ресурсы (труд, капитал, землю) на рынок ресурсов и взамен получают доходы (заработную плату, процент, ренту), реализация которых влияет на величину валового муниципального продукта;

— выступают покупателями товаров и услуг, производимых фирмами, вследствие чего являются предъявителями спроса, воздействующего на темпы экономического роста муниципалитета;

— направляют часть дохода на финансовый рынок в соответствии с их склонностью к сбережению; последняя ведет к уменьшению муниципального спроса на реальном рынке товаров и услуг, а следовательно, к уменьшению валового муниципального продукта;

— воздействуют на базовый экономический кругооборот посредством взаимосвязи с органами государственной и муниципальной власти, что приводит, с одной стороны, к изъятиям из базового кругооборота (за счет налогообложения), а с другой стороны, к инъекциям в базовый кругооборот (за счет государственных и муниципальных расходов, выплачиваемых органами власти домашним хозяйствам);

— направляют часть доходов на покупку товаров не муниципального производства (импортных товаров и товаров других регионов страны), что приводит к сокращению денежных поступлений в базовый кругооборот, а значит, к сокращению валового муниципального продукта.

Анализ экономической деятельности фирм в муниципальной экономике представляет собой наиболее развитый с методологической точки зрения раздел стратегического плана социально-экономического развития муниципального образования. Обычно деятельность фирм рассматривается с нескольких точек зрения: анализируется социальная сфера (здравоохранение, образование, культура, физкультура и пр.), экономический сектор (в контексте состояния видов экономической деятельности), а также экологическое положение поселения¹.

¹ *Стратегия* социально-экономического развития Карталинского муниципального района до 2020 г. — Челябинск: ЮУрГУ, 2009. — 309 с.; *Стратегия* социально-экономического развития Коркинского муниципального района до 2020 г. / под ред. В. С. Антонюк. — Челябинск: ЮУрГУ, 2009. — 259 с.

На наш взгляд, использование данного методологического приема способствует выяснению следующих наиважнейших моментов:

1) определению отраслей специализации муниципального образования, от которых зависит в наибольшей степени величина его валового муниципального продукта, а следовательно, идентификация отраслевых факторов, способствующих его росту;

2) идентификации роли и места фирм в контексте определения места создания и реализации валовой добавленной стоимости, в результате чего предприятия классифицируются на группы:

а) предприятия-лидеры, создающие добавленную стоимость на основе ресурсов муниципального образования и реализующие готовый продукт за его пределами, в силу чего они обеспечивают поток денежных поступлений в экономику поселения;

б) фирмы, использующие муниципальные ресурсы, создающие добавленную стоимость, которая реализуется внутри муниципалитета, в силу чего денежный поток, созданный этими фирмами, остается в муниципалитете (главным образом это фирмы сферы услуг и пр.);

в) фирмы, использующие внешние для муниципального образования ресурсы, создающие добавленную стоимость за его пределами и реализующие ее в пределах муниципального образования, что приводит к оттоку денег за пределы муниципалитета;

3) разработке целей, инструментов и моделей муниципальной промышленной политики, основным предназначением которой является поддержка предприятий-лидеров, малых предприятий — партнеров крупных предприятий, а также предприятий, обеспечивающих импортозамещение.

Указанный алгоритм исследования предприятий Челябинска был апробирован при написании «Положения о промышленной политике Челябинска»¹.

Следует отметить, что аналитическая часть Стратегии социально-экономического развития муниципального образования, как правило, сопровождается использованием следующих методических приемов:

1) анализ статистических показателей, в ходе которого осуществляется горизонтальный (динамический) и вертикальный (структурный) анализы системы индикаторов, характеризующих социально-экономическое состояние муниципального образования;

2) матрица Бостонской консультативной группы, смысл которой состоит в сопоставлении различных стратегических зон хозяйствования, которые осваивает муниципальное образование. При этом различные отрасли позиционируются в системе двух координат (доля рынка по сравнению с долей ведущего конкурента, а также рост объемов спроса). В итоге указанная матрица помогает дифференцировать все хозяйственные зоны муниципального образования на:

¹ Антонюк В. С., Воложанин В. В. Промышленная политика Администрации г. Челябинск // Технологии, оборудование, материалы. Приложение к журналу «Экономика и производство». — 2003. — № 1. — С. 8–12.

а) предприятия, занимающие доминирующую позицию в муниципалитете, обеспечивающие основное поступление финансовых средств («дойные коровы»);

б) отрасли, требующие отказа от их освоения (если нет на это веских причин) вследствие низкой доли рынка и низкого объема спроса («собаки»);

в) отрасли, отличающиеся высоким спросом и высокой долей на рынке («звезды»), которые являются недостаточно освоенными хозяйственными зонами и требуют больших финансовых вложений;

г) отрасли, которые требуют дополнительного изучения для определения потенциально возможной трансформации этого сектора в «звезды».

Таким образом, данный прием позволяет определить позицию фирмы на сегодняшнем рынке и принять решение о распределении финансовых средств между стратегическими зонами хозяйствования в перспективе, что отразится в поиске наиболее перспективного отраслевого портфеля муниципального образования¹;

3) SWOT-анализ — метод, заключающийся в исследовании факторов внутренней среды (анализ сильных и слабых сторон) и факторов внешней среды (возможности и угрозы) муниципального образования;

4) PEST-анализ — анализ прежде всего внешней среды муниципального образования, в ходе которого выявляются политические, экономические, социальные и технологические аспекты ее трансформации;

5) SNW-анализ — системный анализ разнонаправленных характеристик муниципального образования (его сильных, нейтральных и слабых сторон);

б) метод пяти сил Портера — подход, разработанный для анализа конкуренции в отрасли. Однако при определенных допущениях он может быть использован для анализа конкуренции в отрасли, на которой специализируется данный муниципалитет (в качестве составных элементов он включает анализ угрозы появления продуктов-заменителей; анализ угрозы появления новых игроков; анализ рыночной власти как потребителей, так и поставщиков; а также анализ уровня конкурентной борьбы).

Широко используются картографические методы:

— представление в качестве карт социально-экономического состояния или траектории распространения какой-либо пространственно локализованной территории (например, эволюции распространения мировых городских агломерационных процессов)²;

— пузырьковая диаграмма (она применялась, в частности, при комплексном анализе состояния рынка жилья и выработке мероприятий по строительству доступного жилья в Челябинской области, когда необходимо было отразить состояние экономического явления в трехмерном пространстве).

¹ *Стратегия социально-экономического развития Коркинского муниципального района до 2020 г.* / под ред. В. С. Антонюк. — Челябинск: ЮУрГУ, 2009. — 259 с.

² *Антонюк В. С., Козина М. В., Вансович Э. Р., Сигатова Н. А.* Формирование и развитие городских агломераций: теоретико-методологические аспекты исследований // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент.* — 2021. — Т. 15, № 2. — С. 7–19.

Следующим этапом стратегического планирования является выработка целей, приоритетных направлений и программ (проектов). Отечественная и зарубежная практика их разработки накопила определенный опыт целеполагания. К наилучшим методам данного этапа относятся следующие.

1. Разработка «дерева целей», т. е. структурированной совокупности целей, ранжированной по иерархическим уровням, в силу чего она представляет собой направления достижения целей, выраженное таким образом, что визуально представляется совокупность второстепенных целей (рис. 15).

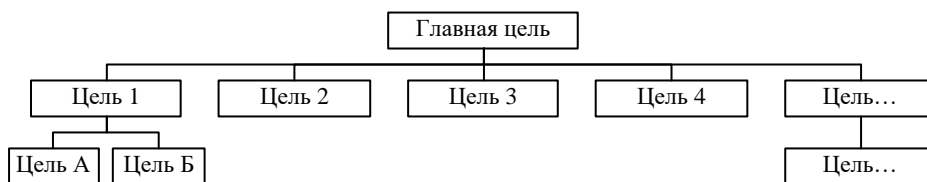

Рис. 15. Метод «дерево целей»

На рис. 15 сверху представлена генеральная цель, далее — подчиненные ей подцели (первого, второго и прочего уровней), которые должны соответствовать критериям: точности, измеримости, важности, достижимости, определения временных рамок.

2. «Дорожная карта» стратегического плана муниципального образования представляет собой календарный план мероприятий по продвижению его к достижению целевой установки (а также подцелей), на которую ориентируется стратегия.

Представленные методологические и методические подходы к анализу социально-экономического развития муниципального образования присущи практически всем типам муниципальных образований и с точки зрения их людности, и с точки зрения их развитости, и с позиции отраслевой специализации и пр.

Однако следует подчеркнуть особенности стратегического планирования таких территориальных образований, как монофункциональные города и закрытые автономные территориальные образования (ЗАТО).

Монофункциональный город — это такой тип городского населенного пункта, который базируется на существовании одного или нескольких градообразующих предприятий, в результате чего появляется необходимость обеспечения его трудовыми ресурсами.

С экономической точки зрения муниципальное образование относится к монофункциональным городам, если численность его постоянного населения превышает 3 тыс. чел.; численность работников одной из организаций, осуществляющих на территории муниципального образования один и тот же вид основной экономической деятельности, составляет более 20 % среднесписочной численности работников всех организаций, осуществляющих деятельность на территории города; кроме того, одна из указанных организаций осуществляет деятельность по добыче полезных ископаемых (кроме нефти и газа)

и (или) производство и (или) переработку промышленной продукции¹. В соответствии с классификацией Фонда развития моногородов в России насчитывалось в 2019 г. 320 моногородов², из которых самым большим был Тольятти (население — 718 тыс. чел.). В Челябинской области к монопрофильным относятся 16 городов.

Как правило, моногорода создавались с целью реализации государственных задач и решения федеральных заказов. В силу этого экономика монофункциональных городов весьма уязвима по отношению к «шоковым» потрясениям на мировых рынках сбыта, таким как: падение цены на однородные (гомогенные) товары; снижение цены на мировых рынках под влиянием конкуренции, информатизация или технологизация производства. Поэтому зачастую в экономике монофункциональных городов отмечаются негативные явления: падение заработной платы, снижение объемов жилищного строительства, слабо развитая городская инфраструктура, устаревшие технологии, весьма сильные экологические риски и пр., которые имеют тенденцию воспроизводиться вследствие сохранения зависимости жителей города от градообразующего предприятия.

В этих условиях необходимо осуществление комплексных программ, направленных на сокращение зависимости социально-экономического развития города от деятельности градообразующего предприятия. Под научным руководством З. А. Кучкарова были предложены «Методические рекомендации по подготовке и реализации комплексных инвестиционных планов (КИП) развития монопрофильных населенных пунктов»³, которые были апробированы на примере анализа социально-экономического положения монофункционального города Аша Челябинской области⁴.

Особенностью методологического подхода к анализу экономического положения моногородов является тот факт, что он позволяет осуществить по отношению к городу макроэкономический анализ вследствие возможности провести достаточно полное абстрагирование его субъектов. Так, с определенной долей условности можно представить моногород как муниципальное образование, в котором действуют следующие контрагенты: население, градообразующее предприятие, местная промышленность и малый бизнес, социальная и техническая инфраструктура, органы местного самоуправления, которые связаны входящими и исходящими денежными потоками, с одной стороны, друг с другом, а с другой стороны, с внешней средой и вышестоящим бюджетом. Затем

¹ *О критериях* отнесения муниципальных образований Российской Федерации к монопрофильным (моногородам) и категориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов) в зависимости от рисков ухудшения их социально-экономического положения: постановление Правительства РФ от 29 июля 2014 г. № 709.

² *Список* моногородов России. — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_моногородов_России (дата обращения: 20.09.2022).

³ *Методические рекомендации* по подготовке и реализации комплексных инвестиционных планов (КИП) развития монопрофильных населенных пунктов. — URL: <http://gov.cap.ru/HOME/24/oip/17.doc> (дата обращения: 20.09.2022).

⁴ *Антонюк В. С., Эрлих Г. В., Мурзина Е. В.* Комплексное инвестиционное планирование монофункциональных городов. — Челябинск: ЮУрГУ, 2015. — 134 с.

подсчитываются финансовые потоки всех контрагентов по принципу выделения:

- входящих финансовых потоков;
- исходящих финансовых потоков;
- сальдо финансовых потоков как разницы исходящих и входящих потоков к данному контрагенту (отрицательное или положительное).

Далее появляется возможность подсчитать такой показатель, как капитал моногорода, который представляет собой суммарное сальдо финансовых потоков всех контрагентов (разность между суммарными исходящими финансовыми потоками от всех контрагентов моногорода и суммарными входящими финансовыми потоками ко всем контрагентам моногорода) за минусом амортизации муниципальных активов.

Расчет капитала моногорода и его динамики за несколько лет позволяет представить текущее сальдо капитала моногорода (отрицательное, нулевое, положительное) и его динамику (отрицательную, нулевую или положительную), что способствует формированию главной цели комплексного инвестиционного планирования и его приоритетных направлений (рис. 16).

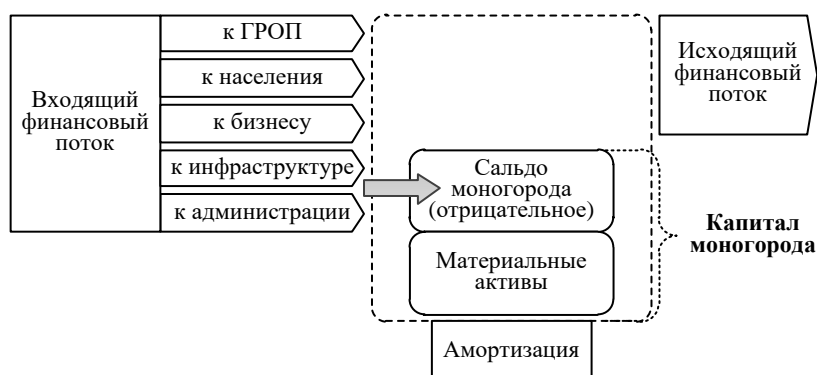

Рис. 16. Модель диагностики капитала моногорода

Анализ состояния и динамики капитала моногорода Аша продемонстрировал наличие отрицательного сальдо капитала и отрицательной его динамики за три года. Вследствие этого в качестве основного приоритета экономического развития моногорода был предложен переход от монофункциональной экономики к дифференцированной. В качестве основных направлений были выделены: поддержка финансовой устойчивости градообразующего предприятия; формирование сбалансированной структуры городской экономики; ускоренное развитие малого и среднего бизнеса; помощь функционированию технической инфраструктуры и пр.

Вследствие особой важности учета факторов рисков моногородов в данной стратегии применены методы риск-менеджмента (менеджмента неожиданностей), состоящие из следующих составляющих:

— анализ рисков (вид риска, факторы риска, ущерб, вероятность проявления) отдельных контрагентов моногорода;

— ранжирование рисков контрагентов города с помощью метода «розы рисков»¹.

Особым типом монофункциональных городов являются закрытые административно-территориальные образования (ЗАТО), в границах которых расположены промышленные предприятия по разработке, изготовлению, хранению и утилизации оружия массового поражения, в пределах которых установлен особый режим функционирования и охраны государственной тайны².

Стратегическое планирование социально-экономического развития ЗАТО г. Трехгорный Челябинской области (2014 г.) было осуществлено с использованием методологического принципа «планирование настоящего из будущего»³. На основании этого подхода руководство закрытого градообразующего предприятия определило потребности будущего расширения производства, вследствие чего становится очевидной потребность в увеличении количества работников для обеспечения роста объема выпуска продукции завода. Приток рабочих кадров в город с неизбежностью будет сопровождаться увеличением общего количества граждан за счет миграции в город их жен и детей. Исходя из значения коэффициента семейственности, который показывает количество детей, приходящихся на одну женщину (в России он весьма дифференцирован по регионам), можно спланировать общее увеличение населения города, которое произойдет в случае увеличения численности работников градообразующего предприятия вследствие расширения его производства.

Затем, учитывая нормативы обеспечения населения социальной сферой, можно подсчитать, какое количество объектов социальной сферы необходимо дополнительно построить для того, чтобы обеспечить жизнедеятельность вновь прибывших граждан города, а значит, определить необходимые финансовые ресурсы. Проведенное таким образом стратегическое планирование позволяет определить экономические целевые показатели города, выражаемые в экономических показателях его градообразующего предприятия и обслуживающих его сфер (технической инфраструктуры и малого бизнеса), а также показатели развития социальных сфер, обеспечивающих жизнедеятельность граждан.

В целом, можно отметить, что современная экономическая теория и практика располагает большим набором методологических приемов и методических подходов, позволяющих качественно и всесторонне произвести стратегическое планирование социально-экономического развития разнотипных муниципальных образований.

¹ Антонюк В. С., Эрлих Г. В., Мурзина Е. В. Комплексное инвестиционное планирование монофункциональных городов. — Челябинск: ЮУрГУ, 2015. — С. 86.

² *Закрытые административно-территориальные образования.* — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Закрытые_административно-территориальные_образования_России (дата обращения: 20.09.2022).

³ Миронков М. А., Селиванова Л. А., Бутко Е. Я. Стратегическое планирование развития территорий муниципальных образований: закон — теория — практика. — Гатчина: ГИЭФПТ, 2018. — С. 77.

2.5. Генезис и эволюция исследований приграничных территорий в региональной (пространственной) экономике

Термин «граница» получил широкое распространение в общественных науках еще во второй половине XIX века в европейских странах, в которых в этот период активизировались процессы государственного и национального строительства. В контексте пространственных исследований впервые этот термин появился в трудах немецкого географа, основателя геополитики и антропогеографии Ф. Ратцеля. С его точки зрения, главное отличие «цивилизованного» государства от дикого заключается в наличии четко определенных границ, которые формируются на начальных этапах под влиянием общих интересов народа, а впоследствии — на основе осознания национальных связей в обществе¹.

Ф. Ратцель подчеркивал значимость границ для «политического баланса» территорий и описывал их как некие ограничители пространства, способные меняться в процессе различных преобразований, осуществляемых людьми в масштабах отдельного государства. Свою трактовку государственных границ Ф. Ратцель выводит из концепции «жизненного пространства» (*der Lebensraum*), которая связывает человеческие группы с пространственными единицами, в которых они развиваются.

Сравнивая государство и его развитие с биологическим организмом, Ф. Ратцель, таким образом, развивает органическую модель государства, для которого развитие идентично расширению в пространстве. Отношение государства к живому организму предполагает отказ от понятия «безграничность». Государство рождается, растет и умирает, как живое существо. Следовательно, пространственное расширение и сжатие государства являются естественными процессами, связанными с внутренним жизненным циклом. Ф. Ратцель в своей книге «О законе пространственного роста государства» (1901 г.) изложил семь законов расширения или «неизбежной экспансии», государства². В ней он трактует границу как аналог органа — функциональной единицы в пределах биологического организма, и для государства эта функциональная единица представляет собой его периферию. Осуществляя свою территориальную экспансию, государство стремится охватить важные для своего развития регионы: береговые линии, бассейны рек, долины и вообще наиболее богатые территории. При этом первоначальный импульс к экспансии исходит извне, т. е. в своей экспансии государство провоцирует государства (или территории) с явно уступающей цивилизацией, а расширение происходит за счет поглощения единиц меньшего политического значения. Таким образом, в концепции Ф. Ратцеля впервые под-

¹ Ратцель Ф. Народоведение: в 2 т. — 4-е изд. — СПб.: Просвещение, 1904. — Т. 2. — 874 с.

² Хаусхофер К., Ратцель Ф. Теория жизненного пространства. — М.: Алгоритм, 2018. — 240 с.

черкивается зависимость приграничных территорий от государств, к границе которых они прилегают, причем по обе стороны этой границы.

Другой немецкий мыслитель и социолог Г. Зиммель в 1903 г. сформулировал идею, согласно которой границы отдельных территорий, созданные людьми, — это стремление любого общества к обособлению от другого общества¹. Г. Зиммель утверждал, что граница — это не пространственный факт с социологическими последствиями, а социологический факт, формирующийся в пространстве.

В XX веке активно развивались историко-картографический, функциональный и политологический подходы в исследовании границ². Первый развивал представления о динамическом характере границ, о том, как они эволюционируют, какие факторы оказывают влияние на конфигурации конкретных границ (Ж. Ансельм, Э. Хартшорн, Дж. Минги и др.); этот подход подчеркивал совместную эволюцию границ и государств, а также консолидацию государственного суверенитета в контексте исторического процесса. Второй предлагал различные концепции приграничных взаимодействий и трансграничных потоков, а также изучал закономерности природно-географической эволюции приграничных территорий (Дж. Прескотт, Дж. Хаус и др.). Третий подход, представленный политологическими концепциями, в основном изучал роль границ в международных и региональных конфликтах (Дж. Герц, Э. Кирби и др.). Однако все подходы практически не касались экономического развития приграничных территорий. Только с развитием процессов региональной экономической интеграции, международной торговли и экономической глобализации в последние десятилетия XX века исследователи приграничных территорий стали уделять целенаправленное внимание и их экономическому развитию.

Большая часть тех подходов, которые изучали роль границ в экономическом развитии стран и регионов, сформировалась в рамках так называемого мир-системного подхода, рассматривавшего участок границы отдельного государства как составной элемент в системе государственных границ, сложившихся в мире на данный момент. В этот период изучение границ перешло от доминирующего интереса к формальным государственным границам и этнокультурным ареалам к изучению границ в различных социально-пространственных и географических масштабах, от местного и муниципального до глобального, регионального и наднационального. Пограничные исследования также стали исследовательской областью, охватывающей широкий круг дисциплин: политологию, социологию, антропологию, историю, международное право и, в последнее время, гуманитарные науки, в частности искусство, медиа-исследования, философию и этику. Возможно, это дисциплинарное богатство исследований границ сделало исключительную фиксацию географических, физических и материальных границ устаревшей. Приобрели значимость для исследователей и культурные, социальные, экономические и религиозные гра-

¹ *Simmel G. The sociology of space. Simmel on Culture // Selected Writings / ed. by D. Frisby, M. Featherstone. — London: Sage, 1997. — P. 137–170.*

² *Колосов В. Теоретическая лимнология: новые подходы // Международные процессы. — 2003. — Т. 1, № 3 (3). — С. 44–59.*

ницы, которые, хотя зачастую и невидимы, оказывают большое влияние на способ организации и разделения человеческого общества. Кроме того, текущий период в развитии пограничных исследований отмечен увеличением числа исследовательских центров, исследовательских групп и международных конференций, а также публикацией многочисленных книг и атласов. В то же время в этой области исследований также создаются институциональные структуры на международном уровне, в том числе Журнал пограничных исследований, Ассоциация пограничных исследований (ABS) и неформальные группы, такие как Сеть приграничных регионов в переходный период (BRIT), которая уже провела 12 международных конференций, а также поддержала крупные проекты, например входящие в Европейские рамочные программы.

В 1990-е годы мы наблюдали своего рода парадокс: приграничные исследования все чаще подчеркивали важность границ в развитии государств, но при этом сопровождалась идеями космополитизма и постнационального/денационализованного мира, а также неолиберальной риторикой о «мире без границ». Важной вехой в этот период стала книга всемирно известного автора японского происхождения К. Омае, которая в русскоязычном варианте называется «Мир без границ»¹, хотя более точный перевод ее названия «*Borderless world: power and strategy in the interlinked economy*» — «Беграничный мир: сила и стратегия во взаимосвязанной экономике» — в большей степени отражает суть теории Омае.

Согласно теории К. Омае — сторонника экономической глобализации — политические границы становятся все менее важны по мере того, как страны все более формируют планетарную экономику, в которой все национальные экономики подвержены взаимозависимости и взаимовлиянию. Особенно этот тезис затрагивает страны с наиболее успешно развивающимися экономиками, в частности страны Америки, Европы и Японию, к которым присоединяются быстро развивающиеся страны, такие как Тайвань, Сингапур и Гонконг.

К. Омае утверждает, что сложившаяся в мире глобальная экономика снижает вероятность применения военной силы: если страна нападет на своего соседа, то есть вероятность, что будет уничтожена часть активов ее граждан, а это приведет только к замедлению экономического роста напавшей страны, так как в условиях глобализации все страны экономически взаимозависимы.

Очевидно, что теория К. Омае, ярого сторонника глобализации неолиберального толка, в современных условиях несостоятельна. В общем-то она была несостоятельна и в 1990-е годы, когда автор создавал свою теорию, так как он игнорирует роль национальных государств в контроле внешнеторговых потоков через свои границы. Например, три крупнейших торговых блока Японии, Северной Америки и Евросоюза продолжали и в условиях самых интенсивных глобализационных процессов, провозглашающих торговую либерализацию, ограничивать торговлю с другими странами. Также К. Омае недооценивает роль военного фактора в геополитике. Государства не только обладают моно-

¹ *Ohmae K. The borderless world: power and strategy in the interlinked economy.* — New York: Harper Business, 1999. — 276 p.

полей на насилие на своих территориях, но могут распространять это насилие и на своих соседей.

Интенции в исследованиях границ в начале XXI века несколько изменились в сравнении с 1990-ми годами. Традиционные исследования границ характеризовались фокусом внимания на государствах и территориях и представлением о том, что границы являются физическим результатом политических, социальных и (или) экономических процессов. Мир, видимый таким образом, разделен на государственные формы и территории, которые фиксированы и лишены внутренней текучести. Соответственно, международные отношения, определяемые Вестфальскими нормами, имеют место между суверенными правительствами. Более современные же исследования границ ясно отражают более общие сдвиги в сторону от пространственной фиксированности. Согласно этому подходу границы соединяются и (или) разделяются переходными пространствами, в которых воспринимаемый набор объединяющих признаков постепенно заменяется другим. Естественные границы являются результатом того, что люди характеризуют пространство как естественную территорию. Кроме того, политические границы редко совпадают с этническими, языковыми и культурными границами. Таким образом, политическая карта мира, показывающая линии, разделяющие «контейнерные ящики», в значительной степени является изображением политических элит, потому что многие люди не признают или не ассоциируют себя с такими фиксированными разделениями¹.

Несмотря на явное торможение глобализационных процессов, наметившееся еще в нулевые годы, нельзя отрицать, что экономики практически всех стран мира стали взаимозависимыми. Такие факторы, оказавшие существенное влияние на экономическое развитие мировой и национальных экономик, как интернационализация производственных процессов, ускоренный рост трансграничных потоков трудовых ресурсов, информации и других ресурсов, а также деятельность международных организаций и наднациональных институтов, управляющих рядом процессов в мировой экономике, не могли не оказать влияния и на функционирование государственных границ.

Многие исследователи стали говорить о росте «прозрачности» границ и о влиянии этих изменений на экономическое развитие прилегающих к границе территорий (регионов), которое в основном оценивалось как позитивное. Их оппоненты утверждали, что подобная «прозрачность» означает частичную или полную утрату барьерной функции государственной границы, что свидетельствует о кризисе Вестфальской системы в целом, подчеркивая при этом и отрицательную роль международных организаций, которые взяли на себя, по сути, часть функций, которые должно выполнять государство в национальной экономике².

¹ Houtum van H. The Geopolitics of Borders and Boundaries // *Geopolitics*. — 2005. — Vol. 10, no. 4. — P. 672–79.

² Newman D. Into the millenium: the study of international boundaries in an era of global and technological change // *Boundary and security bulletin*. — 1999. — Vol. 7, no. 4. — P. 63–71; Flint C., Taylor P. J. *Political geography, world-economy, nation-state and locality*. — 4th edition. — Harlow: Prentice Hall (Longman), 2000. — 390 p.

Большая часть современных подходов к исследованию границ именно в пространственных теориях в первом десятилетии XXI века подчеркивали проницаемость границ, гибридность культур и несущественность идентичности. Однако уже к концу первого десятилетия стало понятно, что, хотя основной причиной появления таких точек зрения и считаются мобильность и рост транснациональных потоков факторов производства, однако они являются несостоятельными. Во-первых, несмотря на усиление «прозрачности» границ, эти потоки обычно отслеживаются и контролируются¹. Во-вторых, несмотря на рост транснациональных процессов и претензий на «постнациональное» гражданство, практики государств во внешней политике, в обеспечении экономической безопасности (военной, политической, экономической, экологической), в пространственном планировании, разработке государственной экономической политики и других сферах все еще действуют в мире «пространственных сущностей»².

Во втором десятилетии институционализация и управление территориальными пространствами, осуществляемые государствами, обычно основываются на практиках и дискурсах, которые резонируют с нарративами о нации(-лизме) и (или) идентичности. В геополитическом плане границы связаны с «людьми», «нацией» и «культурой». С этой точки зрения ключевыми «участками» границы являются не только территории приграничья, но и сложные, постоянно продолжающиеся процесс расширяющегося национального строительства. Таким образом, границы резонируют не только с государством, но и с нацией и ее идентичностью. В то время как такие границы оспариваются постнациональными и денациональными процессами, мобильностью, а иногда и этническими подъемами, исследования национализма показывают, насколько эмоциональные границы, страх и лояльность мобилизуются через национализированные и мемориальные материальные ландшафты (такие, как военные кладбища и памятники) или посредством национальных представлений (дни флага/независимости, парады и другие элементы, связанные с национальным наследием, «чистотой» и символикой³).

К концу первого десятилетия XXI века также стало очевидно, что учет феномена приграничности при разработке основных принципов и направлений региональной политики становится все более необходимым во всех странах, в которых существует проблема межрегиональных социально-экономических диспаритетов. Особенно яркими примерами в мировой практике являются Китай, Бразилия, Мексика. Становится все более традиционным включать приграничные регионы в обособленные объекты региональной политики. Чаще всего в странах с высоким уровнем межрегиональной дифференциации также наблюдается и высокий уровень дифференциации внутри группы приграничных ре-

¹ *Dillon M., Lobo-Guerrero L.* Biopolitics of Security in the 21st Century: An Introduction // Review of international studies. — 2008. — Vol. 34, no. 2. — P. 265–292.

² *Agnew J.* Making the strange familiar: geographical analogy in global geopolitics // Geographical review. — 2009. — Vol. 99, iss. 3. — P. 426–443.

³ *Paasi A.* Borders and border-crossings // New companion to cultural geography. — London: Wiley-Blackwell, 2012. — P. 478–493.

гионов. В значительной степени это связано с конкретной спецификой приграничного участка, который входит в тот или иной регион.

Понятие «приграничный регион» эпизодически стало появляться в региональных исследованиях экономической и географической направленности во второй половине 1990-х годов. С середины 1990-х годов и до середины нулевых годов XXI века за рубежом такие исследования носили единичный характер¹. Большая часть их приходилась на Европу и Северную Америку.

Российские исследования также не являются исключением: анализ всех видов публикаций в системе eLibrary.ru, содержащих в названии, в аннотации или в списке ключевых слов термин «приграничный регион» в 2000–2002 гг. колебался от 3 до 5 ед. (рис. 17). Наибольший рост таких публикаций пришелся на период с 2009 по 2016 г., однако все они принадлежали различным отраслям наук (преимущественно это были экономические, юридические, географические науки, а также государственное управление). По данным библиометрического исследования Т. Макконена и А. М. Уильямса, в зарубежных исследованиях, проиндексированных в ведущих библиографических базах Scopus и Web of Science, основной прирост публикаций, посвященных приграничным регионам, пришелся на 2006–2013 гг.², большую часть которых напечатали три ведущих журнала — «European planning studies», «Journal of borderland studies» и «Geopolitics».

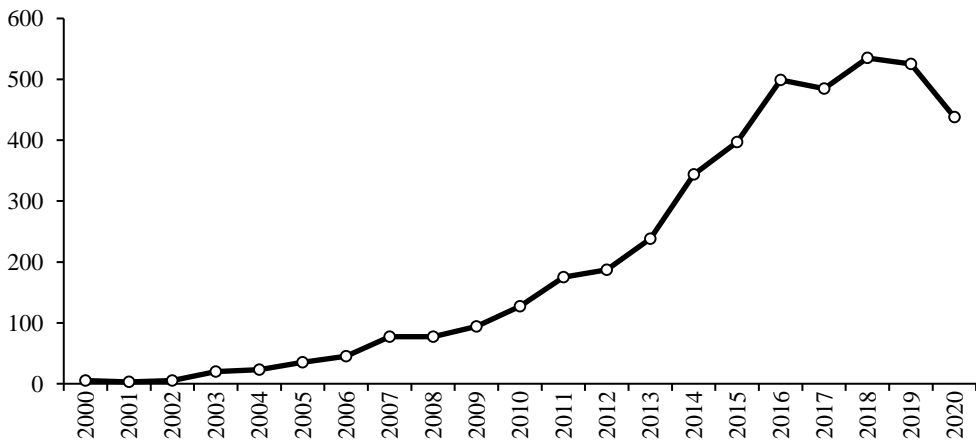

Рис. 17. Динамика количества публикаций 2000–2020 гг. в системе eLIBRARY.RU, посвященных приграничным регионам³

Несмотря на рост интереса к приграничным регионам в научных исследованиях, многие авторы отмечают недооценку места и роли приграничных реги-

¹ *Makkonen T., Williams A. M. Border region studies: the structure of an 'offbeat' field of regional studies // Regional studies, regional science. — 2016. — Vol. 3, no. 1. — P. 355–367.*

² *Ibid.*

³ Рассчитано по: *Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU.* — URL: <https://elibrary.ru> (дата обращения: 15.10.2022).

онов в региональной политике и недопонимание уровня их значимости для социально-экономического развития страны в целом¹. Между тем, специфика приграничных регионов диктует необходимость того, что они должны быть объектом пристального внимания со стороны Федерального центра не только в рамках региональной, но и в рамках внешнеэкономической политики.

Таким образом, можно выделить четыре основных этапа в развитии научных исследований, посвященных приграничным регионам:

— этап 1-й (1996–2005 гг.): зарождение интереса к приграничной проблематике в различных отраслях научного знания;

— этап 2-й (2006–2009 гг.): изучение приграничных регионов становится важным направлением современных региональных исследований;

— этап 3-й (2010–2015 гг.): формирование отдельного научного направления, использующего свой категориально-понятийный аппарат (появление разветвленной терминологии, различных подходов и направлений в исследовании приграничных регионов)²;

— этап 4-й (2016 г. — настоящее время): попытки систематизации научного знания о приграничных регионах и различных аспектов их функционирования и развития.

В целом генезис приграничных исследований в региональной экономике методологически богат и имеет глубокие междисциплинарные традиции. Эволюция приграничных исследований в региональной (пространственной) экономике в начале XXI века претерпела существенную содержательную трансформацию.

2.6. Имущественный комплекс субъектов разного территориального уровня в системе обеспечения их экономической безопасности

В современных условиях возрастающей политической напряженности, обострения проблем межнационального согласия, перераспределения энергетических рынков вопросы экономической безопасности субъектов разного территориального уровня (организаций, муниципальных образований, регионов, Российской Федерации) приобретают особую актуальность.

¹ *Артоболовский С. С., Вардомский Л. Б.* Приграничные ареалы и региональная политика в Российской Федерации // Проблемы общественной географии. — Киев: Ин-т географии НАН Украины, 2010. — С. 14–26; *Кузнецов А. В., Кузнецова О. В.* Изменение роли приграничных регионов в региональной политике стран ЕС и России // Балтийский регион. — 2019. — Т. 11, № 4. — С. 58–75.

² Именно в этот период активно развивается такое направление междисциплинарных исследований в англоязычной литературе, как *Border Studies*, объединяющее труды политологов, философов, социологов, этнологов, психологов, антропологов, лингвистов, экономистов, географов и даже специалистов в технических науках.

Важным элементом экономической безопасности, материальной основой функционирования и развития организаций, муниципалитетов, регионов и страны в целом является имущественный комплекс.

С целью обеспечения необходимого уровня экономической безопасности разных субъектов, т. е. способности к устойчивому функционированию, нейтрализации или минимизации влияния внешних и внутренних негативных факторов, «необходимо рационально управлять воспроизводством и эффективностью использования имущества»¹.

Помимо этого, укрепление и развитие имущественной составляющей экономической безопасности субъектов создает новые возможности для их дальнейшего развития. Сильная имущественная составляющая — основа инвестиционного потенциала организаций, формирует инвестиционный климат муниципальных образований, субъектов РФ, Российской Федерации.

Имущественный комплекс создается, функционирует и развивается на трех иерархических уровнях — микро-, мезо- и макроуровне. В связи с этим целесообразно выделять особенности управления имущественным комплексом на уровне организаций (микроуровень), муниципалитетов (мезоуровень), регионов (мезоуровень), Российской Федерации (макроуровень). Управление государственным и муниципальным имуществом, закрепленным на праве собственности, направлено на достижение стратегических целей социально-экономического развития территорий.

Отличительной чертой имущественного комплекса публично-правовых образований является его многофункциональность:

- он формирует доходы бюджета муниципальных образований, регионов, Российской Федерации (посредством передачи в аренду, приватизации, налогов);

- обеспечивает развитие институтов социальной защиты (предоставление помещений жилого фонда социального использования — по договорам социального найма, специализированного жилого фонда — беженцам, а также детям-сиротам);

- способствует улучшению социальной инфраструктуры (создание парков, скверов, объектов физической культуры и спорта, транспортных развязок);

- стимулирует развитие малого и среднего предпринимательства (законодатель устанавливает преимущественное право субъектов малого и среднего предпринимательства на приобретение государственной и муниципальной собственности);

- обеспечивает решение повседневных задач, возникающих в ходе функционирования органов власти разного уровня (здания, сооружения помещения для осуществления полномочий органов власти, трудовых функций работников).

Имущественный комплекс служит фундаментом для осуществления экономической деятельности. Так, с целью организации производственного про-

¹ Кислая Т. Н. Теоретико-методологические подходы к управлению экономической безопасностью региона / под науч. ред. В. Н. Тисуновой. — Чебоксары: Среда, 2021. — С. 64.

цесса необходимы определенные ресурсы, к источникам которых относятся движимое и недвижимое имущество, земельные участки.

Понятие «имущественный комплекс» имеет юридическую и экономическую природу.

1. Юридическая природа заключается в том, что обладание имуществом предполагает соблюдение совокупности правовых норм, которые позволяют закреплять его за физическими, юридическими лицами и публично-правовыми образованиями (муниципальными образованиями, субъектами РФ, Российской Федерацией) на тех или иных правах. Имущественные права позволяют его обладателю владеть, пользоваться, распоряжаться имуществом в установленных законодательством пределах, совершать любые непротиворечащие правовым нормам действия.

Полный объем правомочий (владение, пользование, распоряжение) принадлежит только собственнику и дает возможность ему удерживать вещь в собственном владении (правомочие владения), отчуждать или иным способом изменять юридическую судьбу вещи (правомочие распоряжения), извлекать выгоду, доход и другие полезные свойства вещи (правомочие пользования).

Юридическое содержание правомочий создает основу для воплощения экономической природы имущественного комплекса, которая проявляется в возможности получения экономических выгод от присвоения вещи и пользования ею в процессе производства, распределения, обмена и потребления материальных благ.

2. Наиболее распространенными формами использования имущества с целью получения экономических выгод являются:

а) продажа (получение единовременного дохода). В случае, если собственником имуществом является публично-правовое образование, продажа осуществляется путем приватизации;

б) сдача в аренду. Аренда дает возможность получать доходы от использования имущества, при этом право собственности на имущество сохраняется. В случае, если собственником имущества является публично-правовое образование, могут возникать определенные ограничения для реализации данной процедуры. Например, ограничивающие условия могут быть в части назначения имущества (государственное и муниципальное имущество может предоставляться в аренду государственными и муниципальными учреждениями, предприятиями только в целях, соответствующих их главным функциям), его технического состояния (непригодное для использования, ветхое имущество). В связи с этим относительно небольшое количество объектов публичной собственности может быть сдано в аренду;

в) концессия (передача имущества в концессию регулируется Федеральным законом от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях»), на основе которой осуществляется привлечение инвестиций в экономику территории (на любом уровне);

г) передача в доверительное управление (на определенный срок индивидуальным предпринимателям, коммерческим организациям, кроме унитарных предприятий). Передача в доверительное управление делает публично-право-

вое образование выгодоприобретателем, причем имущество остается в его собственности. Кроме того, с органов государственной власти и органов местного самоуправления, осуществляющих полномочия собственника имущества, снимается часть функций управления государственным (муниципальным) имуществом, и появляется возможность повышать эффективность управления.

В большинстве случаев основным показателем эффективного использования имущества публично-правового образования считается «получение максимально возможных доходов от него»¹.

Помимо прочего, имущественный комплекс является источником налогов, что также сказывается на его роли в развитии той или иной территории.

Необходимо отметить двойственный характер имущественного комплекса: с одной стороны, он представляет собой потенциальный источник дохода, а с другой — содержание имущества требует определенных затрат, в связи с чем важно вовлекать имущество в хозяйственный оборот.

Для понимания сущности имущественного комплекса рассмотрим имеющиеся трактовки данного понятия.

Из-за многозначности рассматриваемых понятий «имущество» и «комплекс» в научных работах пока не представлено единого мнения относительно правовой природы, режима и места имущественного комплекса среди объектов гражданских прав.

А. П. Кураш в своем исследовании определяет имущественный комплекс как «совокупность одного или нескольких производственно-технологических комплексов и объектов недвижимого, а также используемого в технологическом процессе движимого имущества, расположенных в границах определенного земельного участка»². Автор отмечает, что имущественный комплекс не может быть единым объектом технического учета, а единым объектом права — может.

С. В. Нарушкевич исследует имущественный комплекс с позиций технологического, правового и процессного подходов и включает в понятие «объекты движимого и (или) недвижимого имущества, объединенные единым технологическим процессом их использования и выступающие в гражданском обороте как единый объект права»³.

А. М. Лаптева использует основы системного, динамического и правового подходов, с помощью которых определяет имущественный комплекс в качестве динамической системы с дуальными признаками входящих в него элементов и дает следующую трактовку понятия: «...это совокупность разнородных вещей, имущественных прав (обязательных прав), долгов (обязательств), ис-

¹ Ермолаев Д. В., Козлова Е. Д. Имущественный комплекс муниципального образования как экономическая основа местного самоуправления // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2016. — № 4-1. — С. 290.

² Кураш А. П. Предприятие (имущественный комплекс) — особый объект гражданского оборота. — URL: <https://studfile.net/preview/10033986> (дата обращения: 15.09.2022).

³ Анисимов А. П., Рыженков А. Я., Нарушкевич С. В. Имущественный комплекс как объект гражданских прав: вопросы теории и практики // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2011. — № 5. — С. 75.

ключительных прав, которые имеют общее целевое назначение и образуют единое правовое целое»¹. Автор выделяет два основных признака имущественного комплекса:

- а) общее целевое назначение входящих в его систему элементов;
- б) единое правовое целое (в смысле единой юридической судьбы элементов комплекса и права, рассматривающего их как единый объект).

Ю. Ф. Дружинина исследует имущественный комплекс с правовой позиции (как право владения) и цели его функционирования и приводит его трактовку как «совокупности прав и (или) обязанностей, объединенных целевым назначением»². Автор выделяет следующие характеристики имущественного комплекса: во-первых, он состоит из более чем одного элемента, причем этим элементом могут быть как права, так и обязанности, а разнородность их не является обязательной; во-вторых, права и обязанности строго объединены целью как экономического, так и юридического характера; в-третьих, предмет имущественного комплекса находится в границах сделок, совершаемых на законодательной основе, но она не ограничивает оборотоспособность данного комплекса³.

С. А. Степанов, определяя специфику и состав имущественного комплекса, приводит такую трактовку понятия: «Имущественный комплекс представляет собой не случайный набор отдельных видов имущества, а определенную, находящуюся в системе совокупность имущества, которое используется по общему (единому) назначению», но его «нельзя свести к понятию сложной вещи», поскольку это явление более емкое, а сложная вещь состоит из реальных вещей, и, таким образом, «имущественный комплекс образуют не только вещи, но и иное имущество, в том числе и права»⁴.

Имущественный комплекс следует рассматривать как «особый, комплексный институт гражданского права», элементы которого имеют материальные или нематериальные свойства⁵. Имущественный комплекс традиционно понимают как «некое юридическое единство каких-либо материальных и нематериальных благ», причем в данную категорию включают любую имущественную массу, объединяемую по тому или иному признаку⁶.

Во многих научных работах имущественный комплекс раскрывается через его состав, нормативные акты, характеризующие его общие черты. Назначение и сущность имущественного комплекса, его признаки, по мнению А. М. Лаптевой, также являются значимыми характеристиками для формулировки понятия.

¹ Лаптева А. М. Понятие «имущественный комплекс» // Ленинградский юридический журнал. — 2010. — № 2 (20). — С. 203.

² Дружинина Ю. Ф. Понятие имущественного комплекса и его место в системе объектов гражданских прав // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2019. — № 31. — С. 154.

³ Там же.

⁴ Степанов С. А. Недвижимое имущество в гражданском праве. — М.: Статут, 2004. — С. 47.

⁵ Гафуров Е. Т. Имущественные комплексы // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). — 2016. — № 10 (26). — С. 115.

⁶ Костин П. Ю. Имущественный комплекс как совокупность субъективных гражданских прав и обязанностей // Актуальные проблемы российского права. — 2013. — № 2 (27). — С. 162.

Автор считает, что именно цель является отличительной характеристикой имущественного комплекса «от простой совокупности объектов гражданского права», поскольку с учетом цели гражданского лица происходит формирование любого имущественного комплекса¹. Имущественный комплекс имеет системные свойства, что определяет его сложный характер. Данный комплекс исследователи относят к динамическим системам, способным развиваться в пределах своего качества.

В нормативных документах Российской Федерации термин «имущественный комплекс» не закреплен, но указывается на его связь с предприятием, где данное понятие рассматривается в целом в качестве такового «для осуществления предпринимательской деятельности»². В связи с вышеизложенным целесообразно рассмотреть подробнее определение понятия «имущественный комплекс предприятия».

В научной литературе имущественный комплекс предприятия чаще всего характеризуется с позиции дуальности — как совокупность прав собственности и совокупность активов для хозяйственной деятельности предприятия в соответствии с целями его деятельности. Предприятие, по мнению Н. М. Кожошевой, представляет собой «особый имущественный комплекс и... особый самостоятельный объект гражданских прав»³.

Другие авторы, исследуя понятие, проводят классификацию имущественного комплекса предприятия и определяют его как «совокупность вещественных (недвижимое и движимое имущество, оборотные средства), финансовых (денежные средства, краткосрочные и долгосрочные финансовые вложения, дебиторская задолженность) и нематериальных (отражаемые и не отражаемые в бухгалтерском балансе) активов предприятия, а также прав владения, пользования и распоряжения этими активами, обладающими стоимостью, функциональной взаимосвязанностью и иерархической организованностью, обеспечивающими синергетический эффект в процессе деятельности, определяемой целями создания предприятия»⁴.

З. У. Темирова, С. А. Гурфова под имущественным комплексом предприятия понимают «все имущество предприятия, используемое в процессе ведения предпринимательской деятельности», в составе которого они выделяют его оборотные и внеоборотные активы, в том числе материальные, нематериальные, денежные средства, имеющиеся в пользовании, владении и распоряжении предприятия⁵.

¹ Лаптева А. М. Понятие «имущественный комплекс» // Ленинградский юридический журнал. — 2010. — № 2 (20). — С. 203.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31 января 2016 г.).

³ Кожошева Н. М. Правовое положение вещей в составе имущественного комплекса // Наука и новые технологии. — 2011. — № 8. — С. 82.

⁴ Кузичев В. М., Чернов С. С., Перминов А. Ю. Понятие и классификация объектов имущественного комплекса предприятия // Проблемы современной экономики. — 2009. — № 4 (32). — С. 155.

⁵ Темирова З. У., Гурфова С. А. Экономическое содержание имущественного комплекса, его роль в управлении предприятием // Вестник Академии знаний. — 2019. — № 35 (6). — С. 264.

Имеются исследования, в которых имущественный комплекс представлен в качестве ключевого компонента социально-экономической системы организации, при этом он состоит в основном из материальных активов профильного и непрофильного назначения»¹.

В Гражданском кодексе (п. 2 ст. 132) определено, что имущественный комплекс предприятия включает в себя все виды имущества для предпринимательской деятельности, ..., права индивидуализации, продукцию, работы и услуги, другие исключительные права, если иное не предусмотрено законом или договором².

Имущественный комплекс исследователи сравнивают со сложной вещью, при этом все входящие в него элементы являются объединенными общим критерием использования на основе единого целевого. Отличие между предприятием и имущественным комплексом заключается в составе самих элементов: «В составе предприятия находятся „объекты обязательственных правоотношений и исключительных прав“, тогда как в имущественном комплексе — только совокупность движимых и недвижимых вещей в качестве сложной вещи по назначению»³.

М. В. Аношин предлагает на законодательном уровне — в Концепции развития гражданского законодательства о недвижимом имуществе — выделить в качестве объекта гражданских прав технологический имущественный комплекс⁴.

Приведенные авторские трактовки позволяют сделать вывод о том, что в настоящее время не сложилось единого мнения в отношении общей дефиниции исследуемого понятия «имущественный комплекс». Тем не менее понятие «имущественный комплекс» в российской практике постепенно включается в нормативно-правовые документы с появлением «в гражданском обороте сложных объектов прав»⁵, и актуальность данного направления исследований вызывает все возрастающий интерес, усиливающийся вследствие закономерного появления все более сложных объектов прав.

На основании вышеизложенного, можно констатировать, что имущественный комплекс представляет собой совокупность движимого и недвижимого имущества, материальных и нематериальных активов, комплекса прав

¹ Глушакова О. В., Сычева-Передеро О. В. Имущественный комплекс как ключевой компонент социально-экономической системы организации и объект стратегического управления // Сибирская финансовая школа. — 2016. — № 3 (116). — С. 61.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31 января 2016 г.).

³ Аношин М. В. Соотношение понятий «предприятие» и «имущественный комплекс» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. — 2008. — № 3. — С. 39.

⁴ Аношин М. В. Соотношение понятий «предприятие» и «имущественный комплекс» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. — 2008. — № 3. — С. 39–42; Концепция развития гражданского законодательства о недвижимом имуществе / под общ. ред. В. В. Витрянского, О. М. Козырь, А. А. Маковской. — М.: Статут, 2004. — 95 с.

⁵ Дружинина Ю. Ф. Понятие имущественного комплекса и его место в системе объектов гражданских прав // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2019. — № 31. — С. 154.

и обязательств и других элементов, обладающих единым связующим компонентом (технологический процесс или цель использования имущества) и обеспечивающих целевые показатели результативности экономической деятельности обладателя имущественного комплекса.

Многие исследователи анализируют продуктивность использования имущественного комплекса, ограничиваясь лишь данными о составляющих его объектах и динамике их показателей. Однако, изучение вопросов эффективности вовлечения имущественного комплекса в хозяйственный оборот целесообразно начать с анализа той территории, на которой он существует, а именно с оценки того, насколько грамотно осуществляется распределение земли по видам и соответствует ли ее разрешенное использование текущим потребностям общества и экономики. Данные вопросы являются предметом исследования землеустройства.

Вопрос о взаимосвязи землеустройства и экономики территории в настоящее время недостаточно изучен, однако исследователи сходятся во мнении, что землеустройство имеет социально-экономическую сущность¹.

В современных реалиях эффективность землепользования и землеустройства следует рассматривать в качестве необходимого условия обеспечения экономической безопасности как организаций, так и территорий разного уровня. Имущественный комплекс в данном случае выступает как связующий компонент, как составной элемент земли. Эффективность землепользования стоит рассматривать как критерий обеспечения экономической безопасности организаций, муниципальных образований, регионов и государства. Исходя из вышеизложенного, с целью устойчивого развития и функционирования организаций и публично-правовых образований разного уровня на этапе распределения и перераспределения земель органами государственной власти (при государственном землеустройстве) и органами местного самоуправления (при муниципальном землеустройстве) необходимо осуществлять оценку благоприятности использования земель².

Особую значимость землеустройство приобретает в таких сферах использования имущественного комплекса, как сельскохозяйственное и агропромышленное производство.

Следовательно, целесообразно исследовать имущественный комплекс в привязке с землей, т. е. обратиться к рассмотрению понятия «земельно-имущественный комплекс».

Термин «земельно-имущественный комплекс» применим в рамках исследования системы управления земельными ресурсами, где данное понятие рассматривают в качестве интегрального, объединяющего термины «земля» и «имущество» в своем смысловом содержании. В авторском исследовании М. А. Подковыровой приведено понятие земельно-имущественного комплекса как «совокупности земельных ресурсов в динамичном многообразии форм собственно-

¹ *Постолов В. Д., Бранцева Л. В., Недикова Е. В., Кривцова Г. А.* Сущностные и содержательные особенности землеустройства как социально-экономической категории // *Модели и технологии природообустройства (региональный аспект)*. — 2019. — № 2 (9). — С. 60.

² *Там же.*

сти и типов землепользования, административных и хозяйственных структур, юридических и физических лиц, связанных с правоотношениями по поводу распределения, использования земли и ее управления»¹.

Составляющей «земля» исследователи придают особое значение, связанное с аспектами ее использования: прежде всего, она является необходимым материальным условием для производства, но в различных отраслях национальной экономики ее функции различны: в обрабатывающей промышленности она служит местом для производственной деятельности, а в добывающих отраслях становится орудием труда. Отсюда, земельно-имущественные отношения составляют особую социально-экономическую категорию ввиду специфических свойств земли как ресурса и как земельного фонда.

Земельно-имущественный комплекс является объектом управления на государственном и муниципальном уровне. Государственные и муниципальные органы власти ответственны за социально-экономическое развитие публично-правового образования, для которого земельно-имущественный комплекс имеет большое значение с учетом динамики объектов, входящих в него. Использование объектов земельно-имущественного комплекса приносит доходы в государственный и муниципальный бюджеты.

Обратимся к авторским трактовкам понятия «земельно-имущественный комплекс», поскольку на законодательном уровне данное понятие не разработано, однако для научных исследований требуется понимание его сущности, состава образующих его элементов.

В определении О. А. Бондаренко земельно-имущественный комплекс — это «совокупность земельного участка и недвижимости, размещенной на нем, используемой на основании ее функционального назначения»².

У Ю. М. Рогатнева земельно-имущественный комплекс имеет две формы: «либо земельный участок без каких-либо строений, либо земельный участок с размещенными на нем объектами строительства вне зависимости от степени их завершенности»³.

А. С. Павлова представляет земельно-имущественный комплекс муниципального образования в качестве «взаимосвязанной системы земельных участков и размещенных на них объектов недвижимости, находящихся в собственности муниципального образования»⁴.

¹ Подковырова М. А., Брагинцева Р. С. Анализ моделей имущественного и земельно-имущественного комплексов в системе управления // Современные вопросы землеустройства, кадастра и мониторинга земель: материалы Регион. науч.-практ. конф. (Тюмень, 26 ноября 2016 г.). — Тюмень: ТИУ, 2016. — С. 141.

² Бондаренко О. А. Управление земельно-имущественным комплексом города Ростова-на-Дону // Современные вопросы землеустройства, кадастра и мониторинга земель: материалы региональной научно-практической конференции (Тюмень, 26 ноября 2016 г.). — Тюмень: ТИУ, 2016. — С. 10.

³ Рогатнев Ю. М., Гарафутдинова Л. В., Разумов В. И. Роль методов в работе с понятиями: примеры в изучении земельно-имущественного комплекса // Омские научные чтения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 11–16 декабря 2017 г.). — Омск: ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, 2017. — С. 834.

⁴ Павлова А. С. Земельно-имущественный комплекс: сущность и особенности управления // Теория и практика современной науки. — 2016. — № 12-2 (18). — С. 12.

В. И. Кравцов приводит определение понятия земельно-имущественного комплекса как «совокупности объектов недвижимости и территории, где земля выступает в качестве системообразующего пространственного базиса, функционирующего в социально-экономической среде, а также объекта имущественных прав, что в свою очередь делает ее (землю) важнейшим фактором организации производства, реализованного во всех формах собственности и использования»¹.

С точки зрения А. Г. Дамрина, под земельно-имущественным комплексом следует понимать «земельный участок, на котором размещена недвижимость различного социально-экономического назначения»².

Т. И. Хаметов представляет земельно-имущественный комплекс как «совокупность недвижимости, объединенной одной территорией»³.

Считаем, что понятие земельно-имущественного комплекса целесообразно выстраивать, основываясь на принципе первичности земли, рассматривая при этом находящиеся на земельном участке объекты недвижимого имущества в качестве его составного элемента.

Таким образом, земельно-имущественный комплекс — это земельный участок с находящимися на нем объектами движимого и недвижимого имущества, объединенными технологическим процессом или имеющими общую цель использования имущества.

Далее обратимся к вопросу о составе имущественного комплекса.

Имущественный комплекс организации представляет собой совокупность движимого и недвижимого имущества, а также имущественных и связанных с ними неимущественных прав. Имущество организации является обязательным и необходимым элементом его существования. Данная позиция закреплена законодательно.

Чаще всего имущественный комплекс включает и движимое, и недвижимое имущество, хотя существуют ситуации, когда «имущественный комплекс вообще не имеет в своем составе недвижимого имущества»⁴.

Имущественный комплекс муниципального образования входит в число компонентов собственности муниципалитета (земли, природные и финансовые ресурсы). Д. В. Ермолаев и Е. Д. Козлова определяют муниципальное имущество как «имущество, собственность на которое закреплена за муниципальным образованием, основная цель которого, во-первых, заключается в решении во-

¹ Кравцов В. И. Земельно-имущественный комплекс как территориально-организованная экономическая система // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2006. — № 8 (58). — С. 137.

² Дамрин А. Г., Осетрова Ю. Ю. Система управления земельно-имущественным комплексом города Оренбурга // Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры: материалы Всерос. науч.-метод. конф. (Оренбург, 3–5 февраля 2016 г.). — Оренбург: ОГУ, 2016. — С. 513.

³ Хаметов Т. И. Земельно-имущественный комплекс — основа развития земельно-имущественных отношений // Управление земельно-имущественными отношениями: сб. науч. тр. XII Междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, 29–30 ноября 2016 г.). — Пенза: ПГУАС, 2016. — С. 364.

⁴ Кожошева Н. М. Правовое положение вещей в составе имущественного комплекса // Наука и новые технологии. — 2011. — № 8. — С. 82.

просов и задач конкретного муниципалитета и, во-вторых, в осуществлении органами, уполномоченными управлять муниципальным образованием от имени населения своих непосредственных полномочий»¹. Гражданский кодекс РФ устанавливает, что муниципальным имуществом могут владеть, пользоваться и распоряжаться муниципальные учреждения и предприятия, а незакрепленное имущество муниципального образования находится в непосредственном управлении местных органов и образует муниципальную казну. Таким образом, Гражданский кодекс РФ дает обоснование для органов местного самоуправления владения, пользования и распоряжения закрепленным за муниципальным образованием имуществом, где выделяют три правовых режима: на праве хозяйственного ведения, на праве оперативного управления и в муниципальной казне².

Объектами имущественного комплекса муниципального образования являются жилищный фонд, недвижимость муниципальных унитарных предприятий (учреждений). Муниципальный имущественный комплекс может включать в себя предприятия и единый недвижимый комплекс, при этом обязательной является их государственная регистрация в таком статусе в соответствии с требованиями Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости».

Мнения ученых по вопросу о составе имущественного комплекса региона расходятся.

По мнению Т. И. Хаметова, «региональный имущественный комплекс состоит из имущества, которое находится в собственности субъекта РФ»³.

К. В. Екимова, И. П. Савельева полагают, что «региональный имущественный комплекс составляет имущество, расположенное на территории региона, независимо от формы собственности»⁴. Е. Г. Анимица, Н. М. Сурнина, А. Г. Лысенко под региональным имущественным комплексом предлагают понимать «имущество государственной собственности субъекта РФ и муниципальных образований, находящихся на территории региона»⁵.

Законодательство Российской Федерации построено с учетом отнесения имущества к региональному по принципу принадлежности права собственности на него субъекту РФ. Однако, как представляется, эта формулировка из-

¹ Ермолаев Д. В., Козлова Е. Д. Имущественный комплекс муниципального образования как экономическая основа местного самоуправления // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2016. — № 4-1. — С. 286.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31 января 2016 г.).

³ Хаметов Т. И. Земельно-имущественный комплекс — основа развития земельно-имущественных отношений // Управление земельно-имущественными отношениями: сб. науч. тр. XII Междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, 29–30 ноября 2016 г.). — Пенза: ПГУАС, 2016. — С. 364.

⁴ Екимова К. В., Савельева И. П. Место инвестиционно-строительного комплекса в социально-экономической системе государства // Промышленное развитие России: проблемы, перспективы: материалы V Междунар. практ. конф. преподавателей, ученых, аспирантов, студентов (Нижегород, 26 октября 2007 г.): в 2 т. — Н. Новгород: ВГИПУ, 2007. — Т. 1. — С. 29.

⁵ Анимица Е. Г., Сурнина Н. М., Лысенко А. Г. Региональный имущественный комплекс: методология и практика. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2000. — 271 с.

лишне ограничивает использование возможностей имущественного комплекса для развития территории. Мнение исследователей о том, что в состав регионального имущественного комплекса стоит включать и иное по форме собственности имущество (муниципальное, имущество частных лиц), является более комплексным, основательным и подтверждается фактом внесения собственниками иного (не принадлежащего региону на праве собственности) имущества налогов в бюджет соответствующей территории.

Исходя из вышеизложенного, имущественный комплекс может иметь следующий состав:

- недвижимое имущество (здания, сооружения, земельные участки);
- движимое имущество (машины, оборудование, техника; капитальные вложения; акции, облигации, ценные бумаги, паи и прочие основные средства, прочие внеоборотные активы);
- запасы и затраты для производственной сферы (сырье, материалы, топливо);
- денежные средства и другие финансовые активы (наличные в кассе, на счетах банков, краткосрочные финансовые вложения, дебиторская задолженность);
- активы, не отраженные в балансе (на консервации, в запасе, резерве; в аренде; на праве доверительного управления; вложенные средства);
- нематериальные активы (авторские права, патенты, лицензии).

Важным является вопрос о правовой основе владения имущественным комплексом.

Публично-правовые образования как субъекты гражданских правоотношений в сфере управления имуществом, принадлежащим им на праве собственности, имеют отличительные признаки от соответствующих прав и обязанностей юридических лиц. Правовой статус имущественного комплекса публично-правовых образований (муниципальные образования, регионы, Российская Федерация) несколько отличается от оснований владения, пользования и распоряжения имуществом организациями (юридическими лицами). Этот момент важен в отношении распоряжения публичным имуществом. Основное отличие заключается в закреплении имущественного комплекса публично-правовых образований за создаваемыми ими организациями на вещных правах лиц, не являющихся собственниками. Происходит это потому, что в силу норм гражданского законодательства публично-правовые образования, будучи собственниками имущества, не могут сами выступать в качестве участников правоотношений, а делают это через свои уполномоченные органы. Таким образом, публично-правовые образования реализуют право собственника в отношении имущественного комплекса не самостоятельно (как, например, юридические лица), а через органы государственной власти и органы местного самоуправления, которые наделены полномочиями собственника в отношении государственного и муниципального имущества в силу закона. Это закреплено в п. 3 ст. 214 и в п. 2 ст. 215 ГК РФ¹.

¹ *Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31 января 2016 г.).*

Органы государственной власти и органы местного самоуправления, в свою очередь, осуществляя права собственника имущества, вправе закрепить его за государственными или муниципальными предприятиями и учреждениями, а оставшееся (нераспределенное) имущество переходит в казну муниципального образования, субъекта РФ или в казну Российской Федерации.

Имущество закрепляется за муниципальными предприятиями и учреждениями на праве хозяйственного ведения и праве оперативного управления.

Право хозяйственного ведения и право оперативного управления отличаются от права собственности ограниченным объемом правомочий, а именно: собственник имущества (публично-правовое образование) имеет полный объем правомочий — он может владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом, а лицо, наделенное правом хозяйственного ведения или оперативного управления (государственное или муниципальное предприятие или учреждение), имеет не все правомочия, оно может владеть и пользоваться имуществом, но распоряжение осуществляется только с согласия собственника (публично-правового образования), т. е. данное правомочие ограничено.

Другими словами, государственное или муниципальное предприятие (или учреждение), наделенное правом оперативного управления (либо хозяйственного ведения) в отношении имущества, имеет право передать его в аренду третьему лицу только в случае получения согласия собственника.

Правом оперативного управления в отношении государственного и муниципального имущества наделяются государственные и муниципальные учреждения, государственные и муниципальные казенные предприятия, правом хозяйственного ведения — государственные и муниципальные унитарные предприятия.

Земельные участки, находящиеся в государственной и муниципальной собственности, закрепляются за государственными предприятиями и учреждениями, а также за органами государственной власти и органами местного самоуправления на праве постоянного (бессрочного) пользования.

Таким образом, в отношении одного и того же объекта государственного или муниципального имущества могут быть одновременно установлены два вещных права: право собственности публично-правового образования и иное вещное право лиц, не являющихся собственниками (государственных и муниципальных предприятий и учреждений) — право оперативного управления, право хозяйственного ведения, право постоянного (бессрочного) пользования. При этом право собственности может быть единственным и самостоятельным, а иные вещные права не могут существовать без права собственности.

Необходимость создания государственных и муниципальных предприятий и учреждений и наделения их вещными правами лиц, не являющихся собственниками, является отражением того, что органы государственной власти и органы местного самоуправления в силу законодательных ограничений не могут заниматься предпринимательской деятельностью (эту функцию выполняют государственные и муниципальные предприятия), но могут заниматься экономической деятельностью (посредством образования государственных и муниципальных предприятий).

Интересным представляется факт того, что законодатель устанавливает разные режимы приобретения права собственности на имущество и земельные участки, собственники которых не известны или не определены (бесхозное имущество). Так, если земельные участки не принадлежат на праве собственности физическим и юридическим лицам, муниципальным образованиям и субъектам Российской Федерации, то они априори являются государственной собственностью. Наличие правоустанавливающих и (или) правоудостоверяющих документов, подтверждающих право собственности Российской Федерации, не декларируется законодателем в качестве обязательного критерия. В отношении недвижимого имущества действует другое правило, а именно: если собственник имущества не определен, то право собственности на такое имущество может быть приобретено органом местного самоуправления в судебном порядке. Таким образом, никому не принадлежащая земля является государственной в силу закона, а бесхозное имущество признается муниципальным по решению суда.

Имущественный комплекс ставит перед его собственником следующие группы задач:

- 1) юридическое оформление и сопровождение (регистрация прав, совершение сделок по переходу прав);
- 2) экономические (возможность инвестирования, получения доходов);
- 3) управленческие (выбор оптимальных способов использования имущественного комплекса посредством сравнения результатов от каждого конкретного способа);
- 4) ведение бухгалтерского учета (частой проблемой является рассогласованность управленческого и бухгалтерского учета);
- 5) осуществление налоговых правоотношений (выбор налогового режима, исполнение его условий, мероприятия по оценке эффективности и оптимизации налогообложения, например: оспаривание кадастровой стоимости).

В отношении имущественного комплекса «очень важной функцией является управленческая»¹. В части управления имущественным комплексом территории любого уровня следует выделить возможности по решению таких важных для функционирования ее экономики задач, как организация процесса простого и расширенного воспроизводства основных фондов; обеспечение сохранности и прироста собственных оборотных средств; рациональное использование ресурсов территории; развитие производственных возможностей, сохранение ресурсов для их использования в перспективе.

Эффективность управления имущественным комплексом напрямую связана с рисками и угрозами, независимо от того, «является ли его обладатель физическим или юридическим лицом, либо публично-правовым образованием»².

¹ *Сиразетдинов Р. М.* Методические основы оценки и управления имущественным комплексом предприятий // Известия Казанского государственного архитектурно-строительного университета. — 2011. — № 2 (16). — С. 299.

² *Проблемы экономической безопасности: новые глобальные вызовы и тенденции* / Л. М. Анохин, Н. В. Анохина, О. Г. Аркадьева и др. — Челябинск: ЮУрГУ, 2021. — С. 486.

Для юридических лиц (организаций) нерациональное использование имущества может приводить к неплатежеспособности и банкротству. Риски, связанные с имущественными комплексами территорий разного уровня (муниципальных образований, регионов, Российской Федерации), могут заключаться в увеличении расходов на содержание имущества над доходами, что впоследствии может привести к несбалансированности бюджета и ухудшению социально-экономических показателей территорий.

Состояние экономической безопасности организаций и территорий разного уровня с позиции имущественного комплекса определяют:

- а) состав и структуру имущественного комплекса;
- б) показатели состояния имущественного комплекса (общая стоимость имущества, степень износа основных фондов);
- в) показатели эффективности использования имущественного комплекса (фондоотдача, фондоемкость, фондовооруженность, фондорентабельность, процент неликвидного и неэффективно используемого имущества)¹.

Для анализа доходов от использования имущества применяют количественные показатели (абсолютная величина доходов, динамика их изменения (рост, прирост), доля доходов в общей сумме бюджета за период времени).

Рассматривая имущественный комплекс как материальную основу и фактор обеспечения экономической безопасности субъектов разного уровня, необходимо выделить следующие этапы управления имущественным комплексом:

- 1) определение факторов, влияющих на функционирование имущественного комплекса; выявление потенциальных угроз, определение их состава и степени важности;
- 2) оценка уровня состояния имущественного комплекса и показателей эффективности его использования, определение возможного ущерба при наступлении потенциальных угроз;
- 3) разработка мероприятий по минимизации угроз, оптимизации управления имущественным комплексом;
- 4) прогнозирование дальнейшего использования имущественного комплекса с учетом существующих угроз и необходимых для их ликвидации мероприятий.

При выборе варианта использования имущественного комплекса организации важно учитывать профиль ее деятельности. Определяя дальнейшее развитие имущественного комплекса той или иной территории, необходимо учитывать специфику ее экономического развития, природно-климатические условия (один из определяющих факторов землеустройства), культурно-исторические особенности.

Для обеспечения экономической безопасности субъектов их имущество в той или иной степени участвует в деятельности всех ее составляющих: финансовой, кадровой, технико-технологической, политико-правовой; экологической, информационной, силовой. Однако в настоящее время имущественную

¹ Лазарева Г. И., Молчан А. С., Ефремова Л. А. Имущественный комплекс как объект экономической безопасности предприятия. — Ставрополь: Фабула, 2018. — С. 39, 57.

составляющую не выделяют в отдельный блок. Учитывая важную функцию имущественного комплекса в формировании материальной основы функционирования субъектов разного уровня, это становится необходимым условием для поддержания должного уровня экономической безопасности.

С целью анализа и оценки уровня имущественной составляющей предлагается использовать понятие имущественной защищенности, подразумевающей комплексный подход к пониманию роли имущественного комплекса: оптимальность состава, рациональность распределения между субъектами экономической деятельности, эффективность использования, вариативность дальнейшего вовлечения в экономический и гражданский оборот.

2.7. Профессиональное образование в системе обеспечения экономической безопасности региона

Профессиональное образование как часть социально-экономической системы региона представляет собой фундамент для развития человеческих ресурсов и накопления человеческого капитала, поэтому оно находится в сфере государственных интересов, а вопросы его экономической безопасности приобрели особую значимость в условиях происходящих в настоящее время геополитических событий. Имеется в виду актуальность выявления факторов и условий функционирования профессионального образования в системе обеспечения экономической безопасности региона в новых экономических условиях. Для более детального исследования этого вопроса необходимо раскрыть сущность понятия экономической безопасности, выделить определяющие аспекты и факторы, влияющие на ее состояние.

Исследование экономической безопасности требует комплексного подхода, поскольку она представляет иерархическую систему, в которой «экономическая безопасность Российской Федерации неразрывно связана с экономической безопасностью ее субъектов (регионов)»¹. Таким образом, в системе обеспечения экономической безопасности региона правомерно исследовать профессиональное образование, влияние на него происходящих геополитических событий, вызвавших трансформацию экономики страны в целом и, как следствие, экономических систем территорий, где профессиональное образование — важный социальный элемент.

В настоящее время центральным фактором, влияющим на состояние экономической и национальной безопасности России, стали геополитические события 2022 г. Они задали ускорение неизбежному процессу трансформации всей мировой экономической системы, сложившимся мирохозяйственным связям, что отразилось на экономической системе России. Так, введенные санкции со стороны недружественных стран привели к неизбежной трансформации эко-

¹ *Проблемы экономической безопасности: новые глобальные вызовы и тенденции* / Л. М. Анохин, Н. В. Анохина, О. Г. Аркадьева и др.; под ред. А. В. Карпушкиной. — Челябинск: ЮУрГУ, 2021. — С. 19.

номики страны, ее внешней и внутренней политики, что определило необходимость анализа и переоценки условий и факторов системы национальной и экономической безопасности.

Очевидно, что происходящие глобальные события оказали влияние на перспективы развития системы профессионального образования в системе обеспечения экономической безопасности региона, являясь внешним воздействием, ведущим к новой его трансформации. Кроме того, внешние политические события вызвали изменение влияния внутренних факторов. Анализ общих аспектов экономической безопасности на уровне государства позволит выделить внешние и внутренние факторы, влияющие на профессиональное образование в системе обеспечения экономической безопасности региона.

Говоря о безопасности государства, следует обратить внимание на то, что его интересы и приоритеты определяются такими основными признаками, как *суверенитет* и *государственность*. В Конституции Российской Федерации указано, что суверенитет как независимость внешней политики с верховенством власти во внутренней политике страны, ее государственность как особый признак народа, создавшего свое государство, определяют его сущность (ст. 3, 4, 5 Конституции РФ)¹. Отсюда следует, что любое государство, обладающее такой организующей силой общества, которая позволяет ему всегда выражать и защищать общественные и личные интересы граждан, имеет самодостаточную систему национальной и экономической безопасности. Сегодняшняя геополитическая ситуация в качестве внешнего фактора влияния является «лакмусовой бумагой» для проверки суверенитета и государственности нашей страны как во внешней, так и во внутренней политике.

Экономическая безопасность, являясь системой, требует комплексного подхода. Например, В. В. Чернова экономическую безопасность государства на макроуровне определяет как интегрированный результат экономической безопасности хозяйствующих субъектов, регионов, муниципальных образований в совокупности формирующих основу экономической безопасности национальной экономики, что определяет зависимость макроуровня экономической безопасности от сбалансированности на всех уровнях экономических интересов хозяйствующих субъектов². При этом В. В. Чернова подчеркивает, что специализация региона и экономическая безопасность взаимосвязаны, поскольку специализация территории коррелирует с интересами государства, а диверсификация региональной экономики необходима для достижения устойчивости самой системы, сглаживания территориальной дифференциации³. Специализа-

¹ Конституция Российской Федерации, с изм. от 1 июля 2020 г.; Жадан В. Н. Об идее, понятии и конституционных основах правового государства в России // Балтийский гуманитарный журнал. — 2020. — № 1 (30). — С. 365–372.

² Чернова В. В. Экономическая безопасность страны как отражение равновесной реализации ее национально-государственных интересов // Вестник Томского государственного университета. — 2009. — № 3. — С. 285–290.

³ Чернова В. В. Многополярная модель реализации экономических интересов регионов — концепт экономической безопасности национального хозяйства: автореф. дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.01, 08.00.05. — Тамбов, 2009. — 43 с.

ция и диверсификация региональной экономики связаны с профессиональным образованием, так как для этих экономических процессов требуются человеческие ресурсы. Таким образом, экономические интересы регионов находятся в одной плоскости с национальными интересами и с интересами других регионов.

Теоретические вопросы экономической безопасности территорий разного уровня, различных экономических систем, субъектов хозяйствования, обоснование индикативного метода оценки безопасности основательно представлены в работах В. К. Сенчагова¹. Предложенные им теоретические положения и методика оценки подходят для исследования экономической безопасности профессионального образования региона и выделения факторов влияния на ее состояние.

Некоторые исследователи, например М. В. Ширяев, экономическую безопасность профессионального образования исследует, с одной стороны, в качестве «составляющей общей системы экономической безопасности страны», а с другой — как самостоятельную подсистему, «взаимодействующую а с другими системами», определяя при этом сферу высшего образования как «специфическую отрасль экономики»². Профессиональное образование подвергается рискам и угрозам, исследование его роли в системе экономической безопасности региона требует учета его специфики.

Анализ научных работ позволил изучить предложенные авторами трактовки понятия «экономическая безопасность профессионального образования региона». Следует сказать, что данное понятие является относительно новым, поэтому приведенные авторские трактовки характеризуют сферу образования в целом (или образовательную систему), систему высшей школы, территориальные образовательные системы высшего образования, образовательные учреждения и т. п.

М. В. Ширяев приводит определение экономической безопасности высшего образования как «такое состояние экономического, научно-технологического и кадрового потенциала высшей школы, при котором обеспечиваются: гарантированная защита интересов образовательных организаций, их работников и студентов, эффективное развитие высшего образования даже при неблагоприятных условиях воздействия внутренних и внешних факторов»³. Автор определяет человеческий капитал важным конкурентным преимуществом, а высшую школу — как имеющую особое значение для инновационного развития страны, при этом вузы «должны стать связующим звеном между наукой и производством» и вести «эффективную подготовку высококвалифицированных специалистов для экономики страны», что в совокупности «предопределяет успех модернизации экономики России и стратегии импортозамещения

¹ См., например: Сенчагов В. К. Новые угрозы экономической безопасности и защита национальных интересов России // Проблемы теории и практики управления. — 2013. — № 10. — С. 8–18; *Экономическая безопасность: производство — финансы — банки* / под ред. В. К. Сенчагова. — М.: Финстатинформ, 1998. — 621 с.

² Ширяев М. В. Экономическая безопасность высшего профессионального образования: концептуальные основы // Фундаментальные исследования. — 2015. — № 11-6. — С. 1273.

³ Там же. — С. 1274–1275.

высокотехнологичных товаров»¹. Для регионов человеческий капитал, также являющийся конкурентным преимуществом, в совокупности укрепляет как его экономическую безопасность, так и безопасность хозяйствующих субъектов.

А. В. Тараскина, Н. С. Обухова, С. В. Золотова исследуют экономическую безопасность территориальной образовательной системы высшего образования с позиции актуального пространственного подхода и приводят следующую формулировку понятия: «Состояние совокупности высших учебных заведений, объединенных единым территориальным пространством, при котором данная динамическая система способна противостоять возникающим угрозам нарушения равновесия и придерживаться выбранной траектории развития, с одной стороны, а также адаптировать хозяйственную деятельность к изменяющимся условиям для достижения поставленных целей в максимально короткие сроки — с другой стороны»². Авторы связывают проблему безопасности с проблемой рисков, когда условия экономической безопасности сохраняются при отсутствии недопустимых рисков в процессе образовательной деятельности и выявляют прямую связь между продуктивностью образовательной системы региона, а также интеллектуальным и инновационным развитием его экономики, что имеет значение для экономики страны в целом, а в совокупности повышает способность государства противостоять внешним угрозам.

И. Н. Кондрат определяет категорию «экономическая безопасность сферы образования» как «систему формирования и реализации механизмов обеспечения эффективного роста и устойчивости динамической траектории данной сферы»³. Автор считает, что экономическая безопасность образования достигается этой системой через реализацию стратегии ее поведения в условиях агрессивности внешней по отношению к ней среде, при этом она достигает определенных значений параметров функционирования, позволяющих ей сохранять возможность к адаптации. Так же, как и М. В. Ширяев, в своей работе И. Н. Кондрат характеризует экономическую безопасность сферы образования с двух сторон: «как совокупность экономических отношений, позволяющих противостоять угрозам нарушения равновесия и устойчивости развития данной динамической системы» и «как процесс, направленный на создание условий для непрерывного приспособления хозяйственной деятельности, экономического механизма учреждений образования к изменяющимся условиям достижения поставленных целей»⁴. Данная трактовка понятия позволяет заключить, что экономическая возможность реализации целей и задач образовательного учреждения находится в разрезе системы обеспечения экономической безопасности территории.

¹ Ширяев М. В. Экономическая безопасность высшего профессионального образования: концептуальные основы // Фундаментальные исследования. — 2015. — № 11-6. — С. 1275.

² Тараскина А. В., Обухова Н. С., Золотова С. В. Оценка экономической безопасности территориальных образовательных систем высшего образования в региональном управлении // Экономический анализ: теория и практика. — 2017. — № 4 (463). — С. 2314.

³ Кондрат И. И. Экономическая безопасность производства образовательных услуг и ее институциональное обеспечение: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. — Ярославль, 2004. — С. 5.

⁴ Там же. — С. 11.

В. Н. Пугач и К. А. Кирсанов в своем исследовании опираются на приведенное Н. К. Алимовой понятие экономической безопасности образовательного учреждения как «состояние наличия требуемых ресурсов и системы взаимоотношений между агентами ресурсообращения, позволяющими качественно осуществлять функции организации и создающими состояние ее защищенности в изменяющихся экономических, социальных и политических условиях»¹. В. Н. Пугач и К. А. Кирсанов выделяют три основных аспекта в экономической безопасности образовательных учреждений²:

- 1) ресурсное обеспечение (финансирование);
- 2) безопасность участников образовательного процесса;
- 3) управленческие решения в сфере экономической безопасности образовательного учреждения (тесно связаны с первым и вторым аспектами).

В совокупности приведенные аспекты являются общими (универсальными) для всех образовательных организаций и представляют функцию их экономической безопасности.

В. Н. Плотников в своей статье определяет экономическую безопасность высшего образования как состояние, при котором «обеспечиваются гарантированная защита национальных интересов в сфере высшего образования и развитие этой сферы в соответствии с долгосрочными и среднесрочными потребностями социально-экономического развития страны»³. Автор считает, что обеспечение экономической безопасности высшего образования находится в сфере государственных интересов и национальной безопасности, а это, в свою очередь, «требует адекватной системы управления и регулирования на макроуровне», соответствующей «интеллектуальному потенциалу системы высшего образования и ее роли в развитии и государства, и социально-экономической системы в целом»⁴.

Ю. А. Коблова приводит обобщенное определение понятия экономической безопасности образования как «такое состояние сферы образования, при котором обеспечивается ее стабильность и устойчивость, защищенность в условиях действия негативных факторов внутренней и внешней среды»⁵. Состояние безопасности сферы образования региона, в том числе профессионального, гарантирует защиту национальных интересов наряду с социально-экономическим развитием страны и регионов.

Приведенные выше авторские подходы к понятию экономической безопасности в сфере образования позволяют выделить следующие основные по-

¹ Пугач В. Н., Кирсанов К. А. Экономическая безопасность образовательного учреждения // Российский экономический интернет-журнал. — 2009. — № 4. — URL: https://www.e-rej.ru/Articles/2009/Pugach_Kirsanov.pdf (дата обращения: 20.09.2022).

² Там же.

³ Плотников Н. В. Проблемы обеспечения экономической безопасности высшего образования на современном этапе // Экономика и экологический менеджмент. — 2015. — № 3. — С. 144.

⁴ Там же. — С. 149.

⁵ Коблова Ю. А. Экономическая безопасность в сфере образования // Проблемы экономической безопасности: новые глобальные вызовы и тенденции / Л. М. Анохин, Н. В. Анохина, О. Г. Аркадьева и др.; под ред. А. В. Карпушкиной. — Челябинск: ЮУрГУ, 2021. — С. 228.

ложения, относимые к профессиональному образованию в системе обеспечения экономической безопасности региона:

— система образования, в том числе профессионального, является одним из элементов системы обеспечения экономической безопасности региона и в итоге — государства;

— экономическая безопасность сферы образования характеризуется своей спецификой;

— сфера образования выступает важным конкурентным преимуществом государства, влияющим на успешность модернизации экономики региона и национальной экономики;

— условием экономической безопасности образовательных учреждений является отсутствие недопустимых рисков в образовательной деятельности;

— в основе экономической безопасности образовательного учреждения лежит экономическая возможность реализации его целей и задач;

— экономическая безопасность образовательной организации является функцией трех основных составляющих: ресурсного обеспечения, безопасности всех участников образовательного процесса и управленческих решений образовательной организации;

— экономическая безопасность сферы образования гарантирует защиту национальных интересов.

Ниже приведены авторские трактовки понятия экономической безопасности образовательной сферы, анализ которых позволит сформулировать обобщенное понятие экономической безопасности профессионального образования (табл. 20).

Анализ и обобщение приведенных в табл. 20 трактовок понятия разных авторов позволяет сформулировать следующее определение: *«Экономическая безопасность профессионального образования региона включает совокупность образовательных организаций в едином территориальном пространстве, способных противостоять возникающим внешним и внутренним угрозам, адаптироваться к изменяющимся условиям и достигать поставленных целей образовательной и воспитательной деятельности, соответствующих среднесрочным и долгосрочным потребностям региональной социально-экономической системы».*

В настоящее время вопросы в сфере экономической безопасности профессионального образования недостаточно исследованы, что еще раз указывает на актуальность данной темы, в том числе продолжения исследования.

В каждом регионе на основе сложившейся экономики и специализации формируется система профессионального образования, основная задача которой — удовлетворение потребности в кадрах необходимой квалификации. Аспектами исследования профессионального образования в системе обеспечения экономической безопасности региона являются состояние его устойчивости и (или) приращения качественных показателей, востребованность направлений подготовки и квалификаций выпускаемых специалистов в условиях нестабильной экономико-политической ситуации и при постоянно меняющихся требованиях внешней и внутренней среды. При этом под внешней средой сле-

дует понимать мировые события, тенденции и тренды, а также изменения и процессы, происходящие на всех территориальных уровнях: государства, регионов, муниципальных образований. Под внутренней средой предлагается понимать изменения организационной структуры системы профессионального образования, которые могут являться как следствием геополитических событий (например, пересмотр Болонской системы образования в связи с ужесточением антироссийских санкций), так и нерешенных проблем внутри самой системы.

Таблица 20

**Авторские подходы к определению понятия
«экономическая безопасность в сфере образования»**

Автор	Авторская трактовка понятия
М. В. Ширяев	Такое состояние экономического, научно-технологического и кадрового потенциала высшей школы, при котором обеспечиваются: гарантированная защита интересов образовательных организаций, их работников и студентов; эффективное развитие высшего образования даже при неблагоприятных условиях воздействия внутренних и внешних факторов ¹
А. В. Тараскина, Н. С. Обухова, С. В. Золотова	Состояние совокупности высших учебных заведений, объединенных единым территориальным пространством, при котором данная динамическая система способна противостоять возникающим угрозам нарушения равновесия и придерживаться выбранной траектории развития, с одной стороны, а также адаптировать хозяйственную деятельность к изменяющимся условиям для достижения поставленных целей в максимально короткие сроки — с другой стороны ²
И. Н. Кондрат	Система формирования и реализации механизмов обеспечения эффективного роста и устойчивости динамической траектории данной сферы ³
В. Н. Плотников	Такое состояние системы высшего образования, при котором обеспечиваются гарантированная защита национальных интересов в сфере высшего образования и развитие этой сферы в соответствии с долгосрочными и среднесрочными потребностями социально-экономического развития страны ⁴

Далее выделим некоторые значимые аспекты, формирующие систему внешних и внутренних факторов влияния на состояние профессионального образования в системе обеспечения экономической безопасности российских регионов. В этом отношении на безопасность сферы образования оказали значительное влияние следующие экономические и политические события:

¹ Ширяев М. В. Экономическая безопасность высшего профессионального образования: концептуальные основы // *Фундаментальные исследования*. — 2015. — № 11-6. — С. 1274–1275.

² Тараскина А. В., Обухова Н. С., Золотова С. В. Оценка экономической безопасности территориальных образовательных систем высшего образования в региональном управлении // *Экономический анализ: теория и практика*. — 2017. — № 4 (463). — С. 2314.

³ Кондрат Н. И. Экономическая безопасность производства образовательных услуг и ее институциональное обеспечение: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. — Ярославль, 2004. — С. 5.

⁴ Плотников Н. В. Проблемы обеспечения экономической безопасности высшего образования на современном этапе // *Экономика и экологический менеджмент*. — 2015. — № 3. — С. 144.

— во-первых, в начале 2000-х годов система образования России подверглась реформированию и модернизации (например, присоединение России к Болонскому процессу в 2003 г.; реформа системы образования России в 2012 г.; модернизация основных профессиональных образовательных программ и т. п.);

— во-вторых, происходящие глобальные процессы цифровизации, неоиндустриализации, смена технологических укладов и т. п. вызывают трансформацию национальной экономики и влияют на экономику регионов, в том числе и на систему профессионального образования (его пространственную организацию, кадровые потребности и т. п.);

— в-третьих, в 2022 г. Россия выходит из Болонских соглашений, в результате чего актуальным становится вопрос о перспективах национальной системы образования, в том числе профессионального образования регионов.

Рассмотрим детальнее такой значимый фактор влияния на профессиональное образование, как принятое Министерством науки и высшего образования РФ решение о выходе России из Болонской системы (Россия состояла в Зоне европейского высшего образования с сентября 2003 г.), о чем сообщили средства массовой информации в конце мая 2022 г. Говоря об этом, министр науки и образования Российской Федерации В. Фальков охарактеризовал этап существования в ней в качестве прожитого и определил перспективное стратегическое направление: «Будущее за нашей собственной уникальной системой образования, в основе которой должны лежать интересы национальной экономики и максимальное пространство возможностей для каждого студента»¹. Уникальность системы образования должна иметь прочную основу экономической безопасности исходя из интересов и приоритетов национальной экономики.

По мнению специалистов, среди перемен первыми в сфере высшего образования будут возвращение к специалитету (5–6 лет обучения), а также формирование к 2024 г. нового перечня специальностей. Специалитет планируется как основная форма обучения, но не единственная.

Болонская система, по мнению разных специалистов, имеет и положительный, и отрицательный опыт. Положительными ее сторонами можно назвать мобильность студентов (российских и иностранных вузов), возможности изучения студентами разных стран международной образовательной среды (не только европейской, но и стран Азии, Африки, Латинской Америки и т. п.), гибкость образовательных программ, возможность студентов изменять направление обучения (например, после бакалавриата можно выбрать другое направление обучения в магистратуре и т. п.), способствовавшая формированию уникальных междисциплинарных специалистов с возможностью исследований на стыке разных научных направлений.

К отрицательным сторонам Болонской системы можно отнести, по мнению экспертов, то что в результате признания российских дипломов в западных странах (не по всем специальностям!) она вызвала большую «утечку мозгов»

¹ Россия выходит из Болонской системы: кого и как это коснется /РБК. — URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/28/05/2022/628e29749a794747a1ee085d (дата обращения: 20.09.2022).

из России, а для работодателей была не совсем понятной (ограниченные компетенции выпускников бакалавриата). Кроме того, возникает риск потери уникальных международных специалистов, а у студентов — мобильности между направлениями обучения, что, по оценкам специалистов, означает «шаг назад в обмене со всем миром»¹.

Проблемой является необходимость очередной переработки образовательных стандартов, не так давно утвержденных (ФГОС, ФГОС+ и т. д.); процесс их разработки занял длительное время. Данное обстоятельство определяет образование огромной нагрузки на преподавателей, а как результат — вероятность угрозы подрыва образовательной системы.

Отказ от Болонской системы повлияет на мобильность российских студентов, но выходом из данной ситуации может быть ориентация на другие дружественные страны, и их намного больше, чем западных, тем более, что мобильность студентов из этих стран, так же, как и в эти страны, в России уже налажена. Страны Азии, Африки, Латинской Америки и др. имеют очень емкий рынок труда, что положительно скажется на мобильности студентов, возможности их трудоустройства за рубежом и т. п.

Отказ от Болонской системы положительно повлияет на сокращение «утечки мозгов», но при этом требуется создать достойные условия для реализации трудового потенциала специалистов внутри страны.

Наиболее оптимальным и благоприятным следует считать такое решение, которое позволит использовать положительные стороны Болонской системы и увязать их с элементами фундаментального академического образования, созданного в Советскую эпоху, при создании возможностей развития более узких направлений. При таких условиях в России возможно создание собственной уникальной, системы образования, о которой говорит министр В. Фальков.

В целом отмена Болонской системы не делает обязательным отмену всего того хорошего, что в ней есть. В любом случае национальной системе образования следует соответствовать стремительно происходящим изменениям в экономике и обществе, сохранять устойчивость в целях обеспечения суверенитета и национальной безопасности Российской Федерации.

Происходящие внутренние и внешние события задают системе профессионального образования в обеспечении экономической безопасности региона динамику, поэтому требуется постоянный мониторинг и оценка факторов, как внешних, так и внутренних, с целью выявления потенциальных и реальных рисков и угроз, определения возможности их наступления, что в итоге необходимо для разработки управленческих решений по вопросам обеспечения безопасности.

Для эффективного управления развитием системы высшего образования интересными представляются модели эталонных вузов, разработанные Н. В. Плотниковым, а именно три основные модели, каждая из которых соответствует «профилю подготовки, поставленным задачам, роли в системе высшего образования и внешним условиям функционирования (отраслевые и реги-

¹ Россия выходит из Болонской системы: кого и как это коснется /РБК. — URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/28/05/2022/628e29749a794747a1ee085d (дата обращения: 20.09.2022).

ональные); а в качестве критериев их экономической безопасности, пороговых значений и индикаторов являются показатели количества вузов, соответствующих эталонным моделям»¹. Разработанные модели эталонных вузов имеют следующие характеристики:

1) модель традиционных общероссийских (и общемировых) центров подготовки — отличается уникальностью, выполняет роль образовательных, культурных и политических центров (например, для Москвы и Санкт-Петербурга);

2) специфическая региональная модель на уровне городов и субъектов, определяющая особую модель вузовской системы для регионов, в том числе целей и задачи их развития;

3) универсальная модель региональной вузовской системы — в ее рамках происходит «развитие системы знаний на конкретной основе», т. е. это модель большинства субъектов Российской Федерации, в которой наличие вузов обусловлено потребностью в обеспечении кадрами для каждого текущего периода в соответствии с перспективами производственного и социально-экономического развития потенциала региона.

Среди предложенных Н. В. Плотниковым моделей третья — универсальная — является самой распространенной, выполняющей важную задачу — обеспечение кадровых потребностей экономики региона с учетом перспектив его социально-экономического развития. Но и для любой модели вузов вопросы обеспечения их экономической безопасности являются необходимым требованием, для чего нужны анализ и оценка возможных рисков для системы профессионального образования региона.

Вопросы обеспечения экономической безопасности системы профессионального образования регионов, выявление возможных рисков требуют анализа и оценки экономической ситуации. Н. В. Плотников предлагает оценивать экономическую безопасность системы высшего образования с позиций ее функционирования, развития, реформирования и модернизации². Совершенно очевидно, что функционирование системы высшего образования (профессионального в том числе) предполагает поддержание ее экономической безопасности на должном уровне, т. е. когда не происходит значимых изменений из-за воздействия внутренних и внешних факторов, где процессы развития, реформирования и модернизации оценивают по количественным и качественным характеристикам экономической безопасности.

Систему высшего образования исследователи считают открытой, поскольку основным ее ресурсом является контингент студентов, имеющий тенденции постоянной динамики. Система высшего образования нуждается в финансовых ресурсах, основные источники которых — бюджеты различных уровней, средства студентов или их родителей, средства спонсоров, благотворительные средства³. Несмотря на функционирование системы высшего образования

¹ Плотников Н. В. Проблемы обеспечения экономической безопасности высшего образования на современном этапе // Экономика и экологический менеджмент. — 2015. — № 3. — С. 148.

² Там же. — С. 144.

³ Экономика сферы услуг в условиях цифровизации / под науч. ред. Е. Б. Дворячкиной. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2020. — С. 69–93.

в рыночных условиях, продуцировать самостоятельно финансовые ресурсы она может в ограниченном количестве. Кроме того, она нуждается в интеллектуальных, энергетических и других материальных ресурсах, создающих основу для нормального функционирования учебного процесса, что обеспечивает ее экономическую безопасность.

Рассматривая профессиональное образование региона через призму экономической безопасности, целесообразно выделить следующие риски:

- 1) снижение числа абитуриентов, наблюдающееся на фоне возможного сокращения уровня доходов населения¹;
- 2) текучесть кадров среди профессорско-преподавательского состава, происходящая в связи с невысоким уровнем заработной платы по сравнению с другими отраслями деятельности;
- 3) снижение доли профессорско-преподавательского состава до 35 лет;
- 4) невысокий уровень престижа профессии преподавателя;
- 5) снижение уровня бюджетного финансирования;
- 6) высокие расходы на содержание имущественного комплекса;
- 7) отказ в государственной аккредитации образовательных программ, реализуемых образовательной организацией.

Снижение числа абитуриентов — одна из основных угроз экономической безопасности образовательной организации, так как это приводит к уменьшению бюджетного финансирования, а также к сокращению доходов, поступающих от обучающихся на платной основе. Фактор расположения образовательной организации, помимо прочего, также играет не последнюю роль. Как правило, вузы удаленных регионов испытывают больше проблем с количеством поступающих, чем вузы центральной части России. Этому поспособствовала система ЕГЭ, которая позволяет поступать в вуз без привязки к его месторасположению.

Профессорско-преподавательский состав образовательной организации является главным ресурсом и потенциалом ее развития. Однако, в настоящее время существует комплекс проблем, которые могут стать угрозой экономической безопасности. К ним относятся: невысокий уровень заработной платы в соотношении с нагрузкой и напряженностью труда преподавателя; низкий уровень общественного признания профессии, следствием чего является процесс старения профессорско-преподавательского состава; сложности привлечения молодых специалистов, что также усиливает текучесть кадров. В сложившихся условиях сохранение и развитие интеллектуальных, личностных, временных ресурсов преподавателей должно стать приоритетной задачей как образовательной организации, так Министерства науки и высшего образования РФ.

С целью поддержания числа абитуриентов необходимо выработать эффективную маркетинговую политику, проводить круглогодичные рекламные кампании, например организовывать мероприятия для старшеклассников (формировать их перспективный интерес).

¹ *Адеева И. С.* Применение комплексного подхода при обеспечении экономической безопасности образовательных учреждений высшего образования, проблемы и пути их решения // *Аграрный вестник Нечерноземья.* — 2021. — № 4 (4). — С. 53.

Одним из перспективных направлений формирования бюджета образовательной организации, помимо государственного финансирования, коммерческой деятельности и грантов, является создание эндаумент-фонда, формируемого за счет благотворительных средств. В качестве примера создания такого фонда можно привести Московский государственный институт международных отношений: эндаументом МГИМО в 2022 г. привлечено 170 млн р.¹

Развитие имущественного комплекса образовательной организации — очень важный аспект в развитии образовательной организации, и оно должно строиться на комплексном анализе имеющегося имущества, выявлении неэффективно используемых и неиспользуемых площадей. Только после этого возможно сформировать концепцию его развития и повышения эффективности. В качестве перспективных вариантов развития можно рассмотреть преобразование имущественного комплекса в форме кампуса, использование механизмов государственно-частного партнерства, привлечения частных инвесторов с целью создания новых опытных, проектно-учебных лабораторий, площадок, полигонов². Оптимизация расходов на содержание имущественного комплекса возможна в случае рассмотрения его с позиции инвестиционной привлекательности и оптимального вовлечения в хозяйственный оборот (при условии соответствия использования имущественного комплекса целям деятельности организации). Альтернативным направлением развития имущественного комплекса может являться оптимизация его состава. В случае наличия неиспользуемых в образовательном процессе площадей целесообразно рассмотреть вопрос об отказе от имущества в пользу государственной казны.

Отрицательное решение экспертной комиссии о проведении государственной аккредитации ставит под угрозу само существование образовательной организации. Отказ в аккредитации можно считать пороговым в обеспечении экономической безопасности вуза, а в случае прохождения им процедуры государственной аккредитации — считать, что пороговое значение преодолено. При этом есть процедура, которая способна сделать уровень экономической безопасности выше, — прохождение профессионально-образовательной аккредитации образовательных программ. Это подтверждает соответствие содержания образовательных программ профессиональным стандартам и, как следствие, повышает уровень практикоориентированности обучения.

В идеальном варианте экономическая безопасность профессионального образования региона должна строиться на принципах:

1) соблюдения законодательных требований в части соответствия образовательной организации требованиям, предъявляемым при государственной аккредитации³;

¹ Эндаумент МГИМО. — URL: <https://fund.mgimo.ru> (дата обращения: 20.09.2022).

² Лейман Е. Н. Формирование целей и задач управления стоимостью имущественного комплекса вуза // Восточно-Европейский научный журнал. — 2018. — № 4-3 (32). — С. 31.

³ Батова В. Н. Обеспечение экономической безопасности бюджетных учреждений высшего профессионального образования в новых условиях финансирования // Финансовая аналитика: проблемы и решения. — 2013. — № 24 (162). — С. 38.

2) стремления образовательной организации к независимости от внешнего финансирования (с целью снижения риска неплатежеспособности, уменьшения зависимости от государственного бюджетирования и т. д.);

3) правильного определения нужд экономики региона с целью адаптации образовательных программ и выпуска востребованных в ней специалистов;

4) развития человеческого потенциала сотрудников, ориентированное на повышение престижа профессии, восприятие профессорско-преподавательского состава как интеллектуальной ценности;

5) применения и развития инновационных методов как ведения управленческой деятельности (совершенствование организационной структуры, улучшение системы мотивации, повышение престижа профессии), так и осуществления образовательного процесса (развитие информационно-коммуникационных технологий, цифровизация образовательного процесса с ориентацией на раскрытие индивидуальных способностей обучающихся). Это приведет к большей заинтересованности населения в образовательных услугах. При этом необходимо предусмотреть вариативность образовательных программ с целью вовлеченности в образовательный процесс разных возрастных и социальных групп населения. Образование должно быть качественным, открытым, приемлемым по срокам, интересным и необходимым для широких слоев населения (а не только для выпускников школ и колледжей). Соблюдение данного принципа позволит сохранить конкурентоспособность образовательной организации;

6) защиты информационных систем образовательной организации от несанкционированного доступа, хакерских атак;

7) обеспечения сохранности имущественного комплекса образовательной организации и физической безопасности сотрудников.

Исходя из вышеизложенного, можно сформулировать составляющие экономической безопасности профессионального образования на примере образовательной организации (рис. 18).

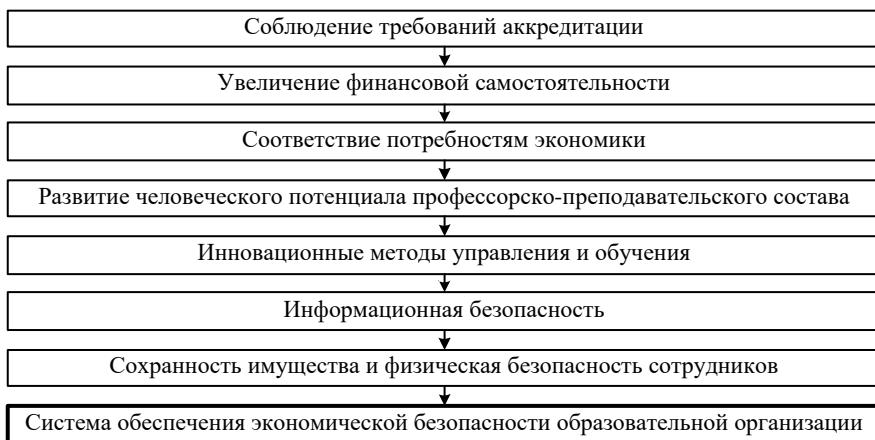

Рис. 18. Составляющие экономической безопасности образовательной организации

Экономическая безопасность системы профессионального образования достигается за счет соотношения необходимого количества внешних (государственное финансирование) и внутренних (механизмы саморазвития) ресурсов.

Важная задача — недопущение исчерпания ресурсов, в связи с чем система внешних и внутренних источников должна отвечать принципу взаимодополняемости.

Система профессионального образования России снова находится в процессе трансформации в связи с возникшими неблагоприятными, быстро распространяющимися по всему миру эпидемиологическими явлениями (пандемия COVID-19), ужесточением антироссийских санкций в связи с началом специальной военной операции на территории Украины в 2022 г. как повода для пересмотра необходимости применения Болонской системы в России. Данные обстоятельства, с одной стороны, позволили выявить ряд проблем в системе профессионального образования, а с другой — стали катализатором ранее зародившихся процессов.

С учетом вышеназванных факторов целесообразно переоценить методы и формы, с опорой на которые выстраивается система профессионального образования. Следует отметить, что она обладает большими возможностями для преодоления переходного периода, однако необходимо выбрать правильный вектор дальнейшего развития. Считаем, что в настоящее время целесообразно отказаться от опрометчивых действий, резкой смены форм и методов обучения, а усилия следует направить на постепенное добавление существовавших ранее, в советской высшей школе, форм обучения, подчеркивающих национальное самоопределение и самобытность нашего государства. В качестве приоритетных направлений развития стоит рассматривать корректировку Болонского процесса, поддержание курса на цифровизацию образования, совершенствование дистанционных форматов обучения, расширение методов онлайн-обучения.

Профессиональное образование является очень важным аспектом формирования системы экономической безопасности региона, так как она создает устойчивую основу для эффективного функционирования экономики (подготовка востребованных экономикой региона кадров, профессионально-трудовая социализация молодежи и т. п.)¹. В связи с этим требуется усилить вовлеченность бизнес-структур и органов власти в процесс образовательной деятельности, что обеспечит поддержание необходимого уровня практикоориентированности образовательных программ. Мероприятия в данном направлении уже не первый год осуществляются; важно, чтобы последние социально-экономические и политические события не затормаживали их проведение и не снижали их значимость. Это может привести к несоответствию полученных обучающимися компетенций с реальными потребностями экономики региона и общества в целом.

¹ Плотников Н. В. О сущности и особенностях экономической безопасности высшего профессионального образования // Вестник Самарского государственного экономического университета. — 2015. — № 6 (128). — С. 64.

Обоснованность включения в программы обучения тематики самоидентичности, самобытности русского народа подтверждается и нормативно-правовыми актами. Так, Стратегия национальной безопасности РФ¹ в качестве одного стратегических национальных приоритетов называет защиту и укрепление российских духовно-нравственных ценностей и культуры.

Приоритетными векторами развития системы профессионального образования должны стать: ориентированность на российские ценности; востребованность и соответствие выпускаемых специалистов потребностям текущей экономической и политической ситуации. Это будет способствовать формированию основ социальной ответственности как необходимого элемента функционирования современного российского общества.

Еще одним необходимым элементом развития системы профессионального образования как фактора экономической безопасности является применение принципов экологического подхода, независимо от форм и направлений подготовки специалистов. Экология представляет собой общемировой тренд, это обусловлено возрастающими рисками экологических катастроф. Загрязнение окружающей среды ставит под угрозу не только комфортное существование, но даже выживание человечества. С вопросами экологии связано и освоение северных территорий, что актуально для РФ, развитие отрасли туризма, создание новых логистических центров, необходимость в которых выходит на первый план в связи с ужесточением антироссийских санкций.

Исходя из вышеизложенного, можно констатировать, что система профессионального образования как фактор обеспечения экономической безопасности региона должна развиваться в следующих приоритетных направлениях:

- 1) добавление в систему профессионального образования традиционных, форм обучения, подчеркивающих самобытность культуры и пути развития русского народа и российского общества;
- 2) учет экологических принципов как основы жизнедеятельности человека;
- 3) поддержание тенденций практикоориентированности;
- 4) расширение форм онлайн-обучения, с акцентом на качестве предлагаемого материала, а также на продумывании эффективных форм контроля.

В целом систему профессионального образования необходимо рассматривать в качестве фактора обеспечения экономической безопасности региона, но вместе с тем для успешного развития и функционирования самой системы профессионального образования следует говорить и о ее экономической безопасности.

Важно определить, в каких случаях профессиональное образование будет выступать в качестве объекта, а каких — предметом исследования. Так, рассматривая профессиональное образование как фактор обеспечения экономической безопасности региона, в качестве объекта исследования целесообразно определить экономическую безопасность региона, а в качестве предмета —

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400.

профессиональное образование. В случае исследования экономической безопасности профессионального образования объектом будет выступать система профессионального образования, а предметом — экономическая безопасность этой системы.

Соотношение понятий «экономическая безопасность региона», «система профессионального образования», «экономическая безопасность профессионального образования» представлено на рис. 19.

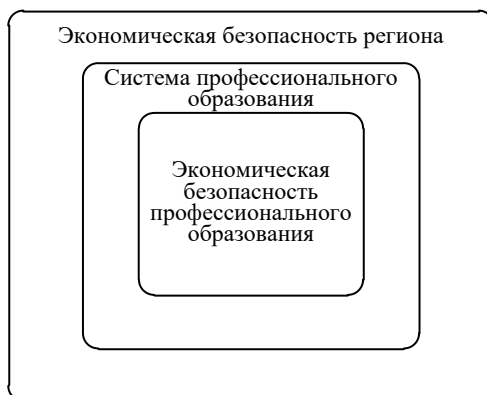

Рис. 19. Соотношение понятий «экономическая безопасность региона», «система профессионального образования», «экономическая безопасность профессионального образования»

Еще одним важным вопросом, связанным с перспективами развития уникальной системы образования России, обеспечения экономической безопасности, является повышение качества образования, что также находится в сфере государственных интересов и национальной безопасности. Многие специалисты считают, что в период пребывания России в Болонском процессе, когда имело место копирование этой системы, существенно понизило качество образования.

Анализ состояния качества российской системы образования предполагает проведение отдельного исследования.

В ближайшей перспективе важно решить задачу подготовки специалистов с востребованными для экономики региона квалификациями — это стратегический аспект профессионального образования в системе обеспечения экономической безопасности региона. Для этого необходимо разработать и реализовать модели прогнозирования, планирования и регулирования процессов согласования выявленных потребностей региональных экономик¹, что также требует отдельных исследований.

¹ Столярова А. Н., Лочан С. А., Петросян Д. С., Семенова Ф. З. Инвестиционное обеспечение и экономическая безопасность системы профессионального образования региона // Инновации и инвестиции. — 2019. — № 12. — С. 310–314.

Выводы, полученные в ходе данного исследования, на основе анализа факторов и условий экономической безопасности профессионального образования можно использовать при разработке таких моделей.

Наконец, еще один важный аспект обеспечения экономической безопасности для любой сферы экономики на любом территориальном уровне — его качественная нормативно-правовая основа. По определению В. К. Сенчагова, достижение устойчивого развития является основной функцией инструментов обеспечения экономической безопасности национальной экономики¹, являющейся иерархической системой, для которой фундаментом выступает экономическая безопасность регионов и муниципальных образований.

¹ Сенчагов В. К. Новые угрозы экономической безопасности и защита национальных интересов России // Проблемы теории и практики управления. — 2013. — № 10. — С. 8.

ГЛАВА 3

РАЗВИТИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ГЕОУРБАНИСТИКЕ И ЭКОНОМИКЕ ГОРОДА В ПРЕДМЕТНОМ ПОЛЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

3.1. Урбанизационные тренды в современном мире

О понятии урбанизации. В настоящее время по информации Программы Организации Объединенных Наций по населенным пунктам в мире в городах проживает более 55 % населения, и к 2050 г. при существующем тренде доля городского населения достигнет 70 %. Как справедливо отмечает Е. Г. Анимица, «реалии современной глобальной экономики таковы, что вся экономическая мощь государства все больше сосредотачивается в городах. Они создают гораздо большее богатство, чем целые нации»¹. Можно также добавить, что и политическая, и социокультурная активность сосредоточена в крупных городах, они являются источниками различного рода инноваций, информационными центрами. Эти факты объясняют повышенный интерес ученых к феномену «город».

Как отмечает В. Л. Глазычев, первым термин «урбанизация» употребил инженер И. Серда². Урбанизация обычно понимается как процесс увеличения городов, рост их количества и численности населения. Соглашаясь с таким определением, ряд авторов отмечают, что это только количественный аспект определения процесса, в то время как есть и качественный. Они задаются вопросом: можно ли считать урбанизацией процесс, когда городское поселение начинает резко увеличиваться за счет жителей сельской местности или ми-

¹ Анимица Е. Г. Научные представления об экономике города как направлении региональной экономики // Развитие городов в условиях глобализации: сб. науч. тр. в честь юбилея засл. деятеля науки РФ, д-ра геогр. наук, проф. Е. Г. Анимицы. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2012. — С. 3.

² Глазычев В. Л. Город без границ. — М.: Территория будущего, 2011. — С. 358.

грантов из других стран, которые привносят в жизнь города свой менталитет, ценностные ориентации и черты традиционного для них образа жизни? По их мнению, следует дополнить количественный аспект определения качественным, отражающим факт не просто роста городов, но и распространения городского образа жизни, типичных для горожан видов деятельности и условий этой деятельности, повседневных практик и ценностных миров на другие, в том числе сельские, поселения¹.

Таким образом, урбанизацию можно определить как процесс количественного роста городов и распространение городского образа жизни и городской культуры на все социализированное пространство. Урбанизация — это происходящий во всем мире процесс усиления роли городов, увеличения доли городского населения и популяризации городского образа жизни.

Когда началась урбанизация? Ответ на этот вопрос упирается в то, какой смысл вкладывается в сам термин «город», каков объект исследования. При всей важности данного определения на сегодня среди ученых нет единого мнения, существует большой спектр критериев, по которым поселение определяется как городское. В официальных документах российского законодательства не содержится определения термина «город», существует лишь понятие «городское поселение» — город или поселок, в котором местное самоуправление осуществляется населением непосредственно и (или) через выборные и иные органы местного самоуправления².

Анализ мирового опыта (2018 г.) показывает, что 52 % из 233 стран и территорий для разделения городского и сельского населения применяли административный критерий, причем в 59 странах (25 %) это был единственный критерий, а в остальных он использовался в сочетании с другими критериями³. Административный критерий — это придание городу официального статуса, признание властью поселения как городского. В наши дни страны при присвоении статуса города, как правило, исходят из степени важности поселения (экономического, политического, культурного) в общей системе функционирования территории и государства. В качестве примера можно назвать Бразилию, Боливию, Гаити, Германию, Гондурас, Коста-Рику, Эквадор, где под городом понимается административный центр, центр сосредоточения предприятий, функциональный центр и т. п.

Нередко в качестве существенного также учитывается такой критерий, как численность населения в поселении. Этот критерий очень важен для определения времени начала урбанизации. В решении вопроса о времени возникновения

¹ Пивоваров Ю. Л. Современная урбанизация: основные тенденции расселения. — М.: Статистика, 1976. — 191 с.

² Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федер. закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 30 декабря 2021 г.).

³ World urbanization prospects: the 2018 revision, methodology / United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (working paper no. ESA/P/WP.252). — New York: United Nations, 2019. — 125 p.; Щербакова Е. Население городов мира по оценкам ООН 2018 г. / Демоскоп Weekly. — URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2020/0841/barom01.php> (дата обращения: 05.08.2022).

городов ученые опираются на такие данные, как археологические раскопки и дошедшие до нас рукописи. Однако древнее поселение какого размера можно считать городом? Согласно И. Моррису, самые древние из ныне исследованных крупных городов существовали еще 8 000 лет до н. э. Это Мурейбет (Сирия), Бейда (Иордания). Их численность составляла около 500 чел.¹ По мнению Г. Модельски, первый город появился 7 000 лет до н. э. Это был Иерихон на западном берегу реки Иордан, и численность его составляла 1–2 тыс. чел.²

Список критериев, используемых учеными и практиками разных стран для определения понятия «город», можно существенно расширить. Применяются такие признаки, как центр с несельскохозяйственной деятельностью; функциональные характеристики городской среды (мощные улицы, системы водоснабжения, канализации, электрического освещения и пр.); расстояние между домами (во Франции оно не должно в одном городе превышать 200 м); фактор территориально-пространственных границ, указание на центральность города в системе расселения (он концентрирует миграционные, транспортно-логистические потоки, доминирует над окружающими его другими типами поселений); указание на город как искусственно созданную среду обитания (это наиболее крупная сотворенная человеком, социально преобразованная, отличная от природной среда проживания людей); наличие городской общности, доминирование городского образа жизни (типичных, устойчивых типов деятельности и поведения горожан, осуществляемых в специфических условиях) и др. Большинство ученых, начиная с классиков (М. Вебер, Г. Зиммель, Л. Вирт, Р. Парк, Ф. Ратцель и др.) до современников, используют комбинацию критериев.

На практике по данному вопросу в разных странах наблюдается также большое разнообразие подходов. Более того, сегодня 12 стран не используют никакого критерия для разделения городского и сельского населения, или он неясен, а в 12 странах все население считается городским³.

Разногласия мнений привела к тому, что сегодня одна группа ученых считает, что урбанизация начинается с эпохи капитализма, когда на планете произошло резкое увеличение численности городов, в том числе крупных городов. Другая группа дает более расширенное толкование урбанизации, считая, что она «имеет место на всей пространственно-временной дистанции истории человечества и развития города»⁴. В последнем случае урбанизация начинается с процесса возникновения городов и переплетается со всем ходом человеческой цивилизации.

В урбанологии наиболее частым случаем является использование классификации этапов урбанизации, при которой она подразделяется на урбанизацию

¹ *Morris I.* Why the west rules for now: the patterns of history, and what they reveal about the future. — New York: Picador, 2011. — 768 p.

² *Modelski G.* World cities: 3000 to 2000. — Washington: Print length Publisher, 2003. — 254 p.

³ *Щербак Е.* Население городов мира по оценкам ООН 2018 г. / Демоскоп Weekly. — URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2020/0841/barom01.php> (дата обращения: 05.08.2022).

⁴ *Галич З. Н.* Восточный город — традиционный, колониальный, современный — как субъект цивилизационного процесса. — М.: ИВ РАН, 2011. — С. 11.

аграрных и аграрно-промышленных цивилизаций, индустриальную и постиндустриальную (современную, информационной эпохи).

Современная зарубежная урбанизация. Вопрос о современных трендах зарубежной урбанизации достаточно хорошо освещен в научной литературе. Отмечается, что в наше время наиболее урбанизированными являются развитые страны, в то время как развивающиеся отстают по степени урбанизированности. В то же время, если в развитых странах темпы урбанизации замедляются, то в развивающихся идут ускоренно. Источником роста городов выступает сельское население, мигрирующее из своих поселений, а также мигранты из других стран, так как города характеризуются более высоким уровнем экономического, технического и социокультурного развития.

Для большинства крупных городов и городов-миллионников зарубежных стран сегодня характерно их расползание, превращение в агломерации. Согласно данным ООН, в мире насчитывается около 450 агломераций-миллионеров. При этом в четырех таких агломерациях проживало более 20 млн чел., в 8 — более 15 млн, в 25 — более 10 млн, в 61 агломерации — более 5 млн жителей¹. Этот процесс идет как за счет внутренней и внешней миграции, так и посредством включения в административные границы города более мелких городов и сельских поселений.

Ученые считают, что агломерационные процессы можно рассматривать как своего рода пульсирующий процесс, присущий любой материи, когда всякая концентрация со временем порождает деконцентрацию в виде экспансии или в виде диффузии².

Широкое развитие получила тенденция субурбии — развитие городских пригородов. Особенно ярко этот процесс выражен в США, где он поддерживается большими масштабами страны и политикой, ориентированной на дешевое ипотечное строительство коттеджей, развитие качественных дорог и распространение практики покупки личного автомобиля.

Заметной, хотя и не доминирующей, является тенденция к деурбанизации (отток горожан из города) и ее разновидности — рураризации (переезд в сельскую местность).

Наблюдается большая дифференциация в уровне урбанизации различных стран. Классификация стран по уровню развития включает урбанизированные страны (удельный вес городских жителей выше 50 %), среднеурбанизированные (от 20 % до 50 %) и неурбанизированные (доля горожан — менее 20 %)³. Группа неурбанизированных стран небольшая, таких государств осталось мало — Афганистан, Чад, Бутан. Наиболее представительна группа среднеур-

¹ Швецов А. Н. Поляризация урбанистического пространства: особенности российского процесса в контексте мировых тенденций // Регионалистика. — 2017. — Т. 4, № 5. — С. 20–35.

² Gibbs G. The evolution of population // Economic geography. — 1963. — Vol. 39, no. 2. — P. 119–129; Hall P., Hay D. Growth centres in the European urban system. — Los Angeles: Berkeley, 1980. — 278 p.; Любовный В. Я., Пчелинцев О. С. Зарубежные городские агломерации: тенденции развития и опыт управления. — М., 2001. — 212 с.

³ Галич З. Н. Урбанизация и мегаполизация как глобальный процесс // Экономические и социальные проблемы России. — 2000. — № 1. — С. 7–21.

банизированных стран. Ряд стран демонстрируют максимальную урбанизацию — от 90 % до 100 % (Сингапур).

Развитие информационной эпохи и глобализационных процессов привело к резкому увеличению количества городов-миллионеров. До 1975 г. в мире было всего три мегаполиса — Токио, Нью-Йорк и Мехико, причем в первых двух число жителей превышало 10 млн уже в середине XX в. (11,3 и 12,3 млн чел. соответственно в 1950 г.). К 2010 г. число таких мегаполисов выросло до 21, причем 11 из них являлись столицами государств. Как ожидается, к 2025 г. число мегаполисов увеличится до 29, при этом 23 из них будут расположены в развивающихся странах¹.

Новым явлением в зарубежной урбанизации можно считать появление мировых (глобальных) городов, отличающихся степенью значимости в мировых экономических, политических и культурных связях. Мировые города — международные демографические, политические, финансовые и социокультурные центры, оказывающие важнейшее влияние на все другие города. Глобальный город — это город, хорошо развитый по всем ключевым аспектам городской жизни.

Э. Кастельс писал, что в таких городах преобладает сфера услуг. Действительно, в структуре экономик глобальных городов хорошо развита сфера услуг, достигающая более 40 % ВРП; доля промышленного производства незначительная (5–15 %). Дж. Биверсток, Р. Смит, П. Тейлор считают, что глобальные города — это центры, предоставляющие на передовом уровне четыре вида услуг — финансовые, правовые, рекламные и бухгалтерские (finance, law, advertising and accountancy)².

Это богатые города. В экономическом пространстве такого города расположено множество фондовых бирж, головные офисы крупнейших транснациональных компаний. Глобальные города характеризуются высоким уровнем насыщенности современными IT-технологиями, отличаются хорошо развитой городской инфраструктурой.

Глобальный город — многомиллионный многонациональный город, место проживания людей разных национальностей и соприкосновения различных религий. Здесь также расположены известные всему миру культурные учреждения (музеи, оперные театры и пр.), знаменитые спортивные клубы, высокую активность проявляют средства массовой информации. Глобальный город непременно обладает большим международным аэропортом. Он имеет свой бренд и хорошо известен как центр туризма.

Все глобальные города — это агломерации, в которых единими хозяйственными, транспортно-логистическими связями, ежедневными потоками миграции рабочей силы объединены несколько близлежащих территорий. Нередко глобальные города являются элементом мегалополисов — объединений

¹ Швецов А. Н. Поляризация урбанистического пространства: особенности российского процесса в контексте мировых тенденций // Регионалистика. — 2017. — Т. 4, № 5. — С. 20–35.

² Multiple GaWCs / GaWC. — URL: <https://www.lboro.ac.uk/microsites/geography/gawc/multiple.html> (дата обращения: 03.09.2019).

нескольких агломераций. Например, мегалополис, получивший название BosWash (объединяющий в себе название двух городов: Бостона и Вашингтона), включает такой глобальный город, как Нью-Йорк.

Глобальные города максимально интегрированы в мировые экономические, политические и социокультурные связи, оказывают на всю глобальную сеть доминирующее влияние, они экономически развиты, обладают властью и влиянием на мировые процессы. В таких городах иницируются встречи на самом высоком уровне, проводятся крупные международные мероприятия, здесь решаются проблемы мирового масштаба.

В то же время степень развития и влияния глобальных городов неодинакова. В 1998 г. начал функционировать международный проект, руководителем которого является Питер Дж. Тейлор, в котором был создан рейтинг GaWC (Globalization and World Cities Research Network)¹. Рейтинг разработан большой группой ученых, он включает в себя оценку городов всех континентов — Америки, Европы, Азии, Африки и Океании, построен на количественном и качественном анализе трансграничных связей между городами. В этом рейтинге все глобальные города планеты подразделяются на альфа (alpha), бета (beta) и гамма (gamma). Хорошо развитые, но неглобальные города отнесены к категории «достаточности» (sufficiency) (табл. 21).

Таблица 21

Глобальные города планеты

Группа	Город (страна)
Альфа	Лондон (Англия), Нью-Йорк (США), Пекин (Китай), Гонконг (Гонконг), Дубай (Объединенные Арабские Эмираты), Париж (Франция), Шанхай (Китай), Сингапур (Сингапур), Токио (Япония), Амстердам (Нидерланды), Брюссель (Бельгия), Чикаго (США), Франкфурт (Германия), Джакарта (Индонезия), Куала-Лумпур (Малайзия), Лос-Анджелес (США), Мадрид (Испания), Мехико (Мексика), Милан (Италия), Москва (Россия), Мумбаи (Индия), Сан-Пауло (Бразилия), Сидней (Австралия), Торонто (Канада), Бангкок (Таиланд), Бангалор (Индия), Бостон (США), Буэнос-Айрес (Аргентина), Дублин (Республика Ирландия), Гуанчжоу (Китай), Стамбул (Турция), Йоханнесбург (Южная Африка), Лиссабон (Португалия), Люксембург (Люксембург), Манила (Филиппины), Мельбурн (Австралия), Монреаль (Канада), Мюнхен (Германия), Нью-Дели (Индия), Прага (Чешская Республика), Эр-Рияд (Саудовская Аравия), Сан-Франциско (США), Сантьяго (Чили), Сеул (Южная Корея), Шэньчжэнь (Китай), Стокгольм (Швеция), Тайбэй (Тайвань), Вена (Австрия)
Бета	Атланта (США), Окленд (Новая Зеландия), Барселона (Испания), Бейрут (Ливан), Берлин (Германия), Богота (Колумбия), Брисбен (Австралия), Бухарест (Румыния), Будапешт (Венгрия), Каир (Египет), Чэнду (Китай), Копенгаген (Дания), Даллас (США), Доха (Катар), Дюссельдорф (Германия), Гамбург (Германия), Хьюстон (США), Лима (Перу), Майами (США), Рим (Италия), Тель-Авив (Израиль), Ванкувер (Канада), Вашингтон (США), Абу-Даби (Объединенные Арабские Эмираты), Афины (Греция),

¹ Taylor P. J., Catalano G., Walker D. R. F. Measurement of the world city network // Urban studies. — 2002. — Vol. 13. — P. 2367–2376.

Группа	Город (страна)
	Кейптаун (Южная Африка), Касабланка (Марокко), Ченнаи (Индия), Чунцин (Китай), Денвер (США), Ханчжоу (Китай), Ханой (Вьетнам), Хельсинки (Финляндия), Хошимин (Вьетнам), Карачи (Пакистан), Киев (Украина), Манама (Бахрейн), Монтевидео (Уругвай), Найроби (Кения), Нанкин (Китай), Осло (Норвегия), Панама-Сити (Панама), Перт (Австралия), Филадельфия (США), Рио-де-Жанейро (Бразилия), Сиэтл (США), Тяньцзинь (Китай), Алматы (Казахстан), Амман (Иордания), Остин (США), Белград (Сербия), Братислава (Словакия), Калгари (Канада), Каракас (Венесуэла), Чанша (Китай), Далянь (Китай), Детройт (США), Дакка (Бангладеш), Эдинбург (Великобритания), Женева (Швейцария), Джорджтаун (Каймановы острова), Гватемала (Гватемала), Хайдарабад (Индия), Джидда (Саудовская Аравия), Цзинань (Китай), Кампала (Уганда), Кувейт (Кувейт), Лагос (Нигерия), Лахор (Пакистан), Лион (Франция), Манчестер (Великобритания), Миннеаполис (США), Монтеррей (Мексика), Маскат (Оман), Никосия (Кипр), Осака (Япония), Кито (Эквадор), Санкт-Петербург (Россия), Сан-Диего (США), Сан-Хосе (Коста-Рика), Сан-Сальвадор (Сальвадор), Шэньян (Китай), София (Болгария), Штутгарт (Германия), Тампа (США), Тунис (Тунис), Ухань (Китай), Сямынь (Китай), Сиань (Китай), Загреб (Хорватия), Чжэнчжоу (Китай)
Гамма	Аделаида (Австралия), Ахмадабад (Индия), Алжир (Алжир), Антверпен (Бельгия), Баку (Азербайджан), Балтимор (США), Белфаст (Великобритания), Шарлотт (США), Кельн (Германия), Дар-эс-Салам (Танзания), Глазго (Великобритания), Гвадалахара (Мексика), Хэфэй (Китай), Исламабад (Пакистан), Калькутта (Индия), Куньмин (Китай), Любляна (Словения), Медельин (Колумбия), Орландо (США), Пномпень (Камбоджа), Феникс (США), Порто (Португалия), Пуна (Индия), Циндао (Китай), Рига (Латвия), Роттердам (Нидерланды), Сан-Хосе (США), Сент-Луис (США), Сучжоу (Китай), Тбилиси (Грузия), Анкара (Турция), Бристоль (Великобритания), Коломбо (Шри-Ланка), Дакар (Сенегал), Дурбан (Южная Африка), Гетеборг (Швеция), Эквадор (Эквадор), Хайкоу (Китай), Ла-Пас (Боливия), Мальме (Швеция), Манагуа (Никарагуа), Нант (Франция), Нэшвилл (США), Оттава (Канада), Сан-Хуан (Пуэрто-Рико), Санто-Доминго (Доминиканская Республика), Тайчжун (Тайвань), Тегусигальпа (Гондурас), Тирана (Албания), Турин (Италия), Валенсия (Испания), Вильнюс (Литва), Веллингтон (Новая Зеландия), Вроцлав (Польша), Аккра (Гана), Асунсьон (Парагвай), Белу-Оризонти (Бразилия), Бильбао (Испания), Кливленд (США), Колумбус (США), Дуала (Камерун), Эдмонтон (Канада), Фучжоу (Китай), Хараре (Зимбабве), Харбин (Китай), Гаосюн (Тайвань), Канзас-Сити (США), Катовице (Польша), Лозанна (Швейцария), Лимассол (Кипр), Луанда (Ангола), Малага (Испания), Мапуту (Мозамбик), Милуоки (США), Нагоя (Япония), Нассау (Багамские острова), Порт-Луи (Маврикий), Пенанг (Малайзия), Познань (Польша), Керетаро (Мексика), Сакраменто (США), Солт-Лейк-Сити (США), Тайюань (Китай), Эдмонтон (Канада)

Примечание. Составлено по: *Globalization and world cities research network* / Wikipedia. — URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Globalization_and_World_Cities_Research_Network (дата обращения: 10.09.2022); *Multiple GaWCs / GaWC*. — URL: <https://www.lboro.ac.uk/microsites/geography/gawc/multiple.html> (дата обращения: 03.09.2019).

Альфа — главные опорные узлы, имеющие полный набор характеристик глобального города и оказывающие ключевое влияние на мирохозяйственные связи. Бета — важные мировые города на уровне региона или страны, включенные в международные связи. Гамма — города, имеющие мировое значение в каком-то отдельном аспекте деятельности (например, международный портовый или религиозный центр). Рейтинг учитывает изменения в положении городов,

их перемещение из одной группы в другую. Согласно рейтингу всего насчитывается около 223 глобальных городов, хотя положение городов постоянно меняется, что приводит к изменению их места в рейтинге. Среди наиболее крупных глобальных городов категории «альфа» можно отметить Лондон (Англия), Нью-Йорк (США), Пекин (Китай), Гонконг (Гонконг), Дубай (Объединенные Арабские Эмираты), Париж (Франция), Шанхай (Китай), Сингапур (Сингапур), Токио (Япония), Амстердам (Нидерланды), Брюссель (Бельгия), Чикаго (США), Франкфурт (Германия), Джакарта (Индонезия), Куала-Лумпур (Малайзия), Лос-Анджелес (США), Мадрид (Испания), Мехико (Мексика), Милан (Италия), Мумбаи (Индия) и др. В категориях «альфа» и «бета» находятся и два города России — Москва и Санкт-Петербург.

Большое количество городов отнесены к категории «достаточность», они потенциально могут перерасти в глобальные города (Бирмингем, Краков, Галлин, Марсель, Астана и др.).

Урбанизационные процессы за рубежом продолжают развиваться. Высказывается мнение, что сегодня происходит переход от доминирования одной системы городов к другой — от Америки (в лице США) к Юго-Восточной Азии (в КНР, Сингапур и другие места)¹.

В зарубежных городах продолжают существовать все те глубокие социальные проблемы, о которых пишут большинство ученых, изучающих урбанизацию. В развивающихся странах они нарастают, усиливаются, особенно остро стоят проблемы социального неравенства, экологического загрязнения и транспортно-логистические проблемы. Отдельные развитые страны активно разрабатывают градостроительную политику, в которой реализуются современные идеи умного города, города, ориентированного на человека (например, концепция 15-минутного города Дж. Морено).

Урбанизационные процессы в современной России. Россия является страной с высоким уровнем урбанизации — 75 % населения проживают в городских поселениях. При этом в городах с численностью жителей 100 тыс. и более проживают 49,16 % от общей численности населения страны; 50,84 % — в малых и средних городах, поселках городского типа, сельских населенных пунктах².

Для современной российской урбанизации характерны следующие тренды. Отмечается сильнейшая зависимость урбанизационных процессов от смены политических курсов. Четко выделяются два этапа урбанизации — советский и постсоветский³. В советский период рост городов обуславливался задачами индустриализации страны, развития ее производительных сил. В это время урбанизация шла очень быстрыми темпами: доля городского населения в 1926 г.

¹ Закиров Ш. Р. Урбанизация и глобализация: проблемы взаимовлияния // Российский гуманитарный журнал. — 2021. — Т. 10, № 6. — С. 401–406.

² Социально-демографический портрет России: по итогам Всероссийской переписи населения 2010 г. — М.: Статистика России, 2012. — 183 с.

³ Анимца Е. Г., Власова Н. Ю. Градоведение. — 3-е изд., испр. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2008. — С. 168–195.

составляла 18 %, в 1973 г. — уже 59 %¹. Урбанизация советского периода — это резкий скачок от аграрного города к городу промышленному². Главным источником роста городов являлись переселенцы из села в город (в 1926–1939 гг. они составляли 62,5 %)³. «За семь советских десятилетий урбанизация России продвинулась значительно дальше, чем за предшествующее тысячелетие. На основе преобразования экономики из преимущественно аграрной в индустриальную произошел „урбанизационный переход“ — превращение общества из сельского в городское»⁴.

Нередко урбанизация шла в ущерб экологической и социальной сторонам городской жизни⁵. Однако необходимо отметить, что последняя оценка — это взгляд со стороны человека XXI века, имеющего возможность сравнить уровень и качество жизни в Советской России и за рубежом. Для человека той эпохи была типичной другая оценка событий: подчеркивался позитивный факт регулируемой и управляемой урбанизации, задачей управления было создание «благоприятных условий для жизни населения (включая охрану окружающей среды)...»⁶.

В постсоветский период урбанизация в силу ряда политических и экономических процессов замедлилась, хотя и сегодня наблюдается рост количества городских жителей.

Сегодня в российской урбанизации можно обнаружить два ярких тренда: развитие агломерационных процессов⁷ и сокращение численности населения малых городов⁸.

Агломерацию принято считать этапом в развитии современных урбанизационных процессов. Стратегия пространственного развития РФ выделяет два вида российских городских агломераций — крупную (численность населения — 500–1 000 тыс. чел.) и крупнейшую (более 1 000 тыс. чел.). Агломерация — это не только обширная территория и большое количество жителей, но прежде всего совместное использование инфраструктурных объектов, интенсивные экономические, трудовые и социальные связи. Всего в РФ согласно официаль-

¹ Константинов О. А. Некоторые черты урбанизации в СССР // Вопросы географии. — 1974. — Вып. 96 (Урбанизация мира). — С. 69.

² Миронов Б. Н. Город из деревни: четыреста лет российской урбанизации // Отечественные записки. — 2012. — № 3 (48). — С. 259–276.

³ Константинов О. А. Некоторые черты урбанизации в СССР // Вопросы географии. — 1974. — Вып. 96 (Урбанизация мира). — С. 70.

⁴ Сенявский А. С. Урбанизационный процесс в СССР в экономическом измерении: структурные и институциональные аспекты // Вопросы теоретической экономики. — 2019. — № 2. — С. 147.

⁵ Зокиров Р. С. Проблемы экологии городской среды // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. — 2010. — № 4. — С. 112–125.

⁶ Пивоваров Ю. Л. Современная урбанизация: основные тенденции расселения. — М.: Статистика, 1976. — С. 40.

⁷ Анимца Е. Г. Крупнейшие города России в контексте глобальных урбанизационных процессов // Ars administrandi. Искусство управления. — 2013. — № 1. — С. 82–96.

⁸ Заборова Е. Н. Будущее городов в информационно-цифровую эпоху // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. — 2020. — № 2. — С. 124–134.

ному документу сформировалось около 40 агломераций с численностью населения свыше 73 млн чел.¹

Сокращается численность населения малых городов. В России насчитывается 2 800 малых городов, в которых живет 38 % населения страны, в них расположено порядка 8 тыс. промышленных предприятий². Это внушительный экономический потенциал. Доля продукции предприятий малых городов в ВВП страны составляет около 2–2,5 %. При этом в 48 малых городах страны демографическая проблема встает очень остро: население сокращается с темпом более –3 % (по некоторым городам до –11 % в год), что приводит к угрозе их исчезновения³.

Увеличивается, хотя и медленно, количество городов-миллионеров. Сегодня их насчитывается 16 (табл. 22).

Т а б л и ц а 22

Города-миллионники РФ и численность населения на 1 января 2022 г.

Город-миллионник	Численность населения	Город-миллионник	Численность населения
Москва	12 506 468	Самара	1 163 399
Санкт-Петербург	5 351 935	Ростов-на-Дону	1 130 305
Новосибирск	1 612 833	Уфа	1 120 547
Екатеринбург	1 468 833	Красноярск	1 090 811
Нижний Новгород	1 259 013	Пермь	1 051 583
Казань	1 243 500	Воронеж	1 047 549
Челябинск	1 202 371	Волгоград	1 013 533
Омск	1 172 070	Краснодар	1 000 000

Примечание. Составлено по: *Оценка численности постоянного населения РФ (на 1 января 2022 г.)* / Федеральная служба государственной статистики. — URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/chisl_%D0%9C%D0%9E_Site_01-01-2022.xlsx (дата обращения: 19.08.2022).

В России урбанизационные процессы отличаются резкими пространственно-территориальными контрастами, интенсивность процесса падает с запада на восток. Большинство городов сосредоточены в европейской части страны, здесь же располагаются два крупнейших мегаполиса — Москва и Санкт-Петербург. По уровню экономического и социокультурного развития города восточной части резко отстают от расположенных в европейской части⁴.

Характерный для зарубежных стран тренд в сторону глобальных городов проявляется только в отношении столицы Москвы и Санкт-Петербурга. При

¹ *Стратегия* пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г., утв. распоряжением Правительства РФ от 13 февраля 2019 г.

² *Целевые программы малых городов. Экономика города.* — URL: https://bstudy.net/687174/ekonomika/tselevye_programmy_malyh_gorodov (дата обращения: 13.10.2022).

³ *Концепция* Федеральной целевой программы «Социально-экономическое развитие малых городов Российской Федерации на период 2015–2020 гг.».

⁴ *Нефедова Т. Г.* «Сильные» и «слабые» города России // *Полюса и центры в региональном развитии* / под ред. Ю. Г. Липеца. — М.: Ин-т географии РАН, 1998. — С. 135–143.

этом уровень их развития настолько отличается от уровня других городов-миллионеров, что среди ученых появляются версии о том, что в процессе пространственного сжатия крупнейшие города получают беспрецедентный стимул для формирования собственных независимых от государства стратегий действия, «становятся принципиальными политическими агентами международного уровня, зачастую не менее значимыми, чем национальные правительства»¹.

Если для зарубежных стран характерно появление глобальных городов, то в России отмечается такое явление, как возникновение новых индустриальных городов. Наличие индустриальных городов фиксируется в Уральском регионе — это Уфа (Республика Башкортостан), Пермь (Пермский край), Екатеринбург и Верхняя Пышма (Свердловская область), Челябинск (Челябинская область), Ижевск (Удмуртская Республика)². Индустриальные города — это «особый функциональный тип постиндустриального города, экономика которого базируется на сочетании различных видов экономической деятельности при сохранении (или доминировании) и развитии промышленного производства (в том числе пятого и шестого технологического укладов) на основе принципов новой индустриализации при становлении новых форм организации экономической деятельности»³.

Большая протяженность России и разнообразие исторического развития, большое количество социально-политических образований породили свою специфику для отдельных территорий страны. Так, для Уральского региона, как отмечают Е. Б. Дворядкина и Е. И. Кайбичева, характерны такие процессы, как тесная связь урбанизации с потребностями промышленного освоения края, что нашло отражение в отраслевой специализации и функциях создаваемых городов, ориентированных на извлечение и (или) переработку полезных ископаемых; формирование сети горнозаводских поселений, которые не имели юридического статуса города в силу существования особых ограничений, поскольку принадлежали частным лицам (позднее эти поселения получили название «горных городов»); бурное городское строительство в довоенное и военное время, усиленное эвакуацией предприятий и населения из западных регионов страны. Авторы отмечают, что если средняя по России плотность городского населения на 1 января 2017 г. составила 6,7 чел. на 1 000 км², то в Уральском регионе показатель выше — 16,7 чел. на 1 000 км². Территориальная интенсивность урбанизации в регионах Большого Урала выше, чем в среднем по России⁴.

На урбанизационные процессы в нашей стране оказывает свое влияние и информационная эпоха: программы внедрения цифровой экономики, проекты «Умный город» разработаны как на государственном, так и на региональ-

¹ Панкевич Н. В. Политическая стратегия российской урбанизации: от мировых городов к национальной сетевой платформе // Политические исследования. — 2013. — № 1. — С. 73.

² Дворядкина Е. Б., Кайбичева Е. И. Новые индустриальные города в процессе урбанизации Большого Урала // Урал — XXI век: макрорегион неиндустриального и инновационного развития: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 15–16 октября 2018 г.): в 2 т. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2018. — Т. 1. — С. 14–21.

³ Там же. — С. 15.

⁴ Там же. — С. 16.

ном уровне. Уже сегодня в практику государственного и муниципального управления внедряются такие проекты, как «Цифровое государственное управление», «Информационная инфраструктура», «Информационная безопасность», «Цифровые технологии», «Умный регион», «Умный город», «Активный гражданин» и др. Как и в зарубежной практике, все больше ученых и специалистов-практиков обращаются к идеям городов, ориентированных на человека и его потребности.

Дальнейшее развитие урбанизационных процессов в нашей стране по-прежнему зависит от властных структур, от проводимой ими внутренней и внешней политики.

3.2. Формирование, функционирование и перспективы развития городских агломераций в Пермском крае

В Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. определено, что драйверами экономического роста на ближайшую перспективу должны стать городские агломерации. При этом в первоначальной редакции стратегии речь шла только о крупных и крупнейших агломерациях с численностью населения свыше 500 тыс. чел. и свыше 1 млн чел. соответственно¹.

В пятой редакции стратегии (от 25 июня 2022 г.) в классификацию городских агломераций введена новая категория — городские агломерации численностью населения свыше 250 тыс. чел. Тем самым Правительство Российской Федерации обозначило необходимость и перспективность развития в том числе небольших агломераций, что является крайне важным для экономического развития региональных экономик, преодоления межрегиональной и внутрирегиональной дифференциации.

Также было принято постановление Правительства РФ от 31 мая 2022 г. № 996, которым закрепляется возможность разработки долгосрочных планов социально-экономического развития для крупнейших и крупных городских агломераций при возможности их финансирования со стороны федерального бюджета и мониторинге их исполнения Министерством экономического развития Российской Федерации². На министерство возложена ответственность за координацию разработки и реализации подобных планов.

Согласно Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. городская агломерация определяется как совокупность компактно расположенных населенных пунктов и территорий между ними,

¹ *Об утверждении* Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г.: распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р.

² *Об утверждении* Правил согласования, утверждения и мониторинга реализации долгосрочных планов социально-экономического развития крупных и крупнейших городских агломераций: постановление Правительства РФ от 31 мая 2022 г. № 996.

связанных совместным использованием инфраструктурных объектов и объединенных интенсивными экономическими, в том числе трудовыми, и социальными связями.

По определению П. М. Поляна, «городская агломерация — компактная и относительно развитая совокупность взаимодополняющих друг друга городских и сельских поселений, группирующихся вокруг одного или нескольких мощных городов-ядер и объединенных многообразными и интенсивными связями в сложное и динамическое единство»¹.

Таким образом, в агломерациях происходит концентрация многочисленных видов экономической деятельности, функций, предприятий, что создает эффект масштаба и конкуренции². В то же время каждый пространственный элемент агломерации приобретает свою специализацию на основе имеющихся конкурентных преимуществ. Ядра агломерации становятся центрами притяжения населения, рабочей силы, бизнеса и инвестиций, выступая в качестве «плюсов роста» и драйверов экономического развития, обеспечивая впоследствии диффузию инноваций и качественную трансформацию среды во всей остальной агломерационной зоне.

Современное пространственное развитие в России происходит под влиянием новых глобальных трендов. Прежде всего пандемия коронавирусной инфекции COVID-19 сделала актуальным изменение предпочтений населения в вопросе определения места жительства: люди стали отдавать предпочтение проживанию не в скученных центрах городов, где более высоки риски заражения вирусом, а в пригородах и на территориях, удаленных от городов³. Это усилило процессы субурбанизации.

Второй тренд — цифровая трансформация экономики — повлиял на активное распространение удаленной занятости⁴, вместе с предыдущим фактором вызвав интенсификацию изменений в сложившейся системе расселения.

Третий глобальный тренд — масштабные экономические санкции против России, которые также будут влиять на дальнейшее экономико-пространственное развитие.

Кроме того, необходимо упомянуть про традиционные факторы интенсивного развития пригородов:

— более низкая стоимость земли на периферии городов и в их предместьях способствует появлению здесь более доступного в ценовом плане жилья;

¹ Лапто Г. М., Полян П. М., Селиванова Т. И. Агломерации России в XXI веке // Вестник Фонда регионального развития Иркутской области. — 2007. — № 1. — С. 46.

² Пономарев Ю., Радченко Д. Реальные границы агломераций и распространение коронавируса // Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития: сб. ст. — М.: Фонд «Институт экономической политики им. Е. Т. Гайдара», 2020. — С. 39–46.

³ Анимца Е. Г., Власова Н. Ю. Проблемы и перспективы развития городских агломераций // Регионалистика. — 2020. — № 3. — С. 59–65.

⁴ Миролобова Т. В., Карлина Т. В., Николаев Р. С. Цифровая экономика: проблемы идентификации и измерений в региональной экономике // Экономика региона. — 2020. — Т. 16, № 2. — С. 377–390.

— более выраженные экологические проблемы в городах заставляют заметную часть населения отдавать предпочтение пригородной зоне;

— ограниченность земельных ресурсов и отсутствие перспективных территорий для застройки в городах влияют на вытеснение из них неустойчивых элементов системы¹: нерентабельных предприятий, функционирование которых становится неэффективным в плотной перегруженной городской среде, для которой характерны проблемы с транспортом и логистикой, а также многочисленные санитарно-защитные требования и ограничения.

В Пермском крае можно говорить о наличии двух городских агломераций — Пермской агломерации², которую можно отнести к крупнейшим, и Березниковско-Соликамской агломерации. Пермская городская агломерация (далее — ПГА) является моноядерной, Березниковско-Соликамская агломерация (далее — БСА) — двуядерной. При этом с точки зрения возможностей для дальнейшего развития у них, безусловно, разные перспективы.

ПГА, будучи крупнейшей, в случае разработки долгосрочного плана социально-экономического развития под патронажем Министерства экономического развития Российской Федерации может рассчитывать, помимо регионального бюджета и внебюджетных источников, и на федеральное финансирование. В то же время БСА не попадает под действие постановления Правительства РФ № 996 и не может претендовать на федеральные деньги. Однако на уровне Пермского края как субъекта РФ может быть сформирован долгосрочный план ее социально-экономического развития, предусматривающий финансирование из регионального бюджета и внебюджетных источников.

В любом случае определение агломераций в качестве стратегического приоритета пространственного развития России на государственном уровне означает, что формирование агломераций — это управляемый процесс, который предполагает наличие управляющего воздействия со стороны органов власти субъекта Российской Федерации. Иными словами, формирование агломераций должно происходить административным путем, через заключение межмуниципальных соглашений. И этот процесс в современной России уже начался.

Так, в 2020 г. главы 14 муниципалитетов Свердловской области подписали соглашение о взаимодействии для развития Екатеринбургской городской агломерации. В 2022 г. эта городская агломерация стала пилотным проектом Министерства экономического развития Российской Федерации по разработке долгосрочного плана социально-экономического развития.

Такой административный подход к выделению городских агломераций в России требует решения вопроса их идентификации, делимитации и определения состава.

¹ *Миролюбова Т. В., Николаев Р. С.* Перспективы развития промышленных территорий крупных городов в региональной экономике // *Ars administrandi. Искусство управления.* — 2018. — Т. 10, № 4. — С. 569–597.

² *Бурьян А. П., Коробейников А. М., Меркушев С. А.* Пермская агломерация: территориальная структура, проблемы, перспективы развития // *Город и регион: проблемы сбалансированного развития: материалы Междунар. науч.-практ. конф.* — Пермь, 1999. — С. 30–32.

В то же время одним из основных методов выделения границ агломераций выступает построение изохрон, в качестве которых могут использоваться часовые, полуторачасовые и даже двухчасовые временные границы доступности¹. Чем меньше рассматриваемая изохрона, тем более высока степень связности территорий в ее границах. Определение временных границ доступности связано в первую очередь с маятниковыми миграциями — регулярными перемещениями людей из одного населенного пункта (места жительства) в другой — на работу или учебу и обратно.

Согласно СП 42.13330.2016 «Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений» затраты времени в крупнейших городах на передвижение от мест проживания до мест работы для 90 % трудящихся (в один конец) не должны превышать 40–45 мин². При этом для ежедневно приезжающих на работу в город-центр из других поселений указанные нормы затрат времени допускается увеличивать, но не более чем в два раза. Таким образом, устанавливается нормативная допустимость отдаления места работы в 1,5 ч, что отражает предел комфортности для населения при перемещении. При превышении данного норматива транспортная усталость негативно сказывается на физическом состоянии граждан, а временные затраты на перемещение не позволяют человеку эффективно распределять суточный фонд времени.

Часовая изохрона от центра города Перми затрагивает территорию еще семи муниципальных образований: Краснокамского, Добрянского, Ильинского, Нытвенского городских округов, Пермского и Кунгурского муниципальных округов, а также ЗАТО Звездный. Полуторачасовая изохрона очерчивает более широкие границы в рамках этих муниципальных образований, однако не охватывает их целиком, как и в случае с часовой изохроной, что приводит к конфронтации двух подходов: научного и административного.

Исходя из этого ПГА может формироваться в двух поясах (рис. 20):

— первый пояс образуется по линии: Краснокамск — Юго-Камский — Звездный — Сылва — Полазна — Краснокамск;

— второй пояс формируется по линии: Добрянка — Ильинский — Нытва — Юго-Камский — Кунгур — Сылва — Добрянка. Расширение второго пояса

¹ *Методики* делимитации городских агломераций: аналитический отчет Фонда «Институт экономики города» (подготовлен за счет средств целевого капитала Фонда «Институт экономики города»). — М., 2021. — 34 с.; *Уляева А. Г.* Анализ методических подходов к выделению агломерационных образований // Региональная экономика: теория и практика. — 2016. — Т. 14, вып. 12. — С. 17–27; *Райсих А. Э.* К вопросу об определении границ городских агломераций: мировой опыт и формулировка проблемы // Демографическое обозрение. — 2020. — № 1. — С. 27–53; *Райсих А. Э.* Определение границ городских агломераций России: создание модели и результаты // Демографическое обозрение. — 2020. — № 2. — С. 54–96; *Антонов Е. В.* Городские агломерации: подходы к выделению и делимитации // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. — 2020. — № 13 (1). — С. 180–202.

² СП 42.13330.2016. Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений. Актуализированная редакция СНиП 2.07.01-89, утв. приказом Минстроя России от 30 декабря 2016 г. № 1034/пр. — URL: <https://rkc56.ru/attach/orenburg/docs/kodeks/SP-42-13330-2016-Svod-pravil-Gradostroitelstvo.pdf> (дата обращения: 12.07.2022).

в двух местах лимитируется гидрологическими барьерами — рекой Камой в районе Оханска и рекой Сылвой в районе пгт. Сылва.

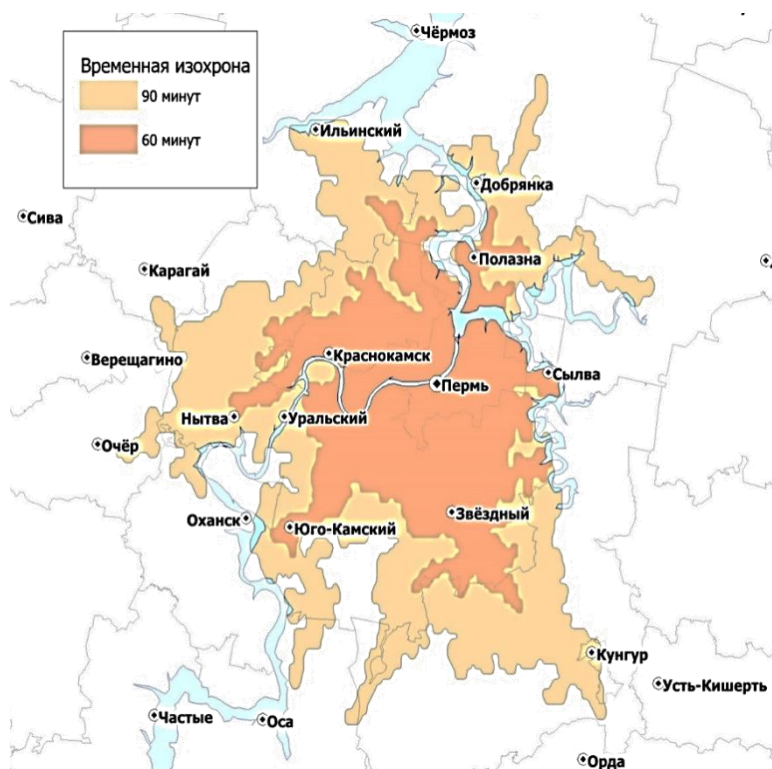

Рис. 20. Часовая и полуторачасовая изохроны Пермской городской агломерации

Представляется, что первоочередного развития требует первый пояс ПГА. В дальнейшем, после появления положительных эффектов от реализации долгосрочного плана социально-экономического развития ПГА и появления демонстрационных эффектов от агломерации для жителей, возможны разработка и реализация нового плана социально-экономического развития ПГА уже в расширенных границах.

Далее перейдем к совмещению научного (изохроны) и административного подходов (административные единицы в виде муниципальных образований) и сформируем следующие варианты выделения границ ПГА:

— вариант 1: ПГА в составе таких муниципальных образований, как Пермский городской округ, Пермский муниципальный округ, городской округ ЗАТО Звездный, Краснокамский городской округ, Добрянский городской округ;

— вариант 2: ПГА в составе таких муниципальных образований, как Пермский городской округ, Пермский муниципальный округ, городской округ ЗАТО Звездный, Краснокамский городской округ, Добрянский городской округ, Кунгурский муниципальный округ;

— вариант 3: ПГА в составе таких муниципальных образований, как Пермский городской округ, Пермский муниципальный округ, городской округ ЗАТО Звездный, Краснокамский городской округ, Добрянский городской округ, Кунгурский муниципальный округ, Нытвенский городской округ, Ильинский городской округ.

Представим ключевые показатели, характеризующие ПГА по этим трем вариантам. Показатели подсчитаны в полных границах муниципальных образований, а не в границах изохрон (табл. 23).

Таблица 23

Ключевые показатели ПГА по трем вариантам формирования

Показатель	Вариант		
	1	2	3
Численность населения, тыс. чел.	1 295,4 (50,7 %)	1 392,3 (54,7 %)	1 449,5 (57,0 %)
Численность работников, тыс. чел.	3 17,1 (43,1 %)	332,5 (45,5 %)	342,4 (46,8 %)
Оборот организаций, млрд р.	1 353,3 (48,4 %)	1 406,0 (50,3 %)	1 443,5 (51,6 %)
Среднемесячная начисленная заработная плата, тыс. р.	54,6	53,7	53,2
Инвестиции в основной капитал, млрд р.	144,2 (46,8 %)	145,5 (47,3 %)	147,2 (47,8 %)
Объем отгруженной инновационной продукции, млрд р.	79,5 (88,1 %)	79,6 (88,2 %)	79,6 (88,2 %)
Число субъектов МСП, ед.	66 449 (69,5 %)	68 866 (72,0 %)	70 252 (73,5 %)

Примечание. В скобках указана доля от соответствующего показателя Пермского края.

Как видно из табл. 23, в случае первого варианта состава ПГА численность населения достигнет 1 295,4 тыс. чел., или 50,7 % от численности населения всего Пермского края. При втором варианте численность составит уже 1 392,3 тыс. чел., или 54,7 % от численности населения всего Пермского края. По третьему варианту увеличение будет еще более существенным — 1 449,5 тыс. чел., или 57,0 % от численности населения всего Пермского края.

Экономические показатели, характеризующие ПГА, также увеличатся за счет расширения агломерации. В то же время по экономическим показателям увеличение не будет столь существенным. Так, численность работников по первому варианту составит 317,1 тыс. чел. (43,1 %), по второму — 332,5 тыс. чел. (45,5 %), по третьему — 342,4 тыс. чел. (46,8 %). Объем инвестиций в основной капитал увеличится со 144,2 млрд р. (46,8 %) по первому варианту до 145,5 млрд р. (47,3 %) по второму варианту и до 147,2 млрд р. (47,8 %) по третьему варианту. При этом такой показатель, как «объем отгруженной инновационной продукции», останется практически неизменным — 79,5 млрд р. (88,1 %) по первому варианту, 79,6 млрд р. (88,2 %) по второму варианту

и 79,6 млрд р. (88,2 %) по третьему варианту. Это обстоятельство объясняется высокой концентрацией производства инновационной продукции в Перми, что связано с локализацией здесь научных и научно-образовательных организаций.

Как видно, расширение ПГА за счет простого присоединения новых территорий не дает экономического эффекта и может быть оценено только через некоторое время (после присоединения, если это произойдет), после появления агломерационных эффектов.

Перспективы развития ПГА могут формироваться в нескольких направлениях. Во-первых, ключевым будет повышение транспортной доступности и связности территорий агломерации на основе создания интегрированной транспортной инфраструктуры. Важную роль здесь может сыграть уже реализуемый проект «Пермское наземное метро», предусматривающий движение пассажирских электропоездов по кольцевому маршруту, связавшему оба берега Камы. Он реализуется по инициативе властей Пермского края совместно с АО «Российские железные дороги» в рамках проекта «Компактный город», направленного на повышение транспортной доступности в Пермской агломерации. Требуется продление данного маршрута до муниципальных образований, которые в перспективе войдут в состав административных границ ПГА, а также создание сети транспортно-пересадочных узлов, интегрирующих железнодорожные и автобусные маршруты.

Следующим важным направлением развития ПГА должно стать согласованное градостроительное планирование территорий. При этом необходимо управление маятниковыми миграциями и сезонными процессами перемещения людей внутри агломерации с калибровкой обеспеченности объектами социальной, культурно-бытовой, транспортной и инженерной инфраструктуры.

ПГА, как нам представляется, должна развиваться в формате полицентричной модели, когда создается несколько ядер притяжения со своими производствами, офисными центрами, новыми музеями, театрами и доступным низкоэтажным жильем (развитие процессов субурбанизации и пригородного домостроения). При этом ядра будут неравнозначны по уровню развития и будут иметь свои экономические специализации, дополняющие друг друга. При проектировании агломерации необходимо провести анализ и определить наиболее целесообразные для нее экономические специализации, взаимодополняющие друг друга, в том числе с учетом цепочек накопления стоимости. Потребуется развитие не только этих агломерационных ядер, но и зоны их спутников, что позволит реализовывать имеющийся потенциал всех территорий, входящих в агломерацию¹. В агломерации предусматриваются территориальная диверсификация и дифференциация, более эффективное использование конкурентных преимуществ и сильных сторон каждой зоны.

Следующим направлением развития ПГА должна стать реновация промышленных зон города Перми на основе проектов комплексного развития тер-

¹ Николаев Р. С. Пространственно-функциональная структура территориальной транспортно-логистической системы Пермского края: автореф. дис. ... канд. геогр. наук: 25.00.24. — Пермь, 2013. — 24 с.

риторий и переноса производств в иные территории. Необходим вынос промышленных предприятий из центра агломерации в полупериферию и периферию, где потребуется создать благоприятные условия и конкурентоспособную среду для производства: в форме браунфилдов и гринфилдов, обеспеченных инфраструктурой, сопутствующим сервисом, бизнес-инкубаторами и льготными условиями функционирования приоритетных отраслей.

В ПГА потребуются перезагрузка существующих секторов, промышленности и переход в новые перспективные специализации; привлечение инвесторов в создание производств шестого технологического уклада; развитие Пермского научно-образовательного центра мирового уровня; развитие ИТ-кластера города Перми; удержание и привлечение высококвалифицированной рабочей силы. Перспективным для ПГА видится создание транспортно-логистических центров (в силу имеющихся транспортно-географических преимуществ)¹.

Кроме того, важнейшим направлением развития ПГА должно стать сбалансированное развитие эколого-компенсационных зон внутри агломерации.

Березниковско-Соликамская агломерация состоит из двух городов-ядер: Березников и Соликамска. С момента окончания реализации советских планов развития экономики, когда на этой территории происходил целенаправленный процесс формирования Верхнекамского территориально-производственного комплекса, города Березники и Соликамск не утратили агломерационную систему и имеют потенциальные возможности для нового этапа скоординированного социально-экономического развития уже в новых рыночных условиях.

В часовую зону по изохроне устойчиво входят города Соликамск, Березники, Усолье, а также пгт. Яйва (Александровский муниципальный округ), который технологически и функционально тяготеет к этим городам. В составе часовой изохроны численность населения БСА составляет 276 тыс. чел., площадь — 329,4 тыс. га и плотность населения — 83,8 чел. на 1 км². Если рассматривать полуторачасовую зону, то численность населения составляет 336 тыс. чел., 817,6 тыс. га площади, плотность населения — 41,1 чел./км² (рис. 21).

Однако не все территории Городского округа город Березники, Соликамского городского округа и Александровского муниципального округа покрываются часовой и полуторачасовой изохронами. При этом в полуторачасовой зоне доступности оказываются некоторые населенные пункты Чердынского и Красновишерского городских округов.

Таким образом, можно сформировать два варианта выделения состава БСА. По первому — узкому варианту — в состав БСА включаются Городской округ город Березники и Соликамский городской округ. По второму — расширенному варианту — в состав БСА также входит Александровский муниципальный округ. Представим ключевые показатели БСА по обоим вариантам (табл. 24).

¹ Меркушев С. А., Николаев Р. С. О развитии Пермской агломерации // Индустриальная цивилизация: прошлое или будущее России?: материалы III Пермского конгресса ученых-экономистов (Пермь, 17 февраля 2017 г.): в 2 т. — Пермь: ПГНИУ, 2017. — Т. 2. — С. 50–54.

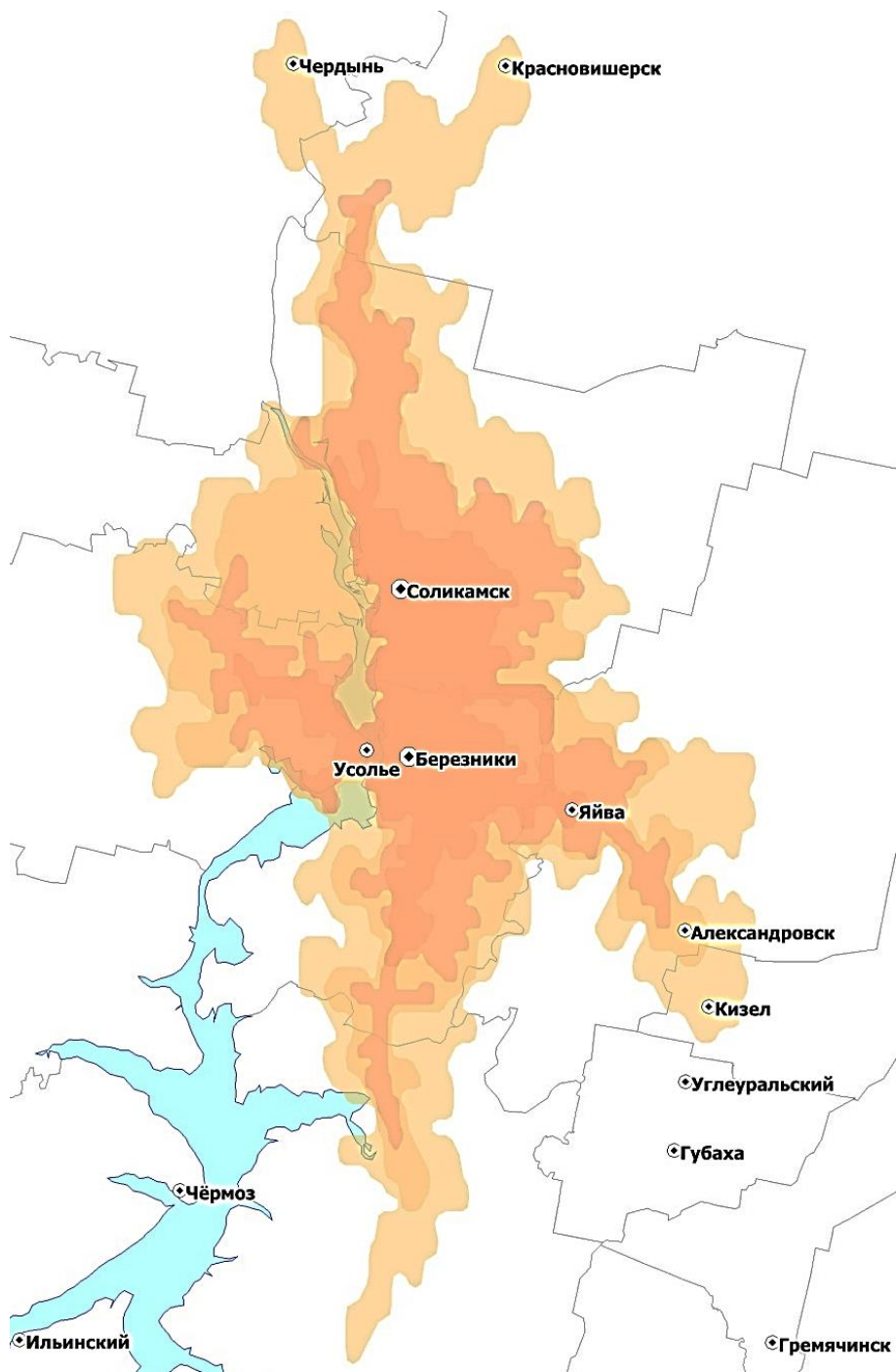

Рис. 21. Часовая и полуторачасовая изохроны Березниковско-Соликамской агломерации

Ключевые показатели БСА по двум вариантам формирования

Показатель	Вариант	
	1	2
Численность населения, тыс. чел.	254,6 (10,0 %)	278,8 (10,9 %)
Численность работников, тыс. чел.	76,5 (10,4 %)	80,3 (10,9 %)
Оборот организаций, млрд р.	642,8 (23,0 %)	733,1 (26,2 %)
Среднемесячная начисленная заработная плата, тыс. р.	51,7	51,0
Инвестиции в основной капитал, млрд р.	44,5 (14,5 %)	46,4 (15,1 %)
Объем отгруженной инновационной продукции, млрд р.	7,87 (8,7 %)	7,97 (8,8 %)
Число субъектов МСП, ед.	5955 (6,2 %)	6458 (6,8 %)

Примечание. В скобках указана доля от соответствующего показателя Пермского края.

Как видно из табл. 24, численность населения БСА при первом варианте составит 254,6 тыс. чел., или 10,0 % от численности населения всего Пермского края. Во втором варианте произойдет небольшое увеличение численности населения до 278,8 тыс. чел. (10,9 %). В то же время формирование БСА по первому варианту несет в себе риски в будущем: при уменьшении численности населения есть риск не попасть в категорию «городские агломерации», установленную Стратегией пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. Такие риски довольно высоки, поскольку в Березниках и Соликамске уже длительное время отмечаются отрицательная демографическая динамика, стабильный миграционный отток. Включение в состав БСА Александровского муниципального округа позволит эти риски нивелировать.

Существенного изменения экономических показателей при втором варианте не произойдет. Так, численность работников увеличится с 76,5 тыс. чел. (10,4 %) по первому варианту до 80,3 тыс. чел. (10,9 %) по второму варианту. Инвестиции в основной капитал возрастут с 44,5 млрд р. (14,5 %) до 46,4 млрд р. (15,1 %). Объем отгруженной инновационной продукции практически останется неизменным.

Таким образом, в случае с БСА более предпочтительным выглядит второй вариант формирования состава агломерации, поскольку снижаются риски несоответствия нормативно-правовым требованиям к численности агломераций. При этом существенного прироста экономических показателей в расширенном варианте агломерации не произойдет, но можно их ожидать в дальнейшем по мере появления агломерационных эффектов.

Перспективы дальнейшего развития БСА связаны с сохранением двуядерной модели агломерации: развитие существующих ядер притяжения со своими

производствами, общественно-деловыми центрами, социальной инфраструктурой и доступным жильем. Элементы агломерации различны по уровню развития и имеют свои особенные экономические специализации.

Здесь важнейшим направлением, как и в ПГА, должно стать прежде всего повышение транспортной доступности и связности территорий агломерации на основе создания интегрированной транспортной инфраструктуры. Это обеспечит возможности для населения быстро и без затруднений добираться на работу в пределах агломерации.

Вторым направлением развития БСА должно стать согласованное градостроительное планирование территорий с учетом обеспеченности объектами социальной инфраструктуры.

Существенной представляется реновация некоторых промышленных зон, в частности, промышленной территории Березниковского содового завода: поселок содового завода — «Маленькая Бельгия» (исторический центр города Березники). Необходима разработка концепции и проекта создания здесь публичного арт-пространства. Важным направлением для БСА с точки зрения диверсификации экономики является формирование и развитие туристического кластера «Соль Камская».

Следующим направлением развития БСА должны стать привлечение инвесторов и создание новых производств на основе кооперации с якорными промышленными предприятиями; создание ИТ-технопарка в городе Березники. Также требуются формирование и развитие образовательного кластера для локального рынка труда БСА для обеспечения квалифицированными кадрами.

Помимо двух рассмотренных агломераций в Пермском крае есть предпосылки для создания еще одной агломерации. Речь идет о так называемой конурбации, которой может стать Горнозаводская агломерация (конурбация). Она может охватывать Лысьвенский, Чусовской, Губахинский, Кизеловский, Горнозаводский, Гремячинский городские округа и Александровский муниципальный округ. Ключевыми ядрами этой конурбации будут города Губаха, Чусовой, Лысьва (рис. 22).

Численность населения в административных границах муниципальных образований, формирующих Горнозаводскую конурбацию, составляет 240 тыс. чел. (в 2019 г. оценивалась в 251 тыс. чел.). Площадь конурбации — 23,5 тыс. км². В зону часовой доступности от трех ключевых ядер попадает 4,7 тыс. км² и 235 тыс. чел. Транспортная доступность между городами составляет от 30 до 120 мин.

В настоящее время здесь наблюдается кризисная демографическая ситуация, характеризующаяся процессами естественной убыли и миграционным оттоком населения.

В то же время потенциальная Горнозаводская конурбация имеет предпосылки для будущих позитивных процессов. Прежде всего, расширяются производственные мощности в Губахе, Чусовом (в том числе на базе ТОСЭР) и Лысьве, что в дальнейшем проецируется на окружающие территории. Удалось стабилизировать ситуацию в Кизеле и Гремячинске, достаточно устойчивая социально-экономическая ситуация в Горнозаводском городском округе.

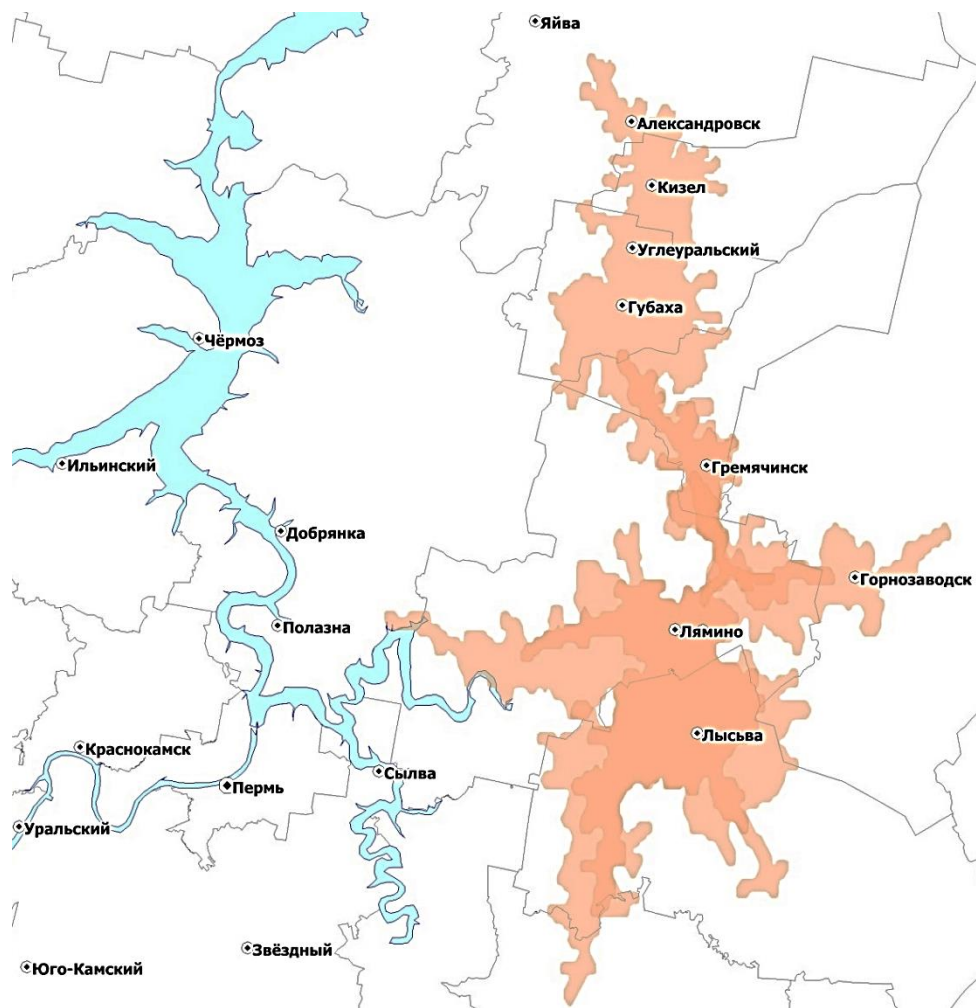

Рис. 22. Потенциальная Горнозаводская агломерация (конурбация)

Также имеется существенный транспортно-логистический потенциал, который становится особенно актуальным при смене глобального вектора развития на азиатские рынки.

Представляется, что формирование и развитие Горнозаводской конурбации позволит создать новый потенциал социально-экономического развития монопрофильных территорий через развитие агломерации как единого социально-экономического и инвестиционного пространства с общей системой транспортного, инженерного и социального обслуживания, с общими подходами к сохранению сложившегося природно-экологического каркаса и историко-культурного наследия.

В случае формирования Горнозаводской конурбации территория Пермского края получит три мощных центра развития, что даст импульс для даль-

нейшего сбалансированного пространственного социально-экономического развития Пермского края (рис. 23).

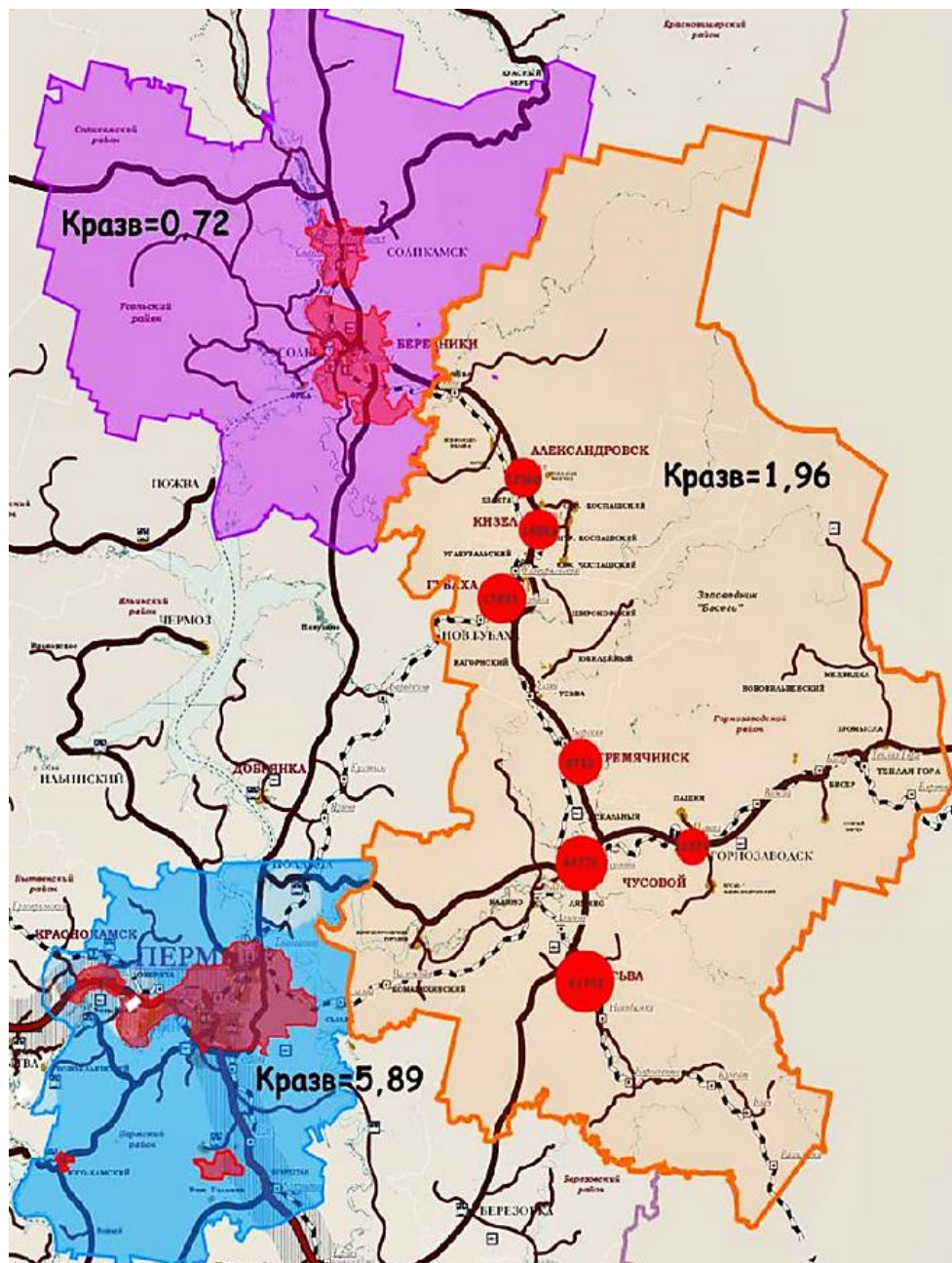

Рис. 23. Перспективные агломерации на территории Пермского края (из Генерального плана Чусовского городского округа, 2021 г.)

Представляется, что формирование городских агломераций административным путем в границах нескольких муниципальных образований приведет к концентрации экономической активности в зоне часовой или полуторачасовой доступности. Оставшиеся же территории муниципальных образований, не попавшие в изохроны, будут испытывать трудности в экономическом развитии. Представляется, что в перспективе это предопределяет дальнейшие изменения в системе расселения территорий и простимулирует переезд жителей в зону агломерации.

Возможно, что дальнейшие исследования вопросов формирования потенциальных городских агломераций в Пермском крае выявят перспективы образования иных агломераций.

Таким образом, в целях сбалансированного пространственного развития Пермского края необходимо создание как минимум трех агломераций, которые смогут стать перспективными центрами экономического роста Пермского края и сформируют импульс для дальнейшего социально-экономического развития региона.

3.3. Понятие экономики города в рамках концептуальных установок региональной экономики

Интерес к понятию экономики города и к формированию теоретической основы для ее изучения усиливается по мере роста количества и размеров городов, усиления их значимости в социально-экономическом развитии стран, с одной стороны, и нарастания типично городских проблем — с другой.

Экономика города как наука уже достаточно прочно отвоевала себе место в системе таких наук, как региональная экономика, экономическая география, экономическая теория, градостроительство, урбанистика, которые зачастую имеют общее терминологическое поле, единую методологическую и теоретическую основу.

Исследователи, обосновывая необходимость существования экономики города как отдельного научного направления, выделяют ряд моментов. Во-первых, это фактический, физический рост количества объектов исследований, связанный со стремительными темпами урбанизации, когда в мире большинство населения проживает в городах, и эта доля постоянно растет. Во-вторых, сложность, специфичность и многоплановость объекта исследования. Это связано с ростом размеров городов, усложнением городских проблем, небывалым разнообразием типов городов. Города — это драйверы, локомотивы мировой и национальной экономики, именно здесь зарождаются новые виды деятельности и инновации. В России в настоящий момент насчитывается 1 117 городов, и в них проживает 102,5 млн чел., что составляет 70 % всего населения страны¹

¹ *Российский статистический ежегодник, 2021: стат. сб. / Росстат. — М., 2021. — С. 100.*

(численность городского населения насчитывает в целом 109 млн чел. — это включает население, проживающее в городах и поселках городского типа, и уровень урбанизации по этому показателю будет составлять 74 %). Значимость и роль городов в социально-экономическом развитии постоянно растет.

Понятие «экономика города» является сложным и многоаспектным по форме и содержанию, и важнейшим этапом осмысления данного понятия является определение места в системе родственных, смежных наук.

Рассмотрим понятие «экономика города» в рамках парадигмальных установок региональной экономики, в контексте «твердого ядра» данной науки, поскольку всеми исследователями признается тесная связь между этими научными направлениями. Так, Е. Г. Анимица определяет экономику города следующим образом: «Экономика города нами трактуется как направление в системе региональной экономики, исследующее совокупность экономических отношений, складывающихся в процессах производства, распределения, обмена и потребления материальных, культурных и духовных благ между расположенными в пространстве города предприятиями, организациями, учреждениями всех форм собственности, а также домашними хозяйствами, с целью создания благоприятных условий для повышения качества жизни населения»¹. Он подчеркивает, что «...муниципальная экономика пока находится на периферии „твердого ядра“ региональной экономики как науки, причем в ближайшей его зоне, а не на глухих задворках»².

В основе базовых концепций и теорий региональной экономики лежат теории размещения производства, теории развития и саморазвития территориальных систем, концепция территориальности и пространственной организации, выявление как закономерных тенденций, правил, так и особенных, уникальных объектов. В первую очередь в ядро региональной экономики входят методы и инструменты пространственных экономических исследований.

По мнению Е. Г. Анимицы и Я. П. Силина: «Эволюция парадигмы региональной экономики должна основываться на становлении „твердого ядра“ ее предметного поля, включающего, во-первых, теоретико-методологические закономерности, принципы и вопросы размещения общественного производства; во-вторых, теории и концепции, входящие в состав парадигмы развития регионов; в-третьих, теории и концепции регионального управления, которые в совокупности создают адекватную картину предмета региональной экономики»³. Это высказывание применимо и к формированию парадигмы экономики города.

Город, являясь неотъемлемой частью региона, также может быть объектом региональных исследований, в процессе которых поднимаются проблемы

¹ Анимица Е. Г. Научные представления об экономике города как направлении региональной экономики // Развитие городов в условиях глобализации: сб. науч. тр. в честь юбилея засл. деятеля науки РФ, д-ра геогр. наук, проф. Е. Г. Анимицы. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2012. — С. 6.

² Анимица Е. Г., Силин Я. П. Контуры формирования парадигмальных оснований в муниципальной экономике // Journal of new economy. — 2021. — Т. 22, № 1. — С. 19.

³ Анимица Е. Г. Эволюция парадигмы региональной экономики // Journal of new economy. — 2020. — Т. 21, № 1. — С. 5.

территориального неравенства и концентрации. Не случайно во многих отечественных и зарубежных учебниках по региональной экономике одна или две главы могут быть посвящены пространственной организации городов и системы расселения в целом, различным территориальным формам городов и агломераций (или иных видов городских структур), городским проблемам и городской политике. Это отчасти связано со следованием логике территориальной иерархии, когда выделяют территориальные уровни: мировая экономика — национальная экономика — региональная экономика — муниципальная экономика / экономика города — локальная экономика. В монографии «Город, район, страна и мир» А. И. Трейвиш рассматривает роль городов в пространстве России, дает оценку их состоянию, анализирует факторы и причины депрессивных и успешных городов¹.

Многие ученые исследуют «промежуточные» уровни — межстрановой, межрегиональный, межмуниципальный или агломерационный.

Ф. Бродель писал: «Мир-экономика всегда располагал городским полюсом, городом, пребывавшим в центре сосредоточения неперемных элементов, обеспечивающих его деловую активность: информации, товаров, капиталов, кредита, людей, векселей, торговой корреспонденции — они притекали сюда и вновь отправлялись отсюда в путь»².

Определяя место и роль городов различного типа в региональной и национальной экономике, можно более глубоко понять тенденции развития данной социально-экономической системы, идентифицировать стадии процесса урбанизации, выявить центробежные или центростремительные тенденции, увидеть городскую иерархию³.

Существенные характеристики, отличия и особенности понятия можно выявить, отталкиваясь от противоположного, сопоставляя городскую и сельскую экономики. Это позволяет провести определенные границы между экономикой города и региона. Город, с одной стороны, является противоположностью сельскому образу жизни, видам деятельности, основным характеристикам деятельности. Как совершенно справедливо отмечал Л. А. Велихов: «промышленность и торговля сопутствуют городу, но далеко не исчерпывают его содержания»⁴. Город становится местом формирования и развития уникальных, «городских» видов экономической деятельности. Именно в городах наблюдается диверсификация структуры экономики, усложнение форм и спо-

¹ Трейвиш А. И. Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. — М.: Новый хронограф, 2009. — 372 с.

² Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.: пер. с фр. — 2-е изд. — М.: Весь мир, 2007. — Т. 3: Время мира. — С. 10.

³ Зубаревич Н. В. Города как центры роста российской экономики // Управленческое консультирование. — 2006. — № 2 (22). — С. 113–118; Зубаревич Н. В. Неравенство социально-экономического развития регионов и городов России 2000-х годов: рост или снижение? // Ответственные науки и современность. — 2013. — № 6. — С. 15–26.

⁴ Велихов Л. А. Основы городского хозяйства. Общее учение о городе, его управлении, финансах и методах хозяйства. — М.-Л.: Гос. изд-во, 1928. — С. 153.

собов ее организации. В. А. Велихов считал интенсивное разделение труда одним из основных признаков города¹.

С другой стороны, мы постоянно видим процессы взаимовлияния и взаимопроникновения городского и сельского. Значительные миграции сельского населения в город служат источником рабочей силы и экономического роста, но одновременно могут размывать сложившуюся городскую культуру. Ученые не раз отмечали, что только по доле городского населения невозможно судить о реальном уровне урбанизации, необходимо принимать во внимание и структуру экономической деятельности, параметры качества жизни, уровень благоустройства населенных пунктов и др. Качественные исследования городского образа жизни, изучение пространственного поведения горожан могут дать более полный взгляд на факторы развития экономики города².

Экономика города имеет тесные связи с градостроением, урбанистикой и экономической географией — науками, которые достаточно тесно интегрированы в предметное поле региональной экономики. В учебном пособии «Градостроение» (авторы Е. Г. Анимица, Н. Ю. Власова), выдержавшем четыре издания и получившем престижную премию Н. Н. Баранского, рассматриваются следующие аспекты городского развития: функции города, экономико-функциональные типологии городов, развитие агломераций, проблемы моногородов, формирование и особенности реализации городской политики и городского планирования и ряд других, присущих также экономике города³.

В книге А. М. Лола «Основы градостроения и теории города» целый раздел посвящен путям формирования городской экономики и предпринимательства. Причем городскую экономику автор понимает как подотрасль городского хозяйства (включая в него городские финансы и бюджет)⁴.

Экономика города, выявляя факторы и тенденции функционирования и развития локальных рынков жилья, труда, земли и т. п., использует теоретическую основу экономической теории и пространственных исследований и, так же как и региональная экономика, основывается на методологическом аппарате современной макроэкономики и использует при обработке эмпирических данных методы пространственной эконометрики⁵. В одном из классических зарубежных учебников по экономике города рассматриваются рыночные силы в развитии городов, проблемы формирования земельной ренты и модели землепользования, теоретические конструкторы, объясняющие ряд город-

¹ Велихов Л. А. Основы городского хозяйства. Общее учение о городе, его управлении, финансах и методах хозяйства. — М.-Л.: Гос. изд-во, 1928. — 468 с.

² Заборова Е. Н. Горожанин в городе. — Екатеринбург: УрГЭУ, 1996. — 142 с.

³ Анимица Е. Г., Власова Н. Ю. Градостроение. — 4-е изд. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2010. — 433 с.

⁴ Лола А. М. Основы градостроения и теории города (в российской интерпретации). — М.: КомКнига, 2005. — С. 177–185.

⁵ Анимица Е. Г. Основные представления об экономике города как самостоятельном научном направлении // Известия Уральского государственного экономического университета. — 1999. — № 1. — С. 27.

ских проблем, а также направления федеральной и местной городской политики именно с точки зрения теорий и моделей макроэкономики¹.

Важнейшим аспектом является формирование собственной научной платформы исследования, выстраивание и обоснование научной парадигмы экономики города. Экономика города, так же как и региональная экономика, изучается как система. Понимание экономики города как системы позволяет, с одной стороны, увидеть ее целостность, а с другой — вычленив отдельные компоненты, элементы структуры, изучить их и выявить связи с другими подсистемами.

Как уже отмечалось, пространственная парадигма является основополагающей в региональной экономике. Н. М. Сурнина обосновывает применение к исследованию города как социально-экономического пространства ряда научных макроподходов (социологический, глобалистический, геосистемный, георбанистический, цивилизационный, циклический, геополитический, когнитивный, геокультурный, геоинформационный, геоэкономический, геоэкологический)².

Е. Б. Дворядкина, описывая междисциплинарный подход к исследованию процессов городского развития, выделяет следующие составляющие: цивилизационную, эволюционную и региональную³, и выявляет возможности цивилизационного и эволюционного подходов в исследовании городов⁴.

Экономика города, продолжая традиции региональной экономики, тесно связана с социоэкономикой, с проблемами социального развития и вопросами качества жизни населения⁵. Данные аспекты исследования экономики города становятся все более важными, поскольку социоэкономика вовлекает в орбиту исследования морально-этические принципы, социальные обязательства, эмоции, нравственные ценности, культурные и моральные нормы и т. п. Изучение экономики городов на принципах социоэкономики обуславливает использование иных методов исследования, включая качественные, социологические методы; смещение приоритетов на такие индикаторы развития, как качество жизни, уровень дохода населения, экологические параметры.

Сопоставляя понятие экономики города с родственными понятиями, можно выявить как сходные, так и отличные черты. Наиболее близким по смыслу понятием является «муниципальная экономика». «Муниципальная экономика — это система экономических отношений, возникающих в пределах муниципального образования между домохозяйствами, субъектами хозяйство-

¹ O'Sullivan A. Urban Economics. — Boston: Irwin/McGraw-Hill, 1993. — 738 p.

² Сурнина Н. М. Пространственная экономика: проблемы теории, методологии и практики / под науч. ред. Е. Г. Анимыцы. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2003. — С. 36.

³ Дворядкина Е. Б. Инерционность экономического развития городов традиционно-промышленного региона. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2005. — С. 7.

⁴ Дворядкина Е. Б. Эвристические возможности цивилизационного и эволюционного подходов в исследовании городов // Известия Уральского государственного экономического университета. — 2005. — № 11. — С. 85–90.

⁵ Анимыца Е. Г., Елохов А. М., Сухих В. А. Качество жизни населения крупного города: в 2 ч. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2000. — Ч. 1. — 406 с.; Ч. 2. — 260 с.

вания различных форм собственности и органами власти и управления, сформировавшихся в процессе производства, распределения, обмена и потребления материальных, культурных и духовных благ в целях повышения уровня и улучшения качества жизни населения местного сообщества»¹.

Ряд авторов под муниципальной экономикой крупного города понимает совокупность экономических отношений, «формирующихся в процессе деятельности всех предприятий, учреждений и организаций ... расположенных на территории города и связанных социальной и производственной инфраструктурой, экономическими, финансовыми и иными связями в единую систему»².

Е. Г. Анимица и Я. П. Силин, формулируя парадигмальные основания муниципальной экономики, обобщают существующие подходы к ее определению следующим образом: «Муниципальная экономика по своей структуре образует двуединое, дуальное целостное образование. С одной стороны, согласно закону № 131-ФЗ, ее характер и масштабы в значительной степени обусловлены объемом вопросов местного значения, непосредственно связанных с обеспечением жизнедеятельности муниципального образования. С другой стороны, функционирование и развитие муниципальной экономики все больше зависит от местной политики развития предпринимательства, привлечения инноваций, инвестиций, рабочей силы, роста местной экономической базы, реализации финансовых интересов»³.

Зачастую экономику сравнивают с хозяйством (городским или местным), но понятие «экономика» по своему смыслу, структуре, содержанию является более емким, многомерным и широким, нежели понятие «хозяйство»⁴.

Е. Н. Заборова определяет городскую экономику как систему взаимосвязанных элементов, в которую входят: экономические учреждения, вещи и предметы, экономические группы, экономическая деятельность, системы духовных ценностей и системы отношений; как социальный институт, «в рамках которого существуют собственные социальные институты — институт собственности, институт рынка труда и пр.»⁵.

Е. Г. Анимица под экономикой города понимает «совокупность экономических отношений между расположенными на территориях городского поселения предприятиями, организациями, учреждениями всех форм собственности, а также домашними хозяйствами; совокупность, складывающаяся в про-

¹ Анимица П. Е. Муниципальная экономика крупнейшего города: вопросы теории и методологии / под ред. Н. Ю. Власовой. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2005. — С. 29.

² Муниципальная экономика крупного города. Концепция, механизм управления и состояние в условиях проведения реформ в России. Екатеринбургский опыт 1992–1995 гг. / А. М. Чернецкий, А. В. Ишутин, Ю. С. Калугин и др. — Миасс: Геотур, 1996. — С. 10.

³ Анимица Е. Г., Силин Я. П. Контуры формирования парадигмальных оснований в муниципальной экономике // Journal of new economy. — 2021. — Т. 22, № 1. — С. 15.

⁴ Анимица Е. Г. Муниципальное хозяйство и муниципальная экономика: сущностно-содержательные характеристики // Пространственная организация общества: сб. науч. тр. / под общ. ред. А. И. Татаркина. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2007. — С. 15–36.

⁵ Заборова Е. Н. Город на грани веков. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2007. — С. 167.

цессе производства, распределения, обмена и потребления материальных, культурных и духовных благ»¹.

Использование исторического и циклического подходов является неотъемлемой общей концептуальной установкой региональной экономики и экономики города, когда исследование базируется на изучении длительных периодов времени с выделением этапов, стадий, особенностей каждого этапа, описании пути развития, элементов его инерционности.

В диссертационной работе Е. Б. Дворядкиной анализ бюджета Екатеринбурга проводился начиная с истоков формирования финансово-бюджетной системы города, более чем за 250 лет, и позволил выявить существенные черты и особенности формирования городского бюджета в различные исторические периоды². Эта традиция была продолжена и в дальнейших исследованиях³.

«Исследователи процессов исторической эволюции городских поселений выделяют волны, циклы, фазы (стадии, этапы) изменений, которые формируются в результате взаимодействия внешней среды („Вызов“) и базисных процессов жизнедеятельности города („Ответ“), связанных между собой контурами положительной и отрицательной обратной связи»⁴.

Понимание особенностей развития экономики города в различные исторические периоды, определение стадий, особенностей эволюции капиталистического, советского и постсоветского города, выявление существенных характеристик дает возможность более глубоко осознать процессы и тенденции развития города в целом и его экономики на разных эволюционных этапах.

Постсоветский город, стремительно трансформируясь, однако отличается от типового капиталистического города, поскольку несет черты социалистического города, иногда уже фрагментарно, остаточно, но достаточно прочно утвердившиеся в пространстве и в экономической и социальной структурах.

В советском городе системообразующим фактором служила промышленность. Именно она в первую очередь определяла размер города, структуру экономики, занятость, формировала пространственную структуру и систему расселения (в том числе так называемый соцгород). В постсоветский период доля промышленного производства во многих городах, особенно в крупных и крупнейших, имеющих потенциал диверсификации, начала стремительно снижаться, замещаясь финансовыми, торговыми, управленческими, сервисными функциями⁵.

¹ Анимца Е. Г. Основные представления об экономике города как самостоятельном научном направлении // Известия Уральского государственного экономического университета. — 1999. — № 1. — С. 27–28.

² Дворядкина Е. Б. Исследование особенностей формирования и развития структуры бюджета крупнейшего города: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.04, 08.00.10. — Екатеринбург, 1999. — 183 с.

³ Анимца Е. Г., Дворядкина Е. Б., Силин Я. П. Бюджет большого города. — М.: МШПИ, 2002. — 264 с.

⁴ Анимца Е. Г., Сбродова Н. В., Ивлева И. В. Исследование эволюции города: от зарождения, процветания к депрессии (на примере монопрофильного города) // Известия Уральского государственного экономического университета. — 2011. — № 2 (34). — С. 42.

⁵ *Urban Eurasia. Cities in Transformation.* — Berlin: DOM Publishers, 2017. — 287 p.

Города, прожив индустриальный цикл развития, вновь возвращаются к исторически традиционным городским функциям — культуре, искусству, торговле, только на новых технологических платформах. Ш. Зукин пишет о символической экономике городов, об экономике впечатлений, подчеркивая значимость культуры для развития городов¹. Р. Флорида, говоря о креативной экономике, делает вывод, что в период высокой мобильности качество городской среды играет все более важное значение². Учитывая тенденцию усиления специализации на городских функциях, выигрывают те города, которые в большей степени соответствуют потребностям населения.

Рассматривая город как место экономической деятельности, Е. Г. Трубина пишет о культурной экономике и креативном городе, о том, что «фирмы, производящие такие культурные продукты с повышенным содержанием символического компонента, сконденсированы в больших городах»³.

Важным является разграничение понятий «рост» и «развитие» и выявление сущностно-содержательных характеристик регионального и местного развития. Развитие приводит к трансформации и модернизации экономики города. «Трансформационный процесс в экономике города есть процесс последовательной смены ее состояний, т. е. всей совокупности значений, параметров, характеризующих экономические отношения в пространстве города»⁴.

Одно из направлений исследования экономики города — выявление особенностей экономики различных типов городов, включая крупнейшие города (города-миллионники)⁵, крупные и большие города⁶, малые и средние города⁷, поселки городского типа, а также многочисленных типов городов, выделяемых по функциональным признакам.

Важнейшие характеристики региональной экономики в значительной степени влияют и на основные параметры экономики города. Климат, экономика-

¹ Зукин Ш. Культуры городов. — М.: Новое литературное обозрение, 2015. — 424 с.

² Флорида Р. Кто твой город? Креативная экономика и выбор места жительства. — М.: Strelka Press, 2014. — 368 с.

³ Трубина Е. Г. Город в теории. Опыт осмысления пространства. — М.: Новое литературное обозрение, 2011. — С. 248.

⁴ Дворядкина Е. Б., Новикова Н. В., Вяткина О. В. Модернизация экономики города: вопросы теории и методологии. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2008. — С. 28.

⁵ Анимца Е. Г. Апикальная меристема городов-миллионников в экономическом ландшафте страны // Региональная экономика: вызовы, приоритеты, стратегические ориентиры / под ред. Я. П. Силина. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2017. — С. 66–77; Анимца Е. Г. Крупнейшие города России в контексте глобальных урбанизационных процессов // *Ars administrandi*. Искусство управления. — 2013. — № 1. — С. 82–96; Анимца Е. Г., Ивлева И. В. Структурная модернизация промышленности крупнейших городов Урала: новый виток в спирали развития // Региональная экономика: теория и практика. — 2013. — № 23. — С. 2–9; Власова Н. Ю. Структурная модернизация экономики крупнейших городов России. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2000. — 255 с.

⁶ Дворядкина Е. Б. Инерционность экономического развития городов традиционно-промышленного региона. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2005. — 204 с.; Анимца Е. Г., Дворядкина Е. Б., Силин Я. П. Бюджет большого города. — М.: МШПИ, 2002. — 264 с.

⁷ Анимца Е. Г., Медведева И. А., Сухих В. А. Малые и средние города региона: тенденции и стратегия социально-экономического развития. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2004. — 208 с.; Анимца Е. Г., Медведева И. А., Сухих В. А. Малые и средние города: научно-теоретические аспекты исследований. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2003. — 99 с.

географическое положение, наличие природных ресурсов, конфигурация транспортной сети, отношение к внешним границами, сложившиеся отрасли специализации и т. п. — все это формирует экономический профиль города. Города юга России, города севера, города Урала, дальневосточные города и т. д. обладают явно выраженной спецификой, определяемой не в последнюю очередь их региональной принадлежностью¹.

Особо хотелось бы выделить полевое исследование городов Среднего Урала — труд, который стал классическим примером изучения города². В данной монографии Е. Г. Анимица структурированно описал все важнейшие черты городов Среднего Урала, включая экономико-географическое положение, состояние экономики и социальной сферы, демографические характеристики. Эта традиция детального исследования городов продолжается, в том числе при работе над различными энциклопедиями и справочниками.

Территориальная принадлежность определяет специфику формирования и развития экономики разных типов городов — горнозаводские города³, города-заводы, старопромышленные города, или города старопромышленного региона⁴, монопрофильные города (или монофункциональные города)⁵, города индустриального типа⁶. Города-заводы или горнозаводские города — это особый тип поселений, передовых для своего времени, сложившийся на основе горно-металлургических заводов, характерный для ряда регионов России, но особенно для Урала.

Формирование новых черт и характеристик в экономике традиционных промышленных городов позволило исследователям определить сущность но-

¹ *Тургель И. Д., Зурабова И. З.* Городские поселения Российского Севера: становление, развитие, функции в системе расселения и экономике северных территорий. — Екатеринбург: УРАГС, 2004. — 114 с.; *Дружинин А. Г., Виденская Е. Г.* Детерминанты и особенности развития крупнейших городов как «полюсов роста» территориально-хозяйственной системы Юга России в контексте глобализации // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. — 2007. — № 3. — С. 40–57; *Колбина Е. О.* Города Дальнего Востока: социально-экономический потенциал и перспективы развития опорных центров расселения // Регионалистика. — 2014. — Т. 1, № 4. — С. 23–35.

² *Анимица Е. Г.* Города Среднего Урала. — 2-е изд. — Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1983. — 287 с.

³ *Анимица Е. Г., Дворякина Е. Б., Некрасов В. Г.* Горнозаводские города: научно-теоретические объекты исследования. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2004. — 136 с.

⁴ *Структурная трансформация экономики городов старопромышленного региона* / Е. Г. Анимица, Н. Ю. Власова, Е. Б. Дворякина, Н. М. Сурнина. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2001. — 140 с.

⁵ *Концептуальные подходы к разработке стратегии развития монопрофильного города* / Е. Г. Анимица, В. С. Бочко, Э. В. Пешина, П. Е. Анимица. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2010. — 81 с.; *Анимица Е. Г., Новикова Н. В.* Проблемы и перспективы развития моногородов России // Управленец. — 2009. — № 1–2. — С. 46–54; *Тургель И. Д.* Монофункциональные города России: от выживания к устойчивому развитию. — Екатеринбург: УРАГС, 2010. — 520 с.; *Любовный В. Я.* Многопрофильные города России: истоки, эволюция развития и регулирования. — М.: Экон-Информ, 2018. — 445 с.

⁶ *Дворякина Е. Б., Джалилов Э. В., Истомина Н. А.* Муниципальные образования индустриального типа в экономическом пространстве традиционно-промышленного региона: исследовательская программа // Journal of new economy. — 2022. — Т. 23, № 2. — С. 29–44.

вого индустриального города, под которым они понимают город с промышленной специализацией на особом этапе развития, когда под влиянием процессов новой индустриализации и развития нового индустриального общества формируются точки роста экономики страны и ее регионов и одновременно сочетаются характеристики индустриального и постиндустриального города¹.

Совершенно справедливо подчеркивается, что «характеристики, которыми наделяются промышленные города, имеют мало общего с городами промышленного типа, современными нам. Развитие техники, появление новых технологий (в том числе „интернета вещей“), возвращение к пониманию ключевой роли промышленности в процессах городского развития влекут за собой трансформацию промышленных городов в части их планировки, экономической основы, управления и пр. Это обуславливает отход от использования термина „промышленный город“ и введение в научный оборот категории „новый индустриальный город“, применимой для характеристики современных городов, активно участвующих в разворачивающихся процессах новой индустриализации»².

Исследование особенностей развития закрытых городов — ЗАТО — являлось пионерным для своего времени, поскольку приоткрыло перед широкой аудиторией до этого находящиеся в тени поселения. Авторы монографии «Закрытые атомные города России (особенности развития и управления)» трактуют понятие «закрытый город» как «специфическое социально-экономическое пространство. Населенный пункт с определенной специализацией экономики, с особым режимом хозяйствования и взаимодействия с окружающей средой, со своим стилем жизнедеятельности населения. Он формируется под воздействием четырех основных компонентов — геополитических, экономических, социальных и экологических»³.

Региональная экономика и экономика города, как уже отмечалось, могут иметь общие объекты исследования, включая различные формы организации городских систем, агломераций, общие методологические подходы к понятию агломерации, факторы и условия их развития, проблемы регулирования и управления. Отдельный блок исследований имеет давние традиции и посвящен формированию и развитию определенных агломераций — Московской⁴, Самарско-Тольяттинской⁵, Челябинской⁶, Свердловской (Екатеринбургской)

¹ Дворядкина Е. Б., Кайбичева Е. И. Новый индустриальный город как категория региональной науки и градостроения: теоретическое обоснование // Вестник НГИЭИ. — 2018. — № 5 (84). — С. 92.

² Там же. — С. 93.

³ *Закрытые атомные города России (особенности развития и управления)* / Е. Г. Анимидца, Н. Ю. Власова, Е. Б. Дворядкина и др. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2002. — С. 17.

⁴ Любовный В. Я., Сдобнов Ю. А. Москва и столичный регион: проблемы регулирования социально-экономического и пространственного развития. — М.: Экон-Информ, 2011. — 401 с.; Махрова А., Нефедова Т., Трейвиш А. Московская агломерация и «Новая Москва» // Pro et Contra. — 2012. — Т. 16, № 6. — С. 19–32.

⁵ Любовный В. Я. Самарско-Тольяттинская агломерация: история формирования и перспективы развития. — М.: Экон-Информ, 2011. — 169 с.

⁶ *Челябинская агломерация: потенциал развития* / В. Л. Глазычев, И. В. Стародубровская, М. Ю. Славгородская и др. — Челябинск: Еманжелинская городская типография, 2008. — 278 с.

городской агломерации¹ и др. В. А. Скутин обосновал методику делимитации границ Свердловской городской агломерации, изучал экономико-географические проблемы расселения в рамках агломерации². Еще в советский период в составе Свердловской городской агломерации выделялись три зоны, различающиеся по уровню экономического развития и интенсивности связей: центр агломерации — собственно Свердловск в пределах городской черты; ближняя, внутренняя, зона агломерации с интенсивными производственными и межселенными связями (в пределах часовой транспортной доступности); периферийная зона, выделенная изохроной 2 ч³. Н. Р. Ижгузина делала акцент на экономических процессах, на формировании и развитии Екатеринбургской городской агломерации в экономическом пространстве региона, в том числе рассчитывая валовый агломерационный продукт⁴.

Данное направление исследований имеет огромные перспективы и не теряет свою актуальность. Во-первых, ведутся активные поиски механизмов регулирования и развития уже сформировавшихся агломераций. В частности, необходимо отметить шаги по развитию межмуниципального сотрудничества в рамках Екатеринбургской городской агломерации⁵.

Во-вторых, во многих регионах РФ, в Уральском федеральном округе в том числе, в стратегиях социально-экономического развития предусмотрено формирование новых или ускоренное развитие существующих городских агломераций.

Еще одно общее концептуальное поле для региональной экономики и экономики города формируется в сфере изучения процессов и механизмов управления и планирования. С одной стороны, теоретический фундамент для формирования системы управления и планирования, многие механизмы и методы являются универсальными для разных территориальных уровней. Это, например, формирование государственно-частного или муниципально-частного партнерства, стратегическое планирование, технологии привлечения инвестиций на территорию, инструменты вовлечения граждан в процессы управления (патисипаторные инструменты) и т. п. С другой стороны, специфика объекта управления, несомненно, должна учитываться. Именно поэтому целый пласт

¹ *Анимца Е. Г., Скутин В. А.* О территориальной структуре и границах Свердловской городской агломерации // Труды кафедры экономической географии. Вып. 2. — Свердловск: СИНХ, 1970. — С. 60–66; *Ижгузина Н. Р.* Формирование и развитие крупнейшей городской агломерации в экономическом пространстве региона: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. Екатеринбург, 2018. — 263 с.; *Скутин В. А.* Экономико-географические проблемы расселения в Свердловской городской агломерации: дис. ... канд. геогр. наук: 11.00.02. — Свердловск, 1978. — 278 с.

² *Скутин В. А.* Экономико-географические проблемы расселения в Свердловской городской агломерации: дис. ... канд. геогр. наук: 11.00.02. — Свердловск, 1978. — 278 с.

³ *Анимца Е. Г., Скутин В. А.* О территориальной структуре и границах Свердловской городской агломерации // Труды кафедры экономической географии. Вып. 2. — Свердловск: СИНХ, 1970. — С. 62.

⁴ *Ижгузина Н. Р.* Формирование и развитие крупнейшей городской агломерации в экономическом пространстве региона: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. Екатеринбург, 2018. — 263 с.

⁵ *Антипин И. А., Казакова Н. В.* Механизмы совершенствования агломерационных процессов в субъекте Российской Федерации // Вестник экономики, права и социологии. — 2021. — № 4. — С. 7–12.

работ посвящен вопросам формирования, реализации и оценки городской политики¹, городского управления или городского менеджмента².

Некоторые исследователи подвергают сомнению возможность применения термина «политика» к городскому уровню, однако в работе Я. П. Силина «Город и политика: проблемы формирования и развития» правомерность такого сочетания доказана и обоснована. Под городской политикой понимается «декларируемая, целенаправленная, институционально и законодательно оформленная система деятельности властей всех уровней (международного, национального, регионального и местного), а также иных акторов (разнообразных общественных организаций, партий, союзов, корпораций, а также граждан), оказывающая регулирующее воздействие на развитие городов в рамках определенной концепции в интересах достижения поставленных целей»³.

Необходимо отметить блок методологических и методических работ по стратегическому планированию, который был инициирован практической потребностью в формировании научно обоснованных подходов к разработке и реализации стратегий муниципальных образований в новых экономических и политических условиях⁴. Обзор российской практики разработки городских стратегий дают Б. С. Жихаревич и Т. К. Прибышин⁵. И. А. Антипин разработал авторскую методологию муниципального стратегирования, базирующуюся на инкрементальном подходе и единых принципах стратегирования и включающую этапы разработки, реализации и оценки, апробировав ее на примере стратегий социально-экономического развития крупнейших городов Урала⁶. Анализируются и выявляются особенности стратегического планирования для разных типов городов, включая новый индустриальный город⁷.

Формирование методологии исследования, по нашему мнению, является признаком сложившегося, зрелого научного направления, которое от фрагментарных исследований переходит к обобщению и систематизации знаний и формированию собственной парадигмы, новых подходов, методов к изучению того или иного явления.

¹ Анимица Е. Г., Власова Н. Ю., Силин Я. П. Городская политика: теория, методология и практика / под науч. ред. А. И. Татаркина. — Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2004. — 306 с.; Прядеин А. А. Городская муниципальная экономическая политика (теоретико-методологические и методические аспекты развития): дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. — Екатеринбург, 2005. — 202 с.

² Рой О. М. Управление городом: основы муниципального менеджмента. — Омск: ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, 2000. — 168 с.

³ Силин Я. П. Город и политика: проблемы формирования и развития. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2005. — 199 с.

⁴ Концептуальные подходы к разработке стратегии развития монопрофильного города / Е. Г. Анимица, В. С. Бочко, Э. В. Пешина, П. Е. Анимица. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2010. — 81 с.; Антипин И. А. Об оценке стратегий социально-экономического развития крупнейших городов Урала // Вестник экономики, права и социологии. — 2019. — № 3. — С. 13–17.

⁵ Жихаревич Б. С., Прибышин Т. К. Стратегии развития городов: российская практика 2014–2019 гг. // Пространственная экономика. — 2019. — Т. 15, № 4. — С. 184–204.

⁶ Антипин И. А., Власова Н. Ю., Иванова О. Ю. Методология муниципального стратегирования: сравнительный анализ и унификация // Управленец. — 2021. — Т. 12, № 6. — С. 33–48.

⁷ Силин Я. П., Дворядкина Е. Б., Антипин И. А. Исследование приоритетов стратегического развития нового индустриального города // Управленец. — 2018. — Т. 9, № 6. — С. 2–16.

Таким образом, можно сделать ряд выводов.

1. Понятие «экономика города» является междисциплинарным и комплексным, что обусловлено сложностью составляющих его понятий — экономика и город. Понятие экономики города развивается и эволюционирует по мере трансформации объекта исследования. В поле внимания попадают новые тенденции и факторы развития.

2. Экономика города может изучаться с точки зрения различных наук, которые, используя присущие каждой науке методологию и теории, выявляют специфические свойства, тенденции, закономерности, факторы развития, характерные для этой сложной системы. Однако региональная экономика в значительной степени формирует парадигмальную основу, «твердое ядро» научных исследований для экономики города.

3. В качестве современных тенденций и как перспективу для будущих исследований можно выделить, во-первых, усиление внимания к анализу социальных, непроизводственных функций городов; во-вторых, изучение влияния мегатенденций на развитие экономики города, включая цифровизацию и развитие шеринговой экономики; и наконец, в-третьих, активное включение в орбиту исследований влияния различных рисков и угроз для функционирования и развития экономики города и города как системы в целом.

3.4. Некоторые итоги трансформации жилищного хозяйства города Екатеринбурга за период российских реформ на рубеже XX и XXI веков

Потребность человека в жилище является его базовой повседневной жизненной потребностью. Иные естественные потребности человека, связанные с его повседневной жизнедеятельностью, в современном мире в значительной мере удовлетворяются в неразрывном комплексе с основной потребностью в жилье. Особенно эта закономерность проявляется в городской среде. О важной роли жилищного хозяйства в муниципальной экономике и его особом месте среди многих других жизнеобеспечивающих отраслей городского хозяйства всегда говорилось достаточно много¹.

¹ Прокофьева Е. Н. Проблемы функционирования сферы жилищно-коммунальных услуг промышленного региона, на примере Свердловской области // Вестник НГУЭУ. — 2019. — № 3. — С. 84–93; Пазиков Г. А. Проблемы в сфере жилищно-коммунального хозяйства // Скиф. Вопросы студенческой науки. — 2020. — № 2 (42). — С. 191–193; Сергачев А. А., Ряполов А. Н. Экономическая оценка текущего состояния и перспектив модернизации сферы ЖКХ // Агротехника и энергообеспечение. — 2020. — № 3 (28). — С. 45–52; Быстрова Ю. В. Роль сферы ЖКХ в региональной экономике на примере Орловской области // Современное общество и право. — 2019. — № 4 (41). — С. 39–44; Волошин А. И., Мабисала Ж. Модели экономики и управления жилищно-коммунальным хозяйством и их внедрение в региональных территориальных формированиях // Инновационное развитие экономики. — 2019. — № 2 (50). — С. 101–106; Сабельников Е. Г., Пьянов А. И. Совершенствование региональной системы управления жилищно-коммунальным хозяйством // НаукаПарк. — 2017. — № 9 (60). — С. 22–24; и др.

Рассматривая городское жилищное хозяйство как совокупность отношений по поддержанию необходимого уровня эксплуатационных качеств всех видов жилищного фонда, нельзя не признать его главенство в удовлетворении первоочередной потребности человека в жилище. Особенно принимая во внимание специфику удовлетворения этой потребности в современном городе, где основной единицей жилищного фонда является жилое помещение (квартира) в многоквартирном доме, в котором потребление практически всех видов жилищно-коммунальных услуг носит коллективный характер и зависит от централизованных источников ресурсов. Современный горожанин сегодня как никогда в истории человеческих цивилизаций несамостоятелен в обеспечении «крыши над своей головой».

Только незначительная часть населения городов имеет возможность вести загородный образ жизни, приобретая земельные участки под индивидуальное жилищное строительство и постепенно перемещаясь для постоянного проживания на неурбанизированные территории, часто находящиеся за границами муниципального образования, в котором это население продолжает вести свою основную экономическую деятельность.

Вместе с тем, нужно признать, что даже эта часть населения обеспечила весьма значительный рост количества объектов частного жилищного фонда в виде отдельных жилых домов, особенно заметный в последние 10 лет. Достаточно сказать, что площадь индивидуальных жилых домов, построенных в Свердловской области в 2021 г., превысила 1,3 млн м² и составила 46,7 % в общем объеме введенного в эксплуатацию жилья. Рост строительства индивидуального жилья по сравнению с предыдущим годом составил 30,6 %¹.

Согласно данным доклада главы Екатеринбурга о достигнутых значениях показателей для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов за 2020 г. в Екатеринбурге только в 2020 г. среди 1 223 возведенных жилых зданий было построено 83 многоквартирных, 8 малоэтажных и 1 132 индивидуальных жилых дома.

Для экономики Екатеринбурга рост индивидуального жилищного фонда означает расширение *индивидуального сектора в общегородском жилищном хозяйстве*. В рамках этой тенденции увеличивается количество горожан, способных к более или менее полному жилищно-коммунальному самообслуживанию по примеру традиционного сельского населения. Ослабевает зависимость их домохозяйств от функционирования отдельных объектов (или подразделений) городской жилищно-коммунальной инфраструктуры. Одновременно происходит некоторое перераспределение нагрузки между различными источниками коммунальных ресурсов, эволюционирует состав работ и услуг на рынках строительства и ремонта жилья, меняются потребности и критерии оценки благоустройства придомовых и других территорий.

¹ Основные итоги социально-экономического развития Свердловской области в январе — декабре 2021 г. / Министерство экономики и территориального развития Свердловской области. — URL: <http://economy.midural.ru/content/osnovnye-itogi-socialno-ekonomicheskogo-razvitiya-sverdlovskoy-oblasti-v-yanvare-dekambre-2> (дата обращения: 28.09.2022).

Безусловно, растущий индивидуальный жилфонд мегаполиса представляется самостоятельным, достаточно новым объектом как для научных исследований, так и для структуры управления жилищным хозяйством муниципального образования. Науке и практике региональной (и муниципальной) экономики этот сектор интересен с нескольких точек зрения, особенно с ракурса экономической безопасности, формирования экономической основы местного самоуправления, стратегического планирования развития территорий.

Однако достигнутые масштабы роста индивидуального сектора нужно признать лишь одним из итогов трансформации жилищного хозяйства Екатеринбурга. В ходе этой трансформации произошли и другие структурные сдвиги в городской экономике. Их формирование было обусловлено качественными изменениями всего российского рынка жилищно-коммунальных услуг (ЖКУ), накопленными за период экономических, правовых и политических реформ, происходящих в нашей стране на протяжении последнего десятилетия XX и первой четверти XXI века.

К базовым элементам этих реформ, создавшим конкретные условия для формирования современного рынка ЖКУ, следует отнести:

- а) введение частной собственности на землю;
- б) формирование муниципальной собственности, в том числе путем массовой передачи в местную казну государственного жилищного фонда от промышленных предприятий и других организаций;
- в) приватизацию государственного и муниципального жилищных фондов;
- г) переход к частным инвестициям как к основному способу обеспечения граждан жильем;
- д) внедрение способов управления многоквартирными домами, основанных на принципах коллективного самоуправления собственников помещений.

Если появление рынка частных земельных участков обусловило, прежде всего, развитие индивидуального жилищного сектора, то переход к отношениям частной собственности в массовом строительстве и эксплуатации многоквартирных домов спровоцировал целую цепь глубоких экономических и организационных преобразований всего городского жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ), особенно заметных в крупнейших городах, к которым относится Екатеринбург.

Пожалуй, главным экономическим итогом проводимых преобразований нужно признать переход от государственного субсидирования жилищного хозяйства к оплате полной стоимости ЖКУ собственниками и нанимателями жилых помещений.

Этот переход был самым трудным и рискованным процессом во всей реформе ЖКХ и был растянут на несколько лет. Бюджетное финансирование жилищных организаций в виде возмещения разницы между фактической стоимостью их услуг и размером платы, установленной в регионе для конечных потребителей, сокращалось поэтапно в течение 2000-х годов. Это позволило предотвратить катастрофические явления в жизнеобеспечении граждан, характерные

для шокового сценария ценовых реформ, реализованного в те же годы, например, в Казахстане.

«Плавный» и плановый характер реорганизации городского ЖКХ позволил администрации Екатеринбурга параллельно реформированию ценообразования провести радикальное реформирование отношений собственности в виде муниципализации и дальнейшей приватизации государственного жилфонда. Этому способствовало создание в каждом из семи районов города на базе государственных производственных жилищно-ремонтных трестов (ПЖРТ — главных хозяйствующих субъектов, обслуживавших жилищный фонд, закрепленный за местными советами народных депутатов) одного нового ремонтно-эксплуатационного муниципального предприятия (РЭМП или его аналог). Именно РЭМПы, финансируемые из бюджета Екатеринбурга, в 1990-х годах предотвратили гуманитарную катастрофу, которую мог вызвать залповый сброс в муниципальную собственность миллионов квадратных метров государственного жилья. Это жилье в принудительном порядке передавалось с балансов гигантских государственных промышленных предприятий города, большинство из которых подлежало акционированию, находясь при этом фактически в предбанкротном состоянии. Муниципальные предприятия приняли от них в эксплуатацию многоквартирные жилые дома и производственные фонды, предназначенные для обслуживания передаваемых домов. Это позволило сформировать и сохранить большой объем муниципальной недвижимости социального и производственного назначения.

Значительную роль сыграли муниципальные предприятия и в дальнейшей приватизации муниципализированного жилья.

Несомненно, к наиболее глобальным организационным, структурным изменениям городского жилищного хозяйства и ЖКХ в целом привел решающий этап реформы жилищного права, ознаменованный принятием в 2005 г. нового Жилищного кодекса РФ. Кодекс ввел правовой институт *управления многоквартирным домом* и определил организационно-правовые и экономические основы этой деятельности, что дало начало процессу формирования целого класса новых хозяйствующих субъектов. Процесс этот продолжается и в настоящее время. Остановимся на некоторых его особенностях.

Все управляющие многоквартирными домами Екатеринбурга организации (далее — УК), численность которых к началу 2022 г. превысила 1 000, исходя из особенностей объектов управления можно разделить на две основных группы:

1) организации, управляющие многоквартирными домами (далее также — МКД) бывшего государственного и муниципального жилищного фонда, построенными в основном в годы советской власти за счет государственных средств и в очень незначительной части за счет личных вкладов членов жилищных кооперативов. Эти МКД в абсолютном большинстве устарели морально и физически. Они до сих пор имеют значительную долю помещений муниципального жилищного фонда и населены потребителями с минимальным уровнем запросов и претензий к качеству жилищно-коммунальных услуг;

2) организации, управляющие МКД, построенными уже в XXI веке преимущественно за счет частных инвестиций и в свою очередь условно подразделяющимися на дома экономкласса с разной степенью благоустроенности, а также на дома бизнес-класса и так называемые элитные дома.

Такое распределение МКД различного типа между управляющими организациями сложилось исторически в результате реформирования всей системы управления городским жилищно-коммунальным хозяйством на территории Екатеринбурга, получившего статус городского округа. Это реформирование шло организовано по тщательно разработанному районированному плану. Первые частные управляющие организации Екатеринбурга создавались в границах административных районов города на базе жилищных и производственных фондов ранее упомянутых нами муниципальных эксплуатационных предприятий (РЭМПов) под жестким контролем городской и районных администраций. Их поначалу немногочисленный состав (13 организаций в середине 2000-х годов) до сих пор практически не изменился, несмотря на частичную смену владельцев долей в уставных капиталах. Практически не изменилась и структура распределения между ними объектов бывшего государственного и муниципального жилищных фондов. Лишь небольшая часть МКД сменила форму управления на ТСЖ или попала под управление другой УК.

Дома же новой застройки с середины 2000-х годов почти без исключений поступают в управление альтернативным (созданным без патронажа со стороны местной администрации) частным УК, чаще всего аффилированным с организациями-застройщиками, возводящими эти объекты.

Технические и социально-экономические характеристики управляемых МКД и, соответственно, принадлежность УК к одной из двух вышеназванных групп оказывают значительное влияние на формирование ситуационных моделей поведения управляющих организаций, что в конечном счете привело к появлению нескольких относительно устойчивых моделей управления МКД, обеспечивающих допустимый с точки зрения УК объем издержек в ее финансово-хозяйственной деятельности по оказанию жилищно-коммунальных услуг.

Подчеркнем, что под моделью управления МКД мы понимаем не правовую конструкцию, определенную ЖК РФ, а *особенности выстраивания реальных экономических и социальных отношений между УК, собственниками помещений в МКД и органами местного самоуправления города.*

Управляющие организации при этом независимо от типа управляемых объектов и выбранной модели управления могут существовать как в форме хозяйственных обществ или ИП, так и в форме специально предусмотренных жилищным законодательством некоммерческих организаций — товариществ собственников недвижимости или жилья (ТСН, ТСЖ) и жилищно-строительных кооперативов (ЖСК). Практика Екатеринбурга показала, что наиболее устойчивой и распространенной организационно-правовой формой существования УК оказались хозяйственные общества — коммерческие организации, специализирующиеся на оказании жилищно-коммунальных услуг. Некоммер-

ческие ТСЖ, ТСН и ЖСК управляют лишь 7 % от общего количества МКД города¹. И доля эта имеет тенденцию к сокращению.

Опыт длительного наблюдения за деятельностью управляющих организаций позволяет нам выделить три модели, соответствующие основным типам поведения УК, действующих в Екатеринбурге:

1) *консервативно-закрытая* (характеризующаяся традиционно неуважительным отношением к потребителям ЖКУ, нацеленностью на техническую работу с объектом эксплуатации без учета прав и интересов собственников недвижимости в объекте, отсутствием эффективных средств обмена информацией с клиентами и органами местного самоуправления города);

2) *маргинальная* или *переходная* (владельцы УК начинают ощущать риски отстать от современных приемов ведения коммерческой деятельности, но не имеют четкого понимания характера и направлений необходимых изменений, что порождает попытки выстроить «фальшпанели», срисованные с отработанных моделей клиентского сервиса в соседних сферах услуг или у продвинутых коллег. Попытки эти очень редко бывают результативными по причинам их внутреннего неприятия управленцами УК, страха последних перед всем новым, нежелания и отсутствия осознанных мотивов меняться, а главное, по причине отсутствия принятых стратегических и тактических планов и проектов);

3) *клиентоцентричная* (характеризующаяся применением современных HR- и IT-технологий в организации клиентского сервиса, изначально выдвигающая на первое место среди стратегических задач, обеспечивающих повышение конкурентоспособности и расширение бизнеса (увеличение продаж), ориентацию всей системы бизнес-процессов на получение положительной оценки от клиента по итогам любого его соприкосновения с любым представителем управляющей компании).

Первый тип преобладает в деятельности большинства крупнейших и старейших УК, управляющих МКД бывшего государственного жилищного фонда Екатеринбурга. Обусловлено это упоминавшейся выше тенденцией расслоения общей массы МКД, обособлением устаревающих, обладающих меньшей привлекательностью объектов управления и традиционной неприязнательностью проживающего в них стареющего населения.

Не случайно состав и площадь МКД, которыми управляют «УК Верх-Исетская», «УК Стандарт», «УК ЖКХ Октябрьского района» и другие представители консервативно-закрытой модели, за последние 15 лет практически не изменились, а в отдельных случаях даже уменьшились.

Тем не менее в совокупности управляемый данной группой УК жилищный фонд имеет площадь более 14 млн м², т. е. около 40 % от площади всех МКД города (около 38 млн м² к началу 2022 г.).

¹ *Реестры поставщиков информации / ГИС ЖКХ* — Государственная информационная система жилищно-коммунального хозяйства. — URL: <https://dom.gosuslugi.ru/#!/organizations?do-Search=false> (дата обращения: 28.09.2022); *Список управляющих компаний Екатеринбурга по площади жилых домов в кв. м в управлении / ДОМАЕКВ.RU* — Жилые дома Екатеринбурга. — URL: <https://domaekb.ru/uk/ploschad> (дата обращения: 28.09.2022).

Остальными МКД города управляют около десятка самостоятельных крупных и средних УК, полторы сотни мелких организаций и порядка 850 ТСЖ, ТСН и кооперативов¹. Среди них лишь несколько организаций — ровесниц реформы предпринимают заметные попытки перестроить свою деятельность в направлении большей открытости, взаимодействия с собственниками жилья, поиска инновационных технологий управления и эксплуатации МКД, ведущих к повышению производительности труда и общей эффективности производства. Крупнейшие из них — «Орджоникидзевская УЖК», «УК Фонд Радомир», «РЭМП УЖСК» и «УК Нижне-Исетская» — в совокупности обслуживают около 5 млн м² жилья.

Главная причина, сдерживающая развитие их клиентоориентированности, кроется в отсутствии качественного стратегического планирования деятельности и разработанных на его основе целевых программ и проектов. Этому способствует как недостаточная профессиональная квалификация руководящих и рядовых специалистов УК, их слабая мотивация к изменениям, так и заниженный уровень ожиданий и претензий к качеству услуг со стороны собственников жилья в старых домах.

В результате стремление к новому для этих организаций ограничивается незначительными изменениями устоявшихся технологических и поведенческих стереотипов, не оказывающими серьезного влияния на уровень конкурентоспособности УК и не способными остановить процесс постепенного снижения этого уровня.

Особое место в ряду маргинальных крупных УК (более 0,5 млн м² жилья в управлении) занимают организации, сформировавшие свои объекты управления под патронажем крупнейших региональных и межрегиональных застройщиков. Для них характерно копирование отдельных элементов, присущих развитым бизнес-процессам современных сервисных организаций, подражание их колл-центрам, личным кабинетам на интернет-сайтах, мобильным приложениям и даже многофункциональным базам данных клиентов (CRM-системам). В качестве примера можно привести управляющие организации «Солнечный», «Форум-сервис», «Брусника».

Однако подобное поведение еще не обеспечивает этим УК возможность вырваться из маргинального (промежуточного) состояния, полностью поменять устаревшую оболочку жилищной «управляшки», сменить внутреннее содержание деятельности с «обслуживания объектов» на «обслуживание клиентов» и выйти на новый качественный уровень жилищных услуг, дающих новые конкурентные преимущества на рынке управления МКД.

Здесь часто сдерживающими факторами являются недоверие к специализированным исполнителям программного обеспечения, стремление эконо-

¹ *Реестры поставщиков информации / ГИС ЖКХ* — Государственная информационная система жилищно-коммунального хозяйства. — URL: <https://dom.gosuslugi.ru/#!/organizations?doSearch=false> (дата обращения: 28.09.2022); *Список управляющих компаний Екатеринбурга по площади жилых домов в кв. м в управлении / ДОМАЕКВ.RU* — Жилые дома Екатеринбурга. — URL: <https://domaekb.ru/uk/ploschad> (дата обращения: 28.09.2022).

мить, создавать инструменты стратегического планирования и клиентского сервиса в основном силами собственных специалистов. В этой ситуации особенно проявляется ограничительная роль социально низких ставок платы за ЖКУ, не позволяющих аккумулировать достаточные финансовые ресурсы для активного инновационного развития. Более того, даже имеющиеся скудные инвестиционные фонды иногда расходуются неэффективно и нерационально. Очевидно, и здесь сказывается отсутствие стратегического видения и потребности в стратегическом управлении и планировании.

В конечном счете усилия маргинальных УК могут приводить к структурным и функциональным изменениям, имитирующим клиентский сервис. Но эти изменения, за редкими исключениями, не основаны на глубоко проработанной и научно обоснованной стратегии, не являются элементами долгосрочных комплексных и целевых программ и проектов, а значит, пока не обеспечивают устойчивого долгосрочного повышения конкурентоспособности УК. К исключениям здесь можно отнести компании, тесно взаимодействующие с крупнейшими застройщиками Екатеринбурга, — УК «Академический» и УК «Территория».

И уже совсем небольшое количество УК может быть причислено к «клиентоцентричным» управляющим организациям, бизнес-процессы которых построены по принципам максимальной доступности, удобства и оперативности предоставления услуг, соответствующих самым высоким стандартам современного рынка этих видов услуг. Использование передовых цифровых и жилищно-коммунальных технологий в организации производства и клиентского сервиса, предъявление высочайших требований к служащим «клиентской зоны» позволяют этим организациям действительно приблизиться к образу компании, безусловно сориентированной на интересы потребителей ее услуг.

Речь идет исключительно о компаниях, управляющих уникальными, самыми технически оснащенными «элитными» объектами, изначально предполагающими технологический уровень клиентского сервиса, граничащий с высококлассным гостиничным обслуживанием («Огни Екатеринбурга», «Клевер» и пр.). В данном случае практически не существует никаких ограничений стоимости услуг и самой недвижимости, что создает наиболее благоприятные условия для приобретения самых современных и эффективных программных продуктов для клиентского сервиса, а также для подготовки персонала соответствующей квалификации.

Если в отношениях с потребителями ЖКУ управляющие организации города демонстрируют принципиальные отличия, то их отношения с органами местного самоуправления Екатеринбурга, напротив, не отличаются разнообразием.

Практика показывает, что сегодня взаимодействие управляющих организаций с городскими властями выглядит чрезвычайно усеченным в сравнении с периодом активных реформ 2000-х годов. Это взаимодействие со стороны компаний практически ограничивается нерегулярным и неполным предоставлением информации по запросам городской администрации о состоянии жилья и расчетов за жилищно-коммунальные услуги и ресурсы.

Администрация города, исполняя делегированные регионом полномочия, предоставляет потребителям установленные законом меры социальной поддержки при оплате ЖКУ, а также периодически обновляет ставки так называемого муниципального тарифа на содержание и ремонт общего имущества МКД, являющегося ориентиром для населения при решении вопросов установления цен на услуги УК. Городской бюджет выделяет также незначительный объем субсидий для финансирования целевых программ по ремонту и реконструкции аварийного лифтового оборудования и элементов благоустройства дворовых территорий.

Конкретные работы и услуги в сфере содержания и ремонта общего имущества МКД на протяжении последних 15 лет полностью выполняются частными подрядными организациями либо работниками самих управляющих компаний. Муниципальные организации в этом виде деятельности не участвуют.

Таким образом, по нашему мнению, наиболее значимыми структурными итогами трансформации жилищного хозяйства Екатеринбурга, помимо роста индивидуального сектора, являются:

- переход отрасли на полное самофинансирование;
- стабилизация довольно многочисленного состава частных управляющих МКД организаций и выделение в нем клиентоориентированного сектора;
- ликвидация муниципального сектора в жилищном хозяйстве города;
- резкое ослабление влияния органов местного самоуправления на эту важнейшую для жизнеобеспечения города отрасль.

Стратегический план Екатеринбурга в последней его редакции содержит специальную стратегическую программу «Совершенствование системы управления жилищным фондом», которая среди прочих задач городской стратегии выделяет «мониторинг состояния управления жилищным фондом на основе экономических, финансовых, технических и других показателей, используемых также для *анализа проблем, оценки деятельности и составления рейтинга организаций, управляющих жилищным фондом в городе*»¹.

Представляется, что жизнь демонстрирует постепенное превращение заявленных городом стратегических целей в декларативные заявления, не подкрепленные реальной деятельностью. Это вызывает оправданные опасения роста социальной напряженности в значительной части населения, проживающей в многоквартирных домах застройки советского периода, где стоимость жилищно-коммунальных услуг все меньше соответствует их качеству и состоянию жилфонда.

¹ *Стратегический план развития Екатеринбурга / Официальный портал Екатеринбург.рф.*
— URL: <https://екатеринбург.рф/официально/стратегия> (дата обращения 11.10.2022).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Абрамов В. И., Евдокимов Д. С.* Влияние цифровизации на развитие региональных социально-экономических систем в России и за рубежом // Проблемы теории и практики управления. — 2019. — № 11. — С. 6–21.
2. *Аванесова Г. А., Астафьева О. Н.* Социокультурное развитие российских регионов: механизмы самоорганизации и региональная политика. — М.: Изд-во РАГС, 2001. — 314 с.
3. *Автономов В. С.* Модель человека в экономической науке. — СПб.: Экономическая школа, 1998. — 230 с.
4. *Аганбегян А. Г.* Два главных вызова, стоящих перед Россией: по сокращению катастрофически высокой смертности при восстановлении сохранности народа и переходу к устойчивому социально-экономическому росту // Экономическое возрождение России. — 2022. — № 1 (71). — С. 14–30.
5. *Адеева И. С.* Применение комплексного подхода при обеспечении экономической безопасности образовательных учреждений высшего образования, проблемы и пути их решения // Аграрный вестник Нечерноземья. — 2021. — № 4 (4). — С. 53–58.
6. *Айвазян С. А.* Интегральные индикаторы качества жизни населения: их построение и использование в социально-экономическом управлении и межрегиональных сопоставлениях. — М.: ЦЭМИ РАН, 2000. — 117 с.
7. *Айвазян С. А., Афанасьев М. Ю., Кудров А. В.* Метод кластеризации регионов РФ с учетом отраслевой структуры ВРП // Прикладная эконометрика. — 2016. — № 1 (41). — С. 24–46.
8. *Айвазян С. А., Афанасьев М. Ю., Кудров А. В.* Модели производственного потенциала и оценки технологической эффективности регионов РФ с учетом структуры производства // Экономика и математические методы. — 2016. — Т. 52, № 1. — С. 28–44.
9. *Алаев Э. Б.* Социально-экономическая география: понятийно-терминологический словарь. — М.: Мысль, 1983. — 290 с.
10. *Амбарцумян С. Ю., Лочан С. А.* Организация и управление санаторно-курортным комплексом: инновационный аспект. — М.: Палеотип, 2003. — 136 с.
11. *Аметов Р. Ф.* Региональные особенности развития хозяйственного комплекса Крыма. — Донецк: ИЭПИ НАН Украины, 2001. — 282 с.

12. *Анализ тенденций социально-экономического развития Республики Крым / Ю. П. Майданевич, В. А. Василенко, С. Г. Черемисина и др.; под ред. Ю. П. Майданевич. — Симферополь: Полипринт, 2019. — 362 с.*

13. *Анимица Е. Г., Балина Т. А., Шарыгин М. Д. Эволюция факторов территориальной организации и трансформации региональной экономики в социэкономике // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. — 2017. — № 6. — С. 12–24.*

14. *Анимица Е. Г., Власова Н. Ю. Проблемы и перспективы развития городских агломераций // Регионалистика. — 2020. — № 3. — С. 59–65.*

15. *Анимица Е. Г., Новикова Н. В., Сухих В. А. Динамика, изменение пропорций и содержания структурных трансформаций в экономике Пермского края // Экономика региона. — 2008. — № 2 (14). — С. 99–115.*

16. *Анимица Е. Г. Апикальная меристема городов-миллионников в экономическом ландшафте страны // Региональная экономика: вызовы, приоритеты, стратегические ориентиры / под ред. Я. П. Силина. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2017. — С. 66–77.*

17. *Анимица Е. Г. Города Среднего Урала. — 2-е изд. — Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1983. — 287 с.*

18. *Анимица Е. Г. Крупнейшие города России в контексте глобальных урбанизационных процессов // Ars administrandi. Искусство управления. — 2013. — № 1. — С. 82–96.*

19. *Анимица Е. Г. Муниципальное хозяйство и муниципальная экономика: сущностно-содержательные характеристики // Пространственная организация общества: сб. науч. тр. / под общ. ред. А. И. Татаркина. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2007. — С. 15–36.*

20. *Анимица Е. Г. Научные представления об экономике города как направлении региональной экономики // Развитие городов в условиях глобализации: сб. науч. тр. в честь юбилея засл. деятеля науки РФ, д-ра геогр. наук, проф. Е. Г. Анимиды. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2012. — С. 3–10.*

21. *Анимица Е. Г. Основные представления об экономике города как самостоятельном научном направлении // Известия Уральского государственного экономического университета. — 1999. — № 1. — С. 18–28.*

22. *Анимица Е. Г. Пространственная организация общества: постановка проблемы и концептуальные установки // Известия Уральского государственного экономического университета. — 2007. — № 2 (19). — С. 82–85.*

23. *Анимица Е. Г. Региональное управление. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2010. — 340 с.*

24. *Анимица Е. Г. Стратегическое планирование развития территорий: сущность, основные принципы, проблемы // Известия Уральского государственного экономического университета. — 2005. — № 12. — С. 87–95.*

25. *Анимица Е. Г., Анимица П. Е., Глумов А. А. Импортозамещение в промышленном производстве региона: концептуально-теоретические и прикладные аспекты // Экономика региона. — 2015. — № 3 (43). — С. 160–172.*

26. *Анимица Е. Г., Анимица П. Е., Денисова О. Ю. Эволюция научных взглядов на теорию размещения производительных сил // Экономика региона. — 2014. — № 2. — С. 21–32.*

-
27. Анимица Е. Г., Балина Т. А., Шарыгин М. Д. Научные подходы к изучению региональной социэкономике // *Инновационное развитие экономики: тенденции и перспективы*. — 2016. — Т. 1. — С. 9–15.
28. Анимица Е. Г., Власова Н. Ю. Градоведение. — 3-е изд., испр. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2008. — 417 с.
29. Анимица Е. Г., Власова Н. Ю. Градоведение. — 4-е изд. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2010. — 433 с.
30. Анимица Е. Г., Власова Н. Ю., Силин Я. П. Городская политика: теория, методология и практика / под науч. ред. А. И. Татаркина. — Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2004. — 306 с.
31. Анимица Е. Г., Дворядкина Е. Б., Квон Г. М. Преобразующие инвестиции — мейнстрим развития региона // *Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права*. — 2020. — № 4 (83). — С. 83–95.
32. Анимица Е. Г., Дворядкина Е. Б., Некрасов В. Г. Горнозаводские города: научно-теоретические объекты исследования. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2004. — 136 с.
33. Анимица Е. Г., Дворядкина Е. Б., Санжанов О. И. Городская казна. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2001. — 215 с.
34. Анимица Е. Г., Дворядкина Е. Б., Силин Я. П. Бюджет большого города. — М.: МШПИ, 2002. — 264 с.
35. Анимица Е. Г., Денисова О. Ю. От размещения производительных сил к региональной экономике // *Arg administrandi*. Искусство управления. — 2015. — № 1. — С. 5–15.
36. Анимица Е. Г., Елохов А. М., Сухих В. А. Качество жизни населения крупного города: в 2 ч. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2000. — Ч. 1. — 406 с.; Ч. 2. — 260 с.
37. Анимица Е. Г., Ивлева И. В. Структурная модернизация промышленности крупнейших городов Урала: новый виток в спирали развития // *Региональная экономика: теория и практика*. — 2013. — № 23. — С. 2–9.
38. Анимица Е. Г., Медведева И. А., Сухих В. А. Малые и средние города региона: тенденции и стратегия социально-экономического развития. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2004. — 208 с.
39. Анимица Е. Г., Медведева И. А., Сухих В. А. Малые и средние города: научно-теоретические аспекты исследований. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2003. — 99 с.
40. Анимица Е. Г., Новикова Н. В. Проблемы и перспективы развития моногородов России // *Управленец*. — 2009. — № 1–2. — С. 46–54.
41. Анимица Е. Г., Новикова Н. В. Тенденции экономической динамики классического старопромышленного региона России: кейс Свердловской области // *Journal of new economy*. — 2022. — Т. 23, № 2. — С. 64–79.
42. Анимица Е. Г., Новикова Н. В., Сухих В. А. Программно-проектный подход — важнейший инструмент регулирования регионального развития // *Известия Уральского государственного экономического университета*. — 2008. — № 2 (21). — С. 50–57.
43. Анимица Е. Г., Рахмеева И. И. Третья институциональная революция и изменение структуры экономических отношений // *Научные труды Вольного экономического общества России*. — 2020. — Т. 222, № 2. — С. 206–218.

-
44. *Анимица Е. Г., Рахмеева И. И.* Эконометрический факторный анализ развития регионов Уральского макрорегиона в эпоху четвертой промышленной революции // Социум и власть. — 2020. — № 5 (85). — С. 51–64.
45. *Анимица Е. Г., Сбродова Н. В., Ивлева И. В.* Исследование эволюции города: от зарождения, процветания к депрессии (на примере монопрофильного города) // Известия Уральского государственного экономического университета. — 2011. — № 2 (34). — С. 41–46.
46. *Анимица Е. Г., Силин Я. П.* Контуры формирования парадигмальных оснований в муниципальной экономике // Journal of new economy. — 2021. — Т. 22, № 1. — С. 5–25.
47. *Анимица Е. Г., Силин Я. П., Сбродова Н. В.* Теории регионального и местного развития. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2015. — 151 с.
48. *Анимица Е. Г., Скутин В. А.* О территориальной структуре и границах Свердловской городской агломерации // Труды кафедры экономической географии. Вып. 2. — Свердловск: СИНХ, 1970. — С. 60–66.
49. *Анимица Е. Г., Сурнина Н. М.* Экономическое пространство России: проблемы и перспективы // Экономика региона. — 2006. — № 3. — С. 34–46.
50. *Анимица Е. Г., Сурнина Н. М., Лысенко А. Г.* Региональный имущественный комплекс: методология и практика. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2000. — 271 с.
51. *Анимица Е. Г., Сухих В. А.* Пространственно-временная парадигма в социоэкономике: региональный аспект. — Пермь: ПГНИУ, 2007. — 140 с.
52. *Анимица Е. Г., Шарыгин М. Д.* Социально-экономическая география и региональная экономика: проблемы взаимоотношений // Географический вестник. — 2013. — № 1 (24). — С. 4–12.
53. *Анимица Е. Г., Шарыгин М. Д., Балина Т. А.* Региональная и муниципальная социоэкономика. — Пермь: ПГНИУ, 2017. — 219 с.
54. *Анимица П. Е.* Муниципальная экономика крупнейшего города: вопросы теории и методологии / под ред. Н. Ю. Власовой. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2005. — 106 с.
55. *Анисимов А. П., Рыженков А. Я., Нарушкевич С. В.* Имущественный комплекс как объект гражданских прав: вопросы теории и практики // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2011. — № 5. — С. 75–83.
56. *Аношин М. В.* Соотношение понятий «предприятие» и «имущественный комплекс» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. — 2008. — № 3. — С. 39–42.
57. *Антипин И. А.* Об оценке стратегий социально-экономического развития крупнейших городов Урала // Вестник экономики, права и социологии. — 2019. — № 3. — С. 13–17.
58. *Антипин И. А.* Стратегические приоритеты инновационного развития регионов Российской Федерации // Модернизационно-инновационные процессы в социально-экономическом развитии регионов и городов. Книга 1 / под науч. ред. Е. Г. Анимицы. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2013. — С. 115–129.
59. *Антипин И. А.* Цифровизация как инструмент трансформации стратегического развития территории // Теория и практика общественного развития. — 2018. — № 12. — С. 90–94.

-
60. *Антипин И. А., Власова Н. Ю., Иванова О. Ю.* Методология муниципального стратегирования: сравнительный анализ и унификация // *Управленец*. — 2021. — Т. 12, № 6. — С. 33–48.
61. *Антипин И. А., Власова Н. Ю., Иванова О. Ю.* Стратегические приоритеты управления пространственными диспропорциями социально-экономического развития регионов России // *Управленец*. — 2020. — Т. 11, № 6. — С. 28–43.
62. *Антипин И. А., Казакова Н. В.* Механизмы совершенствования агломерационных процессов в субъекте Российской Федерации // *Вестник экономики, права и социологии*. — 2021. — № 4. — С. 7–12.
63. *Антонов Е. В.* Городские агломерации: подходы к выделению и делимитации // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. — 2020. — № 13 (1). — С. 180–202.
64. *Антонюк В. С.* Устойчивое развитие городской экономики (аспекты стратегии) // *Вестник Финансовой академии*. — 2003. — № 3 (27). — С. 79–88.
65. *Антонюк В. С., Воложанин В. В.* Промышленная политика Администрации г. Челябинск // *Технологии, оборудование, материалы*. Приложение к журналу «*Экономика и производство*». — 2003. — № 1. — С. 8–12.
66. *Антонюк В. С., Данилова И. В., Мительман С. А., Буликеева А. Ж.* Управление социальной инфраструктурой регионов в системе инструментов повышения качества жизни населения регионов // *Экономика региона*. — 2015. — № 3 (43). — С. 53–66.
67. *Антонюк В. С., Козина М. В., Вансович Э. Р., Сигатова Н. А.* Формирование и развитие городских агломераций: теоретико-методологические аспекты исследований // *Вестник Южно-Уральского государственного университета*. Серия: Экономика и менеджмент. — 2021. — Т. 15, № 2. — С. 7–19.
68. *Антонюк В. С., Эрлих Г. В., Мурзина Е. В.* Комплексное инвестиционное планирование монофункциональных городов. — Челябинск: ЮУрГУ, 2015. — 134 с.
69. *Апатова Н. В., Авдеева К. В.* Регион как объект управления и анализа // *Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета*. — 2017. — № 1. — С. 106–120.
70. *Артеменко Е. А.* «Регуляторная гильотина»: анализ проектов новых структур нормативного регулирования // *Вопросы государственного и муниципального управления*. — 2021. — № 1. — С. 30–55.
71. *Артоболевский С. С., Вардомский Л. Б.* Приграничные ареалы и региональная политика в Российской Федерации // *Проблемы общественной географии*. — Киев: Ин-т географии НАН Украины, 2010. — С. 14–26.
72. *Асаул А. Н., Балакина Г. Ф., Соян М. К.* Современные парадигмы региональной экономики // *Проблемы современной экономики*. — 2013. — № 4 (48). — С. 257–260.
73. *Асланов Д. И.* Трансформация санаторно-курортного комплекса региона: теория, методология, практика. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2012. — 183 с.
74. *Аузан А. А.* Культурные коды экономики. Как ценности влияют на конкуренцию, демократию и благосостояние народа. — М.: АСТ, 2022. — 160 с.

75. *Афанасенко И. Д.* Русская цивилизация и XXI век // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. — 1999. — № 2 (18). — С. 5–24.

76. *Бабун Р. В.* Предмет и функции муниципальной экономики // Вестник Челябинского государственного университета. — 2003. — Т. 7, № 1. — С. 50–57.

77. *Багг-Левин Э., Эмерсон Дж.* Социально-преобразующие инвестиции. Как мы меняем мир и зарабатываем деньги. — М.: Полит. энцикл., 2017. — 271 с.

78. *Баженова Е. Ю.* Бренд территории: содержание, модели формирования, практика конструирования в российских регионах // Terra economicus. — 2013. — Т. 11, № 3-2. — С. 120–125.

79. *Балацкий Е. В., Екимова Н. А.* Рынок российских экономических журналов в условиях международной изоляции // Управленец. — 2022. — Т. 13, № 4. — С. 15–25.

80. *Балина Т. А., Коньшев Е. В., Пономарева З. В., Рязанцев А. С., Столбов В. А.* Территория и пространство: трансформация категорий на современном этапе развития географической науки // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: География. Геоэкология. — 2022. — № 2. — С. 25–33.

81. *Балина Т. А., Коньшев Е. В., Поспищенко М. А.* Легкая промышленность Пермского края и Кировской области: особенности развития // Тенденции пространственного развития современной России и приоритеты его регулирования = Trends in the Spatial Development of Modern Russia and Priorities of its Regulation: материалы Междунар. науч. конф. (XIII Ежегодная научная Ассамблея АРГО) (Тюмень, 12–17 сентября 2022 г.). — Тюмень: ТюмГУ-Press, 2022. — С. 358–362.

82. *Бандман М. К.* Территориально-производственные комплексы: теория и практика предплановых исследований. — Новосибирск: Наука, 1980. — 256 с.

83. *Баранский Н. Н.* Избранные труды. Становление советской экономической географии. — М.: Мысль, 1980. — 287 с.

84. *Баранский Н. Н.* Краткий очерк развития экономической географии // Баранский Н. Н. Избранные труды. — М.: Мысль, 1980. — С. 28–63.

85. *Барбаков О. М.* Регион как объект управления // Социологические исследования. — 2002. — № 7. — С. 96–100.

86. *Батова В. Н.* Обеспечение экономической безопасности бюджетных учреждений высшего профессионального образования в новых условиях финансирования // Финансовая аналитика: проблемы и решения. — 2013. — № 24 (162). — С. 36–50.

87. *Бездольный С. Л.* Развитие муниципальной экономики в условиях перехода к рынку: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.01. — Ростов н/Д, 1998. — 143 с.

88. *Беккер Г. С.* Человеческое поведение: экономический подход: пер. с англ. — М.: ГУ ВШЭ, 2003. — 672 с.

89. *Беликова О. А.* Региональная социально-экономическая система: бюджетный аспект функционирования (на примере Свердловской области): дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. — Екатеринбург, 2012. — 234 с.

90. *Белов Г. Л.* О влиянии регуляторной политики на социально-экономическое развитие региона // Казанский экономический вестник. — 2021. — № 2 (52). — С. 45–49.

-
91. *Белякова Г. Я., Шевелева Р. Н.* Методические подходы к формированию стратегий развития муниципальных образований неурбанизированных территорий // *Фундаментальные исследования*. — 2016. — № 8-1. — С. 102–106.
92. *Бергсон А.* Два источника морали и религии: пер. с фр. — М.: Канон, 1994. — 384 с.
93. *Бердник Н. А.* Сущность и особенности муниципального хозяйства и его место в системе хозяйственных отношений // *Известия ЮФУ. Технические науки*. — 2008. — № 10 (87). — С. 74–78.
94. *Бердяев Н. А.* Дух и реальность. — М.: АСТ, 2007. — 276 с.
95. *Бердяев Н. А.* О власти пространств над русской душой // *Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности*. — М.: Мысль, 1990. — С. 59–64.
96. *Берр Х., Маркварт Э., Исупова С.* Муниципальная экономика. Администрация, благожелательная к предпринимателям: концепции и образцы документов. — М.: Статус, 1997. — 144 с.
97. *Бияков О. А.* Теория экономического пространства: методологический и региональный аспекты. — Томск: ТГУ, 2004. — 151 с.
98. *Благинин В. А., Соколова Е. В., Саргсян Ш. А.* Наукометрическая оценка шахматного научного направления // *Цифровые модели и решения*. — 2022. — Т. 1, № 1. — URL: <http://eforum-journal.ru/images/new-pdf/1/6new.pdf> (дата обращения: 15.10.2022).
99. *Боброва С. Я., Жукова Н. В., Ярлова В. В.* Актуальные вопросы формирования кластеров как инструмента повышения конкурентоспособности региона // *Фундаментальные исследования*. — 2017. — № 12 — С. 508–509.
100. *Богатов Е. М.* Об истории развития нелинейных интегральных уравнений в СССР. Сильные нелинейности // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Математика. Физика*. — 2017. — № 6 (255). — С. 93–106.
101. *Бодрунов С. Д.* Ноономика: концептуальные основы новой парадигмы развития // *Известия Уральского государственного экономического университета*. — 2019. — Т. 20, № 1. — С. 5–12.
102. *Бодрунов С. Д.* Ноономика: траектория глобальной трансформации. — М.: Культурная революция, 2020. — 224 с.
103. *Бойко С. В., Мустафаева Э. Р.* Условия формирования инвестиционной неоднородности развития регионов // *Современные проблемы науки и образования*. — 2013. — № 4. — URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=9908> (дата обращения: 12.08.2022).
104. *Большакова О. В.* 2005.04.012. Мальгин А. Русская Ривьера: курорты, туризм и отдых в Крыму в эпоху империи. Конец XVIII — начало XX в. — Симферополь, 2004. — 352 с. // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История*. — 2005. — № 4. — С. 47–51.
105. *Большая энциклопедия: в 62 т.* — М.: Терра, 2006. — Т. 6. — 592 с.
106. *Бондаренко О. А.* Управление земельно-имущественным комплексом города Ростова-на-Дону // *Современные вопросы землеустройства, кадастра и мониторинга земель: материалы региональной научно-практической конференции (Тюмень, 26 ноября 2016 г.)*. — Тюмень: ТИУ, 2016. — С. 9–12.

-
107. *Борисова Т. Д.* Муниципальное хозяйство // Вестник Сибирского университета потребительской кооперации. — 2016. — № 1 (16). — С. 135–142.
108. *Бортник И. М., Сенченя Г. И., Михеева Н. Н. и др.* Система оценки и мониторинга инновационного развития регионов России // Инновации. — 2012. — № 9 (167). — С. 25–38.
109. *Бочко В. С.* Научно-исследовательские силы общества и их развитие в регионах // Экономика региона. — 2019. — Т. 15, вып. 3. — С. 644–658.
110. *Бочко В. С.* Экономическая самостоятельность регионов в условиях новой реальности // Экономика региона. — 2016. — Т. 12, вып. 2. — С. 342–358.
111. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.: пер. с фр. — 2-е изд. — М.: Весь мир, 2007. — Т. 3: Время мира — 752 с.
112. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.: пер. с фр.: в 3 т. — М.: Прогресс, 1988. — Т. 2: Игры обмена. — 632 с.
113. *Буданов В. Г., Филатов М. А., Вохмина Ю. В., Журавлева О. А.* Философия нестабильности и синергетика // Сложность. Разум. Постнеклассика. — 2016. — № 2. — С. 66–74.
114. *Бурдакова М. А., Бакланова Н. А., Макаров В. О.* Цифровизация нормотворчества как отдельный процесс перехода общества на новую ступень развития // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2021. — № 12-2 (63). — С. 99–102.
115. *Бурдые П.* Социология социального пространства: пер. с фр. — М.: Ин-т экспериментальной социологии, 2005. — 288 с.
116. *Бурьян А. П., Коробейников А. М., Меркушев С. А.* Пермская агломерация: территориальная структура, проблемы, перспективы развития // Город и регион: проблемы сбалансированного развития: материалы Междунар. науч.-практ. конф. — Пермь, 1999. — С. 30–32.
117. *Бутко Г. П.* Особенности управления горным предприятием как эколого-экономической системой // Горный журнал. — 2019. — № 2. — С. 90–98.
118. *Бутко Г. П.* Перспективы инновационного развития региона // Вестник Московского государственного университета леса — Лесной вестник. — 2016. — № 6 (119). — С. 133–137.
119. *Бутко Г. П.* Ресурсы инноваций. — Екатеринбург: УГЛТУ, 2021. — 145 с.
120. *Бухвальд Е. М.* Муниципальное звено стратегического планирования: экономические и правовые проблемы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. — 2016. — № 4 (37). — С. 41–52.
121. *Бухвальд Е. М., Валентик О. Н., Кольчугина А. В., Одицова А. В.* Стратегическое планирование для малых городов России // Вестник Института экономики Российской академии наук. — 2017. — № 3. — С. 53–70.
122. *Быстрова Ю. В.* Роль сферы ЖКХ в региональной экономике на примере Орловской области // Современное общество и право. — 2019. — № 4 (41). — С. 39–44.
123. *Быченко Ю. Г., Логинова Л. В.* Социализация экономики в России: проблемы и перспективы // Вестник Саратовского государственного технического университета. — 2009. — Т. 1, № 1 (37). — С. 262–272.

-
124. *Бычкова А. Н., Юдина М. А., Землянская А. В.* Административная реформа в Российской Федерации: ретроспективный анализ, итоги и перспективы // *Инновационная экономика и общество*. — 2016. — № 4 (14). — С. 2–11.
125. *Вальрас Л.* Элементы чистой политической экономии. — М.: Изограф, 2000. — 448 с.
126. *Василенко В. А., Василенко В. В.* Научно-методологические основы управления развитием курортных кластеров Крыма. — Симферополь: ДИАЙПИ, 2019. — 297 с.
127. *Василенко Д. В.* Научная система представлений о регионе // *Вестник Кемеровского государственного университета*. Серия: Политические, социологические и экономические науки. — 2018. — № 3. — С. 81–86.
128. *Велихов Л. А.* Основы городского хозяйства. Общее учение о городе, его управлении, финансах и методах хозяйства. — М.–Л.: Гос. изд-во, 1928. — 468 с.
129. *Вернадский В. И.* «Коренные изменения неизбежны...». Дневник 1941 года // *Новый мир*. — 1995. — № 5. — С. 176–221.
130. *Ветитнев А. М., Дзюбина А. В.* Современные проблемы санаторно-курортного комплекса России и пути их решения // *Экономика Крыма*. — 2012. — № 3 (40). — С. 296–300.
131. *Ветитнев А. М., Торгашева А. А.* Определение влияния лечебно-оздоровительного туризма на экономику региона // *Проблемы современной экономики*. — 2013. — № 4. — С. 352–355.
132. *Власова Н. Ю.* Структурная модернизация экономики крупнейших городов России. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2000. — 255 с.
133. *Власть, бизнес, общество в регионах: неправильный треугольник* / под ред. Н. Петрова, А. Титкова. — М.: РОССПЭН, 2010. — 439 с.
134. *Волошин А. И., Мабидала Ж.* Модели экономики и управления жилищно-коммунальным хозяйством и их внедрение в региональных территориальных формированиях // *Инновационное развитие экономики*. — 2019. — № 2 (50). — С. 101–106.
135. *Воронин А. Г., Лалин В. А., Широков А. Н.* Основы управления муниципальным хозяйством. — М.: Дело, 1998. — 126 с.
136. *Воронов А. Г.* Медицинская география: зоонозы и сапронозы. — М.: МГУ, 1989. — 105 с.
137. *Гайдар Е. Т.* Гибель империи. Уроки для современной России. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: РОССПЭН, 2006. — 448 с.
138. *Галич З. Н.* Восточный город — традиционный, колониальный, современный — как субъект цивилизационного процесса. — М.: ИВ РАН, 2011. — 243 с.
139. *Галич З. Н.* Урбанизация и мегаполизация как глобальный процесс // *Экономические и социальные проблемы России*. — 2000. — № 1. — С. 7–21.
140. *Гафуров Е. Т.* Имущественные комплексы // *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)*. — 2016. — № 10 (26). — С. 109–115.
141. *Гегель Г. В. Ф.* Феноменология духа. — СПб.: Наука, 1992. — 443 с.
142. *Гладкий Ю. Н., Чистобаев А. И.* Регионоведение. — М.: Гардарики, 2000. — 384 с.
143. *Гладышев А. Г., Иванов В. Н., Патрушев В. И.* Муниципальная наука: теория, методология, практика. — М.: Муниципальный мир, 2003. — 284 с.

-
144. *Глазычев В. Л.* Город без границ. — М.: Территория будущего, 2011. — 397 с.
145. *Глазьев С. Ю., Воронов А. С., Кудина М. В., Орлова Л. Н.* Прогноз развития человеческого капитала в Российской Федерации в условиях изменений в мировой экономике // Государственное управление. Электронный вестник. — 2022. — № 91. — С. 24–44.
146. *Глухов В. В., Окрепилов В. В.* Управление качеством жизни. — СПб.: Наука, 2008. — 484 с.
147. *Глушакова О. В., Сычева-Передеро О. В.* Имущественный комплекс как ключевой компонент социально-экономической системы организации и объект стратегического управления // Сибирская финансовая школа. — 2016. — № 3 (116). — С. 60–66.
148. *Горбатова А.* Выгодные социальные инвестиции // Стратегии. — 2014. — № 3. — URL: http://www.cfin.ru/investor/social_impact_investing.shtml (дата обращения: 15.08.2022).
149. *Господарчук Г. Г.* Развитие регионов на основе финансовой интеграции. — М.: Финансы и статистика, 2006. — 303 с.
150. *Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31 января 2016 г.).*
151. *Гранберг А. Г.* О программе фундаментальных исследований пространственного развития России // Регион: экономика и социология. — 2009. — № 2. — С. 166–178.
152. *Гранберг А. Г.* Основы региональной экономики. — М.: ГУ ВШЭ, 2000. — 495 с.
153. *Гранберг А. Г.* Региональная экономика и региональная наука в России. Десять лет спустя // Регион: экономика и социология. — 2004. — № 1. — С. 57–81.
154. *Гранберг А. Г.* Региональная экономика и региональная наука в Советском Союзе и России // Регион: экономика и социология. — 1994. — № 1. — С. 7–27.
155. *Гранберг А. Г.* Экономическое пространство России: трансформации на рубеже веков и альтернативы будущего // Общество и экономика. — 1999. — № 3–4. — С. 225–244.
156. *Гранберг А. Г.* Экономическое пространство России: трансформации на рубеже веков и альтернативы будущего (часть вторая) // Общество и экономика. — 1999. — № 5. — С. 49–65.
157. *Гришина И. В., Польшев А. О., Тимонин С. А.* Качество жизни населения регионов России: методология исследования и результаты комплексной оценки // Современные производительные силы. — 2012. — № 1. — С. 70–83.
158. *Губанова Е. С., Клещ В. С.* Преодоление социально-экономического неравенства как условие устойчивого сбалансированного пространственного развития региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2019. — Т. 12, № 5. — С. 44–57.
159. *Губанова Е. С., Москвина О. С.* Методологические аспекты оценки инвестиционно-инновационного потенциала региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2020. — Т. 13, № 2. — С. 41–55.

-
160. Губин В. Б. Псевдосинергетика — новейшая лженаука // В защиту науки. — М.: Наука, 2006. — Бюллетень № 1. — С. 110–119.
161. Гудкова С. А., Джумагалиева Л. Б., Еськов В. М., Карпин В. А. Философия нестабильности И. Р. Пригожина порождает иллюзию нестабильности биосистем. — URL: https://vk.com/@ave_chaos907-filosofiya-nestabilnosti-ir-prigozhina-porozhdaet-illuziu-ne (дата обращения: 09.10.2022).
162. Гуськова Н. Д., Ключева А. П. Современные теории социального капитала // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. — 2012. — № 2 (22). — С. 152–160.
163. Гэлбрейт Дж. К. Экономические теории и цели общества. — М.: Прогресс, 1976. — 390 с.
164. Дамрин А. Г., Осетрова Ю. Ю. Система управления земельно-имущественным комплексом города Оренбурга // Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры: материалы Всерос. науч.-метод. конф. (Оренбург, 3–5 февраля 2016 г.). — Оренбург: ОГУ, 2016. — С. 512–515.
165. Дворядкина Е. Б. Инерционность экономического развития городов традиционно-промышленного региона. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2005. — 204 с.
166. Дворядкина Е. Б. Исследование особенностей формирования и развития структуры бюджета крупнейшего города: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.04, 08.00.10. — Екатеринбург, 1999. — 183 с.
167. Дворядкина Е. Б. Эвристические возможности цивилизационного и эволюционного подходов в исследовании городов // Известия Уральского государственного экономического университета. — 2005. — № 11. — С. 85–90.
168. Дворядкина Е. Б., Беликова О. А. Региональная социально-экономическая система и бюджет. — Екатеринбург: УрГАУ, 2014. — 216 с.
169. Дворядкина Е. Б., Джалилов Э. В., Истомина Н. А. Муниципальные образования индустриального типа в экономическом пространстве традиционно-промышленного региона: исследовательская программа // Journal of new economy. — 2022. — Т. 23, № 2. — С. 29–44.
170. Дворядкина Е. Б., Кайбичева Е. И. Новые индустриальные города в процессе урбанизации Большого Урала // Урал — XXI век: макрорегион неиндустриального и инновационного развития: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 15–16 октября 2018 г.): в 2 т. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2018. — Т. 1. — С. 14–21.
171. Дворядкина Е. Б., Кайбичева Е. И. Новый индустриальный город как категория региональной науки и градостроительства: теоретическое обоснование // Вестник НГИЭИ. — 2018. — № 5 (84). — С. 86–97.
172. Дворядкина Е. Б., Квон Г. М. О сущностно-содержательных характеристиках преобразующих инвестиций // Вестник экономики, права и социологии. — 2020. — № 2. — С. 7–10.
173. Дворядкина Е. Б., Новикова Н. В., Вяткина О. В. Модернизация экономики города: вопросы теории и методологии. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2008. — 172 с.
174. Декларация по регионализму в Европе. Принята 4 декабря 1996 г. в Базеле Ассамблеей Регионов Европы (ARE). — 11 с.

175. Демушина О. Н. Факторы повышения эффективности электронного участия граждан // *Arg administrandi*. Искусство управления. — 2017. — Т. 9, № 2. — С. 132–151.

176. Демьяненко А. Н. Экономическое районирование: вопросы теории и истории. Ч. 1. = *Economic zoning: questions of theory and history*. Р. 1. — Хабаровск: Хабаровская краевая типография, 2010. — 222 с.

177. Долгунова А. Ц. Возможности доказательной политики для отстаивания субъектами Российской Федерации независимости своего экономического развития // *Актуальные вопросы экономики и социологии: сб. ст. по материалам XVI Междунар. осенней конф. молодых ученых в новосибирском Академгородке (Новосибирск, 12–15 октября 2020 г.)*. — Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2020. — С. 37–39.

178. Дружинин А. Г., Виденская Е. Г. Детерминанты и особенности развития крупнейших городов как «полусов роста» территориально-хозяйственной системы Юга России в контексте глобализации // *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*. — 2007. — № 3. — С. 40–57.

179. Дружинина Ю. Ф. Понятие имущественного комплекса и его место в системе объектов гражданских прав // *Вестник Томского государственного университета. Право*. — 2019. — № 31. — С. 154–159.

180. Дуламбаева Р. Т., Мармонтова Т. Концепты доказательной политики повышения конкурентоспособности региона // *Экономика Центральной Азии*. — 2021. — Т. 5, № 3. — С. 297–308.

181. Дьяченко И. Ю. Познавательный потенциал Живой Этики // *Восьмой российский философский конгресс «Философия в полицентричном мире»*. Круглые столы: сб. науч. ст. — М.: Логос, 2020. — С. 1166–1168.

182. Дятел Е. П. Системный анализ объекта и предмета в «Капитале» К. Маркса. — Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1987. — 224 с.

183. Дятел Е. П. Статус экономической теории как научной и учебной дисциплины // *Журнал экономической теории*. — 2021. — Т. 18, № 3. — С. 374–388.

184. Дятел Е. П. Трансформационная и трансакционная функции хозяйственной деятельности (историко-экономический очерк) // *Идеи и идеалы*. — 2022. — Т. 14, № 2, ч. 2. — С. 215–238.

185. Дятел Е. П., Голомолзина Н. В. Предмет, история и основные направления развития экономической теории услуг. — Екатеринбург: Архитектон, 2009. — 152 с.

186. *Единый народнохозяйственный комплекс: содержание и закономерности развития* / Б. К. Злобин, В. Г. Лебедев, М. Н. Тимохин и др. — М.: Мысль, 1985. — 271 с.

187. Екимова К. В., Савельева И. П. Место инвестиционно-строительного комплекса в социально-экономической системе государства // *Промышленное развитие России: проблемы, перспективы: материалы V Междунар. практ. конф. преподавателей, ученых, аспирантов, студентов (Нижний Новгород, 26 октября 2007 г.)*: в 2 т. — Н. Новгород: ВГИПУ, 2007. — Т. 1. — С. 29–34.

188. Ермолаев Д. В., Козлова Е. Д. Имущественный комплекс муниципального образования как экономическая основа местного самоуправления // *Известия*

Тулского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2016. — № 4-1. — С. 286–294.

189. *Жадан В. Н.* Об идее, понятии и конституционных основах правового государства в России // Балтийский гуманитарный журнал. — 2020. — № 1 (30). — С. 365–372.

190. *Жигарь О. В.* Муниципальная экономика как система экономических отношений // Вестник Челябинского государственного университета. — 2009. — № 9 (147). — С. 79–82.

191. *Жихаревич Б. С., Прибышин Т. К.* Стратегии развития городов: российская практика 2014–2019 гг. // Пространственная экономика. — 2019. — Т. 15, № 4. — С. 184–204.

192. *Заборова Е. Н.* Будущее городов в информационно-цифровую эпоху // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. — 2020. — № 2. — С. 124–134.

193. *Заборова Е. Н.* Город на грани веков. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2007. — 272 с.

194. *Заборова Е. Н.* Горожанин в городе. — Екатеринбург: УрГЭУ, 1996. — 142 с.

195. *Зайцева Г. А.* Повышение прозрачности деятельности органов исполнительной власти Российской Федерации в контексте задач административной реформы // Государственная власть и местное самоуправление. — 2008. — № 5. — С. 16–20.

196. *Закиров Ш. Р.* Урбанизация и глобализация: проблемы взаимовлияния // Российский гуманитарный журнал. — 2021. — Т. 10, № 6. — С. 401–406.

197. *Закрытые* административно-территориальные образования. — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Закрытые_административно-территориальные_образования_России (дата обращения: 20.09.2022).

198. *Закрытые* атомные города России (особенности развития и управления) / Е. Г. Анимца, Н. Ю. Власова, Е. Б. Дворякина и др. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2002. — 186 с.

199. *Занг В.-Б.* Синергетическая экономика. Время и перемены в нелинейной экономической теории: пер. с англ / под ред. В. В. Лебедева, В. Н. Разжевайкина. — М.: Мир, 1999. — 335 с.

200. *Зарубин В. И., Горбанев С. В.* Методический базис разработки стратегии муниципального образования // Новые технологии. — 2021. — Т. 17, № 3. — С. 105–111.

201. *Зельднер А. Г.* Место стратегирования в понятийно-категориальной системе прогнозирования // Экономические науки. — 2012. — № 8 (93). — С. 7–15.

202. *Зиннатова Р. Ш.* Организационно-экономические условия развития санаторно-курортного комплекса региона: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. — М., 2009. — 180 с.

203. *Зокиров Р. С.* Проблемы экологии городской среды // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. — 2010. — № 4. — С. 112–125.

204. *Зотов В. Б., Макашева З. М.* Муниципальное управление. — М.: Юнити-Дана, 2003. — 279 с.

-
205. *Зубанова С. Г.* Благотворительность и социальное служение женщин в дореволюционной России // Теория и практика общественного развития. — 2015. — № 17. — С. 128–134.
206. *Зубаревич Н. В.* Города как центры роста российской экономики // Управленческое консультирование. — 2006. — № 2 (22). — С. 113–118.
207. *Зубаревич Н. В.* Неравенство социально-экономического развития регионов и городов России 2000-х годов: рост или снижение? // Общественные науки и современность. — 2013. — № 6. — С. 15–26.
208. *Зубаревич Н. В.* Региональное развитие и региональная политика в России // ЭКО. — 2014. — № 4 (478). — С. 6–27.
209. *Зубаревич Н. В.* Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. — М.: Изд-во ЛКИ, 2007. — 264 с.
210. *Зукин Ш.* Культуры городов. — М.: Новое литературное обозрение, 2015. — 424 с.
211. *Зырянов А. И.* Формула места // Региональные исследования. — 2013. — № 2 (40). — С. 20–24.
212. *Иванов Д. В.* Глэм-капитализм: общество потребления в XXI в. // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2011. — Т. XIV, № 5 (58). — С. 9–28.
213. *Ивлева Г. Ю.* Рациональная эклектика как выражение кризиса экономической теории и способ выхода из него // Философия хозяйства. — 2003. — № 3 (24). — С. 99–108.
214. *Игнатьева Е. Д., Гимади И. Э., Аверина Л. М.* Комплексная оценка социально-экономического благополучия муниципальных образований // Экономика региона. — 2005. — № 2 (2). — С. 116–132.
215. *Ижгузина Н. Р.* Формирование и развитие крупнейшей городской агломерации в экономическом пространстве региона: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. Екатеринбург, 2018. — 263 с.
216. *Изард У.* Методы регионального анализа: введение в науку о регионах: пер. с англ. / под ред. А. Е. Пробста. — М.: Прогресс, 1966. — 659 с.
217. *Ильин В. И.* Общество потребления: теоретическая модель и российская реальность // Мир России. — 2005. — № 2. — С. 3–40.
218. *Илюшников Е. К., Илюшников К. К.* Инструменты автоматизации процесса управления персоналом в коммерческой организации // Креативная экономика. — 2019. — Т. 13, № 7. — С. 1443–1456.
219. *Истомина Н. А., Шеина Е. Г.* Эволюционная сущность инвестиционного процесса: научно-теоретический аспект // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. — 2021. — № 10. — С. 27–32.
220. *Калашикова В. Б.* Электронная демократия в регионах РФ: на примере ситуации в Иркутской области // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. — 2015. — Т. 11. — С. 68–73.
221. *Каратеева Н. А.* Духовная основа становления личности. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ин-та бизнеса, 2007. — 200 с.
222. *Карпова П. Г., Цыганков Д. Б.* Советы по оптимизации регулирования как неотъемлемый компонент «smart regulation» // Вопросы государственного и муниципального управления. — 2012. — № 3. — С. 5–34.

-
223. *Квон Г. М., Шишкина Е. А.* Социально-преобразующие инвестиции в контексте обеспечения социального благополучия населения региона в новых реалиях российской экономики: стратегический аспект // Экономика, предпринимательство и право. — 2022. — Т. 12, № 7. — С. 2079–2094.
224. *Кельбах С. В.* Развитие региональной институциональной инфраструктуры // Проблемы современной экономики. — 2011. — № 4 (40). — С. 252–255.
225. *Кеня И. А.* Благотворительность династии Мальцовых // Крымский архив. — 2015. — № 4 (19). — С. 57–76.
226. *Кеня И. А.* Вклад российских предпринимателей в становление курортов Южного берега Крыма в конце XIX — начала XX вв. // Вестник Брянского государственного университета. — 2018. — № 4. — С. 38–46.
227. *Кеня И. А., Лупоядова Л. Ю.* Условия и особенности развития благотворительности в Крыму во второй половине XIX — н. XX вв. // Вестник Брянского государственного университета. — 2017. — № 4 (34). — С. 73–83.
228. *Кислая Т. Н.* Теоретико-методологические подходы к управлению экономической безопасностью региона / под науч. ред. В. Н. Тисуновой. — Чебоксары: Среда, 2021. — 152 с.
229. *Кислицына О. А.* Национальный индекс качества жизни (благополучия) как инструмент мониторинга эффективности социально-экономической ситуации в России // Журнал исследований социальной политики. — 2017. — № 15 (4). — С. 547–558.
230. *Кластеры* нооэкономики: региональные особенности, методы и механизмы / под науч. ред. Н. М. Сурниной. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2007. — 160 с.
231. *Коблова Ю. А.* Экономическая безопасность в сфере образования // Проблемы экономической безопасности: новые глобальные вызовы и тенденции / Л. М. Анохин, Н. В. Анохина, О. Г. Аркадьева и др.; под ред. А. В. Карпушкиной. — Челябинск: ЮУрГУ, 2021. — С. 226–243.
232. *Кожошева Н. М.* Правовое положение вещей в составе имущественного комплекса // Наука и новые технологии. — 2011. — № 8. — С. 82–84.
233. *Козырь Н. С.* Проблема ключевых слов региональной экономики: наукометрический анализ // Научные и технические библиотеки. — 2022. — № 6. — С. 100–121.
234. *Колбина Е. О.* Города Дальнего Востока: социально-экономический потенциал и перспективы развития опорных центров расселения // Регионалистика. — 2014. — Т. 1, № 4. — С. 23–35.
235. *Колосов В.* Теоретическая лимология: новые подходы // Международные процессы. — 2003. — Т. 1, № 3 (3). — С. 44–59.
236. *Колосовский Н. Н.* Будущее Урало-Кузнецкого комбината. — М.: Соцэкгиз, 1932. — 136 с.
237. *Колосовский Н. Н.* Основы экономического районирования. — М.: Госполитиздат, 1958. — 200 с.
238. *Колосовский Н. Н.* Проблемы территориальной организации производительных сил Сибири. — Новосибирск: Наука, 1971. — 176 с.
239. *Колосовский Н. Н.* Теория экономического районирования. — М.: Мысль, 1969. — 336 с.

-
240. *Колчинская Е. Э.* Роль стратегического планирования в развитии города: подходы к оценке // Региональная экономика: теория и практика. — 2013. — № 39. — С. 59–64.
241. *Кондараки В. Х.* Универсальное описание Крыма: в 17 ч. — СПб.: Типография В. Веллинга, 1875. — Ч. 14. — 145 с.
242. *Кондрат Н. И.* Экономическая безопасность производства образовательных услуг и ее институциональное обеспечение: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. — Ярославль, 2004. — 28 с.
243. *Константинов О. А.* Некоторые черты урбанизации в СССР // Вопросы географии. — 1974. — Вып. 96 (Урбанизация мира). — С. 69–84.
244. Конституция Российской Федерации, с изм. от 1 июля 2020 г.
245. *Концептуальные подходы к разработке стратегии развития монопрофильного города / Е. Г. Анимица, В. С. Бочко, Э. В. Пешина, П. Е. Анимица.* — Екатеринбург: УрГЭУ, 2010. — 81 с.
246. *Концепция развития гражданского законодательства о недвижимом имуществе / под общ. ред. В. В. Витрянского, О. М. Козырь, А. А. Маковской.* — М.: Статут, 2004. — 95 с.
247. *Концепция развития туристско-рекреационного потенциала Крыма / под ред. М. Ю. Лайко.* — М.: РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2014. — 274 с.
248. *Концепция* Федеральной целевой программы «Социально-экономическое развитие малых городов Российской Федерации на период 2015–2020 гг.».
249. *Кораблева А. А., Карпов В. В.* Индикаторы экономической безопасности региона // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. — 2017. — № 3 (23). — С. 36–42.
250. *Корнаи Я.* Честность и доверие в переходной экономике // Вопросы экономики. — 2003. — № 9. — С. 4–31.
251. *Королева Е. Н., Вахтина М. А.* Территориальное стратегическое планирование: теоретические аспекты и современная практика муниципальных образований. — СПб.: СПбГЭУ, 2005. — 176 с.
252. *Кособуцкая А. Ю., Равуанжсинирова А. В.* Инвестиционная привлекательность региона: методики оценки // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. — 2019. — № 1. — С. 32–37.
253. *Костин П. Ю.* Имущественный комплекс как совокупность субъективных гражданских прав и обязанностей // Актуальные проблемы российского права. — 2013. — № 2 (27). — С. 162–167.
254. *Кравцов В. И.* Земельно-имущественный комплекс как территориально-организованная экономическая система // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2006. — № 8 (58). — С. 135–140.
255. *Кузичев В. М., Чернов С. С., Перминов А. Ю.* Понятие и классификация объектов имущественного комплекса предприятия // Проблемы современной экономики. — 2009. — № 4 (32). — С. 150–157.
256. *Кузнецов А. В., Кузнецова О. В.* Изменение роли приграничных регионов в региональной политике стран ЕС и России // Балтийский регион. — 2019. — Т. 11, № 4. — С. 58–75.
257. *Кузык Б. Н., Яковец Ю. В.* Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. — М.: Ин-т экон. стратегий, 2008. — 576 с.

-
258. *Кузьминов Я. И., Радаев В. В., Яковлев А. А., Ясин Е. Г.* Институты: от заимствования к выращиванию: опыт российских реформ и возможности культивирования институциональных изменений. — М.: ГУ ВШЭ, 2005. — 54 с.
259. *Куклински Э.* Региональное развитие — начало поворотного этапа // Региональное развитие и сотрудничество. — 1997. — Нулевой выпуск. — С. 3–7.
260. *Кульков В. М.* Экономическое пространство: теоретические аспекты и современные процессы // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. — 2014. — № 1. — С. 3–18.
261. *Кураш А. П.* Предприятие (имущественный комплекс) — особый объект гражданского оборота. — URL: <https://studfile.net/preview/10033986> (дата обращения: 15.09.2022).
262. *Курортология: основные природные лечебные факторы и методы их использования, описание курортов мира / под ред. А. Н. Разумова, Е. А. Туровой.* — М.: Унив. кн., 2016. — 639 с.
263. *Лавренова О. А.* Философское наследие Рерихов и новые горизонты научного познания // Восьмой российский философский конгресс «Философия в полицентричном мире». Круглые столы: сб. науч. ст. — М.: Логос, 2020. — С. 1146–1148.
264. *Лазарева Г. И., Молчан А. С., Ефремова Л. А.* Имущественный комплекс как объект экономической безопасности предприятия. — Ставрополь: Фабула, 2018. — 88 с.
265. *Ланно Г. М.* География городов. — М.: Владос, 1997. — 480 с.
266. *Ланно Г. М., Полян П. М., Селиванова Т. И.* Агломерации России в XXI веке // Вестник Фонда регионального развития Иркутской области. — 2007. — № 1. — С. 45–52.
267. *Лантева А. М.* Понятие «имущественный комплекс» // Ленинградский юридический журнал. — 2010. — № 2 (20). — С. 203–211.
268. *Левин С. Н., Каган Е. С., Саблин К. С.* Регионы «ресурсного типа» в современной российской экономике // Журнал институциональных исследований. — 2015. — Т. 7, № 3. — С. 92–101.
269. *Легостаева С. А., Плахова Л. В., Егорова Т. Н. и др.* Совершенствование методической основы стратегического планирования развития муниципального образования // Успехи современной науки и образования. — 2017. — Т. 1, № 5. — С. 10–18.
270. *Лейман Е. Н.* Формирование целей и задач управления стоимостью имущественного комплекса вуза // Восточно-Европейский научный журнал. — 2018. — № 4-3 (32). — С. 30–33.
271. *Лексин В. Н., Швецов А. Н.* Реформы и регионы: системный анализ процессов реформирования региональной экономики, становления федерализма и местного самоуправления. — М.: Ленанд, 2012. — 1024 с.
272. *Лексин В., Швецов А.* Общероссийские реформы и территориальное развитие. Статья 11. Региональная Россия начала XXI века: новая ситуация и новые подходы к ее исследованию и регулированию // Российский экономический журнал. — 2004. — № 4. — С. 3–23.
273. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. — М.: Политиздат, 1969. — Т. 27. — 643 с.

-
274. *Лола А. М.* Основы градovedения и теории города (в российской интерпретации). — М.: КомКнига, 2005. — 344 с.
275. *Любимов А. П.* Административная реформа в субъектах Российской Федерации // Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. — 2005. — № 2 (62). — С. 18–19.
276. *Любимов И. Л., Гвоздева М. А., Казакова М. В., Нестерова К. В.* Сложность экономики и возможность диверсификации экспорта в российских регионах // Журнал Новой экономической ассоциации. — 2017. — № 2 (34). — С. 94–123.
277. *Любимов И. Л., Лысюк М. В., Гвоздева М. А.* Атлас экономической сложности российских регионов // Вопросы экономики. — 2018. — № 6. — С. 71–91.
278. *Любовный В. Я.* Многопрофильные города России: истоки, эволюция развития и регулирования. — М.: Экон-Информ, 2018. — 445 с.
279. *Любовный В. Я.* Самарско-Тольяттинская агломерация: история формирования и перспективы развития. — М.: Экон-Информ, 2011. — 169 с.
280. *Любовный В. Я., Пчелинцев О. С.* Зарубежные городские агломерации: тенденции развития и опыт управления. — М., 2001. — 212 с.
281. *Любовный В. Я., Сдобнов Ю. А.* Москва и столичный регион: проблемы регулирования социально-экономического и пространственного развития. — М.: Экон-Информ, 2011. — 401 с.
282. *Ляченко Ю. Н., Коновалова М. Е.* Развитие теории инвестиций в процессе трансформации социально-экономической системы // Экономические науки. — 2019. — № 181. — С. 31–34.
283. *Магданов П. В.* Проблемы организации стратегического планирования в муниципальных образованиях // *Ars administrandi*. Искусство управления. — 2015. — № 3. — С. 91–98.
284. *Майоров В. И.* Модернизация системы контроля и надзора: новая регуляторная политика // Административное право и процесс. — 2019. — № 11. — С. 34–36.
285. *Макаров В. Л.* Социальный кластеризм. Российский вызов. — М.: Бизнес Атлас, 2010. — 272 с.
286. *Мальгин А. В.* Русская Ривьера: курорты, туризм и отдых в Крыму в эпоху Империи. Конец XVIII — начало XX в. — Симферополь: СОНАТ, 2016. — 349 с.
287. *Маркварт Э.* Муниципальное хозяйство как объект управления // Менеджмент и бизнес-администрирование. — 2011. — № 3. — С. 150–152.
288. *Маркетинг мест: привлечение инвестиций, предприятий и туристов в города, коммуны, регионы и страны Европы: пер. с англ. / Ф. Котлер, К. Асплунд, И. Рейн, Д. Хайдер.* — СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2005. — 376 с.
289. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. — 2-е изд. — М.: Госполитиздат, 1955–1981.
290. *Мартышенко С. Н., Мартышенко Н. С.* Применение когнитивной модели для управления качеством жизни в регионе // Вестник НГИЭИ. — 2016. — № 9 (64). — С. 98–107.
291. *Мас-Колелл А., Уинстон М. Д., Грин Дж. Р.* Микроэкономическая теория: пер. с англ. — М.: Дело, 2016. — Кн. 1. — 708 с.

-
292. *Маслаков В. В., Зубков К. И., Пленкин В. Ю.* Модель региона-квазикорпорации // *Регион: экономика и социология.* — 2000. — № 2. — С. 17–36.
293. *Масленников М. И., Андреева Е. Л., Мыслякова Ю. Г.* Эволюция механизма управления внешнеэкономической деятельностью страны и регионов Урала // *Вопросы управления.* — 2018. — № 3 (52). — С. 49–59.
294. *Махрова А., Нефедова Т., Трейвиш А.* Московская агломерация и «Новая Москва» // *Pro et Contra.* — 2012. — Т. 16, № 6. — С. 19–32.
295. *Медеяева З., Босая И., Ляшко С.* Социально-экономические кластеры как фактор комплексного развития региона // *Международный сельскохозяйственный журнал.* — 2015. — № 6. — С. 52–55.
296. *Медицинская география и здоровье: сб. науч. тр. / отв. ред. А. А. Келлер.* — Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1989. — 222 с.
297. *Мелека В.* Императорская фамилия в Крыму // *Русская старина.* — 1916. — Т. 167. — С. 405–440.
298. *Меркушев С. А., Николаев Р. С.* О развитии Пермской агломерации // *Индустриальная цивилизация: прошлое или будущее России?: материалы III Пермского конгресса ученых-экономистов (Пермь, 17 февраля 2017 г.): в 2 т.* — Пермь: ПГНИУ, 2017. — Т. 2. — С. 50–54.
299. *Методики делимитации городских агломераций: аналитический отчет Фонда «Институт экономики города» (подготовлен за счет средств целевого капитала Фонда «Институт экономики города»).* — М., 2021. — 34 с.
300. *Методические рекомендации по подготовке и реализации комплексных инвестиционных планов (КИП) развития монопрофильных населенных пунктов.* — URL: <http://gov.cap.ru/НОМЕ/24/oip/17.doc> (дата обращения: 20.09.2022).
301. *Мехренцев А. В., Бутко Г. П., Герц Э. Ф.* О рациональной производственной структуре регионального лесопромышленного комплекса Свердловской области в контексте цифровых технологий // *Системы. Методы. Технологии.* — 2021. — № 1 (49). — С. 72–77.
302. *Микрюков А. В.* Реформирование экономической основы местного самоуправления крупного города (на примере бюджетов городов Уральского региона): дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. — Екатеринбург, 2008. — 284 с.
303. *Минакир П. А.* К методологии региональной экономики // *Управленец.* — 2010. — № 9–10 (13–14). — С. 8–14.
304. *Минакир П. А.* Пространственные эффекты в экономике и управлении // *Экономика и управление.* — 2011. — № 5 (67). — С. 22–33.
305. *Минакир П. А.* Теоретические аспекты исследования пространственных экономических систем // *Журнал экономической теории.* — 2017. — № 3. — С. 7–10.
306. *Минакир П. А.* Экономика регионов. Дальний Восток. — М.: Экономика, 2006. — 845 с.
307. *Минакир П. А., Демьяненко А. Н.* Пространственная экономика: эволюция подходов и методология // *Экономическая наука современной России.* — 2010. — № 3 (50). — С. 7–25.
308. *Минакир П. А., Демьяненко А. Н.* Пространственная экономика: эволюция подходов и методология // *Пространственная экономика.* — 2010. — № 2. — С. 6–32.

-
309. *Миролюбова Т. В., Карлина Т. В., Николаев Р. С.* Цифровая экономика: проблемы идентификации и измерений в региональной экономике // Экономика региона. — 2020. — Т. 16, № 2. — С. 377–390.
310. *Миролюбова Т. В., Николаев Р. С.* Перспективы развития промышленных территорий крупных городов в региональной экономике // *Ars administrandi*. Искусство управления. — 2018. — Т. 10, № 4. — С. 569–597.
311. *Мироненко Н. С., Твердохлебов И. Т.* Рекреационная география. — М.: МГУ, 1981. — 208 с.
312. *Миронков М. А., Селиванова Л. А., Бутко Е. Я.* Стратегическое планирование развития территорий муниципальных образований: закон — теория — практика. — Гатчина: ГИЭФПТ, 2018. — 137 с.
313. *Мионов Б. Н.* Город из деревни: четыреста лет российской урбанизации // *Отечественные записки*. — 2012. — № 3 (48). — С. 259–276.
314. *Михайлова О. В., Батоврина Е. В.* Доказательная политика: концептуализация и оценка российского опыта // Государственное управление. Электронный вестник. — 2022. — № 90. — С. 143–155.
315. *Муниципальная экономика* / под общ. ред. Я. П. Силина, Е. Г. Анимицы. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2021. — 494 с.
316. *Муниципальная экономика крупного города. Концепция, механизм управления и состояния в условиях проведения реформ в России. Екатеринбургский опыт 1992–1995 гг.* / А. М. Чернецкий, А. В. Ишутин, Ю. С. Калугин и др. — Миасс: Геотур, 1996. — 221 с.
317. *Мухин М. А., Урасова А. А.* Территориальное общественное самоуправление в развитии системы управления социально-экономическими процессами в регионе // *Вестник Пермского университета. Серия: Экономика*. — 2022. — Т. 17, № 2. — С. 185–196.
318. *Мыслякова Ю. Г., Шамова Е. А.* Генетический профиль промышленного региона: особенности, структура, коды // *Вестник Самарского государственного экономического университета*. — 2018. — № 9 (167). — С. 34–41.
319. *Намханова М. В., Ломовцева А. А., Лисичкин О. О.* Стратегическое планирование развития внутригородских муниципальных образований города Севастополя // *Экономика и управление: теория и практика*. — 2019. — Т. 5, № 3. — С. 29–38.
320. *Народ, государство, регионы: стабильность развития* / под ред. В. Ф. Уколова и др. — М.: Молодая гвардия, 2001. — 560 с.
321. *Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU*. — URL: <https://elibrary.ru> (дата обращения: 15.10.2022).
322. *Некрасов Н. Н.* Проблемы региональной экономики. — М.: Мысль, 1974. — 68 с.
323. *Некрасов Н. Н.* Региональная экономика: теория, проблемы, методы. — 2-е изд. — М.: Экономика, 1978. — 344 с.
324. *Некрасов Н. Н.* Региональная экономика: теория, проблемы, методы. — М.: Экономика, 1975. — 317 с.
325. *Нефедова Т. Г.* «Сильные» и «слабые» города России // *Полюса и центры в региональном развитии* / под ред. Ю. Г. Липеца. — М.: Ин-т географии РАН, 1998. — С. 135–143.

326. *Нехайчук Д. В., Тарасов В. И., Трофимова В. В.* Долгосрочные тренды развития Крыма: социально-экономический аспект. — Симферополь: Крымский ин-т бизнеса, 2015. — 319 с.

327. *Нижегородцев Р. М., Пискун Е. И., Кудревич В. В.* Прогнозирование показателей социально-экономического развития региона // Экономика региона. — 2017. — Т. 13, № 1. — С. 38–48.

328. *Никитин А. В.* Муниципальное хозяйство в России: социально-экономические основы и направления развития: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.01. — М., 2003. — 32 с.

329. *Никифорова Л. Л. С. Э.* Дуван как благотворитель гимназий // Вестник музея. Вып. 10. К 100-летию Евпаторийского краеведческого музея. — Симферополь: Полипринт, 2021. — С. 235–249.

330. *Николаев К. А., Николаев В. К.* Муниципальное хозяйство и муниципальное управление // Актуальные проблемы современности: наука и общество. — 2016. — № 2 (11). — С. 15–21.

331. *Николаев Р. С.* Пространственно-функциональная структура территориальной транспортно-логистической системы Пермского края: автореф. дис. ... канд. геогр. наук: 25.00.24. — Пермь, 2013. — 24 с.

332. *Новикова Н. В.* Новая индустриализация: региональная парадигма. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2018. — 264 с.

333. *Нуреев Р. М., Нифаева О. В.* Этические факторы повышения социального капитала в России // Journal of economic regulation (Вопросы регулирования экономики). — 2016. — Т. 7, № 2. — С. 20–37.

334. *О государственной регистрации недвижимости: федер. закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ.*

335. *О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации: федер. закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ.*

336. *О критериях отнесения муниципальных образований Российской Федерации к монопрофильным (моногородам) и категориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов) в зависимости от рисков ухудшения их социально-экономического положения: постановление Правительства РФ от 29 июля 2014 г. № 709.*

337. *О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400.*

338. *О стратегическом планировании в Российской Федерации: федер. закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ.*

339. *О'Салливан А.* Экономика города: пер. с англ. — 4-е изд. — М.: ИНФРА-М, 2002. — 706 с.

340. *Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федер. закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 30 декабря 2021 г.).*

341. *Об обязательных требованиях в Российской Федерации: федер. закон от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ.*

342. *Об утверждении Правил согласования, утверждения и мониторинга реализации долгосрочных планов социально-экономического развития крупных*

и крупнейших городских агломераций: постановление Правительства РФ от 31 мая 2022 г. № 996.

343. *Об утверждении* Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г.: распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р.

344. *Оборин М. С.* Формирование и развитие рынка санаторно-курортных услуг: теория, методология, практика: дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05. — Сочи, 2016. — 549 с.

345. *Оборин М. С., Нагоева Т. А., Кожушкина И. В.* Научно-теоретические подходы к определению роли санаторно-курортного комплекса в социально-экономическом развитии региона // Вестник Забайкальского государственного университета. — 2020. — Т. 26, № 5. — С. 93–105.

346. *Одинцова А. В.* Проблемы институционализации стратегического планирования муниципальных образований // Проблемы развития территории. — 2018. — № 5 (97). — С. 99–109.

347. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. — М.: Рус. яз., 1988. — 750 с.

348. *Окрепилов В. В.* Развитие экономики здоровья для повышения качества жизни // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2012. — № 5 (23). — С. 33–47.

349. *Окрепилов В. В., Гагулина Н. Л.* Теоретико-методологическое обоснование перспективного моделирования оценки качества жизни населения с учетом влияния экономики знаний // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. — 2022. — № 1 (68). — С. 4–11.

350. *Орехова Е. А.* Влияние характеристик и свойств экономического пространства на развитие территории // Региональная экономика: теория и практика. — 2008. — № 10. — С. 19–23.

351. *Ореховский П. А.* Дискурс технологических укладов и современная нумерология // Очерки по экономической синергетике / под ред. В. И. Маевского, С. Г. Кирдиной-Чэндлер, М. А. Дерябиной. — М.: ИЭ РАН, 2017. — С. 69–81.

352. *Осипов Ю. М.* Время философии хозяйства: в 3 кн. с прил. — М.: Экономистъ, 2003. — 656 с.

353. *Основные итоги социально-экономического развития Свердловской области в январе — декабре 2021 г.* / Министерство экономики и территориального развития Свердловской области. — URL: <http://economy.midural.ru/content/osnovnye-itogi-socialno-ekonomicheskogo-razvitiya-sverdlovskoy-oblasti-v-yanvare-dekabr-2> (дата обращения: 28.09.2022).

354. *От идеи Ломоносова к реальному освоению территорий Урала, Сибири и Дальнего Востока* / Л. М. Аверина, Р. И. Акьюлов, Е. Л. Андреева и др.; под общ. ред. А. И. Татаркина и др. — Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2009. — 1227 с.

355. *Открытое общество* / Универсальная научно-популярная энциклопедия «Кругосвет». — URL: https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/filosofiya/OTKRITOE_OBSHCHESTVO.html (дата обращения: 12.09.2022).

356. *Оценка численности постоянного населения РФ (на 1 января 2022 г.)* / Федеральная служба государственной статистики. — URL: <https://rosstat.gov.ru/>

storage/mediabank/chisl_%D0%9C%D0%9E_Site_01-01-2022.xlsx (дата обращения: 19.08.2022).

357. Павлова А. С. Земельно-имущественный комплекс: сущность и особенности управления // Теория и практика современной науки. — 2016. — № 12-2 (18). — С. 10–15.

358. Пазилев Г. А. Проблемы в сфере жилищно-коммунального хозяйства // Скиф. Вопросы студенческой науки. — 2020. — № 2 (42). — С. 191–193.

359. Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. — М.: Алгоритм, 2002. — 496 с.

360. Панкевич Н. В. Политическая стратегия российской урбанизации: от мировых городов к национальной сетевой платформе // Политические исследования. — 2013. — № 1. — С. 72–85.

361. Паспорт муниципальных образований / Федеральная служба государственной статистики. — URL: https://www.gks.ru/scripts/db_inet2/passport/munr.aspx?base=munst35 (дата обращения: 18.09.2022).

362. Патурссон С. О. Курорты Крыма: Ялта, Гурзуф, Суук-Су, Алупка, Симеиз, Алушта, Судак. — СПб.: Б. и., 1912. — 64 с.

363. Перцик Е. Н. Геоурбанистика. — 2-е изд. — М.: Юрайт, 2016. — 435 с.

364. Пивоваров Ю. Л. Современная урбанизация: основные тенденции расселения. — М.: Статистика, 1976. — 191 с.

365. Пигунова М. В. О разработке типовых моделей (рекомендаций) развития отдельных территорий с высокой концентрацией промышленного потенциала // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. — 2018. — № 3. — С. 149–156.

366. Пискун Е. И., Кудревич В. В. Социально-экономическое развитие Крыма в контексте интеграции в экономику России // Региональная экономика. Юг России. — 2018. — № 1 (19). — С. 121–130.

367. Платонов О. А. Русская цивилизация. История и идеология русского народа. — М.: Алгоритм, 2010. — 944 с.

368. Плотников Н. В. О сущности и особенностях экономической безопасности высшего профессионального образования // Вестник Самарского государственного экономического университета. — 2015. — № 6 (128). — С. 64–67.

369. Плотников Н. В. Проблемы обеспечения экономической безопасности высшего образования на современном этапе // Экономика и экологический менеджмент. — 2015. — № 3. — С. 143–150.

370. Плохий С. Н. Последняя империя. Падение Советского Союза / пер. с англ. С. Гирика, С. Лунина, А. Сагана. — М.: Corpus, 2015. — 624 с.

371. Подковырова М. А., Брагинцева Р. С. Анализ моделей имущественного и земельно-имущественного комплексов в системе управления // Современные вопросы землеустройства, кадастра и мониторинга земель: материалы Регион. науч.-практ. конф. (Тюмень, 26 ноября 2016 г.). — Тюмень: ТИУ, 2016. — С. 139–144.

372. Пономарев Ю., Радченко Д. Реальные границы агломераций и распространение коронавируса // Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития: сб. ст. — М.: Фонд «Институт экономической политики им. Е. Т. Гайдара», 2020. — С. 39–46.

373. *Пономаренко Г. Н.* Курортология: энцикл. слов. — СПб.: Человек, 2008. — 256 с.
374. *Поппер К.* Логика и рост научного знания: избранные работы: пер. с англ. / под общ. ред. В. Н. Садовского. — М.: Прогресс, 1983. — 605 с.
375. *Поппер К.* Открытое общество и его враги: в 2 т. / пер. с англ. под общ. ред. В. Н. Садовского. — М.: Феникс, 1992. — Т. 1: Чары Платона. — 448 с.
376. *Поппер К.* Открытое общество и его враги: в 2 т. / пер. с англ. под общ. ред. В. Н. Садовского. — М.: Феникс, 1992. — Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. — 525 с.
377. *Постолов В. Д., Брянцева Л. В., Недикова Е. В., Кривоцова Г. А.* Сущностные и содержательные особенности землеустройства как социально-экономической категории // Модели и технологии природообустройства (региональный аспект). — 2019. — № 2 (9). — С. 60–66.
378. *Пригожин И. Р.* Конец определенности: время, хаос и новые законы природы. — Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2000. — 208 с.
379. *Пригожин И. Р.* Философия нестабильности // Вопросы философии. — 1991. — № 6. — С. 46–57.
380. *Проблемы* русского космизма: материалы Междунар. науч.-обществ. конф. 2013. — М.: МЦР, 2016. — 384 с.
381. *Проблемы* федерализма, местного самоуправления и территориального развития в России. Научные исследования, прикладные проекты, библиография за 1990–1999 гг. / сост. и общ. ред. В. Н. Лексина, А. Н. Швецова. — М.: Эдиториал УРСС, 2000. — 584 с.
382. *Проблемы* экономической безопасности: новые глобальные вызовы и тенденции / Л. М. Анохин, Н. В. Анохина, О. Г. Аркадьева и др.; под ред. А. В. Карпушкиной. — Челябинск: ЮУрГУ, 2021. — 715 с.
383. *Производительные* силы: новый уровень развития / В. Г. Лебедев, В. П. Грошев, Б. К. Злобин и др. — М.: Мысль, 1989. — 207 с.
384. *Прокофьева Е. Н.* Проблемы функционирования сферы жилищно-коммунальных услуг промышленного региона, на примере Свердловской области // Вестник НГУЭУ. — 2019. — № 3. — С. 84–93.
385. *Пространство* современной России: возможности и барьеры развития (размышления географов-обществоведов) / А. Г. Дружинин, В. А. Колосов, В. Е. Шувалов и др. — М.: Вузовская книга, 2012. — 336 с.
386. *Прядеин А. А.* Городская муниципальная экономическая политика (теоретико-методологические и методические аспекты развития): дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. — Екатеринбург, 2005. — 202 с.
387. *Пугач В. Н., Кирсанов К. А.* Экономическая безопасность образовательного учреждения // Российский экономический интернет-журнал. — 2009. — № 4. — URL: https://www.e-rej.ru/Articles/2009/Pugach_Kirsanov.pdf (дата обращения: 20.09.2022).
388. *Пыткин А. Н., Сухих В. А., Урасова А. А.* Инновационная социоэкономическая система региона в современных условиях: анализ, динамика, тенденции развития, принципы регулирования. — Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2015. — 156 с.
389. *Разумов А. Н., Мазитов Ф. Х., Ильясов Б. Г., Загидуллин Ш. З.* Санаторно-курортный комплекс как сложный объект управления // Вопросы курорто-

логии, физиотерапии и лечебной физической культуры. — 2008. — № 5. — С. 43–46.

390. Райнерт Э. С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными: пер. с англ. / под ред. В. Автономова. — М.: Высшая школа экономики, 2011. — 384 с.

391. Райсик А. Э. К вопросу об определении границ городских агломераций: мировой опыт и формулировка проблемы // Демографическое обозрение. — 2020. — № 1. — С. 27–53.

392. Райсик А. Э. Определение границ городских агломераций России: создание модели и результаты // Демографическое обозрение. — 2020. — № 2. — С. 54–96.

393. Распределение населения, имеющего занятия по отраслям народного хозяйства и уровню образования: Всесоюзная перепись населения 1970 г.: постоянное население. Городское и сельское население. Оба пола. Крымская область. — М.: Б. и., 1972.

394. Раткин Л. С. Подготовка к промышленно-технологическому переходу на платформу «Индустрия 5.0»: инвестиции в квантовую экономику на примере развития мультидиверсифицированных энергетических и космических холдингов // Инвестиции в России. — 2019. — № 12 (299). — С. 37–41.

395. Ратцель Ф. Народоведение: в 2 т. — 4-е изд. — СПб.: Просвещение, 1904. — Т. 2. — 874 с.

396. Рахмеева И. И. Региональная регуляторная среда: на распутье. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2021. — 210 с.

397. Регион в новой парадигме пространственной организации России / под общ. ред. А. И. Татаркина. — М.: Экономика, 2007. — 751 с.

398. Региональная экономика / под общ. ред. Я. П. Силина, Е. Г. Анимицы. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2020. — 417 с.

399. Региональная экономика Крыма: точки роста / Л. М. Борщ, С. Ю. Цехла, Н. А. Симченко и др. — Симферополь: Антикава, 2017. — 283 с.

400. Региональное экономическое пространство: развитие территории и человека / А. Д. Зарецкий, Т. Е. Иванова, В. А. Немиров и др.; под ред. А. Д. Зарецкого, Т. Е. Ивановой. — Краснодар: Просвещение-Юг, 2013. — 260 с.

401. Регионы Республики Крым. 2020: стат. сб. / Крымстат. — Симферополь, 2021. — 226 с.

402. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2003: стат. сб. / Госкомстат России. — М., 2003. — 895 с.

403. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: стат. сб. / Росстат. — М., 2021. — 1112 с.

404. Регионы России: стат. сб.: в 2 т. / Госкомстат России. — М., 1998. — Т. 2. — 797 с.

405. Регіональні показники розвитку Автономної республіки Крим. — Симферополь: Держкомстат України, Головне управління статистики в Автономній Республіці Крим, 2001.

406. Регуляторная политика в России: основные тенденции и архитектура будущего / А. Е. Голодникова, А. А. Ефремов, Д. В. Соболев и др. — М.: Центр стратегических разработок, 2018. — 192 с.

-
407. *Реестры поставщиков информации / ГИС ЖКХ* — Государственная информационная система жилищно-коммунального хозяйства. — URL: <https://dom.gosuslugi.ru/#!/organizations?doSearch=false> (дата обращения: 28.09.2022).
408. *Рекреационная география СССР: аспекты развития и размещения: сб. ст. / отв. ред. Ю. С. Путрик, В. В. Свешников.* — М.: МФГО, 1983. — 128 с.
409. *Рерих Н. К.* Культура — почитание Света. — URL: <https://lib.icr.su/node/711> (дата обращения: 20.09.2022).
410. *Рерих Н. К.* Культура — сотрудничество. — URL: <https://lib.icr.su/node/110> (дата обращения: 26.09.2022).
411. *Рисс А.* Основы муниципального хозяйства / под ред. М. Д. Загряцкова. — Рига: Наука и жизнь, 1914. — 132 с.
412. *Роббинс Л.* Предмет экономической науки // Thesis. — 1993. — Т. 1, вып. 1. — С. 10–23.
413. *Розатнев Ю. М., Гарафутдинова Л. В., Разумов В. И.* Роль методов в работе с понятиями: примеры в изучении земельно-имущественного комплекса // Омские научные чтения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 11–16 декабря 2017 г.). — Омск: ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, 2017. — С. 832–835.
414. *Розач О. В., Фролова Е. В., Медведева Н. В.* Туристский потенциал российских территорий: позиция муниципальных органов власти // Вопросы экономики. — 2022. — № 9. — С. 125–138.
415. *Рой О. М.* Управление городом: основы муниципального менеджмента. — Омск: ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, 2000. — 168 с.
416. *Романова О. А., Сиротин Д. В.* Базовые отрасли промышленных регионов России. Образ будущего // Journal of new economy. — 2022. — Т. 23, № 2. — С. 9–28.
417. *Российский статистический ежегодник, 2021: стат. сб. / Росстат.* — М., 2021. — 692 с.
418. *Россия в меняющемся мире / Е. Г. Анимица, А. Т. Тертышный, А. А. Мальцев и др.* — Екатеринбург: УрГЭУ, 2001. — 279 с.
419. *Россия выходит из Болонской системы: кого и как это коснется / РБК.* — URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/28/05/2022/628e29749a794747a1ee085d (дата обращения: 20.09.2022).
420. *Рябова Л. А.* Регион как социум-участник глобализации: о выборе парадигмы региона при формировании собственной политики развития субъектами РФ // Север и рынок: формирование экономического порядка. — 2010. — № 2 (26). — С. 35–42.
421. *Сабельников Е. Г., Пьянов А. И.* Совершенствование региональной системы управления жилищно-коммунальным хозяйством // НаукаПарк. — 2017. — № 9 (60). — С. 22–24.
422. *Санжанов О. И.* Формирование и использование муниципальной казны крупнейшего города: нефинансовый аспект: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. — Екатеринбург, 2001. — 168 с.
423. *Саурин А.* Что скрывается за термином «муниципальное хозяйство»? // Городское управление. — 1998. — № 10. — С. 23–30.

-
424. *Саушкин Ю. Г.* Экономическая география: история, теория, методы, практика. — М.: Мысль, 1973. — 559 с.
425. *Сенчагов В. К.* Новые угрозы экономической безопасности и защита национальных интересов России // Проблемы теории и практики управления. — 2013. — № 10. — С. 8–18.
426. *Сенявский А. С.* Урбанизационный процесс в СССР в экономическом измерении: структурные и институциональные аспекты // Вопросы теоретической экономики. — 2019. — № 2. — С. 147–162.
427. *Сергачев А. А., Ряполов А. Н.* Экономическая оценка текущего состояния и перспектив модернизации сферы ЖКХ // Агротехника и энергообеспечение. — 2020. — № 3 (28). — С. 45–52.
428. *Сибирская Е. В., Абакумова Н. Н., Фирсов А. Е.* Развитие институциональной инфраструктуры инновационной деятельности в регионе // Региональная экономика: теория и практика. — 2008. — № 34. — С. 26–30.
429. *Силин Я. П.* Город и политика: проблемы формирования и развития. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2005. — 199 с.
430. *Силин Я. П., Анимица Е. Г.* Российская модель новой индустриализации: к постановке проблемы // Известия Уральского государственного экономического университета. — 2017. — № 5 (73). — С. 44–53.
431. *Силин Я. П., Анимица Е. Г.* Эволюция парадигмы региональной экономики // Journal of new economy. — 2020. — Т. 21, № 1. — С. 5–28.
432. *Силин Я. П., Анимица Е. Г., Новикова Н. В.* Уральский макрорегион: большие циклы индустриализации / под науч. ред. С. Ю. Глазьева, С. Д. Бодрунова. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2019. — 371 с.
433. *Силин Я. П., Анимица Е. Г., Тертышный А. Т.* Основы местного самоуправления. — 2-е изд., перераб. и доп. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2006. — 352 с.
434. *Силин Я. П., Дворяждина Е. Б., Антипин И. А.* Исследование приоритетов стратегического развития нового индустриального города // Управленец. — 2018. — Т. 9, № 6. — С. 2–16.
435. *Силин Я. П., Харитоненко О. В.* Доминанты исследования санаторно-курортной деятельности в контексте положений региональной экономики // Научные труды Вольного экономического общества России. — 2021. — № 6 (232). — С. 194–224.
436. *Симченко Н. А., Цехла С. Ю.* Ретроспективы экономических экспериментов в Крыму: уроки и успехи. — Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2016. — 232 с.
437. *Синергия пространства: региональные инновационные системы, кластеры и перетоки знания = Synergy in space: regional innovation systems, clusters, and knowledge spillovers* / А. Пилясов, Ю. Хомич, Э. Лоренцен и др.; под общ. ред. А. Н. Пилясова. — Смоленск: Ойкумена, 2012. — 760 с.
438. *Сираждинов Р. Ж.* Стратегическое планирование социально-экономического развития муниципальных образований // Муниципальная академия. — 2018. — № 4. — С. 38–42.
439. *Сиразетдинов Р. М.* Методические основы оценки и управления имуществом комплексом предприятий // Известия Казанского государственного архитектурно-строительного университета. — 2011. — № 2 (16). — С. 299–306.

-
440. *Скульмовская Л. Г.* Регион как источник разнонаправленного развития социальных общностей // Известия Уральского государственного университета. — 2005. — № 34. — С. 127–137.
441. *Скутин В. А.* Экономико-географические проблемы расселения в Свердловской городской агломерации: дис. ... канд. геогр. наук: 11.00.02. — Свердловск, 1978. — 278 с.
442. *Скуфьина Т. П., Баранов С. В.* Региональное развитие России в свете циклически-волновых представлений // Федерализм. — 2007. — № 1. — С. 29–48.
443. *Смирнова О. О.* Основы стратегического планирования Российской Федерации. — М.: Наука, 2013. — 302 с.
444. *Современные* подходы к оценке влияния потоков трудовых миграций на социально-экономическое благополучие принимающей территории / Е. Б. Бедрина, М. Н. Вандышев, Н. Л. Струин и др. — Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2014. — 153 с.
445. *Современный* толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. — М.: Ридерз Дайджест, 2004. — 960 с.
446. *Сорос Дж.* Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм: пер. с англ. — М.: ИНФРА-М, 2001. — 334 с.
447. *Социально-демографический* портрет России: по итогам Всероссийской переписи населения 2010 г. — М.: Статистика России, 2012. — 183 с.
448. *Социально-экономическая* география: понятия и термины: слов.-справ. / отв. ред. А. П. Горкин. — Смоленск: Ойкумена, 2013. — 328 с.
449. *Социокультурная* трансформация регионального развития Крыма / под общ. ред. И. Н. Воронина, А. Б. Швеца. — Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2022. — 217 с.
450. *СП 42.13330.2016.* Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений. Актуализированная редакция СНиП 2.07.01-89, утв. приказом Минстроя России от 30 декабря 2016 г. № 1034/пр. — URL: <https://rkc56.ru/attach/orenburg/docs/kodeks/SP-42-13330-2016-Svod-pravil-Gradostroitelstvo.pdf> (дата обращения: 12.07.2022).
451. *Список* моногородов России. — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_моногородов_России (дата обращения: 20.09.2022).
452. *Список* управляющих компаний Екатеринбурга по площади жилых домов в кв. м в управлении / ДОМАЕКВ.RU — Жилые дома Екатеринбурга. — URL: <https://domaekb.ru/uk/ploschad> (дата обращения: 28.09.2022).
453. *Срединный* регион: теория, методология, анализ / Е. Г. Анимича, А. А. Глумов, Е. Б. Дворякина и др. — 2-е изд., перераб. и доп. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2009. — 508 с.
454. *Статистический* справочник народного хозяйства и культуры Крымской АССР. — Симферополь: Упр. нар.-хоз. учета Крым. АССР, 1936. — 195 с.
455. *Степанов С. А.* Недвижимое имущество в гражданском праве. — М.: Статут, 2004. — 223 с.
456. *Стиглер Дж.* Рикардо и 93%-ная трудовая теория ценности // Вехи экономической мысли: в 6 т. / под ред. В. М. Гальперина. — СПб.: Экономическая школа, 2000. — Т. 3: Теория потребительского поведения и спроса. — С. 162–177.

-
457. *Столбов В. А., Шарыгин М. Д.* Региональный капитал. — Пермь: ПГНИУ, 2016. — 530 с.
458. *Столярова А. Н., Лочан С. А., Петросян Д. С., Семенова Ф. З.* Инвестиционное обеспечение и экономическая безопасность системы профессионального образования региона // *Инновации и инвестиции*. — 2019. — № 12. — С. 310–314.
459. *Стратегический план развития Екатеринбурга* / Официальный портал Екатеринбург.рф. — URL: <https://екатеринбург.рф/официально/стратегия> (дата обращения 11.10.2022).
460. *Стратегическое планирование в государственном секторе экономики* / под ред. С. Н. Сильвестрова. — М.: ИНФРА-М, 2022. — 344 с.
461. *Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г.*, утв. распоряжением Правительства РФ от 13 февраля 2019 г.
462. *Стратегия развития региона* / под ред. В. А. Ильина. — Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2004. — 228 с.
463. *Стратегия социально-экономического развития города Челябинска до 2005 г.* — Челябинск: ГАФК, 2002. — 129 с.
464. *Стратегия социально-экономического развития Карталинского муниципального района до 2020 г.* — Челябинск: ЮУрГУ, 2009. — 309 с.
465. *Стратегия социально-экономического развития Коркинского муниципального района до 2020 г.* / под ред. В. С. Антонюк. — Челябинск: ЮУрГУ, 2009. — 259 с.
466. *Структурная трансформация экономики городов старопромышленного региона* / Е. Г. Анимица, Н. Ю. Власова, Е. Б. Дворядкина, Н. М. Сурнина. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2001. — 140 с.
467. *Сурнина Н. М.* Пространственная экономика: проблемы теории, методологии и практики / под науч. ред. Е. Г. Анимицы. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2003. — 281 с.
468. *Сурнина Н. М.* Пространственная экономика: теоретико-методологическое и научно-практическое исследование: автореф. дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05. — Екатеринбург, 2003. — 43 с.
469. *Сурнина Н. М., Пестолова О. В.* Культурное сотрудничество — энергия нового времени // *Осознание Культуры — залог обновления общества. Перспективы развития современного общества: материалы XXII Всерос. науч.-практ. конф. (Севастополь, 16–17 апреля 2021 г.)*. — Севастополь: РИБЕСТ, 2021. — С. 113–114.
470. *Сурнина Н. М., Шишкина Е. А.* Региональное развитие: смещение пространственных приоритетов и измерителей // *Известия Уральского государственного экономического университета*. — 2015. — № 5 (61). — С. 69–75.
471. *Сухарев О. С.* Структурные проблемы новой модели роста российской экономики // *Научные труды Вольного экономического общества России*. — 2019. — Т. 215, № 1. — С. 148–167.
472. *Сухарев О. С.* Элементы цифровой экономики: информация, агенты, технологии // *Инвестиции в России*. — 2019. — № 6 (293). — С. 3–11.
473. *Сухарев О. С.* Элементы цифровой экономики: информация, агенты, технологии (окончание) // *Инвестиции в России*. — 2019. — № 7 (294). — С. 3–10.

-
474. *Сухих В. А., Урасова А. А.* Перспективы развития инновационной социально-экономической системы на региональном уровне // *Ars administrandi*. Искусство управления. — 2012. — № 2. — С. 27–35.
475. *Сэй Ж.-Б.* Трактат по политической экономии. — М.: Дело, 2000. — 232 с.
476. *Танина А. В., Сергеев Д. А., Коньшев Е. В., Танин Е. Ф.* К вопросу о направлениях исследования промышленного туризма // *Бизнес. Образование. Право*. — 2022. — № 1 (58). — С. 158–170.
477. *Тараскина А. В., Обухова Н. С., Золотова С. В.* Оценка экономической безопасности территориальных образовательных систем высшего образования в региональном управлении // *Экономический анализ: теория и практика*. — 2017. — № 4 (463). — С. 2312–2334.
478. *Татаркин А. И.* Новая индустриализация экономики России: потребность развития и/или вызовы времени // *Экономическое возрождение России*. — 2015. — № 2 (44). — С. 20–31.
479. *Татаркин А. И., Анимица Е. Г.* Крупные экономические районы в системе регионального развития и управления // *Экономические науки*. — 2008. — № 5. — С. 297–305.
480. *Татаркин А. И., Анимица Е. Г.* Формирование парадигмальной теории региональной экономики // *Экономика региона*. — 2012. — № 3 (31). — С. 11–21.
481. *Темирова З. У., Гурфова С. А.* Экономическое содержание имущественного комплекса, его роль в управлении предприятием // *Вестник Академии знаний*. — 2019. — № 35 (6). — С. 263–268.
482. *Теория рекреационной географии: / сост. В. П. Преображенский и др.* — М.: Б. и., 1988. — 54 с.
483. *Терновая Л. О.* Гений места Крыма: единство геоэтики и геополитики. — М.: Город XXI века, 2017. — 224 с.
484. *Территориальное стратегическое планирование на принципах широкого общественного участия / сост. Б. С. Жихаревич, Е. Г. Белова, Ж. В. Подоляко.* — СПб.: Леонтьевский центр, 2000. — 32 с.
485. *Территориальное стратегическое планирование: как разработать стратегический план. Практическое пособие.* — СПб.: Леонтьевский центр, 2003. — 96 с.
486. *Территориальное стратегическое планирование: первые уроки российской практики // Стратегическое планирование в городах России — реальные результаты: сб. материалов Первого общерос. форума городов-лидеров стратегического планирования (Пушкин, 18–19 апреля 2002 г.).* — СПб.: Леонтьевский центр, 2002. — 96 с.
487. *Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю.* — URL: <https://permstat.gks.ru> (дата обращения: 15.07.2022).
488. *Трейвиш А. И.* Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. — М.: Новый хронограф, 2009. — 372 с.
489. *Трубина Е. Г.* Город в теории. Опыт осмысления пространства. — М.: Новое литературное обозрение, 2011. — 520 с.

-
490. *Туманян Ю. Р.* Место муниципального хозяйства и его ресурсы в системе экономических отношений // Экономический вестник Ростовского государственного университета. — 2008. — Т. 6, № 3-3. — С. 307–310.
491. *Тургель И. Д.* Монофункциональные города России: от выживания к устойчивому развитию. — Екатеринбург: УрАГС, 2010. — 520 с.
492. *Тургель И. Д., Зурабова И. З.* Городские поселения Российского Севера: становление, развитие, функции в системе расселения и экономике северных территорий. — Екатеринбург: УрАГС, 2004. — 114 с.
493. *Туристско-рекреационный* ресурсный потенциал Республики Крым и г. Севастополь / под ред. И. М. Яковенко. — Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2015. — 408 с.
494. *Туровский Р. Ф.* Культурные ландшафты России. — М.: Рос. НИИ культ. и природ. наследия, 1998. — 210 с.
495. *Уильямсон О. И.* Экономические институты капитализма: фирмы, рынки, «отношенческая» контракция: пер. с англ. — СПб.: Лениздат, 1996. — 702 с.
496. *Уляева А. Г.* Анализ методических подходов к выделению агломерационных образований // Региональная экономика: теория и практика. — 2016. — Т. 14, вып. 12. — С. 17–27.
497. *Умберг Э. Д.* Стратегическое целополагание. — URL: <https://center-yf.ru/data/Menedzheru/Strategicheskoe-celepolaganie.php> (дата обращения: 15.08.2022).
498. *Урунов А. А.* Единое и общее экономическое пространство. — М.: Синергия, 2014. — 388 с.
499. *Устойчивый Крым.* План действий: науч. тр. КИПКС. — Киев–Симферополь: СОНАТ, 1999. — 400 с.
500. *Физиотерапия* и курортология: руководство: в 3 кн. / под ред. В. М. Боголюбова. — М.: Бином, 2012. — Кн. 1. Медицинская климатология и климатотерапия. Медицинская гидрология и теплогрязелечение. Преформированные физические факторы / Л. В. Веремчук и др. — 407 с.
501. *Филиппов Ю. В., Авдеева Т. Т., Лаврова Т. Г.* Теории местного экономического развития. — М.: КноРус, 2013. — 100 с.
502. *Флоренский П. А.* Мнимости в геометрии. Расширение области двухмерных образов геометрии: опыт нового истолкования мнимостей. — М.: Лазурь, 1991. — 95 с.
503. *Флоренский П. А.* Пределы гносеологии (основная антиномия теории знания) // Флоренский П. А. Сочинения: в 4 т. — М.: Мысль, 1996. — Т. 2. — С. 34–60.
504. *Флорида Р.* Кто твой город? Креативная экономика и выбор места жительства. — М.: Strelka Press, 2014. — 368 с.
505. *Франк С. Л.* Духовные основы общества. — М.: Республика, 1992. — 510 с.
506. *Фукуяма Ф.* Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: пер. с англ. — М.: АСТ, 2004. — 730 с.
507. *Фукуяма Ф.* Социальный капитал // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. — М.: МШПИ, 2002. — С. 129–148.

-
508. *Фундаментальные* проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез = *Fundamental problems of spatial development of the Russian Federation: interdisciplinary synthesis* / В. А. Авксентьев, Е. М. Аврамова, Н. Е. Антонова и др. — М.: Медиа-Пресс, 2013. — 664 с.
509. *Хакен Г.* Синергетика: пер. с англ. / под ред. Ю. Л. Климонтовича, С. М. Осовца. — М.: Мир, 1980. — 404 с.
510. *Хакен Г.* Тайны природы. Синергетика: учение о взаимодействии: пер. с нем. — М.-Ижевск: Ин-т компьютер. исслед., 2003. — 320 с.
511. *Хакимов В. В.* Особенности системы управления муниципальной ответственностью // Вестник Челябинского государственного университета. — 2016. — № 2 (384). — С. 214–221.
512. *Халин В. Г., Чернова Г. В.* Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. — 2018. — № 10. — С. 46–63.
513. *Хаматов Т. И.* Земельно-имущественный комплекс — основа развития земельно-имущественных отношений // Управление земельно-имущественными отношениями: сб. науч. тр. XII Междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, 29–30 ноября 2016 г.). — Пенза: ПГУАС, 2016. — С. 364–366.
514. *Харари Ю. Н.* Homo Deus. Краткая история будущего: пер. с англ. — М.: Синдбад, 2020. — 496 с.
515. *Хаусхофер К., Ратцель Ф.* Теория жизненного пространства. — М.: Алгоритм, 2018. — 240 с.
516. *Хилл Ф., Гэдди К.* Сибирское бремя. Прочеты советского планирования и будущее России: пер. с англ. — М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2007. — 328 с.
517. *Ходорич И. А.* Развитие местного самоуправления на основе совершенствования институциональной среды муниципальной экономики: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. — Шахты, 2009. — 26 с.
518. *Хурматуллина А. Ф.* Стратегическое планирование муниципальных образований с численностью населения более 1 миллиона человек // Известия Волгоградского государственного технического университета. — 2017. — № 2 (197). — С. 88–95.
519. *Царфис П. Г.* Рекреационная география СССР: курортологические аспекты. — М.: Мысль, 1979. — 311 с.
520. *Целевые программы малых городов. Экономика города.* — URL: https://bstudy.net/687174/ekonomika/tselevye_programmy_malyh_gorodov (дата обращения: 13.10.2022).
521. *Циолковский К. Э.* Жизнь человечества. — URL: <https://www.tsiolkovsky.org/ru/kosmicheskaya-filosofiya/zhizn-chelovechestva> (дата обращения: 25.09.2022).
522. *Циолковский К. Э.* Космос есть животное. — URL: <https://www.tsiolkovsky.org/wp-content/uploads/2021/08/60-tsiolkovsky-kosmos-est-zhivotnoe.pdf> (дата обращения: 26.09.2022).
523. *Циолковский К. Э.* Причина Космоса // Циолковский К. Э. Грезы о Земле и небе. — М.: АСТ, 2021. — С. 145–154.
524. *Чаклин А. В.* Медицинская география. — М.: Знание, 1977. — 128 с.

-
525. *Челябинская* агломерация: потенциал развития / В. Л. Глазычев, И. В. Стародубровская, М. Ю. Славгородская и др. — Челябинск: Еманжелинская городская типография, 2008. — 278 с.
526. *Черкасов Г. И.* Основы теории производительных сил. — 2-е изд. — М.: Экономика, 2008. — 172 с.
527. *Чернова В. В.* Многополярная модель реализации экономических интересов регионов — концепт экономической безопасности национального хозяйства: автореф. дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.01, 08.00.05. — Тамбов, 2009. — 43 с.
528. *Чернова В. В.* Экономическая безопасность страны как отражение равновесной реализации ее национально-государственных интересов // Вестник Томского государственного университета. — 2009. — № 3. — С. 285–290.
529. *Чижевский А. Л.* Основное начало мироздания. Система космоса. Проблемы // Духовное созерцание. — 1997. — № 1–2. — С. 105–149.
530. *Шабанова М. А.* Социоэкономика: от парадигмы к новой науке // Общественные науки и современность. — 2006. — № 1. — С. 121–133.
531. *Шапошникова Л. В.* «...Сын Земли, причастный к силе Феба» // Шапошникова Л. В. Великое путешествие: в 3 кн. — Кн. 3: Вселенная Мастера. — М.: МЦР, 2005. — С. 497–609.
532. *Шапошникова Л. В.* Философия космической реальности. — М.: МЦР, 2021. — 268 с.
533. *Шарыгин М. Д.* Общественная география в России: тернистый путь развития // Географический вестник. — 2017. — № 2 (41). — С. 7–25.
534. *Шарыгин М. Д., Столбов В. А.* Теоретико-методологические аспекты поиска законов и закономерностей в общественной географии // Географический вестник. — 2020. — № 1 (52). — С. 22–32.
535. *Шаститко А. Е.* Знания для доказательной экономической политики: спрос и предложение // Управление наукой: теория и практика. — 2022. — Т. 4, № 2. — С. 99–111.
536. *Шваб К., Ванхэм П.* Капитализм всеобщего блага: новая модель мировой экономики: пер. с англ. — М.: Эксмо, 2022. — 352 с.
537. *Швецов А. Н.* Поляризация урбанистического пространства: особенности российского процесса в контексте мировых тенденций // Регионалистика. — 2017. — Т. 4, № 5. — С. 20–35.
538. *Шеве Г., Хюзиг С., Гумерова Г. И., Шаймиева Э. Ш.* Цифровая трансформация социотехнических систем: изменения на макро-, мезо-, микроуровнях на основе искусственного интеллекта или дополненной реальности // Инвестиции в России. — 2019. — № 12 (299). — С. 14–20.
539. *Шиллингер Ф. Ф.* Крымский полуостров, его роль и значение в СССР. Описание Крыма и проблема его переустройства путем обогащения его природных ресурсов, развития мирового туризма и курортного дела. — М.: Жизнь и знание, 1935. — 200 с.
540. *Ширяев М. В.* Экономическая безопасность высшего профессионального образования: концептуальные основы // Фундаментальные исследования. — 2015. — № 11-6. — С. 1272–1276.

-
541. Шмидт А. Н., Банников А. Ю. О системе стратегического планирования социально-экономического развития муниципального образования // Новый взгляд. Международный научный вестник. — 2015. — № 10. — С. 262–272.
542. Шох М. А. Сущность муниципального хозяйства как составной части экономики региона // Стратегия социально-экономического развития общества: управленческие, правовые, хозяйственные аспекты: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Курск, 25 ноября 2011 г.): в 2 т. — Курск: ЮЗГУ, 2011. — Т. 2. — С. 205–207.
543. Шрейдер Г. И. Наше городское общественное управление: этюды, очерки, заметки. — СПб.: Паровая скоропечатня «Восток» М. М. Гутзац, 1902. — Т. 1. — 337 с.
544. Шулуc А. А. Социоэкономика как межотраслевая наука: предмет, метод, формы институционализации // Труд и социальные отношения. — 2008. — Т. 19, № 1. — С. 4–11.
545. Шумпетер Й. А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия: пер. с англ. — М.: Экспо, 2007. — 864 с.
546. Щербакова Е. Население городов мира по оценкам ООН 2018 г. / Демоскоп Weekly. — URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2020/0841/barom01.php> (дата обращения: 05.08.2022).
547. Экономика сферы услуг в условиях цифровизации / под науч. ред. Е. Б. Дворядкиной. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2020. — 309 с.
548. Экономическая безопасность: производство — финансы — банки / под ред. В. К. Сенчагова. — М.: Финстатинформ, 1998. — 621 с.
549. Эндаумент МГИМО. — URL: <https://fund.mgimo.ru> (дата обращения: 20.09.2022).
550. Южаков В. Н., Добролюбова Е. И., Покида А. Н., Зыбуновская Н. В. Клиентоцентричность государственного контроля: оценка граждан // Вопросы государственного и муниципального управления. — 2022. — № 3. — С. 38–60.
551. Юшина Е. А. Муниципальное хозяйство как объект муниципального управления // Микроэкономика. — 2010. — № 4. — С. 100–104.
552. Яковенко Н. В., Бутко Г. П., Мехренцев А. В. Типологические особенности инновационного развития ЛПК // Актуальные направления научных исследований в XXI веке: теория и практика. — 2022. — Т. 10, № 2 (57). — С. 124–138.
553. Яковец Ю. В. Циклы. Кризисы. Прогнозы. — М.: Наука, 1999. — 448 с.
554. Ясин Е. Г. Российская экономика. Истоки и панорама рыночных реформ. — М.: ГУ ВШЭ, 2002. — 437 с.
555. Abis E., Garau C. An assessment of the effectiveness of strategic spatial planning: a study of Sardinian municipalities // European planning studies. — 2016. — Vol. 24, no. 1. — P. 139–162.
556. Acemoglu D., Robinson J. A. Why nations fail: the origins of power, prosperity, and poverty. — New York: Crown, 2012. — 529 p.
557. Agnew J. Making the strange familiar: geographical analogy in global geopolitics // Geographical review. — 2009. — Vol. 99, iss. 3. — P. 426–443.
558. Akhmetshin E. M., Kovalenko K. E., Ling V. V. et al. Individual entrepreneurship in Russia and abroad: social and legal aspects // Journal of entrepreneurship education. — 2018. — Vol. 21. — Special iss. 2. — URL: <https://www.abacademies.org/arti>

cles/Individual-entrepreneurship-in-russia-and-abroad-1528-2651-21-S2-261.pdf (дата обращения: 15.07.2022).

559. *Beaverstock J. V., Smith R. G., Taylor P. J.* World-city network: a new meta-geography? // *Annals of the association of American geographers*. — 2000. — Vol. 1. — P. 123–134.

560. *Becker G. S.* Human Capital: a theoretical and empirical analysis, with special reference to education. — Chicago: University of Chicago Press, 1993. — 412 p.

561. *Beech B. M., Ford C., Thorpe R. J. et al.* Poverty, racism, and the public health crisis in America // *Frontiers in public health*. — 2021. — Vol. 9. — Art. no. 699049.

562. *Chandra Y.* Mapping the evolution of entrepreneurship as a field of research (1990–2013): a scientometric analysis // *PLoS ONE*. — 2018. — Vol. 13, no. 1. — P. e0190228.

563. *Chen J.* Impact investing explained: definition, types, and examples. — URL: <https://www.investopedia.com/terms/i/impact-investing.asp> (дата обращения: 15.08.2022).

564. *Chiara E. D., Menon M., Perali F.* An integrated database to measure living standards // *Journal of official statistics*. — 2019. — Vol. 35, no. 3. — P. 531–576.

565. *Cook D., Davíðsdóttir B., Gunnarsdóttir I.* A conceptual exploration of how the pursuit of sustainable energy development is implicit in the Genuine Progress Indicator // *Energies*. — 2022. — Vol. 15, no. 6. — Art. no. 2129.

566. *Cook P. S.* Constructions and experiences of authenticity in medical tourism: the performances of places, spaces, practices, objects and bodies // *Tourist Studies*. — 2010. — Vol. 10, iss. 2. — P. 135–153.

567. *Dalstrom M.* Medical travel facilitators: connecting patients and providers in a globalized world // *Anthropology and medicine*. — 2013. — Vol. 20, iss. 1. — P. 24–35.

568. *Demazière C.* Strategic spatial planning in a situation of fragmented local government: the case of France // *DISP*. — 2018. — Vol. 54, no. 2. — P. 58–76.

569. *Dillon M., Lobo-Guerrero L.* Biopolitics of Security in the 21st Century: An Introduction // *Review of international studies*. — 2008. — Vol. 34, no. 2. — P. 265–292.

570. *Falkowski M., Wiśniewski P.* Impact investment as a new investment class // *Review of business and economics studies*. — 2013. — Vol. 1, no. 1. — P. 78–88.

571. *Flint C., Taylor P. J.* Political geography, world-economy, nation-state and locality. — 4th edition. — Harlow: Prentice Hall (Longman), 2000. — 390 p.

572. *Fujita M., Krugman P.* The new economic geography: past, present and the future // *Papers in regional science*. — 2004. — Vol. 83, no. 1. — P. 139–164.

573. *Fujita M., Krugman P. R., Venables A. J.* The spatial economy: cities, regions, and international trade. — Boston: MIT Press, 2001. — 380 p.

574. *Gibbs G.* The evolution of population // *Economic geography*. — 1963. — Vol. 39, no. 2. — P. 119–129.

575. *Glänze W., Thijs B., Schlemmer B.* A bibliometric approach to the role of author self-citations in scientific communication // *Scientometrics*. — 2004. — Vol. 59, no. 1. — P. 63–77.

576. *Globalization* and world cities research network / Wikipedia. — URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Globalization_and_World_Cities_Research_Network (дата обращения: 10.09.2022).

577. *Godeke S., Briaud P.* Impact investing handbook an implementation. guide for practitioners. — URL: <https://www.rockpra.org/wp-content/uploads/2020/10/RPA-Impact-Investing-Handbook-1.pdf> (дата обращения: 15.08.2022).

578. *Goncharova M. N., Blaginin V. A.* Economic conflicts as a possible destabilizing factor for sustainable development of the territory // Proceedings of the Second conference on sustainable development: industrial future of territories (IFT 2021). — Ekaterinburg: Atlantis Press, 2021. — P. 279–282.

579. *Gurria A.* The economy of well-being / OECD. — URL: <https://www.oecd.org/about/secretary-general/the-economy-of-well-being-iceland-september-2019.htm> (дата обращения: 15.09.2022).

580. *Hall P., Hay D.* Growth centres in the European urban system. — Los Angeles: Berkeley, 1980. — 278 p.

581. *Henderson J. V.* Urban development: theory, fact and illusion. — New York: Oxford University Press, 1988. — 266 p.

582. *Hofer S., Honegger F., Hubeli J.* Health tourism: definition focused on the Swiss market and conceptualisation of health(i)ness // Journal of health organisation and management. — 2012. — Vol. 26, iss. 1. — P. 60–80.

583. *Houtum van H.* The Geopolitics of Borders and Boundaries // Geopolitics. — 2005. — Vol. 10, no. 4. — P. 672–79.

584. *Isard W.* Methods of regional analysis: an introduction to regional science. — New York: Wiley, 1960. — 834 p.

585. *Jevons W. S.* The theory of political economy. — Fifth edition. — London: Macmillan and Co., 1924. — 342 p.

586. *Jia J. X., Ma G. G., Qin C. N., Wang L. Y.* Place-based policies, state-led industrialisation, and regional development: evidence from China's Great Western Development Programme // European economic review. — 2020. — Vol. 123. — Art. no. 103398.

587. *Johnsen Å.* Impacts of strategic planning and management in municipal government: an analysis of subjective survey and objective production and efficiency measures in Norway // Public Management Review. — 2018. — Vol. 20, no. 3. — P. 397–420.

588. *Johnsen Å.* Strategic planning and management in local government in Norway: status after three decades // Scandinavian political studies. — 2016. — Vol. 39, no. 4. — P. 333–365.

589. *Kramer L.* Impact investing: making a difference and a profit. — URL: <https://www.investopedia.com/articles/investing/061014/impact-investing-making-difference-and-profit.asp#toc-not-just-the-rich-anymore> (дата обращения: 15.08.2022).

590. *Krugman P.* First nature, second nature, and metropolitan location // Journal of regional science. — 1993. — Vol. 33, no. 2. — P. 129–144.

591. *Kulkarni V. S., Kulkarni V. S., Gaiha R.* Subjective well-being in India // Economic and political weekly. — 2021. — Vol. 56, no. 22. — P. 40–47.

-
592. *Li C., Zhang Y.* How does housing wealth affect household consumption? Evidence from macro-data with special implications for China // *China economic review*. — 2021. — Vol. 69. — Art. no. 101655.
593. *Loh C. P.* Health tourism on the rise? Evidence from the Balance of Payments Statistics // *The European journal of health economics*. — 2014. — Vol. 15, iss. 7. — P. 759–766.
594. *Majeed N., Ainin S.* Visualizing the evolution and landscape of socio-economic impact research // *Quality and quantity*. — 2021. — Vol. 55, no. 2. — P. 637–659.
595. *Makkonen T., Williams A. M.* Border region studies: the structure of an ‘off-beat’ field of regional studies // *Regional studies, regional science*. — 2016. — Vol. 3, no. 1. — P. 355–367.
596. *McHale J.* Health tourism and the UK: some new developments // *British journal of nursing*. — 2010. — Vol. 19, iss. 14. — P. 926–927.
597. *Milutinovic S., Jolovic A.* Building capacity for sustainability: strategic planning processes for local sustainable development practices in Western Balkan // *Lex localis*. — 2010. — Vol. 8, no. 3. — P. 293–311.
598. *Milutinovic S., Zivkovic S.* Planning local sustainable development in Western Balkans // *Management of environmental quality: an international journal*. — 2014. — Vol. 25, no. 1. — P. 19–29.
599. *Modelski G.* *World cities: 3000 to 2000*. — Washington: Print length Publisher, 2003. — 254 p.
600. *Morris I.* *Why the west rules for now: the patterns of history, and what they reveal about the future*. — New York: Picador, 2011. — 768 p.
601. *Multiple GaWCs / GaWC*. — URL: <https://www.lboro.ac.uk/microsites/geography/gawc/multiple.html> (дата обращения: 03.09.2019).
602. *Newman D.* Into the millenium: the study of international boundaries in an era of global and technological change // *Boundary and security bulletin*. — 1999. — Vol. 7, no. 4. — P. 63–71.
603. *North D. C.* *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1990. — 153 p.
604. *O’Sullivan A.* *Urban Economics*. — Boston: Irwin/McGraw-Hill, 1993. — 738 p.
605. *Ohmae K.* *The borderless world: power and strategy in the interlinked economy*. — New York: Harper Business, 1999. — 276 p.
606. *Paasi A.* *Borders and border-crossings // New companion to cultural geography*. — London: Wiley-Blackwell, 2012. — P. 478–493.
607. *Pirson M.* Leading for well being — dignity as cornerstone // *Humanistic management journal*. — 2021. — Vol. 6. — P. 147–150.
608. *Place-based growth: unleashing counties’ role in levelling up England*. — London: Grant Thornton UK LLP, 2020. — 138 p.
609. *Rotolo D., Rafols I., Hopkins M. M., Leydesdorff L.* Strategic intelligence on emerging technologies: Scientometric overlay mapping // *Journal of the association for information science and technology*. — 2017. — Vol. 68, no. 1. — P. 214–233.
610. *Sargsyan Sh. A., Hakobyan P. M., Shushanyan R. A. et al.* The role of socio-economic and scientometric indicators in the cancer mortality rate // *The manager*. — 2022. — Vol. 13, no. 4. — P. 54–68.

-
611. *Schultz T. W.* Investment in human capital: the role of education and of research. — New York: The Free Press, 1971. — 272 p.
612. *Sharifi A.* Urban resilience assessment: mapping knowledge structure and trends // Sustainability (Switzerland). — 2020. — Vol. 12, no. 15. — Art. no. 5918.
613. *Simmel G.* The sociology of space. Simmel on Culture // Selected Writings / ed. by D. Frisby, M. Featherstone. — London: Sage, 1997. — P. 137–170.
614. *Speier A. R.* Health tourism in a Czech health spa // Anthropology and medicine. — 2011. — Vol. 18, iss. 1. — P. 55–66.
615. *Taylor P. J., Catalano G., Walker D. R. F.* Measurement of the world city network // Urban studies. — 2002. — Vol. 13. — P. 2367–2376.
616. *Turcu C.* Responsibility for sustainable development in Europe: what does it mean for planning theory and practice? // Planning theory & practice. — 2018. — Vol. 19, no. 3. — P. 385–404.
617. *Urban Eurasia. Cities in Transformation.* — Berlin: DOM Publishers, 2017. — 287 p.
618. *Vaahutoranta T.* How energy and climate change may pose a threat to sustainable security // Great powers and strategic stability in the 21st century: competing visions of world order / ed. by G. P. Herd. — London: Routledge, 2010. — P. 82–98.
619. *Waddock S.* Wellbeing economics narratives for a sustainable future // Humanistic management journal. — 2021. — Vol. 6. — P. 151–167.
620. *Wegenast T., Khanna A.A., Schneider G.* The micro-foundations of the resource curse: Mineral ownership and local economic well-being in Sub-Saharan Africa // International studies quarterly. — 2020. — Vol. 64, no. 3. — P. 530–543.
621. *Woolard K., Munira S., Jesmin K., Hruschka D.* Evaluating the performance of five asset-based wealth indices in predicting socioeconomic position in rural Bangladesh // Field methods. — 2022. — Vol. 34, no. 2. — P. 108–124.
622. *World Development Report 1991: the challenge of development.* — New York: Oxford University Press, 1991. — 290 p.
623. *World development report 2009: reshaping economic geography.* — Washington, DC: World Bank, 2009. — URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/5991> (дата обращения: 15.02.2021).
624. *World urbanization prospects: the 2018 revision, methodology / United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division.* (working paper no. ESA/P/WP.252). — New York: United Nations, 2019. — 125 p.
625. *Zewde N., Crystal S.* Impact of the 2008 Recession on wealth-adjusted income and inequality for U.S. Cohorts // Journals of gerontology — Series B Psychological sciences and social sciences. — 2022. — Vol. 77, no. 4. — P. 780–789.

**ПОЗДРАВЛЕНИЯ,
ПОСТУПИВШИЕ В АДРЕС ЮБИЛЯРА
ПРОФЕССОРА Е. Г. АНИМИЦЫ**

Дорогой и глубокоуважаемый Евгений Георгиевич!

Примите самые теплые поздравления с Юбилеем от учеников Вашей научной школы! Ваша искренняя любовь к науке, Ваш неиссякаемый научный энтузиазм для многих из нас стали побудительным стимулом для того, чтобы связать свою судьбу с научными исследованиями по региональной и муниципальной экономике.

Уральская научная школа по региональной и муниципальной экономике – сложившаяся и признанная в России и за рубежом. Исследования, объединенные общей идеей и методологией, проводимые в рамках научной школы по региональной и муниципальной экономике, всегда отличает актуальность, теоретическая проработанность и высокая практическая значимость. Научная школа, созданная и возглавляемая Вами, получила широкую известность своими исследованиями в области социально-экономического развития регионов, городов, комплексного решения проблем пространственного и социально-экономического развития территорий, муниципальной экономики. В настоящее время представители научной школы разрабатывают ряд новых научных направлений – пространственная экономика, сетевая экономика, социозкономика, экономика недвижимости, региональные аспекты новой индустриализации и модернизации.

Ваши научно-исследовательские работы и исследования Ваших учеников создают благоприятные возможности для разработки новых учебных программ и подготовки новых учебных дисциплин и спецкурсов, читаемых на кафедре и в университете.

Результаты исследований внедрены и широко используются в деятельности различных министерств и ведомств субъектов РФ и муниципальных образований. Большое количество ученых, докторов наук, профессоров, руководителей различных органов власти и управления тесно связаны с научной школой Евгения Георгиевича Анимичи.

Задача наших научных школ – не только формировать ядро научных знаний в той или иной области науки, но и в большей степени поддерживать и развивать когорту молодых ученых, шлеяду, связавшую свою жизнь с научными исследованиями. Более 100 кандидатских и докторских диссертаций было защищено под Вашим руководством и руководством Ваших учеников.

Мы с гордостью говорим, что являемся частью научной школы по региональной экономике под руководством Е.Г. Анимичи. Вы привили нам многие навыки и умения, так необходимые современному ученому. Мы постоянно учимся у Вас преемственности и нестандартным подходам, тщательности и скрупулезности в проведении научных исследований, высоким стандартам профессиональной культуры.

Дорогой Евгений Георгиевич, Юбилей – это не только повод подвести определенные итоги, но и наметить задачи на будущее. Желаем Вам крепкого здоровья, творческих идей и новых учеников! Пусть Вас окружают дорогие и любимые люди!

С юбилеем!

Ваши преданные ученики

**ОБЩЕРОССИЙСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
ВОЛЬНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО РОССИИ**

125375, Москва, Тверская ул., 22А, тел.: +7 (495) 609-07-66,
факс: +7 (495) 699-02-28, e-mail: info@veorus.ru, https://veorus.ru

Профессору кафедры региональной,
муниципальной экономики и управления,
главному советнику при ректорате УрГЭУ,
Члену Правления Уральского отделения Вольного
экономического общества России, д.г.н., профессору
Е.Г. Анимце

Уважаемый Евгений Георгиевич!

Вольное экономическое общество России (ВЭО России) сердечно поздравляет Вас с 85-летием.

Мы знаем Вас как выдающегося, компетентного и талантливого ученого, уважаемого человека в научном сообществе, в органах власти и бизнес-структурах.

Под Вашим научным руководством защищено 14 докторантов и 42 кандидата наук, что послужило источником развития интеллектуального потенциала многих вузов Российской Федерации.

Заслуживает признания Ваш 55-летний стаж в Уральском государственном экономическом университете. Благодаря Вашему трудолюбию и кооперации научных связей, Вуз стал авторитетной площадкой проведения многих всероссийских и международных мероприятий.

Ваши предложения и наработки внедряются в практику и входят в стратегические документы Урала. Нельзя не отметить Ваш многолетний труд в Общественных советах органов государственной власти региона и усилия по формированию и корректировке муниципальных и областных программ.

Разработанная Вами концепция пространственной организации промышленного производства является научной основой для формирования новой региональной экономической политики. Уникальными являются научные исследования в области проблем развития крупнейших городов, моногородов, закрытых городов, имеющих важное значение для развития регионов промышленного типа. Благодаря Вашей инициативе, руководству и непосредственному участию разрабатывается новое научное направление в экономических науках – муниципальная экономика.

Широкий кругозор и глубокое знание проблем пространственной организации общества, региональной экономики позволили Вам поддерживать высокий уровень публикационной активности, о чем свидетельствуют более 600 опубликованных работ.

Доброго Вам здоровья, благополучия, новых идей и долгих лет плодотворной работы!

Член-корреспондент РАН,
Президент ВЭО России, президент МСЭ,
директор Института нового индустриального
развития имени С.Ю. Витте. д.э.н., профессор

С.Д. Бодрунов

**Министерство экономики и территориального
развития Свердловской области**

БЛАГОДАРСТВЕННОЕ ПИСЬМО

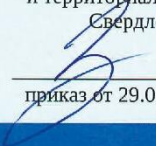
НАГРАЖДАЕТСЯ

**Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор географических наук, профессор, главный советник при
ректорате и профессор кафедры региональной, муниципальной
экономики и управления ФГБОУ ВО «Уральский
государственный экономический университет»**

Анимица Евгений Георгиевич

за огромный вклад в развитие региональной науки и профессиональную
подготовку государственных и муниципальных служащих
Свердловской области, многолетнее продуктивное сотрудничество и активное
экспертное участие в составе общественного совета при Министерстве
экономики и территориального развития Свердловской области

Исполняющий обязанности
Министра экономики
и территориального развития
Свердловской области

Т.В. Gladkova
приказ от 29.09.2022 № 150-л

Профессору Уральского
государственного
экономического
университета

Е.Г. Анимце

Уважаемый Евгений Георгиевич!

От имени Министерства социальной политики Свердловской области и от себя лично сердечно поздравляю Вас с юбилеем!

Ваша мудрость, опыт, знания и поразительная работоспособность залог вашего успеха во всех начинаниях! Многие знают, что, обратившись к Вам, встретятся с пониманием, доброжелательностью и компетентностью.

Министерство социальной политики Свердловской области выражает искреннюю благодарность за совместную работу и многолетнюю активную деятельность.

Мы глубоко ценим Ваш опыт и мудрость, искренность и доброту. Вы являетесь примером для нас во всех начинаниях, мы восхищаемся вашей активной гражданской и жизненной позицией.

Примите пожелания самого крепкого здоровья. Благополучия Вам и вашим близким, теплоты, добра и счастья!

С уважением,
Министр

Ваш человек!

А.В. Злоказов

АДМИНИСТРАЦИЯ ГОРОДА ЕКАТЕРИНБУРГА

Уважаемый Евгений Георгиевич!

От Администрации города Екатеринбурга и от себя лично примите самые тёплые поздравления с замечательным юбилеем – 85-летием со Дня рождения!

Вы по праву принадлежите к плеяде выдающихся людей, безгранично преданных долгу и призванию! Всю свою жизнь Вы посвятили служению уральской земле. Созданная Вами ведущая научная школа региональной и муниципальной экономики обеспечивает опорный край державы высококвалифицированными управленческими кадрами.

Ответственная гражданская позиция и активное участие в жизни муниципалитета – это Ваши личностные качества. Разработка основополагающего документа – Устава муниципального образования «город Екатеринбург», а также стратегического плана развития Екатеринбурга – это фундаментальные труды, без которых невозможно развитие уральской столицы.

Ваши ценные прикладные работы в области городской экономики позволили диверсифицировать экономику города, а также выявить и развить новые перспективные направления, закрепив за городом статус мегаполиса.

Уверен, что колоссальный преподавательский опыт и непревзойдённый научный талант ещё не раз будут способствовать процветанию Екатеринбурга.

В этот торжественный день желаю крепкого здоровья, силы духа, неиссякаемого жизнелюбия и благополучия!

Глава Екатеринбурга

А.В. Орлов

АДМИНИСТРАЦИЯ ГОРОДА ЕКАТЕРИНБУРГА

Уважаемый Евгений Георгиевич!

Примите сердечные поздравления с 85-летним ЮБИЛЕЕМ!

На протяжении многих десятков лет Ваша деятельность непрерывно связана с УрГЭУ-СИНХом. Вы работаете в вузе с момента основания, пройдя яркий путь от преподавателя до профессора. Список Ваших достижений поистине уникален.

Вам удалось на высоком профессиональном уровне организовать работу научной школы «Регион», в которой повысили свою квалификацию более 200 предпринимателей и работников местного самоуправления.

Вы активно и плодотворно работаете на благо нашего города и нашей области, являетесь одним из научных руководителей коллектива разработчиков Стратегического плана развития Екатеринбурга.

Важными показателями Вашей работы являются сотни опубликованных научных работ, а также научное консультирование и руководство при подготовке докторских и кандидатских диссертаций.

Сегодня Вы, по праву, являетесь самым авторитетным ученым СИНХ-УрГЭУ, профессором, чье имя известно, как в стране, так и за рубежом и включено в энциклопедию наиболее известных ученых государства.

Ваши знания и опыт востребованы не только в науке и образовании, но и во многих других сферах жизни: в политике, экономике, бизнесе, власти.

Можно с уверенностью утверждать, что от результатов Вашей работы сегодня во многом зависит развитие города Екатеринбурга и Свердловской области, в том числе успешная реализация важнейших образовательных, общественных и социально-экономических проектов.

Уверен, что Ваши знания, талант, интуиция и богатейший опыт принесут еще много пользы России!

Пусть уважение, слава и почёт всегда будут Вам, как награда за Ваш бесценный, знатный труд!

Мы очень ценим Ваши заслуги и достижения, благодарны Вам за Ваш опыт!

Желаю Вам огромного счастья, улыбок, встреч с друзьями, самых светлых пожеланий, земных благ, и достойных Вас новых званий. Я ещё желаю Вам самого главного: отменного здоровья, долгих – долгих лет жизни, в делах успеха на весь век, и всего самого наилучшего!

С уважением!
Заместитель Главы Екатеринбурга

А.А. Коротков

ИНСТИТУТ
ЭКОНОМИКИ

БЛАГОДАРСТВЕННОЕ ПИСЬМО

Уважаемый Евгений Георгиевич!

Поздравляем Вас с 85-летним юбилеем!

От всего коллектива Института экономики УрО РАН поздравляем Вас с юбилеем и хотим выразить коллективную признательность за успешное содействие развитию фундаментальных и прикладных научных исследований! Хотелся особо подчеркнуть Вашу целеустремленность, оптимизм и жизнелюбие!

В год Вашего юбилея примите слова искренней благодарности за многолетнюю совместную плодотворную работу, Ваш профессионализм, опыт и готовность всегда идти навстречу.

Ваша многогранная деятельность, неиссякаемая, исследовательская энергия и инициативность позволяют Вам быть всегда востребованным. Пусть интерес к Вашим исследованиям не иссякнет еще многие годы. Новых Вам открытий, продуктивной и удачной научной деятельности.

Хотим пожелать Вам всего самого лучшего, интересного и разнообразного! Пусть приятные сюрпризы сопровождают Вас на работе и дома! Счастья Вам и добра! Пусть вся научная деятельность всегда остается эффективной и стабильной, а каждый день будет успешным и плодотворным.

Директор Института экономики УрО РАН,

д.э.н.

Ю.Г. Лаврикова

Глубокоуважаемый Евгений Георгиевич!

Президиум Академии наук Республики Башкортостан сердечно поздравляет Вас с замечательным юбилеем – 85-летием со Дня рождения!

Научная общественность республики хорошо знает Вас как выдающегося ученого в области проблем региональной экономики, основоположника и руководителя научной школы.

На протяжении многих лет Вы успешно сочетаете научные исследования с учебно-педагогической деятельностью, щедро делитесь своими знаниями и вносите значительный вклад в подготовку нового поколения квалифицированных специалистов в области экономики: Вами подготовлено около 50 докторов и кандидатов наук.

Ваш огромный творческий потенциал реализован при подготовке более 500 научных трудов, из них 60 монографий, большинство из которых широко известны специалистам в области региональной и муниципальной экономики, местного самоуправления, городской политики.

Глубокие знания и большой жизненный опыт, профессионализм, ответственное отношение к работе позволили завоевать Вам заслуженный авторитет среди коллег, многочисленных друзей и единомышленников.

Ваши выдающиеся заслуги высоко оценены почетными званиями «Заслуженный деятель науки Российской Федерации», Вы награждены медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, медалью «Ветеран труда», почетными грамотами Президиума Верховного Совета Российской Федерации, Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации и другими заслуженными наградами.

Уважаемый Евгений Георгиевич, Вы встречаете эту яркую дату полным творческих сил, как известный ученый, талантливый организатор науки, прекрасный и обаятельный человек! От всей души желаем Вам крепкого здоровья, долгих лет жизни, большого личного счастья и семейного благополучия! Пусть тепло, доброта и любовь близких, друзей и коллег будут надежной поддержкой в жизни!

**Президент
Академии наук
Республики Башкортостан**

К.Н. Рамазанов

**Вице-президент
Академии наук
Республики Башкортостан,
Президент Башкортостанского
регионального отделения ВЭО России**

А.Н. Дегтярев

Благодарственное письмо

Главному советнику при ректорате
ФГБОУ ВО «Уральский
государственный экономический
университет»

Е.Г.Анимице

Уважаемый Евгений Георгиевич!

От имени депутатов Законодательного Собрания Пермского края и от себя лично выражаю искреннюю признательность за многолетний труд и весомый вклад в развитие региональной экономики и от всей души поздравляю с 85-летним юбилеем!

Ваш творческий путь и научные достижения заслуживают самой высокой степени восхищения. Вы по праву считаетесь одним из основателей целого научного направления и крупнейшим экспертом в области региональной и муниципальной экономики. Именно Ваши исследования во многом предопределили векторы экономической политики целого ряда субъектов и муниципальных образований Российской Федерации. Пермский край не стал исключением. Нас связывают давние и крепкие научно-практические отношения, которые служат на благо региона и его жителей.

Невозможно переоценить и Ваши педагогические заслуги и научное наставничество. Ваш стратегический ум, инициативность, колоссальный опыт и глубочайшие компетенции позволили взрастить целую плеяду ученых и практических управленцев, каждый из которых сохранил огромную признательность Вам и уважение Вашему таланту и знаниям.

Искренне желаю Вам реализации творческих и жизненных планов, доброго здоровья, мира и благополучия!

Председатель
Законодательного Собрания

В.А.Сухих

Сентябрь 2022 года

КАЛЛИНИК
Епископ Бахчисарайский,
Викарий Симферопольской и Крымской епархии

Тел: +7 (978) 719-22-55

E-mail: kallinik.lakki@yandex.ru

Главному советнику при ректорате ФГБОУ ВО «УГЭУ», д.г.н., профессору
Анимица Евгению Георгиевичу

Дорогой Евгений Георгиевич!

В Ваш юбилейный День Рождения примите мои самые теплые поздравления!

Жизнь принято измерять годами, но на самом деле ее смысл, значение и глубину определяют те добрые дела, которые человеку удалось совершить. Вы посвятили себя — НАУКАМ, и тем самым свою жизнь-научной школе. От всего сердца желаю, чтобы Господь утешал и помогал Вам, даровал радость

Вашему сердцу и свою помощь во всех благих делах.

Да подаст Вам Спаситель здоровья, крепости душевных и телесных сил.

Многая и благая лета.

С любовью о Господе,

Епископ Бахчисарайский,

викарий Симферопольской и Крымской епархии
29 сентября 2022 год

Уважаемый Евгений Георгиевич!

Примите самые теплые поздравления от коллектива Пермского государственного национального исследовательского университета в день Вашего 85-летия!

Служение государству – непростой и ответственный труд. Тем более ценны люди, чья жизнь неотделима от этого служения, чьи интересы и практические навыки задают пульс, в ритме которого развиваются крупные российские регионы.

Ваша активная исследовательская и социальная позиция, укрепленная взаимодействием с учёными, экспертным сообществом и властными институтами позволили сформировать компетенции, востребованные на самом высоком уровне.

Ваша деятельность на посту руководителя Уральской экономической школы «Регион» позволила транслировать полученные Вами и Вашей командой знания на широкую аудиторию и сформировать сообщество предпринимателей, работников местного самоуправления, представителей общественных объединений и институтов. Ваши лидерские качества в сочетании с полученным опытом оказались востребованы в региональной политике и экономике. Ваше внимание к малым народностям и их роли в развитии территорий позволяют принимать необходимые и эффективные решения в национальном масштабе.

В числе Ваших сподвижников – сотрудники и выпускники нашего университета, которые реализуют полученные компетенции на благо развития нашей страны. Учёные, преподаватели, сотрудники и студенты Пермского университета желают Вам крепчайшего здоровья, бодрости духа и ярких свершений!

Ректор

Д.Г. Красильников

ПЕРМСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
Классика будущего

БЛАГОДАРСТВЕННОЕ ПИСЬМО

Заслуженному деятелю науки РФ,
доктору географических наук, профессору
Анимице Е.Г.

Глубокоуважаемый Евгений Георгиевич!

Географический факультет ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» искренне поздравляет Вас с юбилеем и благодарит за огромный вклад в развитие географической науки, многолетний труд по обучению и воспитанию талантливой молодежи (студентов, аспирантов, соискателей ученых степеней), генерацию и внедрение географических знаний в практику территориального планирования и управления.

Выражаем особую признательность Вам за то, что уже четверть века Вы являетесь членом Диссертационного совета по защите кандидатских и докторских диссертаций географического факультета нашего университета. Вашу роль в подготовке научных кадров нельзя переоценить. Ваши труды и работы Ваших учеников в области географии городов, регионоведения, региональной экономики и политики являются базовыми для подготовки географов-обществоведов. Благодарим Вас за постоянное участие и поддержку научных конференций, проводимых на факультете.

Сложившиеся за десятилетия профессиональные связи и личная дружба с сотрудниками кафедры социально-экономической географии очень ценны для нас. Они всегда были и остаются важным ресурсом развития пермской географической школы.

Желаем Вам и Вашим близким здоровья, личных и профессиональных успехов. Надеемся на дальнейшее общение и сотрудничество в деле развития географической науки и образования.

Декан географического факультета
ФГАОУ ВО «Пермский государственный
национальный исследовательский университет»,
к.г.н., доцент

А.А. Зайцев

Дорогой Евгений Георгиевич!

От всей души поздравляю Вас с Юбилеем!

Всегда с огромной теплотой думаю о Вас! Вы прекраснейший человек и географ высочайшего профессионализма! Вы стольким людям дали путевку в жизнь!

Вы всегда помогали нашему университету, пермякам и любите Пермь, будто здесь родились. Вас здесь все знают и любят.

Вы невероятно много сделали и делаете для географии, для нашей страны, для Урала!

Вас и Ваши труды знают и ценят во многих странах, на них воспитываются. Благодаря Вашей деятельности социально-экономическая география становится все больше востребована и ценится в практической сфере.

Первый раз я Вас увидел в 1975 году, когда мы приехали студентами на практику в Свердловск и зашли к Вам на кафедру, и Вы рассказывали нам о наших преподавателях, поскольку Вы с ними сильно дружили. Вы тогда запомнились деловым, очень быстрым в движениях, радостным, внимательным к каждому собеседнику. Потом Вы много раз были в нашем университете, работали председателем ГЭК, ездили на защиты диссертаций и конференции и нам помогали и помогали! Вы с годами может быть немного менялись, но всегда мне и всем нам очень нравились!

Дорогой Евгений Георгиевич! Здоровья крепкого Вам и Вашим родным! Благополучия! Творчества и интересных научных дел!

Дай Вам Бог еще долгих и счастливых лет!

С огромным уважением,
Ваш Саша Зырянов

Многоуважаемый Евгений Георгиевич!

Позвольте искренне поздравить Вас с Вашим Юбилеем!

В жизни каждого человека, тем более ученого, есть весьма знаковые встречи — таковым было моё знакомство с Евгением Георгиевичем Анимицей — крупным ученым, заложившим основы исследования пространственной экономики в Российской Федерации, являющимся организатором и идейным вдохновителем научной школы «Региональная экономика в системе пространственной экономики». Полагаю, что руководство доктором географических наук, профессором Анимицей Е.Г. этого направления является вполне закономерным, поскольку исследование региональной экономики и муниципальной экономики под углом зрения пространственного развития естественным образом вытекает из методологии таких наук, как: география, регионоведение, «новая география» и другие. Под Вашим руководством защитило кандидатские и докторские диссертации ни одно поколение ученых-экономистов Урала и России, потому что Вы незримо связаны «с творческой силой Вселенной».

Меня всегда поражают личностные качества Евгения Георгиевича: принципиальность в сочетании с корректным отношением к коллегам; требовательность и внимательное отношение к своим ученикам — соискателям, способность переживать радость и делиться ею с другими. В силу этих качеств можно утверждать, что профессор Анимица Евгений Георгиевич способствовал укреплению единого научного сообщества значительного по масштабам макрорегиона – Уральского федерального округа, а, значит, России, в целом.

В этот памятный день разрешите мне, уважаемый Евгений Георгиевич, выразить вам слова благодарности за предоставленную возможность «расширения научного общения» с Вами и последователями Вашей научной школы, от души пожелать Вам здоровья и бодрости духа, новых успехов и творческого долголетия!

С чувством благодарности и уважения, зав. кафедрой экономической теории, региональной экономики, государственного и муниципального управления ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)», д.э.н., профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ Антошок Валентина Сергеевна

ПОЗДРАВИТЕЛЬНЫЙ АДРЕС

Уважаемый Евгений Георгиевич!

От лица Администрации городского округа Верхотурский примите искренние поздравления в Ваш юбилей!

Каждый юбилей — это своеобразная точка отсчета, когда мы подводим итоги, ставим новые цели и задачи. Ваш богатый жизненный опыт, обширные знания «Муниципальной экономики», наряду с «Региональной экономикой» раскрывают решение серьезных, многогранных задач развития местных сообществ. Мы очень гордимся тем, что специалисты нашей Администрации получают знания в Уральском государственном экономическом университете по направлению «Государственное и муниципальное Управление», которые на практике будут применять полученные знания. От всей души желаю доброго здоровья, крепости духа, вдохновения, новых идей и долгих лет плодотворной работы. Пусть дело, которому Вы отдаете душевные силы, опыт и знания, приносит радость и желание новых профессиональных свершений! Благополучия Вам и Вашим

С уважением первый заместитель Главы Администрации городского округа Верхотурский Антоновских Лариса Юрьевна

*Заслуженному деятелю науки РФ,
доктору географических наук, профессору ФГБОУ ВО
«Уральский государственный экономический университет»
Е.Г. Анимце*

Уважаемый Евгений Георгиевич!

*Поздравляю Вас
с 85 – летием со дня рождения и
60 – летием научно – педагогической и
исследовательской деятельности в Уральском
государственном экономическом
университете!*

*Примите самые искренние поздравления и
выражение глубокой признательности за Ваш
вклад в развитие науки, за подготовку
высококвалифицированных специалистов для
Невьянского городского округа.*

*Желаю вам крепкого здоровья, успехов,
благополучия и уверенности в завтрашнем дне!*

*Глава Невьянского
городского округа*

А.А. Берчук

2022г.

Уважаемый Евгений Георгиевич!

Разрешите поздравить Вас с замечательным днём рождения и пожелать Вам крепкого здоровья на долгие годы, научного долголетия, оптимизма, новых идей и свершений! Пусть окружение приносит Вам как можно больше приятных мгновений!

С уважением,
заместитель руководителя Свердловскстата
Н.В. Растягаева

Уважаемый Евгений Георгиевич!!!

Поздравляем Вас с 85-летним юбилеем!

Примите самые искренние поздравления и выражение глубокой признательности за Ваш вклад в развитие отечественной науки и образования!

Мы особо ценим, что именно в Научно-издательском центре ИНФРА-М вышли Ваши произведения и публикации.

В этот знаменательный день поздравляем Вас с праздником и желаем крепкого здоровья, счастья, неиссякаемой энергии и новых творческих идей!

С уважением,
коллектив Издательского холдинга ИНФРА-М

Дорогой Учитель и Наставник, от всей души поздравляю со столь значимым юбилеем!

Свет Вашей мудрости и доброты освещает путь многих молодых учёных в потёмках региональной науки. На протяжении многих лет Вы и Ваша научная школа задаёте тренды развития научной мысли. Желаю Вам самого крепкого здоровья! Мы, Ваши ученики, сквозь года пронесём в сердце Ваши научные идеи, жизненные принципы и тепло Вашей поддержки.

С уважением и признательностью,
доцент УрГЭУ, начальник отдела
совершенствования регуляторной политики
Министерства экономики и территориального
развития
Свердловской области
Ирина Рахмеева

**УЧАСТНИКИ КРУГЛОГО СТОЛА
«ЭВОЛЮЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ В РОССИИ»,
ПРИУРОЧЕННОГО К 85-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
И 60-ЛЕТИЮ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПРОФЕССОРА Е. Г. АНИМИЦЫ
(ЕКАТЕРИНБУРГ, 29 СЕНТЯБРЯ 2022 Г.)**

Научное издание

РАЗВИТИЕ ПАРАДИГМАЛЬНЫХ ИДЕЙ
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Под научной редакцией
доктора экономических наук, профессора *Я. П. Силина*,
доктора географических наук, доцента *В. Е. Ковалева*

Редакторы и корректоры:
М. В. Баусова, И. П. Зорина, Л. В. Матвеева

Компьютерная верстка
Н. И. Якимовой

Поз. 84. Подписано в печать 15.11.2022.
Формат бумаги 70 × 100 ¹/₁₆. Гарнитура Таймс. Бумага офсетная. Печать плоская.
Уч.-изд. л. 24,2. Усл. печ. л. 28,1. Печ. л. 21,75. Заказ 16474. Тираж 500 экз.
Издательство Уральского государственного экономического университета
620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, д. 62/45

Отпечатано с готового оригинал-макета в ООО Универсальная Типография «Альфа Принт»
620049, г. Екатеринбург, переулок Автоматики, 2Ж
Тел. 8(800) 300-16-00
www.alfaprint24.ru

ISBN 978-5-9656-0327-5

9 785965 603275 >